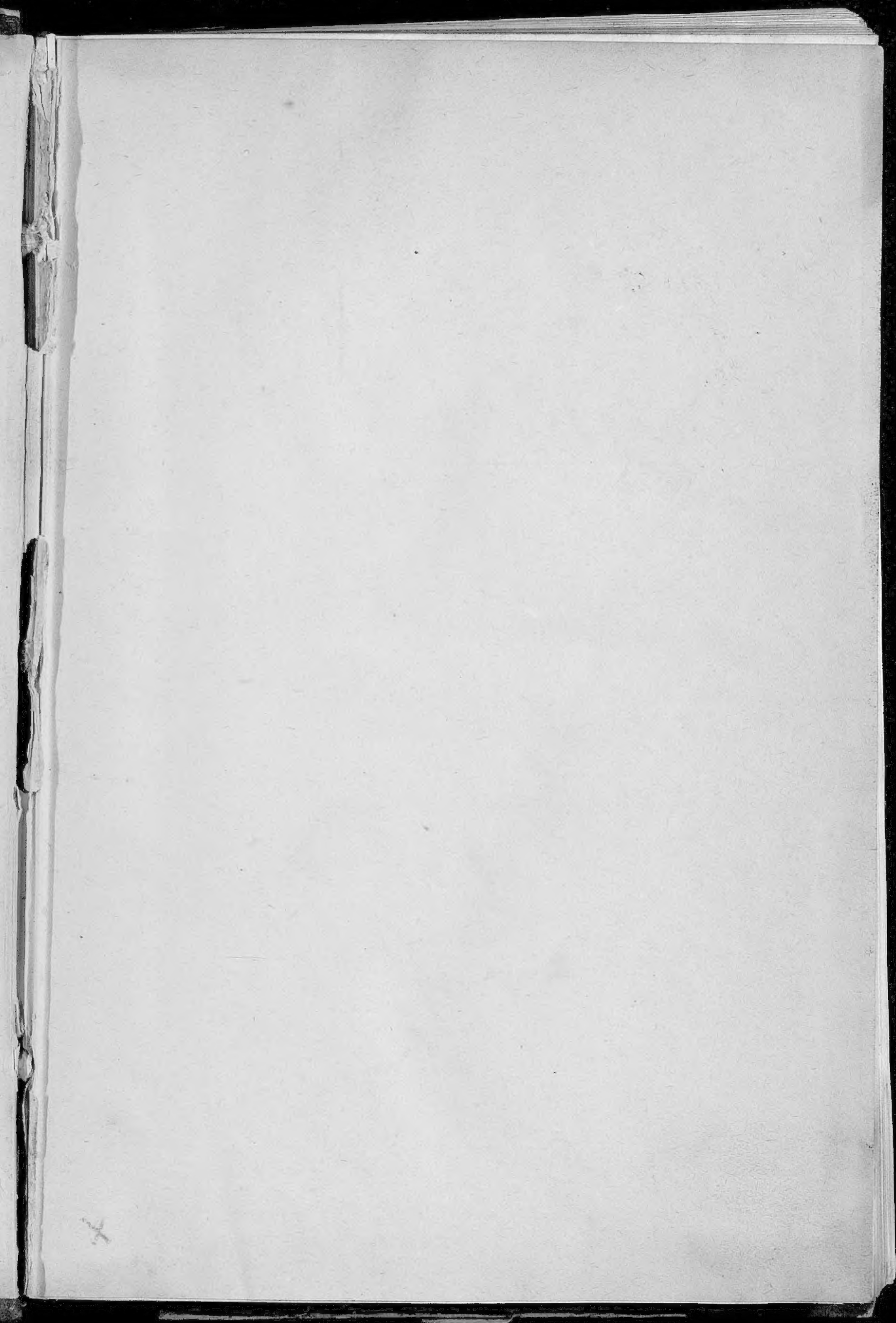
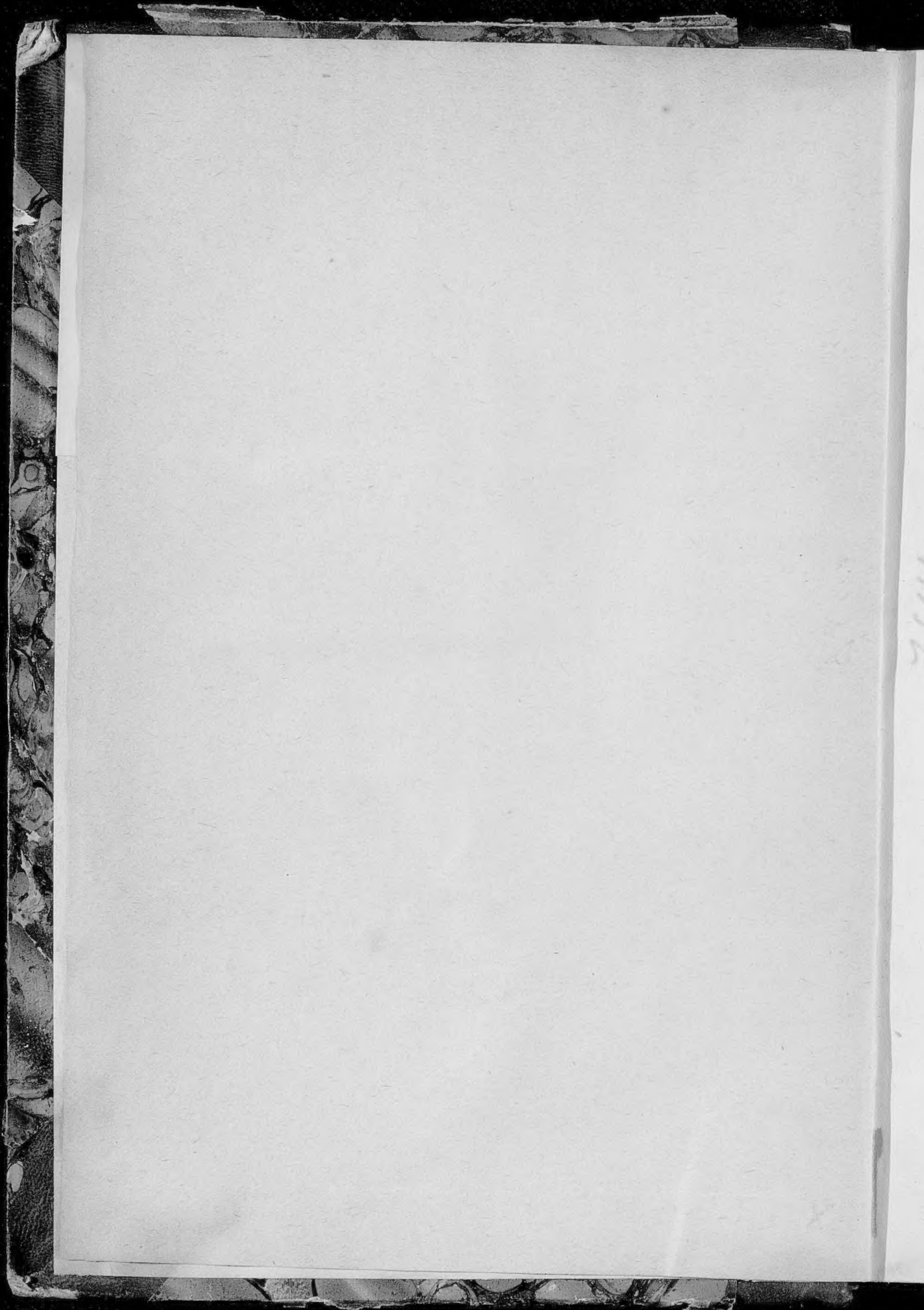
XVII

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

сочиненіе

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА.

1879.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й.

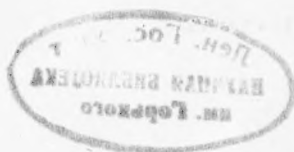
СОЧИНЕНІЕ

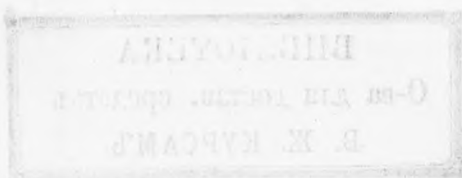
Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

МОСКВА.

1879.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія Императрицы Екатерины II Алексѣевны.

Турецкія и польскія дѣла въ 1773 и 1774 годахъ. Отношенія къ другимъ европейскимъ державамъ за то же время.

Мы видѣли, что въ концѣ 1772 года переговоры на Бухарестскомъ конгрессѣ остановились, благодаря крымскимъ городамъ, которыхъ требовала Россія. И въ началѣ 1773 года Обрѣзковъ доносилъ, что все затрудненіе состоитъ въ этихъ городахъ, Керчи и Еникале, которыхъ Турки уступить никакъ не хотятъ, и конгрессъ разорвался бы, еслибы онъ не обѣщалъ переписаться о городахъ со своимъ дворомъ. Вслѣдъ за тѣмъ Обрѣзковъ извѣщалъ, что желаніе Порты окончить войну охладѣваетъ, и это надобно приписать проискамъ враговъ Россіи въ Константинополѣ. Обрѣзковъ писалъ прусскому посланнику Зегелину въ Константинополь, чтобъ тотъ уговаривалъ тамъ согласиться на уступку Керчи и Еникале. Зегелинъ сталъ уговаривать рейсъ-ефенди, но тотъ отвѣчалъ: „Порта сдѣлала все для успѣшнаго окончанія переговоровъ; согласилась на уступку Азова и Таганрога, на извѣстныя гарантіи для Грузинъ, Молдаванъ, козаковъ, на торговлю русскихъ подданныхъ на Черномъ морѣ и Архипелагѣ, хотя морскія державы единодушно совѣтовали противное; Порта согласилась, что для безопасности отъ Татаръ Россія можетъ укрѣпляться какъ ей угодно. Но отъ уступки Керчи и Еникале зависитъ благосостояніе Оттоманской имперіи; еслибъ даже Россія обязалась никогда не строить тамъ военныхъ кораблей, то и это не обезпечивало бы нисколько въ будущемъ,

потому что Россія можетъ приготовить всѣ матеріалы на Дону и при первомъ разладѣ съ нами перевести ихъ въ Керчь и Еникале; въ три или четыре мѣсяца русскій флотъ въ числѣ 12 или 15 кораблей появится на Черномъ морѣ и предпишетъ законы Константинополю. Наше рѣшеніе непреложно: если Россія уступитъ на счетъ Керчи и Еникале, миръ будетъ заключенъ; но если она будетъ настаивать на своемъ, мы будемъ продолжать несчастную войну, хотя бы привелось намъ всѣмъ погибнуть; ибо если предназначено Турецкой имперіи погибнуть, то мы не можемъ этого избѣжать." Обрѣзковъ переписывался также и съ австрійскимъ интернунціемъ въ Константинополѣ, Тугутомъ, ожидая и отъ него содѣйствія въ заключеніи мира; но Зегелинъ писалъ Обрѣзкову: „Князь Кауницъ нажаловался моему государю на меня, что я внушалъ Портѣ: если она не заключитъ скорѣе мира, то весною Австрійцы соединятся съ Русскими для отнятія у Турціи того, что прежде имъ принадлежало. Изъ этого я заключаю, что со стороны Австріи намъ нечего ожидать для ускоренія переговоровъ, ибо на самомъ дѣлѣ внушеніе, мнѣ приписываемое, было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ образумить Турокъ; и еслибы въ Вѣнѣ и боялись этимъ слишкомъ ускорить миръ и помѣшать, быть можетъ, тайнымъ замысламъ, то я не вижу, зачѣмъ такъ ратовать противъ подобнаго внушенія, которое ни въ чемъ не вредитъ вѣнскому двору, будучи сдѣлано не его министромъ." Но Румянцевъ не былъ доволенъ и прусскимъ министромъ: онъ находилъ въ его письмахъ „и волчій ротъ, и лисій хвостъ...." Всѣ окрестности являютъ, писалъ Румянцевъ Обрѣзкову, что друзья непріятелей нашихъ и намъ прямые враги суть; но наши пріятели, напротивъ того, доброхотство и пособіе имъ и намъ размѣряютъ собственною своею пользою и выгодою. Признали уже они артикулы, главнѣйшее запинаніе въ совершеніи настоящей мирной негоціаціи составляющіе, болѣе значащими въ мнѣніи, а не существенную опасность содержащими; но не видѣли мы еще отъ нихъ добрыхъ услугъ или сильныхъ убѣдительныхъ представленій, которыя могли бы склонить трактующихъ съ нами къ соглашенію на оныя."

Между тѣмъ 3 января въ Петербургѣ, въ засѣданіи Совѣта, по поводу донесеній Обрѣзкова, императрица написала: „Кораблеплаваніе на Черномъ морѣ Россія требуетъ свободное. Всѣ прочія турецкія раздробленія излишни; ибо по мелководію большіе военные

корабли по Черному морю ходить не могутъ, и россійскія военныя суда, кои строятся на Дону, по мелководію меньше всякаго по сю пору на Черномъ морѣ видимаго турецкаго купеческаго корабля.“ Къ этому Екатерина прибавила устно, что послѣ такой славной войны было бы предосудительно для имперіи и для собственной ея славы сносить предписанія Турокъ. На это Совѣтъ представлялъ императрицѣ, что надобно снабдить Обрѣзкова новыми наставленіями на случай, еслибы Турки заупрямились и не стали заключать мира без ограниченія русскаго корабленлаванія или безъ полученія ими мѣста въ Крыму; что въ такомъ случаѣ лучше согласиться на ограниченіе кораблеплаванія, чѣмъ допустить Турокъ опять укорениться въ Крыму; что имѣя торговыя суда, можемъ ихъ всегда въ случаѣ надобности обращать въ военныя; что и при этихъ условіяхъ миръ нашъ славенъ и полезенъ будетъ, и было бы очень прискорбно, еслибы война возобновилась, особенно когда шведскія дѣла находятся въ такомъ натянутомъ положеніи. Императрица отвѣчала на это, что страхъ предъ Шведами обличаетъ сомнѣніе въ собственныхъ своихъ силахъ, и что она не согласится перемѣнить своего рѣшенія о кораблеплаваніи, пока Совѣтъ не представитъ ей причинъ болѣе важныхъ.

Отъ 26 января Обрѣзковъ уже писалъ Панину, что „со склонностью Порты къ достиженію мира случилась весьма явная перемѣна, такъ что не токмо успѣхъ ввѣренной ему негоціаціи становится сумнительнымъ, но и не безъ опасности быть скорому конгресса разорванію.“ Порта обнаруживала явное намѣреніе не уступать Россіи ни одной гавани на Черномъ морѣ. Обрѣзковъ употреблялъ послѣднія усилія, чтобъ не разорвать конгресса: зная страшную скупость султана, онъ предложилъ, что Россія откажется отъ денежнаго вознагражденія за военные убытки, если Порта согласится на всѣ другія ея требованія. Послали въ Константинополь за рѣшеніемъ, и на конференціи 9 марта былъ объявленъ отвѣтъ: за всѣ завоеванныя Россіею земли и теперь возвращаемыя Порта платитъ 12 милліоновъ рублей, а за то, что Россія отстанетъ отъ требованія Керчи и Еникале и согласится на ограниченіе кораблеплаванія на Черномъ морѣ, заплатитъ еще 9 милліоновъ. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что еслибы Порта предлагала всѣ сокровища міра, то Россія и за нихъ отъ своихъ требованій не отстанетъ. Тогда турецкій уполномоченный Абдулъ - Резакъ - ефенди объявилъ, что

больше уже переговаривать не о чемъ и онъ уѣзжаетъ. Обрѣзковъ сказалъ на это, чтобы онъ прислалъ записку, сколько ему нужно подводъ. Турокъ смутился и началъ говорить: „Если мы переговоры разорвемъ, то послѣ опять начать ихъ трудно будетъ, и войнѣ не вѣчно же быть; лучше бы переговоры не разрывать, а разставшись, мнѣ быть за Дунаемъ, а вамъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ по сю сторону Дуная и продолжать переговоры письменно.“ Обрѣзковъ согласился. Уполномоченные разстались самымъ дружескимъ образомъ и обнялись почти со слезами. „Могу поистинѣ сказать, писалъ Обрѣзковъ, что я почти весь вѣкъ свой съ этою націею изжилъ, но такого добропорядочнаго и добродѣтельнаго человѣка не нашелъ.“ Обрѣзковъ поселился въ мѣстечкѣ Романѣ. Зегелинъ писалъ ему изъ Константинополя, что противъ его ожиданія разрывъ и втораго конгресса не произвелъ въ столицѣ сильнаго впечатлѣнія; здѣсь болѣе согласны на продолженіе войны, чѣмъ на заключеніе мира на русскихъ условіяхъ. Рейсъ-ефенди говорилъ ему: „Можемъ ли мы уступить татарскому хану независимость, какой требуетъ Россія? это противно нашимъ законамъ, нашей религіи; ибо невозможно, чтобы два мусульманскихъ государя такъ близко царствовали другъ отъ друга: надобно, чтобы ихъ ханъ признавалъ султана своимъ главою или чтобы султанъ подчинился хану; равенство здѣсь невозможно; это наша конституція, которая не можетъ быть измѣнена, развѣ при окончательномъ паденіи нашей имперіи. Уступить Керчь и Еникале все равно, что войти въ зависимость отъ Россіи, которая въ короткое время построитъ тамъ страшный флотъ и будетъ предписывать намъ законы.“

Еще до разрыва Бухарестскаго конгресса изъ Петербурга предписывали Обрѣзкову грозить, что перемиріе возобновлено не будетъ и этою угрозою понуждать Порту къ миру. Но Румянцевъ былъ съ этимъ несогласенъ и писалъ Обрѣзкову: „Объявить сіе и такъ заблаговременно было бы власно, что̀ разбудить Турковъ отъ настоящаго усыпленія и понудить ихъ повсемѣстно взять должныя на такой случай мѣры, при чемъ не только не легко уже намъ будетъ ударить на какой-нибудь чувствительный для нихъ пунктъ, но можемъ иногда, по нынѣшнему войскъ ослабѣнію, упреждены быть и отъ нихъ и потерпѣть случающійся уронъ наипаче въ слабыхъ частяхъ. Чѣмъ внезапнѣйшія, тѣмъ и полезнѣйшія быть бы могли наши дѣйствія. И для того я мню, что буде настоитъ со-

мнѣніе заключить желаемый миръ, то лучше усыплять непріятеля въ настоящемъ военномъ нерадѣніи и тишинѣ, нежели устрашеніемъ нудить его устроять свои обороты; ибо всякій, кому бы ни сказать, что готовлюсь тебя бить, натурально приметъ къ отвращенію мѣры взаимства." Румянцевъ досадовалъ на графа Алексѣя Орлова, который былъ противъ перемирія, жалуясь на то, что онъ обезоруженъ, лишенъ средствъ продолжать успѣшныя дѣйствія и подвергнутъ опасности. Румянцевъ въ своихъ письмахъ къ Обрѣзкову говорилъ по поводу этихъ жалобъ: „Что бы онъ могъ такое сдѣлать въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ? Мало ему было трехъ лѣтъ для совершенія этихъ подвиговъ?"

Румянцевъ былъ сильно разсерженъ тѣмъ, что прошлаго года армія его была ослаблена взятіемъ нѣсколькихъ полковъ въ предположеніи войны шведской. Послѣ эти полки велѣно было возвратить; но Румянцевъ писалъ Обрѣзкову: „Мы когда возвышаемъ наши требованія, тогда не ищемъ тѣхъ способовъ, которые въ такихъ случаяхъ сущимъ суть подкрѣпленіемъ, т.-е. чтобъ умножать свои силы противъ непріятеля, но паче ихъ ослабляемъ въ виду такъ сказать враговъ на то взирающихъ. Оставленіе взятыхъ полковъ, которые къ первому дѣлу по дальнему переходу и поспѣть уже не могутъ, не надѣясь, чтобы въ непріятелѣ ту же имѣло содѣятельность, какову онъ получилъ къ своему возободренію отъ ихъ прежняго движенія. Дни долгаго перемирія не послужили намъ къ достаточному себя снабденію къ военному дѣлу. Еще не бывали рекруты, многихъ нужнѣйшихъ аммуничныхъ вещей не привезено, а потому ежели въ мартѣ открывать кампанію, то не только не будетъ здѣсь силъ къ предпріятію какому-либо знаменитому, но едва ихъ станетъ на защиту себя и удерживаемаго края противъ стремленій непріятельскихъ. Я говорю съ полною дружескою довѣренностью, что у меня ни здоровья, ни смысла не стаетъ ужь для такихъ трудныхъ изворотовъ, въ которыхъ не имѣю вспоможенія, но паче ослабляютъ прилагаемые труды къ трудамъ. Всѣ другіе держатся правила, что желая твердаго мира, надобно быть готовымъ къ войнѣ, а у насъ сему противное видимъ, ибо армія здѣшняя, вы сами видите, сколько не имѣетъ для себя надобнаго."

Когда Обрѣзковъ далъ знать Румянцеву, что переговоры не могутъ повести къ миру, и потому главнокомандующій долженъ быть готовъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій, то Румянцевъ отвѣ-

чалъ: „Не нетрудно сіе исполнить, ибо у насъ еще и рекруты не прибыли, и если часть какихъ запасовъ для одѣянія получена, то въ сіе только время принимаются обшивать солдатъ. Доставленіе сюда всякаго снабденія заблаговременно не зависитъ отъ меня, но тѣмъ располагаютъ другіе, итакъ отверзтіе кампаніи при исходѣ зимы придетъ ни по числу силъ, ни по готовности у насъ полнаго снабденія; но живу всегда вопреки русскаго присловья: хоть не радъ да готовъ, т.-е. ко всему радъ, хотя готовности и мѣшаютъ всѣ противоборства.“ Обращаясь опять къ Орлову, къ его возраженіямъ противъ перемирія, Румянцевъ писалъ: „Флотъ нашъ имѣетъ путь открытый и не привязываетъ его къ себѣ никакой островъ, вмѣсто того что здѣсь всякій шагъ земли нельзя оставить безъ предосужденія оружію, слѣдственно и защита земель пространныхъ, пріобрѣтенныхъ завоеваніемъ, весьма разнствуетъ отъ плаванія по водамъ безпрепятственнымъ. Не могу я скрыть предъ вами, въ разсужденіи моей искренней дружбы, моихъ мыслей, до коихъ меня доводитъ жестокій упадокъ тѣлесныхъ силъ. Многія лѣта проводилъ я слѣдуя движеніямъ любви къ отечеству и усердной склонности къ дѣлу военному. Не будучи никогда въ счастливомъ положеніи, чтобъ по собственному желанію избирать себѣ случай, но что̀ на меня возлагали, то я исполнялъ безъ подобныхъ другимъ жалобъ. Теперь болѣзненные припадки такъ меня обезсиливаютъ, что я едва могу препроводить короткое время, ежели будетъ зимняя кампанія, а въ дальнѣйшихъ уже подвигахъ я не льщу себя участіемъ. Къ понесенію военныхъ трудовъ, вопервыхъ, надобна естественная сила, а я уже лишился оной. Бой вашъ политическій въ самомъ жаркомъ воспаленіи имѣетъ средство къ своему утоленію; но наши схватки всегда кровопролитны, такъ что разъ опрокинутая ихъ тягость рѣдко низложенному дастъ подняться на ноги, и рѣшенному однимъ сраженіемъ не воспротивляются цѣлые вѣки. Военныя битвы и способы къ тому явны всей публикѣ, слѣдственно судъ и обвиненіе тутъ неизбѣжны, а оправданію едва бываетъ мѣсто, но связь и пружины силъ вашихъ и ихъ дѣйствія скрываютъ кабинеты отъ всякаго другихъ проницанія.“

Отъ 28-го февраля Румянцевъ получилъ высочайшее повелѣніе— „вынудить у непріятеля силою оружія то, чего доселѣ не могли переговорами достигнуть, и для того съ арміею или частью ея, перешедъ Дунай, атаковать визиря и главную его армію“. Увѣ-

домляя объ этомъ Обрѣзкова, Румянцевъ писалъ: „Тебя я, мой дражайшій другъ, имѣю такъ сказать по Богѣ свидѣтелемъ нашего здѣсь состоянія, а потому и не затрудняю тебя дальнѣйшими объясненіями, зная, что твое проницаніе лучше всѣхъ видитъ наши къ тому силы и удобство, особливо, когда надлежитъ сломать прежде крѣпкія преграды, т.-е. разбить силы непріятельскія и овладѣть городами, станъ визирскій закрывавшими, и когда на всѣ стороны осматриваться надобно, чтобъ не проронить чего-либо къ предосужденію безопасности мѣстъ, нами оберегаемыхъ, то сколь способно мнѣ къ одному мѣсту тронуться; и по дружеству и благосклонности ко мнѣ легко заключать можешь мои тутъ затрудненія. Присовокупить надобно, что и время не сходствуетъ для таковыхъ поисковъ, когда стужа заставляетъ искать всякаго убѣжища въ избѣ, а преодолѣвая суровство времени, себя только преодолѣваешь и приводишь въ несостояніе въ удобное время къ дѣйствіямъ“.

Румянцевъ писалъ точно также самой императрицѣ о неудобствахъ перехода черезъ Дунай; переслалъ ей мнѣнія генераловъ Салтыкова, Потемкина и Вейсмана о тѣхъ же неудобствахъ; король прусскій также совѣтовалъ не переходить за Дунай—ничто не дѣйствовало, Екатерина настаивала на переходъ. Въ апрѣлѣ русскія войска начали наступательное движеніе съ выгодою для себя; попытки Турокъ переправиться на лѣвый берегъ Дуная были неудачны. Русскій отрядъ подъ начальствомъ полковника Клички переправился за Дунай, разбилъ нѣсколько разъ Турокъ и возвратился назадъ, какъ то дѣлывалъ Вейсманъ въ 1771 году; попытки Турокъ противъ Журжи и Слободзеи кончились для нихъ очень неудачно. Въ маѣ Суворовъ, переведенный изъ Польши въ дунайскую армію, началъ и здѣсь блистательно свою дѣятельность, овладѣвъ Туртукаемъ. Но „случилось дознать и неудачу, какъ слѣдствіе жребія военнаго, не всегда приверженнаго одной сторонѣ“, по словамъ Румянцева: эту неудачу потерпѣлъ полковникъ князь Репнинъ, который самъ раненый достался въ плѣнъ Туркамъ съ двумя майорами Дивовыми и нѣсколькими оберъ-офицерами. „Поверхность, непріятелемъ въ семъ разѣ пріобрѣтенная, ничего и наималѣйше не перемѣняетъ въ нашемъ положеніи, писалъ Румянцевъ: да и утрата толь малаго числа людей ничего бы по себѣ не значила, ежели бы въ ней не было персоны князя Репнина, каковыхъ знатныхъ плѣнниковъ во всю войну еще не имѣли Турки,

и по сему пункту, а наибольше и по персональному моему доброжелательству къ ихъ фамиліи, чувствительно мнѣ прискорбенъ сей случай. Между тѣмъ наши движенія идутъ, чтобъ заплатить врагамъ съ лихвою. Г. Вейсманъ со своимъ корпусомъ уже за Дунаемъ, и я, въ споспѣшествованіи дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, подвигаюсь берегомъ вверхъ сей рѣки".

Вейсманъ, переправившись за Дунай, не замедлилъ извѣстить фельдмаршала о побѣдѣ: 27-го мая онъ напалъ при Карасу на непріятеля стоявшаго въ 12,000 пѣхоты и конницы, и нанесъ ему пораженіе: Турки потеряли болѣе 1000 человѣкъ убитыми; русскимъ достался весь ихъ лагерь съ 16 пушками. Послѣ этого Румянцевъ рѣшился переправиться черезъ Дунай у Горабала или Бали-Багаса. Но тутъ стояло 6,000 Турокъ съ пушками. Фельдмаршалъ велѣлъ Вейсману зайти имъ въ тылъ отъ Карасу, и Потемкину высадиться и идти прямо имъ въ лицо. 7-го іюня оба генерала одновременно съ двухъ сторонъ подступили къ непріятельскому лагерю, и въ то же время фельдмаршалъ съ главнымъ войскомъ показался на лѣвомъ берегу Дуная, ведя наравнѣ со своимъ движеніемъ суда, собранныя для переправы. Турки оторопѣли и при первыхъ выстрѣлахъ бросились въ бѣгство, русская конница поскакала за ними и истребила болѣе 300 человѣкъ; обозъ достался побѣдителямъ. Очистивъ назначенное для переправы мѣсто, Румянцевъ въ тотъ же день велѣлъ перевозить войска, и 11 числа самъ перешелъ Дунай. Разбивши еще разъ Турокъ на рѣкѣ Галицѣ, Русскіе стали лагеремъ у Силистріи.

Еще прежде, когда Румянцевъ далъ знать въ Петербургъ о намѣреніи своемъ переправиться черезъ Дунай и о взятіи Туртукая, гр. Григорій Орловъ говорилъ въ Совѣтѣ, что по настоящему расположенію фельдмаршала онъ видитъ, какъ Румянцевъ намѣренъ исполнить теперь то, что онъ, Орловъ, предлагалъ ему въ прошлогоднее свиданіе, а именно, переправиться за Дунай между Чернымъ моремъ и Карасу и утвердить тамъ лѣвое крыло арміи; визирь, находясь на другой сторонѣ Карасу, не могъ бы отрѣзать нашего войска по дальности обхода, напротивъ самъ нашелся бы въ опасности быть отрѣзаннымъ; такимъ положеніемъ мы могли бы отворить себѣ путь за горы и, потревоживъ столицу непріятеля, заставить его согласиться на миръ.—Узнавъ о переправѣ Румянцева, Екатерина 28 іюня, въ день восшествія своего на престолъ, написала

ему, что такъ какъ онъ сдѣлалъ этотъ день для нея радостнымъ, то она пожаловала сына его (Михаила) полковникомъ, и желала Божеской помощи во всѣхъ впредь за Дунаемъ предпріятіяхъ:

Къ Вольтеру Екатирина писала: „Вашему любезному Мустафѣ придется опять быть отлично поколоченнымъ послѣ переговоровъ, разрыва двухъ конгрессовъ и перемирій, продолжавшихся почти цѣлый годъ. Этотъ почтенный господинъ, по моему, вовсе не умѣетъ пользоваться обстоятельствами. Нѣтъ сомнѣнія, что вы увидите окончаніе этой войны. Надѣюсь, что переходъ черезъ Дунай будетъ способствовать этому двоякимъ образомъ: онъ васъ обрадуетъ и сдѣлаетъ султана сговорчивѣе“.

Но Румянцевъ въ 1773 году приготовилъ Екатеринѣ такую горькую нечаянность, какую она испытала отъ Голицына въ 1769 году. Несмотря на нѣсколько удачныхъ схватокъ съ Турками, овладѣніе Силистріею оказывалось невозможнымъ по причинѣ сильнаго гарнизона, простиравшагося до 30,000 человѣкъ; на предложеніе сдаться комендантъ отвѣчалъ, что Русскіе не получатъ ни одного камня и ни одного гвоздя изъ Силистріи. Отъ Шумлы шелъ Нуманъ-паша съ цѣлію напасть на русскую армію съ тыла въ то время, какъ съ другой стороны на нее нападутъ войска изъ Силистріи. На встрѣчу Нуманъ-пашѣ двинулся Вейсманъ и встрѣтился съ нимъ 22-го іюня при Кучукъ-Кайнарджи. Турки были поражены, потеряли около 5000 убитыми, 25 пушекъ; но Русскіе заплатили за это очень дорого: знаменитый Вейсманъ былъ убитъ. Несмотря на то, что теперь Турки не могли придти на помощь Силистріи, Румянцевъ 24 іюня собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено перейти назадъ на лѣвый берегъ Дуная: страшно истомленную конницу нельзя было вести впередъ; травы не было, лошадей кормили камышомъ, да и за тѣмъ нужно было посылать далеко; дороги трудныя, а сражаться не съ кѣмъ, Турокъ не догнать. Фельдмаршалъ отъ 30-го іюня далъ знать о своемъ обратномъ переходѣ на лѣвую сторону Дуная. „Предвидя, писалъ Румянцевъ, что персональные мои непріятели выводятъ меня на пробу жестокую, тогда какъ силы мнѣ ввѣренныя приведены въ великое ослабленіе, дерзнулъ я, по чистой совѣсти и долгу всеподданнѣйшему, донести в. и. в—ству о всѣхъ трудностяхъ въ настояніи перехода за Дунай. Воображенія мои тогдашнія съ испытаніемъ настоящимъ въ томъ токмо разнствуютъ, что казавшееся съ сей стороны много-

труднымъ далеко больше найдено неудобнымъ. Будучи на той сторонѣ, бывшіе со мною тамъ генералы остаются свидѣтели, сколько я старался до послѣдней черты, не щадя ни трудовъ, ни жизни, выполнить высочайшую волю в. и. в—ства, имѣя токмо подъ именемъ арміи корпусъ небольшой въ 13,000 пѣхоты на всѣ дѣйствія съ визирскими силами, которыя, однакожъ, побиты и разсыпаны: словомъ, не испытано развѣ только то, чего одолѣть не можетъ человѣчество. Черезъ сей походъ многотрудный весьма утомлены люди, а лошади дошли до крайняго изнуренія, и я не могу сокрыть предъ в. в—ствомъ угнетающихъ меня теперь трудностей по пункту оборонительнаго положенія, въ которое не легко мнѣ попасть съ прежнею твердостію, рушившись изъ онаго до самой пяты. Еще я дерзаю изъяснить предъ Вами духъ усерднаго и вѣрнаго раба о положеніи сопротивнаго дунайскаго берега по очевидному уже моему дознанію, что если бы продолжать на немъ военныя дѣйствія, то не удвоить, а утроить надобно армію, ибо толикаго числа требуетъ твердая нога, которой безъ того имѣть тамъ не можно въ разсужденіи широты рѣки, позади остающейся, и трудныхъ проходовъ, способствующихъ отрѣзанію со всѣхъ сторонъ, для прикрытія которыхъ надобно поставить особливые корпусы, не связывая тѣмъ руки наступательно дѣйствующаго, который чрезъ лѣса и горы себѣ путь самъ долженъ вновь строить. Пораженъ давно уже духъ мой прискорбностію, что я не удостоиваюсь на письмѣ видѣть знаки монаршаго благоволенія, если только доходятъ къ в. и. в—ству мои всеподданнѣйшія; сокрушаетъ и то, когда ходатайство мое о многихъ здѣсь служащихъ не служитъ на ихъ пользу, и безъ того и упадаетъ въ подчиненныхъ ревнованіе, которыхъ и не имѣю ни чѣмъ другимъ ободрить; да и многія мои донесенія о недостаткахъ и нужномъ ополченіи не пріобрѣтаютъ содѣятельности: и чувствую и предвижу, что когда не въ усердіи, на которое никто неправды положить не можетъ, то находятъ во мнѣ недостатки въ способностяхъ, и дѣлая меня человѣкомъ, встрѣчающимъ во всемъ трудности, лишаютъ меня довѣренности вашей. Сознаю предъ в. и. в—ствомъ, что служа не первую войну, пять лѣтъ сряду ощущалъ я ослабленіе въ себѣ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, а полагая счастіе свое въ угожденіи высочайшей волѣ в. и. в—ства и въ благѣ отечества моего, охотно я таковаго желаю увидѣть на своемъ здѣсь мѣстѣ, кто

лучше находить моего способы удовлетворить обоимъ симъ драгоцѣннымъ предметамъ“.

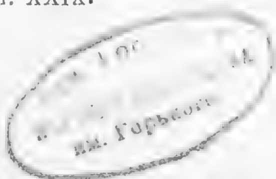
15 іюля, въ присутствіи императрицы, читали въ Совѣтѣ оффиціальное донесеніе Румянцева о возвращеніи на лѣвый берегъ Дуная. Впечатлѣніе было сильное; говорили, что возвращеніе фельдмаршала подастъ поводъ къ непріятнымъ толкамъ, возгордитъ Турокъ и удалитъ желаемое заключеніе мира. Высказалось неудовольствіе противъ Румянцева; говорили, что его требованія слишкомъ велики, нѣтъ средствъ увеличить первую армію въ такихъ размѣрахъ, какъ онъ хочетъ. Зачѣмъ онъ перешелъ Дунай, не обсудивши сначала всѣхъ трудностей: сраженія съ непріятелемъ, происходившія по пустому, разстроили армію по крайней мѣрѣ на два мѣсяца. Но какъ ни сердились, помочь дѣлу можно было только удовлетвореніемъ, хотя отчасти, требованіямъ фельдмаршала. Захаръ Чернышевъ предлагалъ, что по настоящему положенію польскихъ дѣлъ можно послать въ первую армію нѣсколько полковъ изъ находившагося въ Польшѣ корпуса; что для ободренія фельдмаршала надобно отвѣчать на его донесеніе, увѣдомить его объ увеличеніи его арміи. Совѣтъ согласился, согласился и на другое предложеніе Чернышова взять изъ Польши Бибикова, оставивъ тамъ генералъ-поручика Романіуса. Екатерина сама прочла вышеприведенное письмо къ ней Румянцева и, указавъ на жалобу фельдмаршала, велѣла, чтобъ по его представленіямъ немедленно было исполнено.

Письмо Румянцева было очень ловко написано: онъ извѣщалъ о непріятнѣйшемъ событіи, возбуждалъ противъ себя сильное негодованіе, но чтобъ это негодованіе не высказалось, въ концѣ находилось внушеніе, что если есть человѣкъ, который способенъ вести дѣло лучше, то онъ готовъ передать ему начальство надъ войскомъ; тутъ не было прямой просьбы объ увольненіи, а вызовъ пріискать ему подобнаго или лучшаго. Такого пріискать, разумѣется, не могли; могли уволить Голицына, потому что въ виду былъ Румянцевъ, но другаго кагульскаго побѣдителя не было. Румянцевъ не нашелъ себѣ соперника, который бы могъ замѣнить его на Дунаѣ, и, какъ легко было предвидѣть, возбужденное имъ негодованіе въ совѣтѣ кончилось рѣшеніемъ ободрить его, увеличить его армію, исполнить его требованія относительно наградъ подчиненнымъ. Но Румянцевъ нашелъ себѣ сильную соперницу въ борьбѣ на письмахъ. Екатерина отвѣчала ему также очень искусно,

съ полнымъ достоинствомъ, снисходительно, милостиво, съ постояннымъ выраженіемъ совершеннаго довѣрія къ искусству полководца, надежды, что онъ поведетъ дѣло какъ нельзя лучше, и вмѣстѣ съ прочимъ внушеніемъ, что ему не слѣдуетъ предполагать враговъ, которые могутъ вредить ему при ней, съ указаніемъ, что и самъ онъ виноватъ въ озлобленіи своей арміи; наконецъ дано понять, что намекъ фельдмаршала на отставку не испугалъ ее, что она готова уволить его; но здѣсь такъ искусно была отстранена всякая тѣнь неудовольствія, раздраженія, что обидѣться и дѣйствительно подать просьбу объ увольненіи было нельзя. „Любя истинное благо имперіи, писала Екатерина, и для того желая не менѣе многихъ возстановленія мира, чистосердечно вамъ скажу, что извѣстіе о возвратномъ вашемъ перешествіи черезъ Дунай не столь мнѣ пріятно было, нежели первая ваша съ арміею переправа чрезъ сію рѣку, съ которою я васъ столь искренно поздравляла письмомъ моимъ; ибо мню, что возвращеніе ваше на здѣшній берегъ не будетъ служить къ ускоренію мира, оставляя впрочемъ безъ всякаго уваженія всѣ пустыя по всей Европѣ эхи, коими нѣсколько мѣсяцевъ сряду уши набиты будутъ: сіи сами собою конечно упадутъ, причиняя нашимъ ненавистникамъ пустое нѣкоторое удовольствіе, на которое взирать не станемъ. Что же касается до вашихъ персональныхъ непріятностей, о коихъ вы ко мнѣ упоминаете, что они васъ выводятъ на пробу жестокую, тогда какъ силы, вамъ ввѣренныя, приведены въ сильное ослабленіе, и для того вы ко мнѣ о всѣхъ трудностяхъ перехода черезъ Дунай живое описаніе дѣлаете: то входя во всѣ ваши обстоятельства колико возможно подробнѣе, откровенно вамъ скажу, вопервыхъ, что я сихъ вашихъ непріятелей, на коихъ вы жалуетесь, не знаю, и объ нихъ окромя отъ васъ не слышала, да и слышать мнѣ объ нихъ было нельзя, ибо я слухъ свой закрываю отъ всѣхъ партикулярныхъ ссоръ, ушенадувателей не имѣю, переносчиковъ не люблю и сплетней складчиковъ, кои людей вѣстьми, ими же часто выдуманными, приводятъ въ несогласіе, терпѣть не могу; сіи же люди обыкновенно иныхъ качествъ не имѣютъ къ пріобрѣтенію себѣ уваженія, окромя таковыхъ подлыхъ. Подобнымъ интригамъ я дороги заграждать обыкла, уничтожая ихъ; людей же, качествами своими и заслугами себя столь же какъ и чинами отъ другихъ отличившихъ, какъ вы, я не привыкла инако судить, какъ по дѣламъ и усердію

ихъ: и такъ надѣюсь, что вы по прошедшему времени, въ которое вы толикіе имѣли опыты моего благоволенія къ вамъ и многочисленнымъ вашимъ заслугамъ ко мнѣ и къ государству, будете судить о настоящемъ и о будущемъ моемъ къ вамъ расположеніи.... Признать я должна съ вами, что армія ваша не въ великомъ числѣ, но никогда изъ памяти моей исчезать не можетъ надпись моего обелиска, по случаю побѣды при Кагулѣ на немъ исчеканенная, что вы, имѣвъ не болѣе 17,000 человѣкъ въ строю, однако славно побѣдили многочисленную толпу. Сожалѣю весьма, что чрезъ сей вашъ бывшій многотрудный весьма за Дунай и обратный походъ утомлены сіи храбрые люди и что лошади дошли до крайняго изнуренія; но надѣюсь, что вашимъ же, извѣстнымъ мнѣ объ нихъ всегдашнимъ попеченіемъ, и люди, и лошади паки приходить будутъ въ прежнее ихъ состояніе. Что же ваше оборонительное положеніе рушилось до самаго основанія и вамъ не легко будетъ оное возстановить, сіе себѣ представить могу не безтруднымъ для васъ, ибо чрезъ мѣсяцъ ваша позиція три разные вида получила; а именно: первая—ваше положеніе по сю сторону Дуная, потомъ—наступательная переправа черезъ Дунай, и за симъ—обратный походъ вашъ, совокупленный съ возстановленіемъ паки оборонительнаго положенія. Всѣ сіи такъ сказать переправы, конечно, соединены быть должны съ немалыми трудностями и заботами. Но, знавъ ваше искусство и испытавъ усердную ревность вашу, не сумнѣваюсь, что въ какихъ бы вы ни нашлись затрудненіяхъ, съ честію изъ оныхъ выходить умѣть будете.... Что же ваши тѣлесныя силы чрезъ войну, веденную пять лѣтъ сряду, пришли въ ослабленіе даже до того, что вы охотно желаете увидѣть таковаго на вашемъ мѣстѣ, который бы, такъ, какъ вы, полагалъ счастіе свое въ угожденіи волѣ моей и въ благѣ отечества, о семъ осталось мнѣ сердечно жалѣть, и конечно, колико Богъ подкрѣпитъ тѣлесныя и душевныя силы ваши, имперія не инако какъ съ довѣренностію отъ васъ ожидать должна дѣла, соотвѣтствующаго уже пріобрѣтенной вами ей и себѣ славѣ; но со всѣмъ тѣмъ если, по человѣчеству свойственнымъ припадкамъ, вы, къ общему сожалѣнію и моему, не въ силахъ себя нашли продолжать искусное ваше руководство, то и въ семъ случаѣ я бъ поступила съ обыкновеннымъ моимъ къ вамъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ находящимся, уваженіемъ.“

Румянцевъ въ отвѣтѣ своемъ (отъ 18-го августа) призналъ, что

почувствовалъ много отрады отъ словъ и милостей государыни, и не хотѣлъ оставить безъ возраженія словъ ея относительно его враговъ: „Что я ихъ, къ несчастію, имѣю, то къ чему мои объясненія о томъ предъ в. и. в-ствомъ, яко монархинею премудрою и проницающею глубоко во всѣ дѣйствія и ихъ причины, которыми они противъ меня прямо идутъ, и своими новоизобрѣтеніями, въ опроверженіе моихъ, представляютъ и подобности и возможности и удобства, и иной видъ въ счетѣ даютъ на бумагѣ войску, нежели оный есть въ дѣлѣ, и тѣмъ ставятъ меня въ неисполненіи непреодолимыхъ обстоятельствъ или неготовымъ, или неискуснымъ, и всяческими образы смѣшиваютъ къ полученію награжденія прямыхъ военноподвижниковъ не только на ряду старшинства съ находящимися внѣ войны, но и съ тѣми, кои подъ разными виды явно удаляясь отъ службы и нерѣдкія въ нареканіяхъ и неудовольствія противъ меня (имѣя), по новымъ штатамъ находятъ для себя выгодныя и полезныя мѣста, присвояютъ двойное жалованье при прежнемъ отправленіи службы и должности; изъемлютъ (т.-е. враги Румянцева) изъ вѣдѣнія моего чиновъ, привязанныхъ прямо ко мнѣ и неотлучно бытностію, по ввѣренному надъ арміею начальству, а чрезъ то честолюбіе, какъ лучшая подпора въ службѣ, и уваженіе къ начальнику упадетъ, негодованіе же и происки умножаться должны.“ Румянцевъ оканчиваетъ письмо такъ: „По дальнему разстоянію не остается мнѣ надежды заимствовать подкрѣпленіе въ нынѣшнюю кампанію отъ полковъ, назначенныхъ изъ польскаго корпуса; въ противномъ же усердному желанію моему состояніи и при истощеніи крайнихъ моихъ силъ, выбывъ и теперь нѣсколько уже дней въ постели, надѣюсь на высочайшую милость в. и. в-ства, щедрымъ образомъ всѣмъ вѣрно и усердно служащимъ являемую, что и мнѣ дозволите на подобный случай отлучиться по крайней мѣрѣ куда-нибудь подъ кровлю, ради спасенія послѣднихъ моихъ жизненныхъ силъ, ибо, терпя всю суровость воздуха, въ нынѣшнюю паипаче кампанію, чрезъ такъ чувствительныя и жестокія перемѣны погоды наипоразительнѣе разорено мое здоровье.“

Въ описаніи дѣйствій враговъ своихъ Румянцевъ ясно указывалъ на Чернышева, управлявшаго военною коллегіей; онъ могъ подозрѣвать и Григорія Орлова; но тотъ по крайней мѣрѣ прямо на-

писалъ ему, что публика негодуетъ на его образъ веденія войны. * Румянцевъ отвѣчалъ: „Получа в. с-ства благосклоннѣйшее письмо, видѣлъ я въ немъ, какъ велико ваше ко мнѣ усердіе и сколько я несчастливъ въ благоволеніи къ себѣ публики. Еслибы такой былъ парламентъ, въ который бы можно позвать общество на судъ, и еслибы и теперь рѣшались дѣла примѣромъ судилища, что древняя Греція имѣла подъ именемъ ареопага, я бы счетъ повелъ съ нашею публикою: кто изъ насъ противъ кого неблагодаренъ, я ли еще оной, или уже она мнѣ должна? Вѣкъ провождая въ потѣ и трудахъ, не вкусилъ я той радости, что ощущаемъ, получа воздаяніе своимъ заслугамъ. Всѣ трудящіеся имѣютъ мѣру и цѣну своимъ дѣламъ, но для одного меня предоставлено всегда дѣлать и тѣмъ только заслуживать негодованіе. Пускай забыты дѣла прежнія, и я ихъ не вспоминаю; но неужели настоящее положеніе мое не трогаетъ публику, когда торжествуютъ войска надъ Оттоманами, гдѣ не сражаются въ помощь водныя стихіи, ** но все учреждаетъ непрерывный трудъ. Изъ Рима и изъ Греціи неудовольство публики прогоняло лучшихъ полководцевъ, ихъ заслуги припоминали только въ нуждѣ, а иногда и поздно. И мой жребій, повидимому, къ тому же преклоняетъ мое отечество: я былъ уже гонимъ отъ общаго неудовольства, и готовиться должно и въ старости ту же претерпѣвать участь, когда моему несчастію причина токмо та, что я не умѣю себя рекомендовать инако, какъ моею службою. Я увѣренъ, что мой милостивый графъ не пріемлетъ участія въ публичныхъ обо мнѣ заключеніяхъ; и такъ я вашу милость и дружбу ко мнѣ поставляю стѣною, о которую сокрушатся всѣ ухищренія ищущихъ мнѣ зла. Между тѣмъ скоро мы станемъ уже пить воду дунайскую.“

Но, къ несчастію, дунайскую воду должны были пить дважды, и, что бы ни писалось изъ Петербурга, Румянцевъ былъ убитъ горемъ вслѣдствіе невозможности остаться за Дунаемъ: „Боль во мнѣ душевная не можетъ исчезнуть“, писалъ онъ Екатеринѣ, которая находилась также не въ завидномъ состояніи духа.

Англійскій посланникъ Гуннингъ писалъ своему двору, что никогда не видалъ императрицы въ такомъ огорченіи; огорченіе это,

---

* Письмо написано было еще до перехода на правый берегъ Дуная и вѣроятно для того, чтобы побудить фельдмаршала къ этому переходу.

** Намекъ на гр. Алексѣя Орлова.

по его мнѣнію, происходило не отъ того, что она опасалась теперь вторженія Турокъ на лѣвую сторону Дуная, но отъ того, что вслѣдствіе безпрерывныхъ успѣховъ она не можетъ перенести малѣйшей неудачи. 19-го августа она говорила въ Совѣтѣ: „Требуете вы отъ меня рекрутовъ для комплектованія арміи. Отъ 1767 года сей наборъ будетъ, по крайней мѣрѣ и сколько моя память мнѣ служитъ, шестой. Во всѣхъ наборахъ близь 300,000 человѣкъ рекрутъ собрано со всей имперіи. Въ томъ я съ вами согласно думаю, что нужная оборона государства того требуетъ, но со сжиманіемъ сердца по человѣколюбію наборъ таковой всякій разъ подписываю, видя наипаче, что оные для пресѣченія войны по сю пору безплодны были, хотя мы непріятелю нанесли много ущерба и сами людей довольнаго числа лишились. Изъ сего естественно родиться можетъ два вопроса, которые я себѣ и вамъ сдѣлаю, первый: такъ ли мы употребляли сихъ людей, чтобъ желаемый всѣмъ миръ могъ приближиться? Второй: послѣ сего набора что̀ вы намѣрены предпринимать къ славѣ имперіи, которую ни въ чемъ иномъ не ставлю, какъ въ пользѣ ея? Оставляя говорить о прошедшихъ лаврами увѣнчанныхъ кампаніяхъ, кои непріятеля принудили къ мирнымъ переговорамъ, въ отвѣтъ на первый сдѣланный мною вопросъ скажу о настоящемъ положеніи дѣлъ, что, къ сожалѣнію моему, вижу я, что сія кампанія повсюду безплодно кончится или уже и кончилась, и осталось намъ помышлять, не теряя времени, о будущемъ. Дабы очистить второй мною сдѣланный вопросъ, я повторяю, чтобъ не теряя времени помышлять о томъ, что въ предъидущую кампанію предпринимать намъ занужно почтено будетъ; развѣ за полезно почтете, чтобы сухопутныя и морскія наши противъ непріятеля силы остались точно въ томъ положеніи, въ какомъ нынѣ находятся, положеніе не дѣйствующее, которое я за полезно для приближенія желаемаго нами мира не почитаю, и которое, по моему мнѣнію, намъ скорѣе вторую сзади войну нанесетъ, нежели настоящую прекратитъ. Изъ рекрутскаго мнѣ предлагаемаго вами набора заключаю я, что вы упражняетесь снабденіемъ армій. Напомнить я за нужно вамъ нахожу, дабы вы Азовскаго моря эскадру изъ памяти не выпускали и оную по возможности привели въ наиудобнѣйшее для дѣлъ состояніе. Но наипаче васъ прошу и вамъ повелѣваю: со всякою ревностію и усердіемъ стараться единодушно сдѣлать планъ, снабдить къ будущей кампаніи всѣхъ

разныхъ командующихъ силами нашими такими наставленіями, дабы они вообще нашлись въ состояніи дѣйствовать противъ общаго непріятеля, и наши употребленныя къ тому силы къ одному бы предмету ведены были, то-есть къ достиженію блаженнаго мира, въ чемъ да поможетъ намъ Всевышній. Еще разъ весьма васъ прошу, чтобъ все сіе не осталось при сихъ на бумагу написанныхъ словахъ.“ Подписавъ указъ о рекрутскомъ наборѣ, Екатерина стала говорить о необходимости беречь новобранцевъ; нѣкоторые члены Совѣта представили, что смертность между ними происходитъ отъ перемѣны образа жизни и необыкновенныхъ переходовъ вслѣдствіе пространства имперіи; императрица приказала, чтобъ сенатъ вмѣстѣ съ гр. Чернышевымъ разсмотрѣлъ и принялъ надлежащія мѣры къ пресѣченію случающихся при наборахъ злоупотребленій, и чтобы для облегченія и сбереженія этихъ непривычныхъ людей армія комплектовалась гарнизонными солдатами, а гарнизоны рекрутами.

Вслѣдствіе этихъ распоряженій въ засѣданіи 27 августа Чернышовъ читалъ свое мнѣніе, что по принятымъ теперь мѣрамъ для увеличенія первой арміи къ будущей кампаніи до 116,000 человѣкъ надобно потребовать отъ фельдмаршала заблаговременно мнѣніе, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать; что съ увеличенною такимъ образомъ арміею, кажется, можно, оставя на этой сторонѣ Дуная нужное число войскъ, перейти на ту сторону и тамъ утвердиться; что вторая армія, защищая по прежнему Крымъ, можетъ съ помощію флота овладѣть Кинбурномъ; если первая армія не будетъ въ состояніи перейти за Дунай и останется въ настоящемъ положеніи, то надобно отдѣлить отъ нея значительный корпусъ въ помощь второй арміи для взятія не только Кинбурна, но и Очакова, а между тѣмъ надобно стараться достигнуть желаемаго мира переговорами, отставши отъ нѣкоторыхъ условій, особенно отъ требованія Еникале и Керчи, пріобрѣтеніе которыхъ болѣе вредно, чѣмъ полезно (?).—Тутъ Панинъ удивилъ всѣхъ продложеніемъ, нельзя ли для сохраненія рекрутъ послать въ арміи солдатъ изъ гарнизоновъ и здѣсь находящихся полковъ, а ихъ мѣсто занять рекрутами. Чернышевъ отвѣчалъ, что въ прошедшее засѣданіе императрица именно приказала это сдѣлать. Въ засѣданіи 2-го сентября генералъ-прокуроръ предлагалъ, нельзя ли дать графу Алексѣю Орлову свободу не пропускать провозимые въ Константинополь съѣстные при-

пасы посредствомъ договора съ Англіею; но на это Панинъ отвѣчалъ, что прежнее запрещеніе провоза припасовъ возбудило неудовольствіе не только Франціи, но и всѣхъ торгующихъ державъ, и что не будучи въ состояніи имъ тамъ противиться, мы не можемъ теперь возобновить это запрещеніе. Члены Совѣта такъ желали мира, что соглашались на уступку Татарамъ всѣхъ городовъ, въ томъ числѣ Керчи и Еникале, даже на ограниченіе для Россіи плаванія по Черному морю. Одинъ Григорій Орловъ былъ противнаго мнѣнія и доказывалъ, что никакія уступки не помогутъ, Турки не согласятся на совершенное отдѣленіе Татаръ, развѣ въ крайности. Прусскій король предлагалъ три средства къ достиженію мира: 1) принудить къ тому Порту силою оружія; 2) пригласить къ содѣйствію австрійскій дворъ; 3) отстать отъ нѣкоторыхъ условій, на которыя Порта упорно не соглашается. Екатерина замѣтила по поводу этихъ предложеній: „Заставить Турокъ силою подписать миръ. Для достиженія этого, надобно, чтобъ въ арміи фельдмаршала Румянцева было дѣйствительно 80,000 человѣкъ; кромѣ того, надобно заготовить магазины на цѣлый годъ, надобно имѣть на Черномъ морѣ флотъ для овладѣнія Варною. Предпріятіе требуетъ большихъ издержекъ и будетъ стоить множества народа. Пригласить вѣнскій дворъ содѣйствовать этому великому дѣлу диверсіей со стороны Бѣлграда—это будетъ наименѣе выгодно для Россіи, ибо вѣнскій дворъ захочетъ извлечь для себя такую значительную пользу, которая не будетъ согласоваться ни съ дѣйствительнымъ интересомъ Россіи, ни съ интересомъ другихъ европейскихъ государствъ. 3) Уступить въ нѣкоторыхъ условіяхъ, особенно тяжелыхъ для Порты, пожертвовать нѣкоторыми выгодами въ пользу мира, вознаградить себя Очаковымъ или Бендерами за уступки. Первое есть самое блестящее, но и самое опасное; второе самое слабое и наименѣе политичное; третье находится въ срединѣ между обоими; это путь самый вѣрный и можно считать его самымъ благоразумнымъ.“

Въ ноябрѣ получено было въ Петербургѣ донесеніе прусскаго министра въ Константинополѣ, что Турки могутъ уступить Россіи Кинбурнъ, если она отстанетъ отъ требованій Керчи и Еникале. Мы видѣли, что и прежде въ Совѣтѣ соглашались уже не требовать Керчи и Еникале; и теперь начались толки, что пріобрѣтеніе Кинбурна можетъ быть намъ полезно какъ для постояннаго со-

держанія на Черномъ морѣ флота, такъ и для заведенія въ той сторонѣ торговли не только съ Турками, но и съ Польшею, по удобству водянаго сообщенія изъ него; что для этого надобно будетъ основать на Днѣпрѣ ниже пороговъ торговый городъ, которому Кинбурнъ, отрѣзанный каналомъ отъ твердой земли, служилъ бы какъ Кронштадтъ Петербургу; я для сообщенія съ Кинбурномъ сухимъ путемъ должно получить намъ отъ Татаръ весь лѣвый берегъ Днѣпра верстъ на пять шириною. Гр. Панинъ, „министръ иностранныхъ дѣлъ,“ какъ его начали называть, представлялъ, что Портѣ трудно отказаться отъ Керчи и Еникале въ нашу пользу, а намъ неудобно ихъ содержать, и требовалъ, чтобъ прусскому министру въ Константинополѣ было поручено устроить дѣло соглашенія на этомъ основаніи. Но Орловъ опять представилъ свои возраженія: Кинбурнъ, крѣпость небольшая, не имѣющая гавани, не можетъ вознаградить за уступку Керчи и Еникале, не можетъ принести никакой пользы; торговля будетъ подвержена затрудненіямъ по причинѣ пороговъ и мелей, и если ужь непремѣнно нужно будетъ отдать Керчь и Еникале Татарамъ, то должно стараться получить вмѣстѣ съ Кинбурномъ Очаковъ и всю землю, лежащую между Днѣпромъ и Днѣстромъ, не допуская Татаръ селиться въ Бессарабіи. Ему возражали, что Турки на это не согласятся. По случаю этихъ споровъ въ Совѣтѣ признались въ ошибочности плана относительно независимости Татаръ, признались, что „на совершенное Татаръ отъ Турокъ отдѣленіе потребно еще много времени и трудовъ.“ Сама Екатерина пристала къ тому мнѣнію, что Турки не согласятся на уступку Очакова. Орловъ представлялъ, что можно согласиться на сіе разореніе; что тогда, выговоривъ въ трактатѣ свободу обѣимъ сторонамъ строить крѣпости, можемъ построить вмѣсто Очакова лучшую крѣпость; если мы будемъ имѣть землю между Днѣпромъ и Днѣстромъ, то станетъ выходить множество Молдаванъ и Валаховъ и скоро всю ее заселятъ; земля эта станетъ тогда преградою между Турками и Татарами, пресѣчетъ между ними всякое сообщеніе сухимъ путемъ. Захаръ Чернышевъ возражалъ, что земла эта обойдется намъ дорого, нужно будетъ заводить тамъ крѣпости и держать въ нихъ гарнизоны. Орловъ отвѣчалъ, что нѣтъ намъ никакой надобности въ крѣпостяхъ. Кто-то замѣтилъ, что у Татаръ будетъ плохая вольность, если оставить за султаномъ, какъ Калифомъ, верховную власть въ верхов-

ныхъ дѣлахъ, если допустить, что татарскіе судьи будутъ опредѣляться константинопольскимъ муфтіемъ. Панинъ на это повторилъ признаніе, что независимость Татаръ вдругъ утвердить никакъ нельзя, что это дѣло еще много трудовъ потребуетъ. Наконецъ Екатерина приказала чрезъ прусскаго министра внушить Туркамъ, что Керчь и Еникале оставлены будутъ Татарамъ, но за это Россія должна получить Очаковъ и Кинбурнъ, и при этомъ объявить, что императрица никогда не отступитъ отъ условій о татарской вольности и отъ плаванія по Черному морю, хотя бы война продолжалась еще 10 лѣтъ. Когда Екатерина вышла изъ Совѣта, Панинъ предложилъ на его рѣшеніе вопросъ: какъ заключить миръ съ Портою, непосредственно ли, или посредствомъ австрійскаго и французскаго дворовъ. Совѣтъ рѣшилъ, что непосредственно, хотя бы мы этимъ способомъ и не получили тѣхъ выгодъ, какія могло бы намъ доставить постороннее посредство.

Какъ ни протестовалъ Румянцевъ противъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго его обратнымъ переходомъ за Дунай, онъ видѣлъ хорошо, что нельзя дать году окончиться подъ этимъ впечатлѣніемъ. Въ октябрѣ онъ отправилъ за Дунай два отряда войскъ подъ начальствомъ генералъ-поручиковъ барона Унгерна и князя Долгорукаго, которые напали на Турокъ у Карасу и нанесли имъ совершенное пораженіе: весь лагерь съ 11 пушками, 18 знаменъ, три бунчука, множество военныхъ припасовъ досталось побѣдителямъ: Турки потеряли 1500 убитыми и 772 плѣнными, въ томъ числѣ былъ трехбунчужный паша Омеръ; городъ Базарджикъ, оставленный непріятелемъ, былъ занятъ Русскими. Унгернъ и Долгорукій немедленно отправились далѣе, чтобъ схватить Варну и Шумлу, по выраженію Румянцева. Генералъ-поручикъ Потемкинъ въ то же время осаждалъ Силистрію, и на помощь къ нему двинутъ былъ генералъ-поручикъ Глѣбовъ. Румянцевъ воспользовался этими успѣхами, чтобъ отдѣлаться отъ составленія плана для будущей кампаніи, котораго у него требовали изъ Петербурга. Онъ писалъ императрицѣ: „Я питаю и теперь въ себѣ ту же прискорбность, съ которою поступилъ я на обратный переходъ изъ-за Дуная; но в. и. в—ство въ моихъ донесеніяхъ, кромѣ причинъ, къ тому нудившихъ, соизволили видѣть исполненіе, въ томъ послѣдовавшее, согласно совѣта всѣхъ генераловъ, изъ которыхъ ежели бы хотя одинъ тогда вызвался знать лучшіе къ чему-ни-

будь способы, я бы конечно въ томъ каждому послѣдовалъ. Я ждалъ времени и случая, и сими обоими воспользовался знаменитѣе, нежели иногда отъ самыхъ большихъ предположеній. Плѣнъ изъ непріятельскихъ войскъ не малый, и между онымъ первостепенныхъ чиновъ; получили всю артиллерію непріятельскую и городъ Базарджикъ былъ въ нашихъ рукахъ безъ всякой почти потери и безъ пушечнаго выстрѣла; ибо мѣры наступленія и дѣйствій нашихъ толь удачно приняты въ сію пору, что непріятель толико стѣсненъ и нуждою, и страхомъ, что бѣжитъ отъ лица идущихъ на него войскъ, потерявъ свой станъ и лишась толь нужныхъ ему приготовленій для зимы. Планы, обыкновенно дѣлаемые въ началѣ только войны или въ началѣ кампаніи для согласнаго учрежденія движеній и содѣйствій, предполагаемыхъ отъ разныхъ и дальныхъ пунктовъ, или въ общемъ дѣлѣ съ союзниками, бываютъ однакожъ подвержены не рѣдкой перемѣнѣ, но при сближеніи къ непріятелю предается тогда искусству военачальника располагать дальнія предпріятія на него, по видимой на то время и удобности, и предстоящимъ обстоятельствамъ; и я долгое уже время со ввѣренными мнѣ войсками раздѣляюсь съ непріятелемъ, и то не вездѣ, одною только рѣкою: слѣдственно, сколько ежедневно можетъ (непріятель) перемѣнять свое положеніе, столько неудобно, а наипаче теперь, назначать и намъ свои противъ него дѣйствія на будущее время, которыя, по моему мнѣнію, зависятъ болѣе отъ случаевъ и начальнаго на то время усмотрѣнія; ибо сіи послѣднія части открываютъ путь къ знаменитымъ предпріятіямъ, нежели великія предположенія быть могутъ выполнены безъ препятствія и затрудненія".

Пріѣхавшій съ этимъ письмомъ 14 ноября кн. Васил. Долгорукій обнадеживалъ императрицу, что дней черезъ шесть могутъ быть получены извѣстія объ успѣхѣ Унгерна и кн. Юрія Долгорукаго. Но прошли двѣ недѣли слишкомъ, и 29-го ноября получено извѣстіе, что предпріятіе Унгерна на Варну не удалось, а кн. Долгорукій, сдѣлавши одинъ переходъ къ Шумлѣ, возвратился назадъ къ Карасу. О томъ, что̀ дѣлалось подъ Силистріею, фельдмаршалъ ничего не писалъ. „Что̀ у Силистріи произошло, писала Екатерина Румянцеву, о томъ вовсе вы не упоминаете и оставляете меня въ глубокомъ невѣдѣніи, а мысли мои въ произвольномъ волненіи, которыя однакожъ болѣе наклоненія имѣютъ ни малѣйшей полагать надежды на бомбардираду, съ которой городъ не возьмется, ниже

бо́льшій ему вредъ не причинится. Но хотя слѣдствія у Карасу произведеннаго бою не были таковы, какъ на первый взглядъ они обѣщали быть, однакоже не менѣе сіе дѣло подтвердило, съ одной стороны, утвердившіяся мнѣнія о храбрости нашихъ войскъ и что въ полѣ сей непріятель поверхности не будетъ имѣть въ теперешнемъ онаго состояніи и обстоятельствахъ, лишь бы гдѣ атакованъ былъ, а съ другой, не можетъ инако какъ полезно быть для дѣлъ нашихъ всякое за Дунаемъ ваше предпріятіе, и тутъ конечно всякій вашъ шагъ споспѣшествуетъ или отдаляетъ народный покой и тишину, совокупленную съ блаженствомъ онаго. И въ такомъ видѣ съ немалымъ удовольствіемъ услышала я о карасуйскомъ дѣлѣ; сожалѣю только по позднему годовому времени, что все сіе не можетъ имѣть толикихъ пользъ, какъ изъ того произойти могло, еслибъ предпринималось мѣсяцевъ съ шесть тому назадъ".—Сдѣлавъ такимъ образомъ внушеніе Румянцеву, что онъ сдѣлалъ дурно, вернувшись изъ-за Дуная, что на немъ лежитъ отвѣтственность за продленіе тяжелой войны, Екатерина продолжаетъ: „Но дабы будущій годъ также по пустому не прошелъ и дабы недостатокъ въ пропитаніи опять не служилъ препятствіемъ къ дѣйствію, не могу оставить вамъ сызнова наикрѣпчайшимъ образомъ подтвердить, чтобъ вы старались къ будущей кампаніи наполнить ваши подунайскіе магазины такъ, какъ я къ вамъ писала, дабы дѣйствіямъ вашимъ на супротивномъ берегу не могло причиниться остановки, и кампанія та не прошла безъ достиженія мира сильнымъ употребленіемъ оружія,—о чемъ немедленно отъ васъ ожидаю много уже разъ мною отъ васъ требованнаго мнѣнія, которое если еще долѣе замедлится, опасность настоитъ, что не ко времени приспѣетъ, и слѣдовательно на будущій годъ во всемъ паки опоздать можемъ, въ чемъ ни пользы, ни славы, ни чести не вижу. Каковы бы усердіе и ревность въ сердцѣ имперіи служащихъ знаменитыхъ людей, какъ вы, ни были; каковы трудъ и радѣніе, мною ежечасно прилагаемые, ни будутъ: но свѣтъ васъ и меня судитъ по однимъ успѣхамъ нашимъ; сіи насъ въ мысляхъ людскихъ оправдаютъ (оправдываютъ) и обвиняютъ попеременно, а наипаче въ теперешнее время, когда послѣ пятилѣтней счастливой войны подданные ждутъ мира единственно отъ дѣйствій вашихъ." 30-го декабря Совѣту объявлена высочайшая воля: предписать гр. Румянцеву, чтобъ онъ въ будущую кампанію, по взятіи

Варны и разбитіи визиря въ Шумлѣ, не полагалъ Балканы предѣломъ военныхъ дѣйствій. Положено заготовить къ нему рескриптъ, гдѣ, выразивъ эту волю, оставить производство дѣйствій за Дунаемъ на его благоусмотрѣніе.

Разрывъ мирныхъ переговоровъ вызвалъ къ дѣятельности и русскій флотъ. Еще въ сентябрѣ 1772 года новоприбывшая изъ Балтійскаго моря эскадра подъ начальствомъ капитана Коняева сожгла при Патросѣ 16 турецкихъ судовъ; въ то же время русскія суда „дѣлали непріятелю разореніе и тревогу" у береговъ Египта и Сиріи, гдѣ поддерживали возставшаго противъ Порты египетскаго пашу Алибея. Въ 1773 году русскіе корабли явились снова у береговъ Сиріи подъ начальствомъ капитана Кожухова. Друзы обязались признавать надъ собою покровительство Россіи и воевать съ Турками, пока Русскіе воюютъ съ ними; Русскіе осадили Бейрутъ, принудили его къ сдачѣ и отдали крѣпость Друзамъ, которые, по условію, заплатили имъ 250,000 піастровъ; деньги эти были раздѣлены по эскадрѣ, при чемъ десятая доля пошла главному командиру надъ всѣмъ флотомъ. Между начальниками судовъ въ этихъ экспедиціяхъ мы видимъ Грековъ и южныхъ поморскихъ Славянъ, которые, по отзыву Спиридова „для своихъ прибылей гораздо храбрѣе, нежели какъ изъ одного только жалованья служили". Любопытно, что Орловъ запретилъ нейтральнымъ судамъ входъ въ Дарданеллы и предписалъ Спиридову, чтобъ тотъ и при постановленіи условій перемирія настоялъ на этомъ запрещеніи. Но Совѣтъ рѣшилъ изъяснить Орлову, что это можетъ не только удержать Турокъ отъ заключенія перемирія, столь нужнаго для Россіи, но и обратить противъ малочисленнаго русскаго войска всѣ силы, и притомъ ввесть насъ въ новую войну съ „ненавиствующими намъ" Французами.

Императрица была недовольна тѣмъ, что флотъ, не имѣя десанта, не могъ сдѣлать ничего важнаго, не могъ помочь сухопутной арміи принудить Турокъ къ заключенію мира. Осенью 1773 года находились въ Петербургѣ гр. Алекс. Григор. Орловъ и контръадмиралъ Грейгъ. Въ Совѣтѣ происходили любопытныя разсужденія по поводу ихъ требованій. Въ засѣданіи 3 октября императрица спросили членовъ Совѣта, съ какою цѣлію они хотятъ посылать новую эскадру въ Архипелагъ; находящійся тамъ флотъ стóитъ много, а не можетъ наносить вреда непріятелю. „Если онъ, сказала

Екатерина, можетъ быть употребленъ для какого-нибудь предпріятія, и надобны будутъ на него сухопутныя войска, то я беру на свое попеченіе ихъ доставить.“ Ей отвѣчали, что эскадра отправляется, по требованію гр. Алексѣя Орлова, для перемѣны обветшалыхъ кораблей, и если флотъ не находитъ способа вредить непріятелю, то все же облегчаетъ сухопутную армію, отвлекаетъ отъ нея непріятеля. Императрица приказала при будущихъ разсужденіяхъ о флотѣ приглашать въ Совѣтъ гр. Алексѣя Орлова и прибавила, что, любя порядокъ, почитаетъ своею обязанностію наблюдать, чтобъ ничто въ ея имперіи не оставалось безъ пользы. Чрезъ три дня, 7 октября, въ Совѣтѣ присутствовалъ Алексѣй Орловъ. Императрица спросила его, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Архипелагѣ и нельзя ли извлечь изъ флота бо́льшую пользу. Орловъ отвѣчалъ, что изъ находящихся тамъ кораблей пять совсѣмъ обветшали; что въ нынѣшнюю кампанію онъ намѣренъ былъ разорить Салоники и Смирну, для пресѣченія привоза запасовъ къ непріятелю чрезъ эти мѣста, но болѣзнь принудила его оставить флотъ: „Я не думаю, говорилъ Орловъ, чтобъ непріятельскій флотъ могъ появиться въ Архипелагѣ; Турки съ тѣхъ поръ, какъ узнали малочисленность нашихъ сухопутныхъ силъ тамъ, ужь не такъ ихъ опасаются; побѣждаемы они были малымъ числомъ, потому что обыкновенно пугаются всего того, о чемъ не знаютъ; но, пришедши потомъ въ себя, принимаютъ достаточныя мѣры.“ Тутъ началъ говорить гр. Григорій Орловъ: „Это свойственно Туркамъ, какъ и всѣмъ невѣждамъ; потому-то и не надобно давать имъ время на размышленіе, а стараться пользоваться ихъ замѣшательствомъ; также надобно поступать съ ними и при мирныхъ переговорахъ; этимъ средствомъ можно скорѣе получить желаемое.“ Императрица замѣтила, что, по ея мнѣнію, полезнѣе предпринять что-нибудь на одномъ европейскомъ берегу, какъ ближайшемъ къ непріятельской столицѣ. На это Чернышевъ и Алексѣй Орловъ отвѣчали, что съ малымъ числомъ войскъ нельзя утвердиться на этомъ берегу, гдѣ непріятель можетъ собраться тотчасъ въ числѣ 40,000, и потому предпріятіе можетъ принести одну пользу, встревожить Турокъ на время и привлечь ихъ силы въ ту сторону. Гр. Панинъ замѣтилъ, что отправленіе въ Архипелагъ новой эскадры можетъ причинить непріятелю новыя безпокойства, и онъ надѣется, что зимою Турки возобновятъ мирные переговоры. Императрица отвѣчала на это:

„Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы, не полагаясь на заключеніе мира, приняты были сильныя мѣры для достиженія этого къ будущей кампаніи; долгая война приводитъ народъ въ уныніе, и потому никто такъ мира не желаетъ какъ я. Надобны ли во флотъ сухопутныя войска и сколько, довольно ли 20,000?“ Алексѣй Орловъ отвѣчалъ, что съ 20,000 могъ бы онъ идти прямо на Константинополь. Императрица спросила: „Нельзя ли овладѣть Галлиполи; я бы могла доставить на флотъ четыре или пять тысячъ иностраннаго войска.“ Чернышевъ отвѣчалъ, что отъ иностраннаго войска будутъ большія неудобства; а Панинъ замѣтилъ, что враждебныя державы, узнавъ объ этомъ, могутъ выставить препятствія. „Кромѣ всѣхъ неудобствъ при употребленіи иностранныхъ войскъ, сказалъ Алексѣй Орловъ, всякій успѣхъ будетъ имъ приписанъ; для избѣжанія мнѣнія, что мы безъ Англичанъ ничего сдѣлать не можемъ, я всегда старался употреблять, сколько можно, своихъ офицеровъ.“ Императрица на это замѣтила, что при Петрѣ Великомъ были примѣры употребленія иностранныхъ войскъ и надобно сравнивать неудобства съ выгодами. Екатерина вышла изъ Совѣта, выразивъ ясно свое неудовольствіе на ходъ войны: „Флотъ, сказала она, не дѣлаетъ ничего, и армія едва дѣйствуетъ; а непріятель этимъ пользуется, и все это происходитъ собственно отъ насъ.“ По выходѣ императрицы Алексѣй Орловъ предложилъ Совѣту отправить съ Грейгомъ новую эскадру, не теряя удобнаго времени, разрѣшивъ ему бить встрѣчныхъ Варварійцевъ; Совѣтъ согласился. Орловъ предлагалъ также не заключать съ Турками перемирія, чтобъ не дать имъ въ это время пользоваться совѣтами Французовъ. О себѣ Орловъ говорилъ, что видитъ волю императрицы, чтобъ онъ продолжалъ начальствовать надъ флотомъ, отъ чего, какъ усердный сынъ отечества, не уклоняется; но не можетъ отвѣчать за себя въ исправномъ исполненіи возложеннаго на него дѣла, потому что подверженъ частымъ болѣзненнымъ припадкамъ. 21 октября Грейгъ вышелъ изъ Кронштадта съ двумя кораблями, двумя фрегатами и шестью транспортными судами. [2]

Положеніе дѣлъ въ Крыму также должно было возбуждать неудовольствіе Екатерины, при чемъ она имѣла большее право говорить, что это происходитъ собственно отъ насъ. Мы видѣли, что Калга Шагинъ-Гирей выѣхалъ изъ Петербурга въ Крымъ. Этотъ татарскій дофэнъ не даромъ привлекъ къ себѣ вниманіе Екатерины

и двора ея своими способностями. Перенесенный изъ степей въ верхній слой петербургскаго общества, онъ отдался въ плѣнъ цивилизаціи, выговоривъ себѣ только сохраненіе татарской шапки и памяти о происхожденіи отъ Чингисъ-хана. Но эта память жила въ немъ не напрасно. Чудеса цивилизаціи, могущество, которое, повидимому, она давала прежнимъ данникамъ татарскимъ, возбуждали въ Гиреѣ страшное честолюбіе. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало воспользоваться роковымъ подаркомъ, предложеннымъ Россіею, хотѣлъ съ ея помощію утвердить независимость Крыма, отторгнуть его навсегда отъ обветшавшей Турціи, сдѣлаться ханомъ; но онъ не хотѣлъ на этомъ останавливаться, не хотѣлъ мѣнять зависимости отъ Порты на зависимость отъ Россіи. Онъ хотѣлъ пріобрѣсть могущественныя средства цивилизаціи, могшія дать ему силу, умѣнье поддержать свою самостоятельность. Ничтожность крымскихъ владѣній, разумѣется, бросалась при этомъ въ глаза какъ главное препятствіе; но Шагинъ-Гирей зналъ, что Чингисъ-ханъ и Тамерланъ начинали также съ малаго и доходили до обширнѣйшихъ имперій; онъ уже мечталъ о близкомъ Кавказѣ, о его воинственномъ населеніи, которое можетъ такъ хорошо служить для завоевательныхъ замысловъ, о сокровищахъ, которыя лежатъ нетронутыми въ нѣдрахъ пресловутыхъ горъ и которыя должны вскрыться на голосъ цивилизаціи и обогатить новую черноморскую имперію Гиреевъ.

Съ такими-то мечтами возвратился Шагинъ въ Бакчи-сарай; здѣсь онъ продолжалъ высказывать пріѣхавшему съ нимъ кн. Путятину свое чрезвычайное усердіе къ Россіи, открылъ ему, что существуетъ въ Крыму партія, желающая возвратиться въ турецкое подданство. „Въ надеждѣ на Бога и на заступленіе императрицы, говорилъ Калга, по сіе время вижу себя въ силахъ управиться съ общими злодѣями. Я зашелъ теперь въ лѣсъ, издавна безъ присмотру запущенный; если я не смогу искривившееся по застарѣлости дерево распрямить, то буду его срубать.“ О братѣ своемъ ханѣ онъ говорилъ: „Можетъ ли человѣкъ, сѣвъ на необъѣзженную лошадь, ѣхать по волѣ своей надлежащимъ путемъ, когда отдалъ другому повода въ руки?“ Но скоро Шагинъ былъ озадаченъ и справедливо раздраженъ уступчивостію Россіи, которая въ переговорахъ съ Турціею соглашалась признать власть султана надъ Крымомъ въ духовныхъ дѣлахъ, вслѣдствіе чего всѣ судьи

въ Крыму должны были назначаться константинопольскимъ муфтіемъ и по пятницамъ должно было совершаться всенародное молебствіе за султана. Шагинъ говорилъ Путятину: „Все это не только знакъ верховной власти Порты надъ Крымомъ, но и знакъ прежней приверженности его къ ней, такъ какъ единство вѣры нисколько не обязываетъ Крымъ сохранять свою связь съ Турціею; есть много магометанскихъ владѣній, которыя не только не подвластны Портѣ, но и ни малѣйшаго сношенія съ нею не имѣютъ". Слезы навернулись на глазахъ у Шагина отъ досады, и онъ продолжалъ: „Если такъ будетъ, то ни брату, ни мнѣ здѣсь оставаться нельзя; наше состояніе будетъ похоже на состояніе человѣка, у котораго надъ головой виситъ большой и плохо прикрѣпленный камень, могущій всякую минуту его задавить; подданные наши, при такомъ положеніи, по непостоянству своему и скотскимъ правамъ, будутъ имѣть возможность дѣлать безпрерывныя возмущенія какъ сами по себѣ, такъ еще болѣе по проискамъ султановъ (крымскихъ Гиреевъ), которыхъ не мало въ Турціи.

Отъ 13 марта Путятинъ писалъ въ Петербургъ: „Велико здѣсь общее къ намъ недоброжелательство; Калга показываетъ чистосердечное къ намъ усердіе, противоборствуя этому недоброжелательству. Всѣ злоумышленные вѣроломцы здѣшняго общества его ненавидятъ, страшатся и простираютъ мысли свои, какъ бы его избыть." Калга говорилъ Путятину: „Я и прежде хорошо зналъ безпутство своихъ одноземцевъ; но теперь нашелъ ихъ вдесятеро еще хуже и развратнѣе, чѣмъ были прежде. Съ людьми такими неблагодарными, Русскимъ и мнѣ враждебными, остаться я не могу, потому что обѣщалъ ея и. в—ству быть навсегда ей вѣрнымъ; если дѣла будутъ продолжаться въ такомъ же безпорядкѣ и силъ моихъ недостанетъ Россіи и себѣ быть полезнымъ, то, покинувъ родную страну, принужденъ буду искать убѣжища подъ покровомъ императрицы."

Ханъ, по возвращеніи Калги, собралъ совѣтъ изъ знатнѣйшихъ лицъ. Шагинъ-Гирей превозносилъ щедроты русской государыни и объявилъ, что будетъ всегда благодаренъ за это и усерденъ къ русскому союзу, ибо видитъ въ этомъ союзѣ прочное и постоянное благоденствіе Крыма вообще и каждаго его жителя въ особенности. Потомъ спросилъ у собранія, что произвело непостоянство въ ихъ поведеніи, что побудило къ коварству, обману, нарушенію

клятвы; что̀ имѣютъ они въ виду: желаютъ ли вольности, которая, какъ главное въ жизни человѣческой блаженство, доставляется покровительствомъ ея и. в—ства?—„Мы находимся между двумя могущественнѣйшими державами въ мірѣ, былъ отвѣтъ; обѣихъ ихъ, Россіи и Турціи, мы одинаково боялись; находясь въ опасности отъ первой, соглашались на всѣ ея предложенія, и въ то же время, боясь другой, сносились съ нею, представляя привязанность къ прежнему своему состоянію. Мы обмануты, огорчены Россіею, которая отнимаетъ у насъ собственныя наши земли, и, обращаясь съ нами лживо, во всѣхъ своихъ поступкахъ при всякомъ почти случаѣ даетъ намъ чувствовать свою жестокость.“ Калга возражалъ, что ничего подобнаго Россіею не сдѣлано, и еслибъ она хотѣла мстить имъ за ихъ вѣроломство, то обратила бы ихъ земли въ пустыню и лишила бы ихъ дневнаго пропитанія, что̀ и сдѣлается, если они, ведя себя коварно относительно Россіи и ставши подозрительны Портѣ, будетъ продолжать пагубное колебаніе. „Если, говорилъ Шагинъ, вы хотите быть вольными съ помощію Россіи, то выдайте мнѣ немедленно возмутителей общаго спокойствія, подавшихъ поводъ къ нарушенію клятвы.“ Шагинъ поступилъ неосторожно, повернулъ слишкомъ круто; на его требованіе отвѣчали глубокимъ молчаніемъ. Раздраженный этимъ Калга не могъ ужъ остановиться и потратилъ послѣдній зарядъ: „Данныя вами клятвы, сказалъ онъ, и полномочіе на меня возложенное при отъѣздѣ въ Россію обязываютъ васъ мнѣ повиноваться: но если вы откажетесь отъ повиновенія, то я принужденъ буду уѣхать изъ отечества.“ Ему отвѣчали: „Мы васъ не удерживаемъ, на ваше мѣсто найдется много людей, а впрочемъ ханъ вашъ и нашъ государь, ему одному обязаны мы повиноваться“.

Послѣ этого Шагинъ-Гирей сообщилъ командующему второю арміей кн. Долгорукому о своемъ желаніи сдѣлаться самовластнымъ ханомъ надъ Татарами, ибо только въ такомъ случаѣ онъ можетъ утвердить самостоятельность Крыма; иначе же онъ тамъ оставаться не можетъ. Совѣтъ, получивши донесеніе кн. Долгорукаго, разсуждалъ, что взглядъ Калги-салтана совершенно основателенъ и справедливъ, но все же при настоящихъ обстоятельствахъ поступить такъ нельзя: эта перемѣна нарушила бы наши договоры съ Татарами и подала бы Туркамъ поводъ опять склонять ихъ на свою сторону; на совершенное отдѣленіе Татаръ отъ Турокъ на-

добно употребить еще много лѣтъ. Рѣшено, чтобъ гр. Панинъ отправилъ къ Шагинъ-Гирею письмо, гдѣ похвалилъ бы Калгу за его усердіе, объяснилъ въ общихъ выраженіяхъ невозможность исполнить его желаніе, обнадежилъ покровительствомъ императрицы и обѣщалъ во всякомъ случаѣ убѣжище въ Россіи. Панинъ написалъ Шагинъ-Гирею (отъ 14 іюля): „Ежели бы дѣла до такой крайности дошли, чтобъ вы не нашли полной для себя въ отечествѣ безопасности и дальнѣйшее вамъ тамъ присутствіе оказалось бы дѣйствительно безполезнымъ для вразумленія Татаръ, а для васъ собственно бѣдственнымъ: то отъ васъ будетъ зависѣть возымѣть прибѣжище въ границы ея в—ства имперіи“. Шагинъ-Гирею не оставалось ничего другаго, какъ выѣхать изъ Крыма, и онъ написалъ Долгорукому, что „Богъ, видно за грѣхи, удалилъ его изъ отечества и странствовать пустилъ по чужимъ угламъ и дворамъ“. Шагинъ просилъ удалить его въ такое мѣсто, гдѣ бы его никто не зналъ. На донесеніе Долгорукаго императрица отвѣчала (отъ 4 октября): „Калга-салтанъ воспріявъ, при обстоятельствахъ отечества своего для него опасныхъ, въ границы имперіи нашей прибѣжище, совершенно достоинъ самъ по себѣ, такъ и для могущихъ быть примѣровъ, чтобъ при сей постигшей его крайности видѣлъ продолженіе къ себѣ нашей милости. Мы за пристойнѣе однако находимъ остаться ему до времени и еще на границѣ, нежели взяту быть тотчасъ сюда ко двору нашему, ибо въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣлъ бы оказаться какъ бы вовсе уже отторгнутымъ и навсегда удаленнымъ отъ своего отечества и отъ всѣхъ Татаръ, къ обрадованію и подкрѣпленію своихъ недоброжелателей и къ погашенію памяти своей въ народахъ, еще недавно искренно и усердно его почитавшихъ. Итакъ имѣете вы дать ему уразумѣть сіи уваженія, требующія не отставать ему совершенно отъ Татаръ и не казаться отчаявшимся отъ участвованія ихъ дѣлъ и правительства, но въ готовности и состояніи находящимся, при первомъ удобномъ случаѣ, явиться и вступить въ оное“. Шагинъ поселился въ Полтавѣ, получая на содержаніе по 1000 рублей въ мѣсяцъ.

Непріятныя вѣсти съ Дуная, непріятныя вѣсти изъ Крыма; изъ Польши особенно непріятныхъ вѣстей не было; но тамъ дѣло затягивалось, вслѣдствіе чего нельзя было выводить оттуда войска.

Отъ 18-го января Станиславъ Августъ писалъ Екатеринѣ: „Среди бѣдствій, меня окружающихъ и грозящихъ мнѣ, осмѣливаюсь быть увѣреннымъ, что найду въ вашемъ и-скомъ в-ствѣ снисходительнаго судью всѣхъ моихъ поступковъ со времени раздробленія Польши, судью тѣмъ болѣе снисходительнаго, что в. в-ство, будучи одушевлены естественною справедливостію, собственнымъ величіемъ и, позвольте прибавить, прежними милостями ко мнѣ, безъ сомнѣнія обратите вниманіе на все, что я долженъ былъ дѣлать, исполняя обязанности моего мѣста, сохраняя чистоту моей репутаціи, уничтожая ложные слухи, къ несчастію слишкомъ распространенные, будто я зналъ все заранѣе и даже былъ участникомъ договора, лишившаго Польшу части ея владѣній. Тяжкій опытъ научилъ меня слишкомъ хорошо, что недостаточно быть всегда на дѣлѣ безупречнымъ, и что клевета можетъ стать пагубною для самихъ государей (особенно въ положеніи подобномъ моему). Вы это знаете, и потому я вѣрю, что въ глубинѣ своего сердца вы сами страдаете отъ бѣдствій, которыя я претерпѣваю; вѣрю что вы заняты мыслію о томъ, какъ бы ихъ смягчить. Позвольте же обратиться къ вашимъ стариннымъ титуламъ моей благодѣтельницы и друга, и удостойте меня выслушать о прошедшемъ и настоящемъ. Не теперь только я узналъ трудности положенія, когда нельзя соединить того, чего бы хотѣлось, съ тѣмъ, къ чему долгъ обязываетъ. Болѣе шести лѣтъ эти затрудненія составляютъ мученіе моей жизни. Поставленный между благодарностію, влекшею меня входить въ ваши виды, и противорѣчащимъ этимъ видамъ подчиненіемъ моимъ національной волѣ, я провелъ все это долгое время въ заботахъ, какъ бы уничтожить это противорѣчіе и встрѣчалъ съ обѣихъ сторонъ сопротивленіе неодолимое. Я ссылаюсь на ваше импер. в-ство, сколько употреблялъ я для этого усилій, со сколькими просьбами, нѣжными и настоятельными, я обращался къ вамъ для этой цѣли? и чего я не дѣлалъ для успокоенія моего народа, для внушенія ему началъ благоразумія и его истинныхъ интересовъ? И какой же результатъ всѣхъ этихъ заботъ? Среди народа, которому я жертвовалъ всѣмъ, я встрѣтилъ ножъ убійцы, и вы, государыня, которой я не предпочиталъ ничего, кромѣ моихъ обязанностей, вы лишили меня части вашихъ милостей какъ неблагодарнаго. Такимъ образомъ моя добросовѣстность была причиною моихъ несчастій. Но противъ этихъ несчастій неужели нѣтъ никакого средства?

Ваше величество такъ усердно воздаете почести добродѣтели, такъ ревниво бережете для себя значеніе ея подпоры и такъ достойны этого: неужели только относительно меня одного она потеряетъ права въ вашемъ сердцѣ? Нѣтъ, я позволяю себѣ надѣяться, что я вытерпѣлъ долгое и жестокое испытаніе, которое должно имѣть конецъ и получить награду. Вы можете сдѣлать все для меня и для моего отечества. Я вполнѣ поручаю вамъ свои частные интересы; но я долженъ ходатайствовать за этотъ несчастный остатокъ, который долженъ носить еще имя Польши. Вамъ стóитъ только захотѣть и все будетъ вамъ возможно. Ваши союзники уважатъ вашу волю, какъ скоро вы ее объявите. Если они заставили васъ сдѣлать Польшѣ зло, то заставьте ихъ, въ свою очередь, сдѣлать ей добро. Пріобрѣтите передъ ними эту драгоцѣнную выгоду, столь достойную быть угодною вамъ. Я искалъ повсюду помощи и не нашелъ нигдѣ. Въ этомъ безпомощномъ состояніи я вижу приближеніе минуты, когда я съ моимъ народомъ долженъ преклониться передъ рокомъ; я это чувствую и не намѣренъ понустому сопротивляться. Но прежде чѣмъ я подвергнусь ударамъ судьбы, умоляю, не откажите мнѣ въ утѣшеніи, сообщите мнѣ о томъ, чтò вамъ угодно сдѣлать для насъ, какое вознагражденіе назначаетъ намъ ваша справедливость, и если всякая надежда спасти Польшу становится невозможною, удостойте принять просьбу о томъ, чтò я считаю необходимымъ въ томъ положеніи, въ какомъ Польша будетъ находиться, и чтò можетъ, хотя нѣсколько, смягчить ея бѣдствія".

„Ваша откровенность, отвѣчала Екатерина, заставляетъ меня заплатить вамъ такою же откровенностію. Мой характеръ не знаетъ другаго языка, и этотъ языкъ я употребляла всякій разъ, когда говорила съ вами о вашихъ интересахъ и объ интересахъ вашего народа. Когда обстоятельства перемѣнились и дошли до той степени, на какой находятся теперь, то мнѣ нельзя, отдѣльно отъ моихъ союзниковъ, соглашаться или благопріятствовать тому или другому распоряженію, болѣе или менѣе свойственному положенію вашего государства. Ссылаюсь на ваше величество и на публику: въ то время, когда я одна принимала участіе въ вашихъ дѣлахъ, не дѣлала ли я всего, не жертвовала ли я всѣмъ для устроенія этихъ дѣлъ въ пользу республики. Доведенная до крайности интригами и партіями вашего народа, я должна была войти въ согла-

шеніе съ двумя другими сосѣдями Польши, чтобы общими силами покончить съ ея смутами и бѣдствіями, отзывавшимися и въ нашихъ собственныхъ государствахъ. Не смотря на всѣ затрудненія, причиненныя Поляками въ моихъ дѣлахъ, я въ своемъ соглашеніи съ сосѣдями не потеряла изъ виду блага Польши. Это благо состоитъ для вашего величества въ цѣлости вашей короны, для націи—въ прочномъ успокоеніи, въ свободномъ правленіи, болѣе правильномъ, болѣе спокойномъ, болѣе безопасномъ для нея самой и для сосѣдей. Что касается подробностей, то мой министръ и министры двухъ другихъ дворовъ снабжены одинакими инструкціями. Поговоривши такъ откровенно съ вашимъ величествомъ, я бы вѣчно упрекала себя, умолчавъ, что потеряю всякую надежду видѣть упроченіе для васъ выгодъ этого соглашенія, если и теперь вы будете слушать гибельные совѣты тѣхъ, которыхъ интриги низвергли ваше государство въ пучину смутъ и раздоровъ, въ анархію, грозившую ему окончательнымъ разрушеніемъ, отъ чего оно было предохранено только вмѣшательствомъ трехъ сосѣднихъ державъ."

Инструкціи для министровъ трехъ дворовъ, упоминаемыя императрицею, были отправлены Штакельбергу 24 февраля. Въ нихъ говорилось: „Если будетъ замѣчено, что король, въ виду необходимости, расположенъ войти въ виды трехъ дворовъ, то можно войти съ нимъ въ соглашеніе относительно направленія сейма, разумѣется, когда будетъ увѣренность, что никакой интересъ, никакая интрига, никакое чуждое вліяніе не могутъ тутъ вмѣшаться ко вреду трехъ дворовъ. Король исключается тѣмъ менѣе, что въ этой чисто національной операціи признано полезнымъ допускать дѣятелей всякой партіи, если только они искренно захотятъ покончить со смутами своего отечества (эти строки первоначально были написаны рукою самой Екатерины).—Министры должны имѣть на сеймикахъ извѣстное число вѣрныхъ людей, которые обязаны направлять все къ предположеннымъ цѣлямъ; при назначеніи этихъ лицъ надобно имѣть въ виду не количество, а качество. Такъ какъ одна сила недостаточна для того, чтобъ заставить сеймики дѣйствовать въ видахъ трехъ дворовъ какъ при назначеніи депутатовъ, такъ и въ дачѣ имъ инструкцій, то необходимъ подкупъ, для котораго три двора назначаютъ при своихъ министрахъ кассу; доля каждаго двора не можетъ быть менѣе 150—200 тысячъ талеровъ. Касса находится въ общемъ распоряженіи троихъ мини-

стровъ и безъ согласія всѣхъ троихъ не дѣлается изъ нея ни одной выдачи. Агенты, зная сильную и слабую стороны каждаго сеймика, даютъ знать министрамъ, какое средство должно быть употреблено преимущественно или въ какой степени должны быть употреблены всѣ средства, и министры, вслѣдствіе этого извѣщенія, употребляютъ или военную силу, или увѣщаніе, или подкупъ. Такъ какъ нѣтъ никакой возможности достигнуть чего-нибудь на свободномъ сеймѣ, при liberum veto, то министры должны устроить сеймъ конфедераціонный (подъ узломъ конфедераціи, какъ говорили Поляки). Настоящіе агенты, которыхъ министры будутъ избирать, должны быть люди средняго класса, не связанные ни съ варшавскимъ дворомъ, ни съ саксонскою партіею, и которые исключительную возможность улучшенія своей участи будутъ видѣть въ прекращеніи бѣдствій отечества. Когда сеймъ начнетъ свою дѣятельность, министры потребуютъ отъ него назначенія депутаціи для переговоровъ съ ними; во время этихъ переговоровъ министры не позволятъ никакого спора о правахъ ихъ дворовъ на области назначенныя къ раздѣлу, никакого ограниченія или уменьшенія участковъ каждаго двора, должны настаивать на уступку полную и рѣшительную со стороны республики. Министры должны вытребовать всѣ архивы и документы относящіеся къ уступленнымъ странамъ. Что касается конституціи республики, то должно быть возобновлено и утверждено навсегда правленіе избирательное; впредь долженъ избираться въ короли только польскій шляхтичъ, рожденный въ Польшѣ и тамошній землевладѣлецъ; иностранные принцы исключаются навсегда. Сыновья и внуки послѣдняго короля не могутъ быть избраны непосредственно за отцомъ или дѣдомъ; они могутъ быть избраны по крайней мѣрѣ черезъ два царствованія. Liberum veto остается закономъ неизмѣннымъ. Министры прежде всего должны имѣть въ виду сохраненіе настоящаго короля на престолѣ. Всѣ преобразованія должны клониться къ возстановленію равновѣсія между властію короля, сената и шляхты (ordre equestre). Для этого король не долженъ, посредствомъ своихъ родственниковъ, увеличивать свою власть на счетъ двухъ другихъ силъ въ государствѣ, слѣдовательно королевскіе родственники не должны занимать никакихъ должностей; но такъ какъ нельзя лишить ихъ правъ, принадлежащихъ каждому шляхтичу, то постановить, что дядья, братья, родные и двоюродные короля и королевы, не могутъ быть

министрами и гетманами, не могутъ быть сенаторами, воеводами, каштелянами и занимать всякую меньшую должность. Тайный совѣтъ королевскій можетъ состоять только изъ сенаторовъ, назначенныхъ сеймомъ. Такъ какъ вліяніе короля на коммиссіи военную и финансовую возбудило тревогу въ народѣ, то эти коммиссіи должны уничтожиться, и должности гетмановъ и подскарбіевъ должны быть возстановлены въ прежнемъ значеніи, если большинство этого желаетъ. Только должны быть предотвращены старинныя злоупотребленія, у гетмановъ должно быть отнято право жизни и смерти надъ военными, и подскарбіи не должны по произволу располагать деньгами республики; для этого при гетманахъ и подскарбіяхъ должны быть совѣты, членовъ въ которые назначаетъ не король, а выбираются они воеводствами каждые два года. Войска, находящіяся теперь подъ начальствомъ короля, перейдутъ подъ начальство великихъ гетмановъ, и на будущее время польскій король не долженъ имѣть ни войска ему принадлежащаго, ни войска республики, находящагося подъ его начальствомъ. Такъ какъ вліяніе вельможъ, и именно королевской фамиліи, въ судахъ служитъ къ притѣсненію народа и нарушаетъ равновѣсіе власти, то президенты и члены судовъ будутъ избираться дискриптами и воеводствами, и должны быть изданы законы, которые бы освободили суды отъ всякой зависимости отъ короля и вельможъ. Такъ какъ шляхетство, составляющее третью власть, уступаетъ относительно вліянія двумъ другимъ властямъ, королю и сенату, и является періодически на сеймахъ, тогда какъ двѣ другія власти имѣютъ постоянную дѣятельность, то хорошо было бы постановить, чтобъ между сеймами нѣсколько шляхетскихъ депутатовъ засѣдало въ сенатѣ съ правомъ протеста противъ всѣхъ рѣшеній, несогласныхъ съ конституціею или привилегіями ихъ сословія. Такъ какъ королевскія имѣнія уменьшились вслѣдствіе раздѣла, то надобно прибавить къ нимъ нѣсколько староствъ, чтобъ доходъ короля былъ не менѣе 400,000 дукатовъ. Раздача остальныхъ староствъ остается за королемъ; но должно быть постановлено, чтобъ одному дому (maison) нельзя было пожаловать болѣе двухъ староствъ, которыя вмѣстѣ не должны давать болѣе 8,000 дукатовъ годоваго дохода, такъ что если кто имѣетъ одно староство, приносящее такой доходъ, то другаго получить уже не можетъ. Въ Польшѣ единодушно желаютъ умноженія войска, и дѣйствительно это нужно для поддер-

жанія порядка и спокойствія; войско правительства гораздо меньше войска частныхъ людей, которые поэтому могутъ безнаказанно смѣяться надъ властію. Не будетъ никакого неудобства для сосѣднихъ державъ, если войско республики увеличится на 6,000 человѣкъ. Такъ какъ диссидентское дѣло есть одно изъ самыхъ существенныхъ при успокоеніи Польши, то три министра должны содѣйствовать соглашенію между диссидентами и католиками. Съ той и другой стороны могутъ быть сдѣланы уступки: диссиденты могутъ отказаться отъ вступленія въ сенатъ и отъ министерскихъ мѣстъ, а католики отъ наказанія за переходъ изъ католичества въ другое исповѣданіе: это законъ варварскій, котораго нельзя болѣе терпѣть въ просвѣщенный вѣкъ. Остальныя права диссидентовъ должны быть удержаны за ними во всей силѣ“ (особенно право быть депутатомъ на сеймахъ, прибавила Екатерина). Въ инструкціяхъ была статья, что король не можетъ покупать земель въ Польшѣ и Литвѣ. Екатерина зачеркнула статью, написавши: „Я зачеркнула эту статью потому, что въ избирательномъ королевствѣ земли короля послѣ его смерти сдѣлаются опять шляхетскими (terres nobles); статья увеличила бы только крики безо всякой для насъ существенной пользы; кому нечѣмъ жить, тотъ не покупаетъ земель.“

Еще въ концѣ 1772 года Екатерина писала Панину по поводу донесеній Штакельберга о созваніи сената: „Читавъ сіе, мнѣ пришло на умъ, чтобъ пользоваться симъ случаемъ и отпустить къ сему сенатусъ-консиліумъ тѣхъ сенаторовъ, кои у насъ въ Калугѣ содержатся. Сіе на первый взглядъ можетъ быть странно покажется; но въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлать разныя полезныя импрессіи. Бояться ихъ нечего, ибо три державы всю націю держатъ въ почтеніи. Боязливые примѣромъ сихъ людей устрашаться будутъ. Многіе увидятъ, коль мало мы ихъ интригъ и интриганта уважаемъ въ семъ случаѣ; иные же похвалятъ сей поступокъ; другимъ отнимется одинъ способъ болѣе противу насъ кричать, а будутъ и такіе, у которыхъ атенція оборотится болѣе къ сему добровольному поступку, нежели къ самому дѣлежу. Въ томъ числѣ будетъ родня и кліенты сихъ людей. Теперь прошу сказать тѣ причины, кои противорѣчатъ сему моему мнѣнію: мнѣ никакихъ на умъ не приходитъ. Если же нѣтъ никакихъ, то быть по сему. Чарторыжскимъ сіе пріятно быть не можетъ, ибо сіи люди были саксонской

партіи коренные boute-feux (поджигатели). Всѣмъ же прочимъ сенаторамъ отниметъ сей примѣръ случай отговариваться отъ съѣзда, безъ котораго желаемый нами сеймъ состояться или, лучше сказать, собраться не можетъ." Панину не пришло на умъ никакихъ возраженій, и калужскіе заточники были освобождены.

Прежде всѣхъ пріѣхалъ изъ Калуги въ Варшаву Солтыкъ. По словамъ Штакельберга, Цицеронъ не могъ надѣлать болѣе шума въ Римѣ по возвращеніи изъ ссылки. Вся Варшава пришла въ движеніе: папскій нунцій, епископы и вся знать выѣхали къ нему на встрѣчу; толпы простаго народа тѣснились около его кареты съ крикомъ: vivat! Солтыкъ одѣтъ былъ въ изношенное платье, плѣшивая голова была открыта, видъ имѣлъ сокрушенный, сидѣлъ потупивъ глаза и безпрестанно творилъ крестное знаменіе. Двери его дома тотчасъ же отворились для всѣхъ бѣдныхъ, самъ онъ пѣшкомъ ходилъ по церквамъ и служилъ обѣдни. Встрѣтивъ его у королевской сестры, къ которой онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи 50 человѣкъ Бенедиктинцевъ, Штакельбергъ сказалъ ему, что публика получила бы еще высшее понятіе о его святости, еслибъ онъ оставался спокойно дома, отдыхая съ дороги. Солтыкъ очень пріутихъ послѣ этихъ словъ. Онъ два раза пріѣзжалъ къ Штакельбергу, тотъ былъ у него разъ, и всѣ три свиданія были посвящены тому, чтобъ „укротить энтузіазмъ епископа оружіемъ разсудка и очевидности." Успѣхъ, повидимому, остался на сторонѣ укротителя: Солтыкъ началъ повторять, что не сдѣлаетъ ни одного шага, не скажетъ ни одного публичнаго слова, не посовѣтовавшись съ Штакельбергомъ. Онъ попросилъ у посланника позволенія писать императрицѣ и получилъ его. Письмо было написано въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ: Солтыкъ благодарилъ за милость, просилъ прощенія за прошлое и поручалъ себя въ высокое покровительство русской государыни.

19-го февраля послѣдовалъ отвѣтъ польскаго правительства на объявленіе трехъ дворовъ о раздѣлѣ Польши. Въ отвѣтѣ говорилось, что чрезмѣрность требованій, предъявленныхъ тремя дворами, усиленная выраженіями обвиненій и упрековъ, оскорбила чувствительность короля и сената; что не соблюдено должнаго уваженія къ королю и республикѣ, тогда какъ осторожное поведеніе короля заслуживало другаго. Впрочемъ король, по совѣту сената, принявши во вниманіе серіозныя угрозы и дѣйствительныя опасности

въ случаѣ отказа требованіямъ трехъ дворовъ, исполнилъ ихъ желаніе, назначивъ сеймъ на 19 апрѣля. Наконецъ король, по совѣту сената, обращается къ тремъ дворамъ съ торжественнымъ заявленіемъ о необходимости вывести ихъ войска изъ владѣній республики прежде начатія сеймиковъ, чтобъ послѣдніе, равно какъ и сеймъ, могли идти свободно, и національная воля могла выразиться безъ стѣсненія и опасности. Министры трехъ дворовъ рѣшили смолчать относительно тона этого отвѣта: они съ самаго начала приняли за правило позволять всякаго рода декламаціи, которыя не могутъ имѣть послѣдствій, оставить Полякамъ это утѣшеніе, лишь бы главное дѣло шло своимъ чередомъ.

Сеймики должны были начаться 22-го марта, но преданные люди, отправившіеся въ провинціи, представили Штакельбергу, что они не могутъ отвѣчать за пріѣздъ ни одного депутата изъ своихъ пріятелей, если не будетъ обѣщано содержать ихъ, ибо они находятся въ страшной бѣдности. Отъ сеймиковъ вниманіе Штакельберга невольно обращалось къ сейму вслѣдствіе приведенной инструкціи для пословъ трехъ державъ. Онъ писалъ Панину, что, по его убѣжденію, требуемую въ нихъ отмѣну закона объ отступничествѣ провести нельзя: „Слѣпой фанатизмъ Поляковъ, способный пожертвовать всѣмъ, еще не представляетъ въ этомъ дѣлѣ такой трудности, какъ вѣнскій дворъ, а именно: чувствительность императрицы-королевы къ религіозному вопросу. Папа выхлопоталъ у нея приказаніе барону Ревицкому покровительствовать религіи, особенно по этому пункту, и Ревицкій мнѣ объявилъ, что имѣетъ инструкцію и ведетъ отдѣльную по этому предмету переписку съ императрицею. Какъ бы законъ несправедливъ ни былъ самъ по себѣ, умоляю не настаивать на сію отмѣну, ибо отъ этого прежде всего потерпитъ ущербъ согласіе между обоими дворами, и вовторыхъ, вводъ диссидентовъ въ законодательное собраніе,—дѣло и безъ того очень трудное,—станетъ невозможнымъ. Наконецъ, форма правленія, какую вводятъ дворы, и ограниченія королевской власти возбудятъ противъ насъ всю королевскую партію. Только ставя короля между страхомъ и надеждою, я успѣлъ привести его въ страдательное положеніе и направлять сенатъ. Какъ только Станиславъ Августъ свѣдаетъ будущую свою участь, то станетъ поднимать небо и землю, чтобъ не сойти на степень театральнаго короля. Если съ одной стороны мы будемъ имѣть противъ себя

всѣхъ друзей двора, и съ другой вооружимъ другую часть націи, раздраживъ ее религіознымъ вопросомъ, для нея самымъ дорогимъ и священнымъ, то легко понять что изъ этого выйдетъ. То же будетъ и относительно староствъ для вознагражденія короля, если надобно ихъ будетъ взять при жизни настоящихъ владѣльцевъ." Панинъ отвѣчалъ, что если уничтоженіе закона объ отступничествѣ встрѣчаетъ такое затрудненіе, то можно оставить его съ измѣненіями или даже вовсе безъ перемѣны. Касательно староствъ Панинъ предписывалъ сообразоваться съ желаніемъ націи. Панинъ прислалъ также добавленіе къ инструкціямъ, на счетъ котораго Штакельбергъ долженъ былъ согласиться со своими товарищами: королю можно было предоставить право имѣть гвардію изъ двухъ баталіоновъ иностранныхъ войскъ, для чего назначить особую сумму; ибо когда союзныя войска оставятъ Польшу, то жизнь Станислава Августа можетъ подвергнуться опасности вслѣдствіе ненависти противъ него въ народѣ за раздѣлъ Польши.

Панинъ для настоящей минуты больше всего требовалъ отъ Штакельберга согласія съ его австрійскими и прусскими товарищами. „Остерегайтесь возбудить подозрѣніе, что мы хотимъ поддержать наше господство, тогда какъ дѣло можетъ совершиться только при совершенномъ равенствѣ трехъ дворовъ. Не связывать себѣ рукъ обязательствами, могущими загородить дорогу нашему вліянію, не отягчать, отдѣльно отъ двухъ другихъ дворовъ, положенія Польши, не отчуждать Поляковъ дѣйствіями, которыя могутъ быть приписаны однимъ намъ, вотъ все что намъ позволяетъ настоящая минута. Вмѣсто того, чтобъ показывать себя слишкомъ заботливыми на счетъ будущаго, было бы полезно обнаруживать равнодушіе; пусть заподозрятъ въ этомъ ваше собственное искусство или политику вашего двора—повѣрьте, что наше дѣло отъ этого выиграетъ".

Сеймъ приближался, и Штакельбергъ прежде всего начинаетъ жаловаться на Солтыка, который опять пошелъ на перекоръ намѣреніямъ и планамъ трехъ дворовъ, и когда Штакельбергъ сдѣлалъ ему серіозныя внушенія на письмѣ, Солтыкъ отвѣчалъ: „Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Варшаву, въ первыхъ разговорахъ съ вами и министрами двухъ другихъ дворовъ, я объявилъ вамъ откровенно, что не стану одобрять вашихъ намѣреній противъ Польши; я вамъ нѣсколько разъ повторялъ отдѣльно, что Полякъ, одобряя

раздѣлъ своего государства, грѣшитъ противъ заповѣдей Божіихъ, запрещающихъ касаться собственности ближняго; а кто одобритъ такое дѣло, будетъ его сообщникомъ; что по естественному закону каждый обязанъ защищать право отечества, если не хочетъ быть чудовищемъ; что если мы, сенаторы, одобримъ это, то будемъ клятвопреступниками; кто далъ намъ власть сдѣлать нашихъ собратій рабами и чрезъ это пріобрѣлъ ту же власть и надъ нами? Я вамъ постоянно объявлялъ, что сдѣлаю все для васъ, если въ вашихъ требованіяхъ не будетъ ничего противнаго моей совѣсти и чести. Вы меня увѣряли, что, зная хорошо мой характеръ и мой образъ мыслей, вы не осмѣлитесь меня искушать. Шлюсь на полковника Бахметева и другихъ офицеровъ, карауливших меня въ тюрьмѣ: развѣ я имъ не объявлялъ, что предпочту провести остатокъ дней моихъ въ темницѣ, даже въ Камчаткѣ, на хлѣбѣ и на водѣ, чѣмъ получить свободу цѣною блага отечества и совѣсти моей. То же самое повторялъ я и вамъ и даже прибавилъ, что скорѣе лишусь жизни, чѣмъ подпишу пагубное рѣшеніе противъ своего отечества. Не желая подтвержденія раздѣла, я не могъ желать сейма; не желая сейма, я не могъ желать сеймиковъ, и поэтому я употребляю всевозможныя усилія, чтобъ ихъ разорвать. Я вамъ открываю всю правду, а вы меня упрекаете, что я не сдержалъ своего слова. Вы меня упрекаете въ поступкѣ не очень искреннемъ, именно, что я вамъ представилъ моихъ братьевъ родныхъ и двоюродныхъ и моихъ племянниковъ какъ будущихъ депутатовъ: что̀ вы называете обманомъ, я называю политическою штукою, хитростію позволенною въ подобныхъ случаяхъ, наконецъ restriction mentale. Знайте, что я смолоду учился у іезуитовъ." Штакельбергъ отвѣчалъ ему: „Я не учился у іезуитовъ и ненавижу макіавелизмъ; религію и нравственность никогда я не бралъ предлогомъ для прикрытія интереса моихъ страстей. Фанатизмъ, личный интересъ, интриги, а не сосѣднія державы причиною несчастія Польши: здравый смыслъ, истинный патріотизмъ и благоразуміе должны его прекратить; когда вы отыщете въ своемъ сердцѣ смыслъ этихъ добродѣтелей, то умоляю, увѣдомьте меня объ этомъ и я приму васъ съ отверстыми объятіями. Я не отвѣчаю вамъ на счетъ намѣреній дворовъ: они не по вашей части".

„Солтыкъ сумашедшей, писалъ Штакельбергъ Панину 1-го апрѣля, но изъ такихъ сумашедшихъ, которыхъ запираютъ. Я на-

писалъ ему письмо, чтобъ покончить съ нимъ всякія сношенія; я не велѣлъ принимать его писемъ, а за нимъ самимъ приказалъ присматривать. Вѣрно, что этотъ человѣкъ надѣлалъ таки зла. Изумительно, что сеймъ собирается; безъ внушеній Солтыка онъ былъ бы не такъ шуменъ, какъ будетъ. На раздѣлъ смотрѣли, какъ на бѣду неминучую, а теперь толкуютъ о разрывѣ конгресса и объ условіяхъ, на которыхъ нужно написать договоръ. Наконецъ черезъ восемь дней занавѣсъ поднимется и великая пьеса станетъ разыгрываться; увѣряю васъ, что при этомъ мы будемъ имѣть такія трудности, какихъ и не ожидаемъ. Возбужденіе опасеній и угрозы производятъ мало впечатлѣнія. Иностранныя войска и безъ того поглощаютъ всѣ доходы частныхъ лицъ".

Сеймъ начался подъ узломъ конфедераціи. Но только что маршалы конфедерацій коронный и литовской вошли въ залу засѣданій и первый депутатъ краковскій открылъ засѣданіе объявленіемъ конфедераціи, какъ поднялся громадный Литвинъ, именемъ Рейтанъ, и началъ кричать на весь замокъ: не позволяю! Крикъ этотъ продолжался трое сутокъ и сеймъ остановился. Когда маршалъ коронный конфедераціи графъ Понинскій всталъ, чтобъ постучать, по обычаю, палкой для возстановленія порядка, Рейтанъ схватилъ другую палку и, ставши на маршальское мѣсто, закричалъ: „я самъ маршалъ, и могу быть такимъ же хорошимъ маршаломъ, какъ и другой, выбранный въ темнотѣ и тайнѣ!"

Бенуа и особенно командующій прусскимъ войскомъ генералъ Лентулусъ предложили Штакельбергу схватить Рейтана; тотъ отвѣчалъ, что такъ какъ его прусское величество равный участникъ въ дѣлахъ, то онъ, Штакельбергъ, согласенъ, чтобы прусскіе гусары схватили Рейтана, но что онъ рѣшился не употреблять насилія; что имъ, посламъ трехъ союзныхъ дворовъ, нечего тревожиться криками сумашедшихъ, и онъ беретъ на себя заставить короля принять договоръ у себя во дворцѣ, не входя въ посольскую избу. Чтобъ исполнить это обѣщаніе, Штакельбергъ призвалъ къ себѣ обоихъ канцлеровъ и просилъ ихъ сообщить королю, что если онъ не приступитъ къ договору въ 24 часа, то послано будетъ приказаніе двинуть войска. Король не согласился и пригласилъ къ себѣ Штакельберга на 11 апрѣля. Потомъ повторилъ ему то же самое и представилъ ему неудобства и замедленія, какія произойдутъ отъ его прибытія въ залу сената, если Рейтанъ и товарищи

его явятся туда, что и будетъ по всѣмъ вѣроятіямъ. Король согласился собрать сенатъ во дворцѣ, велѣлъ канцлеру повторить угрозу Штакельберга и призвать маршаловъ конфедераціи. „Все это сдѣлано, писалъ Штакельбергъ въ Петербургъ: маршалы произнесли рѣчи, король приступилъ къ договору, сенаторы подписали отдѣльно, палаты присоединятся 13 числа, Рейтанъ и его приверженцы испугались и просятъ милости: все спокойно."

Но гораздо было труднѣе провести новую конституцію. Король велѣлъ сказать Штакельбергу, что не позволитъ уменьшить ни въ чемъ своихъ правъ. Мы видѣли, что сеймъ долженъ былъ договариваться съ послами чрезъ уполномоченныхъ изъ сенаторовъ и депутатовъ; сеймовыхъ депутатовъ посламъ трехъ дворовъ еще можно было набрать своихъ; но сенаторовъ назначалъ король. Послы отправили къ нему списокъ желаемыхъ ими лицъ, включивъ всѣхъ министровъ, между которыми находились его родственники. Станиславъ отвергнулъ этотъ списокъ съ непонятнымъ упорствомъ. Начали думать опять о движеніи войскъ; но Штакельбергъ писалъ Панину: „Умоляю исходатайствовать, что если уступать во всемъ, эти войска должны очистить республику. Я долженъ повергнуть бѣдную Польшу къ стопамъ нашей августѣйшей государыни и умолять за нее о милосердіи. Вся великая Польша изъ провинціи богатой и населенной превратилась почти въ пустыню вслѣдствіе занятія прусскими войсками, которымъ она доставляетъ фуража и контрибуціи на 40,000 талеровъ въ мѣсяцъ, тогда какъ ея депутаты на сеймѣ дѣлаютъ всевозможное въ нашу пользу: не удивительно, что эти люди начинаютъ отступать отъ насъ изъ отчаянія."

Благодаря политической рѣчи короля, сеймъ отправилъ министрамъ трехъ дворовъ ноту: „Союзные дворы передали польскому министерству изложеніе основаній, почему они считаютъ себя въ правѣ на извѣстныя польскія земли. Польское министерство отвѣчало изложеніемъ своихъ правъ на эти земли, правъ основанныхъ на доказательствахъ очевидныхъ; но такъ какъ республика не видитъ, чтобъ на ея отвѣтъ было обращено достойное вниманіе, а между тѣмъ три двора не отстаютъ отъ своихъ требованій, то для Польши необходимо предложить этимъ самымъ тремъ дворамъ согласиться на принятіе дружескаго вмѣшательства державъ нейтральныхъ и поручителей въ нашихъ договорахъ, для изслѣдованія

правъ и притязаній, дабы три сосѣднихъ двора не были истцами и судьями въ собственномъ дѣлѣ.“ Штакельбергъ отвѣчалъ: „Три двора уже передали польскому министерству изложеніе своихъ правъ, основанныхъ на доказательствахъ неопровержимыхъ и ставшихъ еще безспорнѣе отъ недостаточнаго возраженія, сдѣланнаго съ польской стороны. Подписавшійся не можетъ дать другаго отвѣта, кромѣ содержанія разныхъ декларацій трехъ сосѣднихъ державъ, а именно 22 января (2 февраля), въ которой они опредѣлили довольно замѣчательную альтернативу для Польши: окончательное рѣшеніе дѣла къ 7 іюня, или увеличеніе требованій съ ихъ стороны. Не смотря на такой языкъ рѣшительный и неизмѣнный, подписавшійся видитъ съ печалію и состраданіемъ, что сеймъ проводитъ время въ пустякахъ, придиркахъ и спорахъ о словахъ; между тѣмъ страшный срокъ приближается и виновники этихъ замедленій не трепещутъ. Они должны отвѣчать на коварный аргументъ, что державы не должны быть истцами и судьями въ своемъ дѣлѣ. Кто виноватъ, что онѣ наконецъ принуждены были сами себѣ оказывать справедливость? виноватъ этотъ духъ властолюбія, который, заимствуя всѣ голоса, принимая всѣ формы, возбудилъ смуту, воспламенилъ междоусобную войну и произвелъ кровавую борьбу между Россіею и Портою, продолжающуюся четыре года. Къ этимъ разсужденіямъ присоединяю послѣднее: если сеймъ въ 8 дней не назначитъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ министрами трехъ дворовъ, то никто не отвѣчаетъ за слѣдствіе.“

„Мы, писалъ Штакельбергъ Панину, выполнили такую трудную задачу, собрали сеймъ, составили конфедерацію, склонили всю націю къ договору съ державами—и все препятствіе и замедленіе встрѣчаемъ въ особѣ короля!“ 26 апрѣля министры трехъ дворовъ отправились къ Станиславу Августу упрашивать его не дѣлать имъ препятствій, но Штакельбергъ понапрасну истощалъ свое краснорѣчіе; припѣвъ ко всѣмъ отвѣтамъ королевскимъ былъ одинъ: „я не могу противиться раздѣлу; но я никогда не позволю сеймовой делегаціи рѣшать вопроса о моихъ правахъ и правительственной формѣ.“ Штакельбергъ объявилъ, что переговоры о раздѣлѣ Польши и переговоры о ея внутреннемъ устройствѣ нераздѣльны, что отъ нихъ зависитъ спокойствіе Европы, и король своимъ сопротивленіемъ можетъ нанести бѣдствіе Польшѣ: назначенный срокъ пройдетъ и послы велятъ двинуться войскамъ. Тутъ король распространился

о несправедливости и невозможности отнятія у него правъ, о дурномъ правительственномъ устройствѣ, которое выйдетъ дѣломъ рукъ трехъ дворовъ, не имѣющихъ понятія о польскихъ законахъ, и дѣломъ нѣсколькихъ Поляковъ, ему, королю, враждебныхъ. Министры дворовъ возражали ему, что объ его правахъ еще ничего не рѣшено, что безурядица въ Польшѣ достаточно ускпила для дворовъ злоупотребленія ея правительства, и аргументъ относительно враговъ его неприложимъ, ибо онъ можетъ назначить весь сенатъ. Все было безполезно: онъ вдругъ всталъ со своего мѣста и сказалъ, что въ слѣдующій понедѣльникъ будетъ говорить въ послѣдній разъ въ сенатѣ. Едва министры трехъ дворовъ успѣли оставить дворецъ, какъ по городу уже начали ходить красивыя фразы короля. По словамъ Штакельберга, Станиславъ цѣлый день расточалъ передъ каждымъ слезы, трогательныя положенія и цвѣты реторики.

27-го числа министры трехъ дворовъ распустили между Поляками слухъ, что они заняты распоряженіями относительно движенія войскъ, что и было совершенно справедливо; а къ нимъ отъ двора приходили вѣсти, что король готовится протестовать противъ всего и что даже намѣренъ отказаться отъ престола. Эти вѣсти заставляли пословъ рѣшиться на какое-нибудь сильное средство; но какое именно? Бенуа и Лентулусъ, показывали письма прусскаго короля, содержавшія приказанія употреблять самыя крайнія средства при малѣйшемъ сопротивленіи. Но Штакельбергъ представлялъ, что личное сопротивленіе короля не должно еще подвергать гибели цѣлый народъ, тѣмъ болѣе, что это сопротивленіе не касается раздѣла. Рѣшено было распространить по городу слухи, что приказанія на счетъ движенія войскъ отданы, и послать русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ квартирмейстеровъ для назначенія постоевъ въ знатныхъ домахъ. Это навело на Поляковъ желанный страхъ, а появленіе прусскаго эскадрона въ полумили отъ города докончило впечатлѣніе.

1 мая, въ 8 часовъ утра, Штакельбергъ собралъ у себя всѣхъ сеймовыхъ депутатовъ, и въ присутствіи своихъ товарищей, австрійскаго и турецкаго, постарался объяснить имъ, какъ безразсудно было бы съ ихъ стороны подвергаться военной екзекуціи, тогда какъ относительно раздѣла и самъ король согласенъ, упрямится только относительно внутреннихъ вопросовъ, тогда какъ ни одинъ

изъ этихъ вопросовъ еще не рѣшенъ и безъ совѣщанія съ ними рѣшенъ не будетъ. Въ то же время по улицамъ путешествовали два эскадрона Пруссаковъ и два эскадрона Австрійцевъ, которыхъ министры трехъ дворовъ ввели въ городъ подъ условіемъ, вытребованнымъ Штакельбергомъ, что они выйдутъ изъ Варшавы какъ только цѣль будетъ достигнута, т.-е. какъ скоро Поляки будутъ напуганы. Вся Варшава была поражена ужасомъ при видѣ этихъ войскъ. Одинъ король, ободренный своимъ маленькимъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ любовницы и двоихъ иностранцевъ, одного Швейцарца и одного Француза, вызывалъ на борьбу три державы, внушая депутатамъ, что послѣднія хотѣли ввести аристократическое правленіе, составленное изъ 12 тиранновъ. Пріѣхавши на сеймъ, король предложилъ на утвержденіе большинствомъ голосовъ свой актъ избранія уполномоченныхъ для переговоровъ съ послами; другой актъ былъ составленъ самими послами, и королевскій отличался отъ послѣдняго тѣмъ, что въ немъ уполномоченные по внутреннимъ вопросамъ не могли постановлять окончательно и передавали дѣла на рѣшеніе сейму, что̀ вело къ проволочкѣ времени. Тутъ маршалъ конфедераціи Понинскій приблизился къ трону и представилъ королю, что ему, маршалу, одному принадлежитъ право предлагать предметы на рѣшеніе большинствомъ голосовъ. Король и его партія не признали этого права. Всталъ епископъ куявскій Островскій и въ сильныхъ выраженіяхъ представилъ королю, чему онъ подвергаетъ націю. Многіе сенаторы говорили въ томъ же смыслѣ; маленькій князь Сульковскій, палатинъ гнѣзненскій, подземная фигура, по выраженію Штакельберга, съ мужественнымъ краснорѣчіемъ, произведшимъ сильное впечатлѣніе на толпу, обратился къ королю со словами, что его величество, сидя на тронѣ, самъ не рискуетъ ни чѣмъ, а подвергаетъ опасности жизнь, честь и собственность согражданъ. Сдѣлано было предложеніе отправить депутацію къ министрамъ трехъ дворовъ съ просьбою дать еще два дня сроку. Король не согласился и на это предложеніе, тогда пошли на голоса и большинство сказалось противъ короля. Министры трехъ дворовъ исполнили просьбу сейма, дали сроку до 3-го мая, поручивши депутаціи передать сейму протестъ противъ королевскаго акта, какъ написаннаго безъ соблюденія должнаго уваженія къ ихъ дворамъ.

2-го мая союзные министры употребили на обезпеченіе для себя большинства въ палатѣ депутатовъ и, по общему согласію, издержали на этотъ предметъ 8,000 червонныхъ. Въ то же время они внушили родственникамъ короля, что первыя слѣдствія исполненія угрозъ падутъ естественно на нихъ, если они не найдутъ средства отвратить его величество отъ упорства гибельнаго и безполезнаго вмѣстѣ. Кромѣ того министры сочинили декларацію, которая должна была отнять у сейма малѣйшее сомнѣніе на счетъ возможности принятія королевскаго акта. Вельможи представили эту декларацію королю съ просьбою уступить и своимъ упорствомъ не подвергать ихъ вѣрной гибели. Станиславъ отвѣчалъ, что скажетъ свое мнѣніе сенату; но прибывъ въ собраніе онъ сталъ по прежнему рѣчами и жестами ободрять свою партію, чтобъ проводила его актъ, при чемъ самъ отмѣчалъ карандашомъ голоса. Не смотря однако на всѣ его усилія, большинство оказалось за актъ, предложенный послами трехъ державъ. Описывая Панину всѣ свои хлопоты по этимъ дѣламъ, Штакельбергъ жаловался на своихъ товарищей, преимущественно австрійскаго, барона Ревицкаго: это, по его словамъ, былъ человѣкъ вовсе неспособный для такого дѣла, слабый, легко поддающійся и лѣнивый; секретъ его въ рукахъ двоихъ Италіянцевъ, которые употребляли во зло состояніе, въ какомъ бывалъ посланникъ послѣ обѣда. Бенуа человѣкъ умный и дѣйствовалъ очень согласно съ Штакельбергомъ; но онъ не имѣлъ никакого вліянія на Поляковъ.

Король, со своей стороны, описывалъ свои хлопоты и свое печальное положеніе маменьки Жоффрэнъ: „Клянусь честью, что я не далъ ничего и ничего не обѣщалъ никому изъ тѣхъ, которые до конца держались моего мнѣнія на сеймѣ. 100,000 иностранцевъ жестоко опустошаютъ Польшу, особенно притѣсняютъ тѣхъ, которые не угождаютъ имъ. Три министра роздали много денегъ на сеймѣ. Иностранцы видѣли, что есть люди честные и мужественные въ странѣ, ибо почти половина сейма устояла противъ ихъ золота и противъ ихъ силы. Но увы, къ чему все это служитъ, когда нѣтъ ни денегъ, ни войска! На другой день послѣ рѣшенія этого несчастнаго дѣла мнѣ сказали: „Еслибы вы получили большинство, то вы перестали бы быть королемъ, и остальная Польша была бы подѣлена между нами.“ Король прусскій имѣетъ это постоянно въ виду. Теперь, не смотря на то, что три двора взяли

все, чего хотѣли, ихъ войска продолжаютъ жить въ Польшѣ, кормиться даромъ на ея счетъ. Русскій министръ обѣщаетъ, что это скоро кончится, австрійскій также ласкаетъ надеждою, прусскій не дѣлаетъ и этого. Его государь, кажется, занятъ придумываніемъ средствъ заставить своихъ союзниковъ согласиться, чтобъ онъ взялъ у насъ еще больше земель. Императоръ кажется считаетъ себя обязаннымъ дѣлать намъ столько же зла, какъ и прусскій король, а русская императрица такъ занята Туркомъ, что не можетъ помѣшать прусскому королю вредить намъ. Съ 14-го мая я совершенно завишу отъ милости трехъ дворовъ. Я умираю съ голоду; вооружаются противъ всего, что мнѣ наиболѣе дорого. Не смотря на то, надобно показывать наружное спокойствіе, исполнять съ нѣкотораго рода достоинствомъ худшую изъ ролей, и думать, что можетъ быть еще хуже и стараться отвратить это худшее отъ государства, сберечь нѣсколько зеренъ, которыя могутъ прозябнуть при болѣе благопріятной погодѣ.

8-го мая назначены были уполномоченные для переговоровъ съ министрами трехъ дворовъ; король назначилъ всѣхъ сенаторовъ, находившихся на лицо; маршалы назначили 60 человѣкъ шляхты, что составило всего 100 человѣкъ. Когда все такимъ образомъ было улажено, открылось препятствіе къ начатію переговоровъ, и не со стороны Поляковъ, которые, напротивъ, теперь торопили дѣломъ: Ревицкій не получалъ отъ своего двора никакихъ инструкцій, и по городу пошли самые чудовищные слухи о причинахъ такой медленности. Наконецъ бумаги пришли и переговоры начались 22-го мая; а на другой день Штакельбергъ опять жаловался на Ревицкаго: „Это человѣкъ добрый, мой другъ, и который во всемъ слѣдовалъ за мною; но онъ не только самъ держитъ сторону короля, но, какъ кажется, склоняетъ туда же и дворъ свой. Я не подозрѣваю, чтобъ онъ былъ подкупленъ, ибо считаю его честнымъ человѣкомъ, но мнѣ кажется, что король обѣщалъ слѣдовать идеямъ императрицы королевы относительно религіи и что Ревицкій вошелъ въ этотъ планъ посредствомъ нунція. Рѣшено, что диссиденты никогда не получатъ участія въ законодательствѣ.“ Штакельбергъ думалъ, что Ревицкій по собственному побужденію держалъ сторону короля и склонялъ къ тому же свой дворъ, тогда какъ, наоборотъ, онъ дѣйствовалъ по инструкціямъ своего двора, которыя предписывали ему стараться объ усиленіи королевской

власти, о возможномъ ограниченіи „liberum veto“, чтобъ Польша могла поддержать значеніе посредствующаго государства между Россіею, Пруссіею и Австріею (puissance intermédiaire). Скоро Штакельбергъ долженъ былъ жаловаться на обоихъ своихъ товарищей. Ревицкій объявилъ, что границы прусской доли, представленныя Бенуа, явно несогласны съ конвенціею трехъ дворовъ, и потому онъ не знаетъ, удержитъ ли его дворъ свой первый планъ; но на картѣ самого Ревицкаго оказалась пограничною рѣка Подгурже, которая была неизвѣстна, и съ австрійской стороны предполагалось, что подъ нею надобно разумѣть рѣку Сбручъ. Ревицкій объявилъ, что не можетъ продолжать переговоры какъ вслѣдствіе прусской карты, такъ и вслѣдствіе того, что еще не получилъ изъ Вѣны оригинала своихъ полномочій, а только копіи, да не пріѣзжалъ еще инженеръ съ вѣрною картою. Штакельбергъ бросился къ Бенуа, не можетъ ли онъ упросить своего короля, чтобъ позволилъ внести въ договоръ общія выраженія конвенціи; объясненіе же ихъ произойдетъ на мѣстѣ посредствомъ коммиссаровъ, ибо объясненіе королевское останавливаетъ все дѣло. Бенуа отвѣчалъ, что не только рѣшеніе его короля непоколебимо и въ присланной картѣ никакого измѣненія не будетъ, но если Австрійцы примутъ Сбручъ границею, то прусскій король не удовольствуется своею настоящею долей. Дѣло затягивалось, а Поляки, и согласные на все, выходили изъ терпѣнія, при видѣ совершеннаго разоренія. Прусаки заставляли давать себѣ съѣстные припасы и фуражъ на 30,000 человѣкъ, тогда какъ ихъ было всего 5,000. Штакельбергъ писалъ въ Берлинъ кн. Долгорукому, прося представить прусскому министерству, что русскія войска платятъ за все, и что между тремя дворами постановлено платить за припасы и фуражъ, какъ только Поляки станутъ сообразоваться съ желаніями союзниковъ. Долгорукій отвѣчалъ, что король намѣренъ сообразоваться съ рѣшеніемъ двухъ императорскихъ дворовъ на этотъ счетъ, и что Бенуа получитъ указы въ этомъ смыслѣ. Такъ какъ Ревицкій получилъ отъ своего двора приказаніе платить за все, то оставалось только всѣмъ троимъ согласиться поступать одинаково; но Бенуа постоянно уклонялся отъ этого рѣшенія, хотя, по словамъ Штакельберга, онъ первый былъ оскорбленъ варварствомъ, съ какимъ прусскіе офицеры поступали въ Польшѣ. Штакельбергъ высказывалъ убѣжденіе, что если не будетъ постановлено, чтобы

Австрійцы и Прусаки платили за все, потребляемое ими въ Польшѣ, то никакая сила на свѣтѣ не можетъ заставить ихъ выйти изъ этой страны: такова разчетливость, царствующая въ Вѣнѣ и Берлинѣ.

По этому поводу Панинъ прислалъ Штакельбергу наставленія: „всякій разъ, какъ прусскій министръ будетъ предлагать употребленіе силы, и вамъ будетъ казаться, что есть еще другія средства, сдерживайте его стремленія и принимайте сіе мнѣніе только когда крайность заставитъ. Говорите съ нимъ обо всемъ, что явится чрезмѣрнымъ и слишкомъ вопіющимъ въ поведеніи прусскихъ войскъ, но говорите какъ пріятель съ пріятелемъ, какъ министръ съ министромъ, не давая вида, что вашъ дворъ тутъ вмѣшивается; представьте ему, что кратковременная выгода кормить свое войско въ чужой землѣ нейдетъ въ сравненіе съ необходимостію вывести Европу изъ кризиса, въ которомъ она находится. Но прямѣе вы можете вооружиться противъ равнодушія Ревицкаго относительно внутреннихъ дѣлъ. Если онъ дѣйствуетъ вяло вслѣдствіе религіознаго вопроса, то вы можете ему сказать, что при самомъ вступленіи въ переговоры съ его дворомъ послѣднему было сообщено все, чего желалось для диссидентовъ; что послѣ не только не потребовалось ничего больше, но вамъ еще велѣно не требовать уничтоженія уголовнаго закона противъ отступничества, также не требовать смѣшаннаго суда, который уже не можетъ болѣе существовать въ прежней формѣ вслѣдствіе присоединенія Могилева къ русскимъ владѣніямъ, и потому можно будетъ его замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ по соглашенію обѣихъ сторонъ. Такъ какъ религія католическая въ Польшѣ сохраняетъ блескъ и превосходство, какими она не пользуется въ Германіи, то ничто не можетъ затрогивать вѣнскій дворъ ни со стороны совѣсти, ни со стороны достоинства.“

Относительно продовольствія войскъ три министра согласились наконецъ, что всѣ будутъ платить съ 1-го іюля. Но до тѣхъ поръ прусскій и австрійскій генералы настояли, чтобъ доимка была непремѣнно выплачена, и при взысканіи доимки австрійскій генералъ превзошелъ прусскаго, такъ что Поляки называли Русскихъ ангелами, Прусаковъ копіями съ человѣчества, Австрійцевъ же дьяволами.

Только въ половинѣ іюля, по внушеніямъ изъ Петербурга, берлинскій и вѣнскій дворы согласились внести въ свои договоры

съ Польшею на счетъ раздѣла собственныя слова конвенціи, не толкуя ни о какихъ рѣкахъ и рѣчкахъ, которыя, по выраженію Штакельберга, прямо привели бы ихъ къ Варшавѣ, ибо когда въ Вѣнѣ указывали какую-нибудь пограничную рѣку, то въ Берлинѣ говорили, что Австрійцы идутъ слишкомъ далеко и мы также пойдемъ дальше.

Когда въ августѣ мѣсяцѣ дѣло дошло до переговоровъ сеймовыхъ уполномоченныхъ или такъ-называемой делегаціи съ Штакельбергомъ, то делегація подала ему письменно замѣтку (remarque): „Ваше пр—ство получили въ свое время королевскій отвѣтъ на претензію императрицы относительно Польши. Петербургская конвенція между тремя державами, рѣшающими нашу судьбу безъ нашего участія, быть можетъ не позволяетъ обратить на этотъ отвѣтъ должнаго вниманія, и единственная причина такого поступка заключается въ слабости короля и республики, которая принуждаетъ насъ подчиниться участи, намъ приготовленной. Однако делегація не можетъ себѣ представить, чтобъ сосѣднія и союзныя государства не приняли во вниманіе право короля и республики, основанное на всѣхъ самыхъ священныхъ законахъ божественныхъ и человѣческихъ. Польша особенно надѣялась на императрицу всероссійскую, которая, подобно своимъ предшественникамъ, особенно интересовалась благосостояніемъ Польши и увѣряла, что ни сама не захватитъ, ни другимъ не позволитъ захватить что-либо изъ владѣній республики; и хотя она теперь поступаетъ совершенно иначе, однако мы не отчаиваемся, что она приметъ наши представленія, тѣмъ болѣе, что республика не имѣла намѣренія нарушать древней дружбы и союза съ Россіею.“ Штакельбергъ отвѣчалъ: „Польша имѣла право основывать свои надежды на ея и. в—ствѣ. Эти надежды были оправданы самымъ искреннимъ и самымъ безкорыстнымъ участіемъ, которое императрица съ самаго восшествія своего на престолъ оказывала Польшѣ. Но какое было слѣдствіе дружбы, продолжавшейся такъ долго и купленной такими большими пожертвованіями? Съ прискорбіемъ обращаю я взоры делегаціи на страшную картину смутъ и опустошеній ея отечества. Что сталось бы съ Польшею, жертвою корыстолюбія, частнаго интереса и честолюбія, прикрытыхъ фантомомъ свободы, которую предполагали въ опасности отъ гарантіи, принятой Россіею для сохраненія этой самой свободы? Что̀ сталось бы съ Польшею, если-

бы Россія изъ чувства справедливой мести покинула ее въ ея судоргахъ, которыя непремѣнно привели бы ее къ погибели? Не смотря на кровопролитнѣйшую войну съ Турками, которую Польша возбудила, Россія не переставала предотвращать совершенное разложеніе республики, бороться въ продолженіе многихъ лѣтъ съ неблагодарностію и соединенными усиліями тѣхъ, которые нарочно смутили отечество, чтобъ властвовать въ немъ и притѣснять его. Половина Польши вела войну съ императрицею, и правительство одобряло это своимъ бездѣйствіемъ. Голосъ благонамѣренныхъ гражданъ не имѣлъ силы, равно какъ и представленія русскихъ пословъ. При страшномъ столкновеніи интересовъ державъ не останавливаются на метафизикѣ множества доказательствъ, служащихъ всегда для прикрашиванія тайныхъ расположеній. Судятъ по дѣламъ, а не по словамъ. Событія, мною указанныя, говорятъ громко и мнѣ нечего распространяться въ возраженіяхъ противъ того, будто республика вовсе не хотѣла нарушать старинной дружбы и союза, существовавшихъ между нею и Россіею. Достаточно того, что императрица искренно желаетъ ихъ возобновленія; но неоспоримыя права на извѣстныя области, права, находящіяся въ изложеніи моего двора, не потерпятъ никакого возраженія. Я уже не говорю о правахъ на увеличеніе справедливыхъ требованій со стороны Россіи, правахъ требовать вознагражденія за тяжкую войну, возбужденную противъ Россіи Польшею."

Во время чтенія этого отвѣта въ делегаціи, Островскій, епископъ куявскій, объявилъ съ большимъ жаромъ, что надобно остановить чтеніе и прежде всего спросить русскаго министра, кто эти люди, которыхъ онъ обвиняетъ въ погибели Польши. „Всякій вѣрный гражданинъ долженъ оправдаться въ глазахъ отечества, говорилъ Островскій. Горе тѣмъ, которые были орудіями его бѣдствій. Наша обязанность употребить послѣднія усилія, чтобъ узнать ихъ имена. Если я виноватъ, накажите меня перваго за преступленіе, постыдное для того, кто имѣлъ его совершить, а еще болѣе постыдное для націи, если она позабудетъ отмстить за него. Если я виноватъ, то пусть меня перваго бросятъ въ Вислу!" Энтузіазмъ Островскаго быстро сообщился всему собранію, и всѣ начали заявлять свою любовь къ отечеству, свою ревность къ свободѣ и свою живую признательность къ русскому двору за его попеченія и покровительство, котороя онъ во всѣ времена оказывалъ Польшѣ;

слышались сильныя выходки противъ тѣхъ, которые воспрепятствовали добрымъ намѣреніямъ Россіи, слышалось громкое прославленіе великой Екатерины. Князь Антонъ Сульковскій, депутатъ ломжинскій, поддерживаемый князем Мартыномъ Любомирскимъ, депутатомъ сендомирскимъ и всею шляхтою, предложилъ представить именемъ всего собранія ноту барону Штакельбергу, въ которой просить его назвать виновныхъ. Собраніе согласилось, нота была представлена и Штакельбергъ отвѣчалъ: „Очевидная правота поступковъ императрицы, моей государыни, должна была естественно поразить бо́льшую часть членовъ знаменитой делегаціи. Я вполнѣ сочувствую жару, съ какимъ она желаетъ открыть виновниковъ толикихъ золъ. Но я, такъ какъ и два другіе министра, имѣемъ приказаніе не заниматься никакимъ дѣломъ до окончанія главнаго, для котораго созванъ сеймъ. Какъ скоро всѣ три договора будутъ подписаны, я не буду противиться изслѣдованію поведенія тѣхъ, которые разорвали священныя узы, соединявшія Россію съ Польшею, и которые отвергали всѣ предложенія императрицы относительно умиротворенія“.

Волненія, возбужденныя рѣчью Островскаго, страшно напугали старика Чарторыйскаго, канцлера литовскаго. Онъ поблѣднѣлъ, когда епископъ произнесъ слова: „Если я виноватъ, то пусть бросятъ меня въ Вислу!“ Чарторыйскому показалось, что ему прежде всѣхъ придется испытать это купанье. Фамилія должна была вытерпѣть униженіе, выслушивая молча упреки и угрозы. Слышались голоса, что если злоумышленникамъ на жизнь королевскую будутъ рубить головы и руки, то было бы несправедливо щадить убійцъ отечества. Штакельбергъ хвалился Панину, что его отвѣтъ на ноту делегаціи, не останавливая переговоровъ, напугалъ враговъ Россіи. На другой день онъ имѣлъ свиданіе съ королемъ, котораго нашелъ въ большомъ замѣшательствѣ. Штакельбергъ сказалъ ему, что онъ можетъ воспользоваться обстоятельствами и начать быть королемъ, переставъ быть племянникомъ. Король однако кончилъ разговоръ просьбою спасти его родственниковъ. Штакельбергъ отвѣчалъ, что быть можетъ это не въ его уже власти, но постарается, по крайней мѣрѣ, не компрометтировать его, короля, если онъ хочетъ обезпечить дѣло отъ всякой дальнѣйшей интриги.

Но оставалось еще трудное дѣло, старое диссидентское дѣло. Диссиденты передали Штакельбергу просьбу къ императрицѣ: „Такъ

какъ настоящій сеймъ долженъ рѣшить и утвердить навсегда судьбу диссидентовъ въ Польшѣ, то мы осмѣливаемся умолять о могущественномъ покровительствѣ в. и. в—ства. Наши противники, руководствуемые фанатизмомъ и политикою, стараются теперь болѣе чѣмъ когда-либо нанести намъ смертельный ударъ и лишить некатолическое римское дворянство, привязанное къ итересамъ в. и. в—ства, всѣхъ правъ и преимуществъ, связанныхъ съ происхожденіемъ, которыя одни характеризуютъ дворянъ и служатъ единственными средствами ихъ сохраненія въ республикѣ. Только увѣренность въ высочайшемъ покровительствѣ в. и. в—ства и торжественное ручательство, которое вы удостоили дать договору 1768 года, внушили намъ твердость и способность претерпѣть всѣ бѣдствія и гоненія, обрушившіяся на насъ во время смутъ: мы жертвовали всѣмъ нашимъ имуществомъ, а многіе изъ насъ и жизнію, но не сдѣлали ни малѣйшаго шага, могшаго навести подозрѣніе въ неблагодарности къ нашей августѣйшей благодѣтельницѣ. Послѣ этого намъ не позволительно предполагать, чтобы государыня, которой великодушіе, благотворительность и мудрость составляютъ предметъ удивленія для всей Европы, захотѣла покинуть ту часть польскаго дворянства, которая боролась за правду своего дѣла не иначе какъ подъ высокимъ покровительствомъ в. и. в—ства. Но теперь это дворянство, ненавидимое за то только, что прибѣгло подъ сѣнь трона в. и. в—ства хотятъ лишить навсегда права участвовать въ законодательствѣ, права, которое одно можетъ обезпечить намъ свободное исповѣданіе нашей религіи и всѣ другія преимущества, отличающія благороднаго гражданина.“ Пересылая эту просьбу, Штакельбергъ писалъ Панину: „У меня нѣтъ ни малѣйшаго луча надежды успѣть въ томъ, чтобъ диссиденты получили право быть сеймовыми депутатами, и я осмѣливаюсь сказать напередъ, что этотъ пунктъ невозможенъ. Кромѣ фанатизма націи, участіе въ этомъ дѣлѣ вѣнскаго двора, котораго взглядъ на дѣло извѣстенъ, не обѣщаетъ ничего утѣшительнаго для диссидентовъ. Папскій нунцій, хотя другъ человѣчества и мира, не станетъ молчать: его мѣсто, характеръ, предметъ его посольства принудятъ его говорить, и достаточно ему произнести слово, чтобъ снова воспламенить всю націю.“ Тогда же делегація подала Штакельбергу жалобу, что агенты переяславскаго

епископа преслѣдуютъ уніатовъ, пользуясь пребываніемъ русскихъ войскъ въ польскихъ областяхъ, отнимаютъ у нихъ церкви и проч.

Панинъ, у котораго Штакельбергъ просилъ наставленій, писалъ ему: „По конституціи 1768 года диссидентамъ должно было возвратить отнятыя у нихъ церкви, и если нѣкоторыя дѣйствительно возвращены, то ихъ немного въ сравненіи съ тѣми, которыя еще находятся въ рукахъ католиковъ и уніатовъ. Въ настоящихъ обстоятельствахъ всего лучше для насъ и для делегаціи затушить это дѣло, которое можетъ только снова поднять фанатизмъ въ народѣ, уже причинившій столько смутъ. Мы не можемъ согласиться на уничтоженіе того, что̀ было сдѣлано въ исполненіе договора съ нами заключеннаго; не можемъ согласиться, чтобъ люди, которымъ мы покровительствовали съ такимъ усиліемъ, были отданы въ жертву ихъ прежнимъ гонителямъ. Фельдмаршалъ Румянцевъ пишетъ, что всѣ жалобы на Грековъ (т. е. на православныхъ Русскихъ) преувеличены, и если мы съ нашей стороны будемъ вѣрить также легко всѣмъ жалобамъ нашихъ, то представимъ такія же важныя и многочисленныя извѣстія. Что сдѣлано относительно возвращенія церквей православнымъ, должно остаться, а для сохраненія порядка и спокойствія должна быть назначена смѣшанная коммиссія. Что касается вообще диссидентовъ, это очень печально, что вы теряете надежду удержать за ними участіе въ сеймахъ, тѣмъ болѣе, что отъ этого пункта вамъ нельзя отступить, и повелѣнія императрицы, которыя я вамъ повторяю, точны: потребуйте помощи отъ своихъ товарищей, употребите всѣ усилія въ борьбѣ съ національнымъ сопротивленіемъ и не позволяйте себѣ останавливаться ни предъ какимъ затрудненіемъ. Вы можете сдѣлать одну уступку: согласиться на ограниченіе числа диссидентовъ, избираемыхъ на сеймъ и на умолчаніе о необходимости ихъ избранія; отъ этого произойдетъ, что право ихъ не будетъ дѣйствительнымъ или будетъ мало дѣйствительнымъ, но по крайней мѣрѣ оно будетъ сохранено. Если и этого нельзя будетъ достигнуть, объявите, что вы вовсе не хотите слышать о диссидентскомъ дѣлѣ и что вамъ запрещено принимать участіе въ чемъ бы то ни было его касающемся. Исключеніе диссидентовъ изъ законодательства, провозглашенное на сеймѣ подъ ауспиціями трехъ дворовъ, будетъ для нихъ ударомъ болѣе гибельнымъ чѣмъ всѣ прежнія конституціи, отнимавшія у нихъ право за правомъ, и ея и.

в—ство, отказавшаяся, изъ любви къ миру, отъ требованія для нихъ мѣстъ въ сенатѣ и министерствѣ, не измѣнитъ правосудію и своей славѣ, подписывая ихъ гибель и покидая ихъ совершенно."

Панинъ требовалъ отъ Штакельберга, чтобъ онъ обратился къ своимъ товарищамъ за помощью въ диссидентскомъ дѣлѣ, и Штакельбергъ ему писалъ, что какъ скоро переговоры объ уступкѣ земель были окончены и надобно было приступить къ рѣшенію внутреннихъ вопросовъ, то согласіе между министрами трехъ союзныхъ дворовъ рушилось. Бенуа продолжалъ дѣйствовать согласно со Штакельбергомъ, но баронъ Ревицкій вдругъ перемѣнилъ языкъ, позабылъ систему, которая была принята дворами для успокоенія Польши; онъ прямо объявилъ, что его дворъ удивляется уменьшенію королевской власти. Легко понять, какъ это ободрило короля и его партію. Король отказывался отъ права назначать прямо на сенаторскія и министерскія мѣста, соглашался, чтобъ постоянный совѣтъ предлагалъ ему троихъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ будетъ избирать одного; но за это онъ требовалъ права назначать всѣхъ офицеровъ главнаго штаба и гвардіи и начальства надъ гвардейскими полками, т. е. требовалъ права быть хозяиномъ всего войска. Штакельбергъ удивлялся, какъ Станиславъ Августъ не понималъ, до какой степени онъ усиливалъ побужденія уменьшать его власть, открывая въ своихъ требованіяхъ ясно виды на господство и особенно обнаруживая планъ подражать при первомъ удобномъ случаѣ королю шведскому. Члены нашей партіи, по выраженію Штакельберга, просили его учредить для короля новую гвардію, а не оставлять въ его распоряженіи старую, посредствомъ которой онъ можетъ когда-нибудь произвесть революцію. Штакельбергу удалось уговорить своихъ товарищей предложить королю слѣдующія условія: если король откажется отъ назначенія военныхъ должностей главнаго штаба, подчинивъ ихъ порядку старшинства, и откажется отъ командованія гвардіею республики, то для него будетъ учреждена личная гвардія, которою онъ будетъ располагать совершенно и которая будетъ на содержаніи республики. Если король откажется отъ назначенія на должности судебныя и доходныя, то ему будетъ предоставлено избраніе изъ трехъ кандидатовъ, представляемыхъ Постояннымъ Совѣтомъ, какъ на должности епископовъ и сенаторовъ, такъ и на должности государственныхъ министровъ и министровъ при дворахъ иностранныхъ.

Постоянный Совѣтъ избираетъ кандидатовъ тайною баллотировкою, а сами члены Постояннаго Совѣта избираются такимъ же образомъ на сеймѣ; король долженъ отказаться отъ раздачи староствъ. Послѣ переговоровъ съ королемъ эти условія были изложены такъ: у короля остается право назначать на всѣ должности церковныя и гражданскія, кромѣ епископовъ, воеводъ, кастеляновъ, министровъ и военныхъ и финансовыхъ коммиссаровъ: всѣ эти лица избираются имъ изъ трехъ кандидатовъ, прежде избранныхъ Постояннымъ Совѣтомъ посредствомъ тайной баллотировки. Въ войскѣ король назначаетъ офицеровъ въ польскихъ дружинахъ и въ четырехъ пѣхотныхъ дружинахъ, носящихъ его имя. Въ остальномъ войскѣ офицеры назначаются по старшинству. Король отказывается отъ права раздавать королевскія имѣнія, доходы съ которыхъ обращаются на государственныя нужды. Сеймъ назначитъ членовъ Постояннаго Совѣта тайною баллотировкой; но теперь на первый разъ король согласится съ министрами трехъ союзныхъ дворовъ относительно назначенія сенаторовъ, министровъ и шляхты, которые должны войти въ Постоянный Совѣтъ; четыре гвардейскихъ полка будутъ подъ властію государства, какъ они были при Августѣ III, съ тѣмъ только различіемъ, что тогда гетманы сосредоточивали въ своихъ рукахъ всю власть, а теперь они раздѣляютъ ее съ военною коммиссіей, и гетманы вмѣстѣ съ коммиссіею будутъ подчинены Постоянному Совѣту. Королю будетъ выдаваться ежегодная сумма на содержаніе двухтысячнаго отряда войска, которымъ онъ располагаетъ какъ ему угодно.

Эти условія были выработаны королемъ и Штакельбергомъ вдвоемъ: Станиславъ Августъ просилъ, чтобъ министры австрійскій и прусскій тутъ не участвовали, на что они охотно согласились, чтобъ избавиться отъ такого непріятнаго занятія. По окончаніи дѣла король прислалъ Штакельбергу письмо: „Вы были орудіемъ жестокаго жертвоприношенія, гдѣ я былъ невинно закланъ. Вы видѣли всю горечь моего страданія. Безъ сомнѣнія, вы мнѣ сострадали, вы должны желать доставить мнѣ лѣкарство и облегченіе. Но этого не будетъ, если императрица не возвратитъ мнѣ своей дружбы. Умоляю, содѣйствуйте этому. „Я такъ и такъ давно несчастенъ, что наконецъ она должна быть тронута. Этотъ послѣдній ударъ пронзилъ мнѣ сердце, потому что нарушаетъ мое достоинство и потому что направленъ прямо ею, ею, противъ которой сердце мое

ни въ чемъ невинно. Но наконецъ, если бы даже она предполагала эту виновность, то я искупилъ это пагубное предположеніе, думаю, достаточно дорого.“ Слѣдствіемъ была записка Екатерины Панину: „Что касается короля и его брата, прошу васъ придумать, что̀ можно для нихъ сдѣлать. Прежде всего я сама охотно отдамъ и уговорю два другіе двора отдать королю что̀ ему слѣдовало до раздѣла; мнѣ кажется, что графъ Чернышевъ имѣлъ приказаніе составить этому счетъ: я потороплю его.“ [1].

Варшавскія событія, разумѣется, должны были вести къ дѣятельнымъ сношеніямъ между участвующими въ раздѣлѣ державами; дѣла на Дунаѣ продолжали находиться въ тѣсной связи съ польскими; Россія продолжала требовать у своихъ союзниковъ помощи для скорѣйшаго заключенія мира съ Портою.

9-го февраля (н. с.) Фридрихъ II писалъ Сольмсу: „Извѣстія о мирныхъ переговорахъ въ Бухарестѣ сильно меня безпокоятъ; боюсь, что конгрессъ уже разорвался. Упорство оттоманскаго уполномоченнаго должно приписывать французскимъ интригамъ. Между тѣмъ я исполню, сколько можно лучше, порученіе графа Панина, и хотя я не нахожусь въ непосредственной перепискѣ съ императоромъ, Панинъ можетъ быть увѣренъ, что я передамъ его и. в—ству увѣщаніе, чтобъ онъ далъ точныя приказанія Тугуту дѣйствовать съ бо́льшимъ жаромъ при Портѣ въ пользу мира. Боюсь одного, и не безъ основанія, что это средство придетъ слишкомъ поздно, послѣ разрыва конгресса. Если это случится, то вспомните проектъ вѣнскаго двора, который я вамъ ввѣрилъ, какъ прошлымъ годомъ я былъ въ Силезіи: этотъ дворъ сильно желаетъ пріобрѣсти турецкія земли со стороны Венгріи и съ этою цѣлію вступить въ союзъ съ Россіею противъ Турокъ. Если переговоры прервутся, знайте навѣрное, что вѣнскій дворъ употребитъ всѣ усилія для проведенія этого проекта, который лежитъ на сердцѣ у императора. Между тѣмъ на нашихъ переговорахъ въ Польшѣ сильно отзовется разрывъ конгресса, и мы встрѣтимъ гораздо больше трудностей, чѣмъ когда бы миръ былъ близокъ къ заключенію; я не знаю другаго средства преодолѣть эти затрудненія, какъ принудивши Поляковъ утвердить всѣ наши требованія.“ Это писалось для сообщенія петербургскому двору; теперь послушаемъ, что Фридрихъ говорилъ фонъ-Свитену для сообщенія въ Вѣну. Разговоръ происходилъ 20-го февраля (н. с.). „Извѣстія изъ Константинополя, на-

чалъ король, не подаютъ надежды на миръ. Турки никакъ не хотятъ уступить двухъ крѣпостей въ Крыму (Керчи и Еникале); Турки объявили, что уступка этихъ крѣпостей грозитъ опасностію Константинополю: они предпочитаютъ продолжать войну, хотя бы это повело къ разрушенію столицы и всей имперіи, ибо все равно, бѣда неизбѣжная черезъ тридцать лѣтъ. Съ другой стороны, Русскіе объявили, что безъ уступки двухъ крѣпостей въ Крыму не хотятъ слышать о Крымѣ, и я жду скораго извѣстія о разрывѣ бухарестскаго конгресса. Турки сами этого ждутъ и приготовляются, собираютъ войска сколько можно болѣе. Я очень недоволенъ всѣмъ этимъ, потому что не вижу средствъ помочь дѣлу." Ф. Свитенъ: Но нельзя ли надѣятся, что петербургскій дворъ, который долженъ желать прекращенія войны, сбавитъ свои требованія, видя, что Порта рѣшилась всѣмъ рисковать, а не подчиниться имъ. Король: „Нѣтъ, эти люди упоены своимъ счастіемъ; вѣрно, что также трудно управлять счастіемъ, какъ и несчастіемъ. Въ упоеніи успѣхами они постановили самыя тяжкія условія для Порты; теперь они и видятъ, что перешли мѣру, но не хотятъ отступить назадъ, считая это для себя унизительнымъ, и они будутъ принуждены продолжать войну, потому что слишкомъ много запросили; будутъ еще по крайней мѣрѣ двѣ кампаніи, которыя, по моему, не представляютъ для нихъ ничего выгоднаго; они овладѣли всѣмъ на этомъ берегу Дуная, имъ не остается ничего больше здѣсь дѣлать. Было бы очень опасно перенести оружіе за эту рѣку, ибо было бы очень трудно поддерживать необходимыя сообщенія: на это надобно было бы употребить бо́льшую часть арміи, и остальная, которая переправилась бы за Дунай, не могла бы, по своей малочисленности, дѣйствовать съ успѣхомъ; ибо набѣги, еслибы даже и простирались до Адріанополя и дальше, не рѣшатъ ничего. Впрочемъ, не смотря на доброе согласіе, существующее теперь между вашимъ и петербургскимъ дворомъ, я не знаю, очень ли вамъ понравится переходъ Русскихъ за Дунай? По крайней мѣрѣ нужно было бы имъ прежде условиться съ вами. Мнѣ сообщили изъ Петербурга другой проектъ и я очень совѣтовалъ не приводить его въ исполненіе: это—опустошить Молдавію и Валахію, все пожечь, забравши всѣхъ жителей, сдѣлать изъ двухъ странъ совершенную пустыню, и отодвинуть войско на польскія границы за Днѣстръ, оставивъ 20 или 30,000 въ Татаріи. Этотъ проектъ со-

вершенно противенъ человѣколюбію, слишкомъ отвратителенъ и въ то же время можетъ сдѣлаться опаснымъ; ибо, не смотря на опустошеніе, Турки могутъ приблизиться къ Польшѣ, гдѣ поднимутъ сильное волненіе, а намъ нужно ихъ держать подальше для успѣха нашихъ намѣреній. Я вижу одно средство помочь дѣлу: это—если Россія потребуетъ вашей помощи противъ Турокъ и согласится, чтобы вы взяли Боснію и Сербію? Въ такомъ случаѣ война не будетъ продолжительна, и вы не останетесь безъ барыша."

Фонъ-Свитенъ обѣщалъ донести объ этомъ предложеніи своему двору, и писалъ Кауницу, что, безъ всякаго сомнѣнія, тутъ скрываются гораздо обширнѣйшіе замыслы прусскаго короля, именно: дальнѣйшее расширеніе своихъ владѣній. Фонъ-Свитенъ предлагалъ свою догадку, что Фридрихъ хочетъ вмѣшаться въ войну Россіи со Швеціею и пріобрѣсти шведскую Померанію, а чтобъ Австрія не мѣшала этому, занять ее въ Турціи, гдѣ она можетъ также сдѣлать пріобрѣтенія. Но австрійскій посланникъ посмотрѣлъ не въ ту сторону: Фридриху прежде всего желалось получить Данцигъ и Торнъ, и чтобъ Россія и Австрія согласились на это, онъ указывалъ имъ на пріобрѣтенія въ Турціи, получить которыя онѣ могли только предварительно отдавши ему всю Вислу. Прежде онъ не желалъ, чтобъ Австрія пріобрѣла земли отъ Турціи, ибо прежде всего хотѣлъ совокупнаго дѣйствія трехъ державъ въ Польшѣ; но теперь это совокупное дѣйствіе завершилось по его желанію, и онъ думалъ объ одномъ, какъ бы добыть Данцигъ и Торнъ, безъ чего польское дѣло являлось для него неоконченнымъ.

Чтобы Австрія не боялась Франціи, когда станетъ увеличиваться на счетъ Турціи, Фридрихъ говорилъ фонъ-Свитену: „Французы въ бѣшенствѣ; но у нихъ нѣтъ силы, и потому они перемѣнили львиную кожу на лисью и пытаются всѣми средствами насъ разъединить. Знаете ли, что они предложили въ Петербургѣ доставить Россіи миръ съ Турками, если тамъ согласятся дать имъ волю работать въ Константинополѣ; но ихъ хитрости не удадутся, я за это отвѣчаю. Впрочемъ ихъ нечего бояться, они не въ состояніи вести войну; правда, что они могутъ надѣяться на испанскія субсидіи, но этотъ источникъ недостаточенъ: война, которая ведется на чужой кошелекъ, на милостыню, не можетъ быть ни энергична, ни продолжительна; при томъ я знаю навѣрное, что король ненавидитъ самое имя войны, и министръ, который ее ему предложитъ, не-

сомнѣнно потеряетъ свое мѣсто; а вы знаете, что во Франціи, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, министры любятъ больше свои мѣста, чѣмъ государство."

Изъ Вѣны отвѣчали отказомъ вести дѣло въ Турціи вмѣстѣ съ Россіею, искать себѣ съ оружіемъ въ рукахъ пріобрѣтеній, тогда какъ не было извѣстно, какія пріобрѣтенія прусскій король захочетъ пріобрѣсти даромъ; въ Вѣнѣ Фридрихъ II имѣлъ отличныхъ учениковъ, которые, слѣдуя по стопамъ учителя, также намѣрены были пріобрѣсти отъ Турціи кой-что даромъ. Получивши на свое предложеніе отрицательный отвѣтъ, Фридрихъ затронулъ другую сторону: „Однако, сказалъ онъ фонъ-Свитену, надобно ожидать со дня на день разрыва бухарестскихъ конференцій, и если война продолжится, то надобно же принять какое-нибудь рѣшеніе, что̀ тогда дѣлать? Россія объявляетъ, что если миръ не состоится, то она не будетъ болѣе держаться предложенныхъ условій, именно возвращенія Молдавіи и Валахіи."—„Вы знаете, государь, отвѣчалъ фонъ-Свитенъ, что̀ бы мы принуждены были сдѣлать, еслибы Россія пожелала сохранить Молдавію и Валахію, и вы изъ этого можете заключить, что́ мы принуждены будемъ сдѣлать, если тѣ же обстоятельства повторятся."

Фридрихъ понялъ дѣло такъ, что Австрія не хочетъ объявить себя противъ Турціи изъ опасенія Франціи. „Чего вы боитесь Французовъ?" спросилъ онъ фонъ-Свитена.—„Мы боимся, отвѣчалъ тотъ, вѣрной потери нашихъ областей на Рейнѣ, въ Италіи, Нидерландахъ, которыхъ мы не могли бы защищать."—„Но развѣ я не союзникъ вашъ въ этой всеобщей войнѣ?" возразилъ король.— „Вашему в—ству достаточно будетъ промышлять о самихъ себѣ", отвѣчалъ фонъ-Свитенъ.—„Но почему вы вѣрите въ возможность этого всеобщаго союза противъ насъ?" спросилъ опять король.— „Мы должны предполагать эту возможность, отвѣчалъ фонъ-Свитенъ, вслѣдствіе общаго волненія и зависти, произведенныхъ въ цѣлой Европѣ нашимъ раздѣльнымъ договоромъ и нашимъ союзомъ. Страхъ родилъ подозрѣнія и преувеличенныя опасенія. Если увидятъ, что нашъ союзъ ограничивается раздѣломъ Польши, которому уже нельзя воспрепятствовать, волненіе прекратится, подозрѣнія и опасенія исчезнутъ и можно надѣяться сохраненія всеобщаго спокойствія; но если увидятъ въ нашемъ союзѣ съ Русскими противъ Турокъ осуществленіе именно тѣхъ опасныхъ послѣдствій,

какихъ боялись, то нѣтъ сомнѣнія, что вся Европа соединится противъ трехъ дворовъ, противъ обширныхъ замысловъ, которые по справедливости у нихъ заподозритъ."—„Эта опасность исчезнетъ, отвѣчалъ король, если мы еще тѣснѣе соединимся, и вотъ почему я бы такъ желалъ, чтобы нашъ тройной союзъ былъ заключенъ: тогда мы будемъ господами мира и войны, и это будетъ вѣрное средство осуществить проектъ аббата С. Пьера" (о вѣчномъ мирѣ).

Что Фридриху вовсе не хотѣлось никакой войны, а тѣмъ менѣе шведской, видно изъ его письма къ Сольмсу отъ 24 апрѣля: „Если я вамъ говорилъ о подозрѣніяхъ на счетъ интригъ Дюрана и неопзволительныхъ связей, какія онъ могъ имѣть при русскомъ дворѣ, то я дѣлалъ это на основаніи моихъ писемъ изъ Парижа, что тамъ хвастаются существенными услугами, оказанными Дюраномъ своему двору; слухи о неудовольствіяхъ между императрицею и великимъ княземъ, о рѣшенномъ удаленіи графа Панина и будущей революціи въ Россіи вообще распространены въ Версалѣ. Что касается вашихъ извѣстій, что Дюранъ далъ знать своему двору о кронштадтскихъ укрѣпленіяхъ и дурномъ состояніи русскаго флота, то Франція можетъ воспользоваться такими извѣстіями для воспламененія огня юности моего племянника, короля шведскаго. Она можетъ воспользоваться этими анекдотами и убѣдить Густава III, что настоящія обстоятельства самыя благопріятныя для разрыва съ Россіею. Такъ какъ я былъ бы очень огорченъ, еслибъ мои родственники ввели въ новыя затрудненія мою союзницу, то я думалъ о средствахъ, какъ бы предохранить ее отъ этихъ непріятностей и вотъ что придумалъ. Предположивъ, что разрывъ со Швеціею неизбѣженъ и Швеція дѣйствительно нападетъ на Россію, послѣдняя можетъ разсчитывать, что я съ точностію выполню мои союзническія обязательства. Но быть можетъ есть средство предотвратить бурю. Единственное разумное средство, которое Франція можетъ употребить для принужденія шведскаго короля къ разрыву, это—внушеніе, что Россія непремѣнно замышляетъ какой-нибудь ударъ для возстановленія прежней формы правленія, и гораздо выгоднѣе для него ее предупредить и напасть на нее во время турецкой войны, а не дожидаться мира, когда Россія, имѣя свободныя руки, обратитъ всѣ свои силы противъ него. Этотъ аргументъ кажется мнѣ очень естественнымъ и способнымъ произвести впечатлѣніе на шведскаго короля. Чтобы заставить Францію замолчать и предупре-

дить слѣдствія ея вѣрныхъ внушеній, я не нахожу другаго средства, какъ объясниться дружески со шведскимъ королемъ или непосредственно, или чрезъ меня."

Изъ Петербурга королю давали знать, что въ случаѣ разрыва бухарестскаго конгресса русскія войска перейдутъ Дунай. По этому поводу Фридрихъ писалъ Сольмсу 1-го мая: „Не скрою отъ васъ, что переходъ черезъ Дунай съ цѣлою арміей фельдмаршала Румянцева кажется мнѣ очень опаснымъ и труднымъ. Русская армія будетъ подвержена тутъ тысячѣ случайностей, не говоря о трудностяхъ при доставленіи съѣстныхъ припасовъ и оружія. Обративъ вниманіе на ширину этой рѣки, понимаешь затрудненія, какія встрѣтитъ армія въ случаѣ, если испытаетъ малѣйшую неудачу и будетъ принуждена отступать по той же рѣкѣ. Осада Очакова, кажется мнѣ, была бы естественна и не такъ опасна. Кампанія нынѣшняго года потребуетъ отъ фельдмаршала Румянцева гораздо болѣе благоразумія и осторожности, чѣмъ предыдущія." Получивъ извѣстіе о разрывѣ бухарестскаго конгресса, Фридрихъ писалъ: „Очень печально, что бухарестскіе переговоры опять не удались. Я имѣю основанія предполагать, что еслибы вѣнскій дворъ употребилъ болѣе твердости въ своихъ впушеніяхъ Портѣ, то переговоры конечно имѣли бы болѣе успѣха. Сколько я могу заключить изъ всѣхъ моихъ извѣстій, вѣнскій дворъ, сохраняя еще слишкомъ много прежняго уваженія къ Франціи, не имѣлъ духа сдѣлать болѣе сильныя представленія въ Константинополѣ." Но Фридрихъ противорѣчилъ самому себѣ; что-нибудь одно: или Австрія не хотѣла настаивать на мирѣ—по отношеніямъ къ Франціи, или по другимъ разсчетамъ, желая воспользоваться предложеніемъ войны для своихъ цѣлей. Такъ Фридрихъ въ депешѣ 25 мая опять возвращается къ этому объясненію: „Кауницъ желалъ выдвинуть всевозможныя затрудненія, чтобъ заставить Россію нуждаться въ помощи вѣнскаго двора и продать эту помощь самою дорогою цѣною." Въ августѣ гр. Иванъ Чернышевъ имѣлъ въ Потсдамѣ длинный разговоръ съ Фридрихомъ II, который разсказывалъ ему о своихъ отношеніяхъ къ разнымъ державамъ. Объ Англичанахъ онъ никакъ не могъ говорить равнодушно; онъ упрекалъ ихъ въ томъ, что тайкомъ отъ него заключили послѣдній миръ съ Франціею, не выговоривъ занятыхъ Французами его земель и заставили его отбирать эти земли оружіемъ. Но всего обиднѣе было для него то, что они предлагали Кауницу

союзъ и помощь для отнятія у Пруссіи Силезіи и старались охладить къ нему императора Петра III. „Теперь, говорилъ король, мнѣ нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ союзъ; я доволенъ союзомъ съ Россіею и ни въ комъ больше нужды не имѣю. Россія въ другомъ положеніи и можетъ имѣть свои причины быть съ Англіею въ соглашеніи или союзѣ; тогда, по Россіи, и я буду съ нею въ нѣкоторой связи. При второмъ свиданіи моемъ съ императоромъ былъ тамъ и Кауницъ: и тотъ объ Англичанахъ имѣетъ одинакое мнѣніе со мною, считаетъ ихъ не очень вѣрными союзниками, чему въ примѣръ приводилъ поступокъ ихъ съ Австрійцами во время Ахенскаго мира.“ Потомъ Фридрихъ началъ говорить о дружественныхъ отношеніяхъ своихъ къ императрицѣ Екатеринѣ и Россіи, и какъ будто бы стыдился своей попытки еще порасширить свои границы на счетъ Польши, говорилъ сквозь зубы: „Вообще принято: когда рѣку отдаю, то разумѣется верховье; императрица мнѣ этого дать не разсудила; и я согласился.“ Потомъ продолжалъ съ улыбкою: „Австрійцы объявили, что намѣрены всегда держаться въ точности постановленнаго въ конвенціи о раздѣлѣ; но послѣ сказалось, будто нельзя описать границъ съ такою точностію, какъ на мѣстѣ, почему и хотятъ этимъ начать. Я знаю ихъ жадность: имъ хочется захватить побольше, почему и посылаю человѣка поприсмотрѣть за ними, и въ случаѣ, если они поприхватятъ, то естественно, что и я буду опредѣлять свои границы по мѣстнымъ удобствамъ.“—Чернышевъ замѣтилъ на это: „Если ея и. в—ство разсуждаетъ, что тремъ державамъ непремѣнно должно держаться постановленнаго въ конвенціи, то это не для того, чтобъ не дать Пруссіи чего-нибудь больше, а для того, чтобъ показать свѣту твердость намѣреній трехъ державъ; потому и нельзя расширять своихъ границъ подъ предлогомъ, что другой захватилъ лишнее, иначе можно поставить польскія дѣла въ такое положеніе, что ихъ и окончить будетъ нельзя.“—Фридриху не хотѣлось продолжать этого разговора. Сказавши, что въ Польшѣ положили соглашаться на уступку требуемаго и что окончаніе дѣла гораздо болѣе подвергнуто опасности отъ внутреннихъ вопросовъ, онъ перешелъ къ войнѣ и миру съ Турками. „Миръ крайне надобенъ, говорилъ онъ: кампанію надобно считать оконченною и не очень удачно, и если въ настоящемъ году миръ не можетъ быть заключенъ по желанію, то, не жалѣя расходовъ, надобно употребить всевозможныя

мѣры, чтобъ принудить Турокъ къ миру въ будущую кампанію. Всѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ послѣдовать въ Европѣ, предвидѣть нельзя. Что же касается Шведовъ, то я увѣренъ, что они, особенно нынѣшній годъ, ничего не предпримутъ, да хотя бы и предприняли, то 25,000 войска, находящагося въ Финляндіи и около Петербурга, конечно довольно, особенно если въ то же время Шведы должны будутъ имѣть дѣло и съ датскимъ дворомъ. Я не разъ думалъ о томъ, что̀ Шведы вамъ могутъ сдѣлать. У нихъ больше 45,000 войска нѣтъ; изъ этого числа надобно кой-что оставить дома и въ гарнизонахъ; положимъ, что на это пойдетъ 5,000; десять надобно будетъ отдѣлить противъ Норвегіи, за тѣмъ и останется противъ васъ только 20,000. Впрочемъ не должно сомнѣваться, что въ случаѣ совершенной неудачи вашей противъ Турокъ, Франція будетъ стараться поднять Шведовъ противъ васъ. Больше всѣхъ возбуждаетъ въ королѣ къ вамъ ненависть французская креатура Шеферъ, который съ младенчества вселилъ въ короля мысль, что онъ можетъ получить извѣстность въ свѣтѣ только безпредѣльною привязанностію къ французской системѣ и тѣснымъ союзомъ съ Франціей. Я ихъ обоихъ у себя видѣлъ. Племянникъ мой король очень не глупъ, но все дурное французское такъ перенялъ, что вѣтренъ какъ молодой Французъ. Желательно, чтобъ вы помирились съ Турками безъ чужой помощи; но въ случаѣ невозможности надобно будетъ прибѣгнуть къ Австрійцамъ. Они очень желаютъ вмѣшаться въ эту войну, но хотятъ, чтобъ вы ихъ о томъ много и много просили. Аппетитъ у нихъ несказанный возвратить Бѣлградъ и все потерянное въ прошедшую войну. Я этотъ дворъ хорошо знаю и вамъ вкратцѣ опишу: императоръ человѣкъ молодой, нетерпѣливо желаетъ себя прославить, но человѣкъ честный и твердый: мать такая комедіантка, какой на свѣтѣ нѣтъ другой; Кауницъ человѣкъ не только двоедушный, троедушный, но и четверодушный. Я часто думалъ, какъ бы вы могли нанести Туркамъ самый чувствительный ударъ; но, по несчастію, не знаю мѣстности и потому безошибочно ничего сказать не могу. Однако мнѣ кажется, что вамъ бы слѣдовало, оставя знатный корпусъ войска вверху Дуная, у Журжева или выше, съ остальною арміей идти по правому берегу рѣки прямо къ Варнѣ; провіантъ можно было бы доставлять по Дунаю и моремъ. Такое движеніе заставило бы непріятеля или сойти съ горъ, выйти изъ ще-

лей и дать сраженіе, или бѣжать для защиты Адріанополя. Жаль очень, что Силистрія не взята: тогда бы вы твердою ногой стояли и за Дунаемъ.“—Чернышевъ замѣтилъ, что Силистрію можно взять только приступомъ, слѣдовательно съ большимъ кровопролитіемъ.—„Мало артиллеріи вы употребляете, сказалъ король: надобно бы пушекъ сто, да мортиръ 30 или 40, ибо турецкія укрѣпленія состоятъ въ крѣпкихъ и высокихъ стѣнахъ. Хотя бы Очаковъ въ нынѣшнюю кампанію можно было взять!“ Чернышевъ замѣтилъ, что трудно перевести къ нему артиллерію. 5-го октября Фридрихъ писалъ объ опасностяхъ вторичнаго перехода черезъ Дунай: „Если бы Турки первые перешли Дунай и графъ Румянцевъ разбилъ ихъ, тогда онъ могъ бы ихъ преслѣдовать за Дунай; преслѣдованіе разбитой, потерявшей потому духъ арміи всегда бываетъ успѣшно. Но если, наоборотъ, Турки останутся въ своемъ лагерѣ, то фельдмаршалъ ударится въ большую игру: перешедши Дунай для нападенія на нихъ, онъ рискнетъ всѣмъ для всего. Я не стану утверждать, чтобъ такой смѣлый ударъ никакъ не могъ удаться. Военное счастіе, которое до сихъ поръ благопріятствовало Русскимъ, можетъ поблагопріятствовать имъ и въ этомъ случаѣ; но жребій войны измѣнчивъ, и его прошлыя ласки не ручаются за будущее; неудачи также возможны какъ и успѣхи, и не скрою отъ васъ, что на мѣстѣ Россіи я бы не сталъ такъ полагаться на счастье.

Сольмсъ передалъ Панину депешу прусскаго посланника Гольца изъ Парижа (отъ 4-го ноября); по письмамъ изъ Петербурга заключаютъ, говорилось въ депешѣ, что Панинъ не пользуется большою милостію своей государыни, онъ долженъ раздѣлять ее съ княземъ Орловымъ и графомъ Чернышевымъ, которые очень дружны между собою. Въ письмахъ прибавляютъ, что эти вельможи не кажутся такими врагами Франціи, какъ гр. Панинъ, что министры французскій и испанскій часто видаются съ ними и подаютъ своимъ дворамъ надежды относительно добраго расположенія Орлова и Чернышева ко Франціи. Герцогъ Эгильонъ, говоря съ Гольцомъ о наградахъ, полученныхъ Панинымъ, спрашивалъ его нѣсколько разъ: „думаете ли вы, что этотъ министръ дѣйствительно удержитъ завѣдываніе иностранными дѣлами, и дарованныя ему милости не предвѣщаютъ ли скорое удаленіе отъ дѣлъ?“ Гольца увѣдомили, что Дюрану дано приказаніе освѣдомиться при петербургскомъ дворѣ, не согласится ли послѣдній заключить миръ съ Портою при по-

средствѣ Франціи, которая въ такомъ случаѣ можетъ добиться у Турокъ уступки двухъ крымскихъ гаваней на Черномъ морѣ [5].

Въ Вѣну о французскихъ внушеніяхъ давали знать непосредственно изъ Петербурга, думая, что этимъ побудятъ Австрію содѣйствовать заключенію мира Россіи съ Портою! 12-го февраля австрійскому послу здѣсь князю Лобковичу была вручена бумага подъ заглавіемъ: „Содержаніе разговора графа Панина съ княземъ Лобковичемъ." Въ этой бумагѣ говорилось: „Вѣнскому двору извѣстно стараніе Франціи запутать всѣ политическія дѣла Европы съ единственною цѣлію воспрепятствовать соглашенію трехъ дворовъ относительно Польши или наконецъ воспрепятствовать исполненію этого соглашенія. Здѣсь Дюранъ не перестаетъ выставлять выгоды, какія получила бы Россія, войдя въ тѣсную связь съ его дворомъ; чрезъ это она вывела бы свои дѣла изъ нерѣшительнаго положенія; Дюранъ прямо и открыто предлагаетъ союзъ между Россіею, Франціею и Швеціею; это предложеніе очевидно клонится къ тому, чтобъ охладить Россію, ослабить ея дѣятельность при исполненіи означеннаго соглашенія, и хотя еще ей не предлагаютъ уклониться отъ соглашенія, однако указываютъ уже на большія выгоды, которыя получитъ она отъ новыхъ связей. Нѣтъ двора, гдѣ бы Франція не интриговала противъ раздѣла Польши; даже британское министерство обольщено до такой степени, что поддерживаетъ въ Константинополѣ всѣ французскія интриги противъ мира въ виду торговли на Черномъ морѣ. Извѣстно, что русскій дворъ отказался отъ Молдавіи и Валахіи изъ уваженія къ вѣнскому двору, и никакія другія соображенія не могли бы побудить его къ принесенію этой жертвы. Въ такомъ положеніи дѣлъ было бы дѣйствіемъ согласнымъ со справедливостію и миролюбіемъ вѣнскаго двора, еслибъ онъ предписалъ своему министру въ Константинополѣ открыть Портѣ глаза на счетъ двойной интриги Франціи, которая работаетъ въ пользу Швеціи въ одно время и въ Петербургѣ, и въ Константинополѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить Портѣ, что если она позволитъ себѣ увлечься чуждыми видами къ продолженію военныхъ бѣдствій, то Австрія не только предоставитъ ее военному счастію, но, для поддержанія равновѣсія въ случаѣ шведской диверсіи, приметъ сторону Россіи, какъ прежде принимала сторону Порты". Кауницъ, увѣряя кн. Голицына въ искренности и усердіи, съ какими австрійскій посланникъ, по предписанію своего двора,

поддерживаетъ русскіе интересы къ Константинополѣ, прибавилъ, что Австрія ожидаетъ и отъ Россіи для себя услуги. „Мы были бы очень благодарны петербургскому двору, продолжалъ онъ, еслибы Россія не подала повода къ разрыву со Швеціею, еслибы ограничилась уничтоженіемъ непріятныхъ ей вещей въ новой правительственной формѣ путемъ мирныхъ переговоровъ." Кауницъ просилъ Голицына писать объ этомъ почаще графу Панину. Голицынъ отвѣчалъ, что Россія, конечно, не начнетъ легкомысленно новой войны; но дѣло въ томъ, что Франція своими интригами воспрепятствуетъ королю шведскому войти въ какія бы то ни было соглашенія, и можетъ ли русскій дворъ видѣть хладнокровно существованіе въ Швеціи правительственной формы, противной его гарантіи и его интересамъ? Кауницъ при этихъ словахъ обнаружилъ нѣкоторое волненіе и сказалъ: „Чего Россіи бояться, если шведскій король будетъ одаренъ талантомъ и мужествомъ? вѣдь онъ чрезъ это все же никогда не будетъ въ состояніи мѣряться съ вами: Россія безконечно превосходитъ его своими средствами, притомъ она располагаетъ Даніею; имѣетъ союзникомъ короля прусскаго и находится въ доброй дружбѣ съ австрійскимъ домомъ." Голицынъ замѣтилъ на это, что государства не руководятся въ своемъ поведеніи настоящимъ положеніемъ дѣлъ, но имѣютъ въ виду будущія неудобства и предусматриваютъ опасности издалека; ясно что въ Швеціи, при перемѣнѣ правленія аристократическаго на монархическое неограниченное произойдетъ сосредоточеніе власти, что дастъ этому государству бо́льшія средства. Это будетъ тѣмъ опаснѣе для Россіи, что неограниченная власть шведскаго короля будетъ орудіемъ въ рукахъ Франціи для постоянной помѣхи русскимъ дѣламъ. Кауницъ не отвѣчалъ на это прямо, а только распространился о томъ, какъ было бы желательно избѣжать войны, которая можетъ распространиться далеко. Кауницъ увѣрялъ въ искренности и усердіи, съ какими австрійскій посланникъ поддерживаетъ въ Константинополѣ интересы Россіи. Дѣйствительно, онъ готовъ былъ предписать Тугуту склонять Порту къ примиренію; но императоръ Іосифъ былъ другаго мнѣнія: онъ представлялъ, что Австрія не окажетъ этимъ Портѣ никакой услуги; если Австрія ничего не сдѣлаетъ противъ мира, то Россія не будетъ имѣть никакого права жаловаться; Франціи будетъ также пріятнѣе, если Австрія не будетъ усердно хлопотать о мирѣ, ибо Франція боится,

что Россія, освободившись отъ турецкой войны, обратится противъ Швеціи. Наконецъ, чѣмъ долѣе Россія будетъ находиться въ войнѣ, чѣмъ продолжительнѣе будетъ нерѣшительное положеніе и прусскій король будетъ платить ежегодныя субсидіи, тѣмъ Россія и Пруссія будутъ уступчивѣе въ польскихъ дѣлахъ. Кауницъ былъ принужденъ въ депешахъ Тугуту, которыя тотъ могъ показывать, настаивать на заключеніи мира, а въ тайныхъ давать знать, что эти увѣщенія къ миру въ Вѣнѣ не почитаются серіозными; внушалось, что такія настаиванія на миръ съ австрійской стороны могутъ быть только выгодны для Порты; ибо если она отвергнетъ русскія требованія, то этимъ произведено будетъ сильнѣйшее впечатлѣніе въ Петербургѣ: здѣсь увидятъ, что и убѣдительнѣйшія внушенія Австріи ни къ чему не повели!

Когда Голицынъ объявилъ Кауницу о разрывѣ бухаретскаго конгресса, то австрійскій канцлеръ сказалъ спокойно: „Изъ этого достойнаго сожалѣнія событія можно видѣть, какую нужду и важность находятъ для себя Турки въ требуемыхъ русскимъ дворомъ двухъ крымскихъ крѣпостяхъ, Керчи и Еникале.“—„По моему мнѣнію, возразилъ Голицынъ, такое упорство Турокъ можно приписать только неусыпнымъ проискамъ недоброхотовъ Россіи. Турки своимъ упорствомъ не пріобрѣтутъ себѣ никакой пользы, и я очень удивляюсь, почему Порта, не смотря на данныя ей г. Тугутомъ новыя представленія, разорвала конгрессъ: изъ этого видно, какъ мало она уважаетъ представленія здѣшняго двора.“ Кауницъ помолчалъ, и потомъ завелъ рѣчь о другомъ предметѣ. Получивши отъ Панина подробныя извѣстія о разрывѣ конгресса, Голицынъ опять поѣхалъ къ Кауницу сообщить ихъ ему. Кауницъ, выслушавъ изложеніе дѣла, принялъ серіозный видъ и не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ. Тогда Голицынъ началъ говорить: „Вспомните, князь, по крайней мѣрѣ, что мое изложеніе дѣла представляетъ искреннее объясненіе отъ одного дружескаго двора другому, что тутъ нѣтъ ничего искусственнаго и скрытнаго, и мы были бы очень рады, если бы наше поведеніе въ переговорахъ съ Портою показалось и вашему двору столь же справедливымъ и послѣдовательнымъ, каково оно на самомъ дѣлѣ.“—„Въ добрый часъ, отвѣчалъ Кауницъ, но чтобъ судить о вашемъ дѣлѣ безпристрастно, надобно чтобъ я поставилъ себя также и на мѣсто Турокъ; по вашему вы требуете мало, а по ихъ слишкомъ много.“

Въ октябрѣ, по поводу перехода русскаго войска черезъ Дунай, императоръ Іосифъ II спросилъ Голицына: „Не думаете ли вы, что переходъ черезъ Дунай нѣсколько рискованъ?“—„Государь, отвѣчалъ Голицынъ, нѣтъ сомнѣнія, что попытка смѣла и опасна; но если непріятель не шелъ къ намъ, то надобно идти къ нему; впрочемъ, если наше войско не могло вполнѣ достигнуть цѣли похода, то, по крайней мѣрѣ, оно удержало рѣшительное превосходство надъ непріятелемъ“.—„Правда, сказалъ Іосифъ, войско держало себя хорошо и я удивляюсь постоянной славѣ вашего оружія, если бы только поскорѣе послѣдовалъ миръ“.—„Государь отвѣчалъ Голицынъ, это не отъ насъ зависитъ.“ Іосифъ: Правда, Турки упрямы до невозможности; что мы ни дѣлали, чтобъ уговорить ихъ—одинъ отвѣтъ, что русскихъ условій принять нельзя. Ваше требованіе Керчи и Еникале есть одинъ изъ главныхъ камней преткновенія; они думаютъ, что посредствомъ этихъ двухъ мѣстъ и флотовъ, какіе у васъ тамъ будутъ, вы будете владѣть Чернымъ моремъ и держать въ осадѣ Константинополь. Голицынъ: Всѣ эти опасенія не имѣютъ никакого основанія; положеніе Керчи и Еникале неудобно для военнаго флота; да еслибы было и иначе, то Портѣ нечего бояться въ мирное время, когда наши корабли имѣютъ право плавать по Черному морю; въ случаѣ же войны мы приведемъ въ дѣйствіе верфи Таганрога, Азова и Воронежа, причемъ кафскій проходъ, находящійся въ рукахъ нашихъ союзниковъ, Татаръ, будетъ намъ всегда открытъ. Порта не хочетъ намъ отдать этихъ двухъ мѣстъ единственно потому, что они послужатъ намъ гарантіею независимости Татаръ. Іосифъ (съ улыбкою): Говорятъ, что татарская независимость, на которую такъ настаиваетъ Россія, вовсе не по вкусу самихъ Татаръ и что вы ее имъ навязываете. Голицынъ: Дѣло возможное: народъ, привыкшій долгое время къ игу, связанный съ Турками единствомъ вѣры и нравовъ, можетъ оказывать нежеланіе внезапнаго освобожденія, и мы не стали бы открывать имъ глаза на счетъ выгодъ, которыхъ они не понимаютъ, еслибы у насъ не было прямаго интереса такъ поступать. Освобождая этотъ хищный народъ изъ-подъ покровительства Порты, дѣлая его отвѣтственнымъ за его собственные поступки, мы чрезъ это доставляемъ нашимъ границамъ безопасность отъ ихъ набѣговъ. Да и ваши владѣнія отъ этого выиграютъ. Іосифъ: Какъ это? Голицынъ: Вопервыхъ, мы уда-

лили многія татарскія орды, переведя ихъ изъ Буджака на Кубань; потомъ, въ случаѣ войны австрійскаго дома съ Портою, послѣдняя не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи толпы разбойниковъ, которые прежде съ необыкновенною быстротою опустошали цѣлыя области. Іосифъ: Прекрасно! эти соображенія мнѣ кажутся основательными; однако, если Турки будутъ упорствовать, то скоро ли у васъ будетъ миръ? Голицынъ: Нашъ миръ съ Портою будетъ заключенъ очень скоро, если вѣнскій дворъ употребитъ въ нашу пользу лучшее изъ увѣщаній. Іосифъ (улыбаясь): Понимаю, вы разумѣете пушки. Голицынъ: Именно, государь. Уже самая близость войны столь продолжительной неудобна для сосѣдней державы; потомъ Турки, благодаря неутомимымъ заботамъ нашихъ завистниковъ, привыкаютъ нечувствительно къ лучшей дисциплинѣ, учатся воевать съ Европою, и, соединяя эту выгоду со своими естественными средствами, они дѣлаются гораздо опаснѣе, чѣмъ были прежде. Іосифъ: Я съ этимъ не согласенъ. Не касаясь уже главной струны (магометанства?), живой и кипучій характеръ этого звѣрскаго народа, въ соединеніи съ формою правленія, никогда не можетъ согласоваться съ дисциплиною, въ какой мы держимъ нашихъ солдатъ. Голицынъ: Дай Богъ, чтобъ предположеніе вашего величества никогда не допускало исключеній; но, соображая всѣ обстоятельства, осторожность въ этомъ отношеніи не неумѣстна.“ Тутъ императоръ вдругъ перемѣнилъ разговоръ [6].

Объ интригахъ Франціи толковали постоянно въ Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ; о чемъ же толковали во Франціи? Въ мартѣ Хотинскій писалъ Панину: „Здѣсь согласіе трехъ дворовъ, русскаго, прусскаго и австрійскаго, почитается страннымъ для всѣхъ союзомъ, и невѣдомо какихъ въ немъ видовъ ни подозрѣваютъ. Потому опасаюсь я, чтобъ не употребилъ здѣшній дворъ всякихъ ухищреній напугать этимъ и Англичанъ, которые въ такую западню могутъ и попасться и станутъ если не содѣйствовать Франціи въ ея предпріятіяхъ, то мирволить, а она не преминетъ всячески кутить и мутить.“ Больше всего во Франціи боялись нападенія на Швецію со стороны Россіи, что̀ заставило бы Францію помогать Швеціи хотя деньгами, но и денегъ не было. Тщетно Хотинскій увѣрялъ Эгильона, что у Россіи нѣтъ намѣренія напасть на Швецію; герцогъ отвѣчалъ: „Это все равно, какъ еслибы вы

мнѣ говорили, что остаетесь въ Версалѣ, а я собственными глазами видѣлъ изъ окна, что въ вашу карету лошади запряжены. Для чего вы не хотите со стороны Шведовъ обезпечиться заключеніемъ съ ними договора?“ Въ августѣ пришло извѣстіе о назначеніи во Францію министромъ генералъ-майора князя Ив. Серг. Борятинскаго. Это извѣстіе заставило утихнуть слухи о войнѣ и бумаги поднялись на биржѣ. Эгильонъ сказалъ Хотинскому, что Дюранъ расхваливаетъ Борятинскаго. „Такое назначеніе, замѣтилъ Хотинскій, можетъ успокоить васъ и относительно Швеціи.—„Вы знаете, отвѣчалъ Эгильонъ, образъ мыслей короля и мои намѣренія, знаете, что мы желаемъ болѣе всего, чтобъ это назначеніе послужило къ утвержденію совершеннѣйшаго согласія.“ Когда Хотинскій указалъ на вооруженіе Франціи, то герцогъ сказалъ: „Мы не хотимъ, чтобъ о насъ подумали, что мы уже совсѣмъ безсильны.“

Въ августѣ былъ составленъ наказъ новому министру, кн. Борятинскому. Наказъ этотъ замѣчателенъ какъ объясненіе и оправданіе русской политики во время панинскаго управленія внѣшними дѣлами, написанный самимъ Панинымъ. „Руководство общими дѣлами раздѣляется главными державами по мѣрѣ умѣнья каждой себѣ его присвоивать. До царствованія великой Екатерины Россія, при всѣхъ своихъ успѣхахъ въ прусской войнѣ, играла только второстепенную роль (?), выступая вездѣ вслѣдъ за своими союзниками (?). При вступленіи ея в—ства на престолъ въ Европѣ были двѣ стороны: въ первой находились Франція и Австрія, за ними Испанія и значительная часть имперскихъ князей; на другой сторонѣ была Англія и король прусскій. Съ первою въ союзѣ находился король португальскій и нѣкоторые имперскіе князья; съ послѣднимъ же сдѣлался вдругъ изъ непріятеля теснѣйшимъ союзникомъ императоръ Петръ III: слѣдовательно и тутъ Россія, перемѣня политическую систему, осталась все же въ значеніи державы, отъ постороннихъ интересовъ зависимой. При заключеніи мира Англія успѣла вынудить отъ бурбонскаго дома выгодныя условія, удержавъ за собою многія и важныя завоеванія, а король прусскій отдалился безо всякой потери. Чѣмъ меньше Россія, вслѣдствіе скоропостижнаго перелома совершеннаго въ ея политикѣ Петромъ III, могла имѣть вліяніе въ этихъ мирныхъ пере-

говорахъ *), которые основывали будущее положеніе всей Европы, тѣмъ труднѣе было ей послѣ пріобрѣсть вліяніе. Мудрость и твердость ея и. в—ства превозмогли однако скоро эту трудность, и свѣтъ увидѣлъ вдругъ съ удивленіемъ, что здѣшній дворъ началъ играть въ общихъ дѣлахъ роль, равную роли главныхъ державъ, а на сѣверѣ—первенствующую. Англія, имѣя съ нами одинакіе государственные интересы, а сверхъ того привыкнувъ, по естественному положенію острова своего, смотрѣть въ мирное время очень равнодушно на континентальныя дѣла, увидѣла такую политическую перемѣну съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ по той причинѣ, что находила въ Россіи новую соперницу Франціи, облегчающую собственныя ея заботы. Австрія и Пруссія были такъ утомлены отъ войны, что сначала мало помышляли о распространеніи вліянія своего далѣе предѣловъ германской имперіи, а послѣ увидя, что Россія начала сама собою и по собственной системѣ дѣйствовать, стали, по взаимной ихъ другъ ко другу ревности, наперерывъ искать ея дружбы и союза, но съ тою разностію, что вѣнскій дворъ по прежней привычкѣ руководствовать ею для собственныхъ видовъ (?), старался и тутъ возвратить насъ въ зависимость отъ своей политики; а король прусскій, оставляя ея и. в—ству первенство въ общихъ съ нимъ дѣлахъ, хотѣлъ только пріобрѣсть себѣ ея дружбу и союзомъ ея оградить цѣлость и безопасность владѣній своихъ на будущее время, зная по опыту, какою завистію пылаетъ къ нему вѣнскій дворъ и конечно воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ къ отнятію у него Силезіи. Не трудно было императрицѣ избрать, которая сторона выгоднѣе и полезнѣе для славы и достоинства имперіи, тѣмъ болѣе, что вѣнскій дворъ находился въ тѣснѣйшемъ соединеніи съ Франціею, которой вліяніе вездѣ господствовало и особенно на сѣверѣ препятствовало усиленію русскаго вліянія. Предпочтеніе Россіею прусскаго союза не могло быть по вкусу вѣнскому двору, и потому онъ началъ вездѣ способствовать французскимъ интригамъ противъ насъ, сохраняя нѣкоторую умѣренность и все наружное приличіе. Но Франція оскорблялась въ войнѣ, чувствуя, что русское вліяніе усиливается въ ущербъ ея собственному, и первый министръ герцогъ

---

*) Могла бы имѣть большое вліяніе, еслибъ не отказалась отъ главной роли, какую играла при Елисаветѣ.

Шуазель, полагая въ томъ личную свою честь, сталъ хвататься и за всѣ позволенные и непозволенные способы. Общая французская система противъ насъ состоитъ въ томъ, чтобъ вліянію и значенію Россіи, по крайней мѣрѣ равняющимся теперь вліянію и значенію Франціи, ставить сильнѣйшія препятствія и стараться возвратить Россію въ прежнее положеніе державы, дѣйствующей не собою, а повинующейся чужимъ интересамъ. По этому плану дѣйствуютъ теперь при всѣхъ дворахъ французскіе министры, хотя герцогу Эгильону надобно отдать справедливость, что со времени его министерства наблюдается ими все наружное приличіе, и здѣсь Дюранъ увѣряетъ о дружескомъ расположеніи своего короля къ императрицѣ и желаніи его оказать ей услуги, средствомъ къ чему могутъ служить возобновленіе оборонительнаго союза между Россіею и Швеціею и посредничество для заключенія мира съ Портою; но все это дѣлается съ прежнею цѣлію лишить нашу политику самостоятельности. Франція увидала, что успѣхи ея въ борьбѣ съ нами не соотвѣтствуютъ ея желанію, и потому вздумала перевернуться и построить батареи свои у насъ самихъ, пользуясь шведскою революціей и порваніемъ переговоровъ съ Турками, въ надеждѣ, что увеличеніе нашихъ заботъ побудитъ насъ съ радостію и безъ размышленія ухватиться за ея лестныя предложенія. Тонкая мысль, чтобъ дать намъ въ собственномъ нашемъ дѣлѣ почувствовать недостатокъ собственныхъ нашихъ средствъ. Но тонкость Франціи не устояла однако противъ мудрости ея и. в—ства, проникнувшей ковы и отклонившей французскія предложенія.“ Борятинскій долженъ былъ поступить соотвѣтственно этому. еслибъ во Франціи повторили ему подобныя предложенія. Относительно отклоненія французскаго посредничества Панинъ, подъ условіемъ глубочайшей тайны, разсказывалъ англійскому посланнику Гуннингу слѣдующее. Извѣстный Дидро, гостившій въ это время въ Петербургѣ, подалъ императрицѣ бумагу, содержавшую условія мира Россіи съ Турціею, который Франція обязывается доставить. если будетъ принято ея посредничество. Дидро объяснялъ, что бумагу получилъ онъ отъ Дюрана и не могъ отказаться передать ее императрицѣ, иначе по возвращеніи во Францію былъ бы заключенъ въ Бастилію. Екатерина отвѣчала ему, что, принимая въ соображеніе такую опасность для него, она прощаетъ неприличіе его поступка, но пусть онъ передастъ Дюрану, какое употребленіе она сдѣлала

изъ его бумаги: при этихъ словахъ бумага была брошена въ огонь. Кромѣ того, Дюранъ три раза былъ у Панина съ предложеніемъ посредничества и союза Франціи съ Россіею на условіяхъ, какія будутъ угодны послѣдней. Каждый разъ онъ получалъ отвѣтъ, что русскій дворъ не считаетъ настоящую минуту удобною для увеличенія своихъ обязательствъ и довольствуется обязательствами уже существующими; но императрица очень чувствительна къ дружественнымъ намѣреніямъ его христіаннѣйшаго величества и всего болѣе желаетъ имѣть случай убѣдить короля въ томъ, какъ она его уважаетъ и цѣнитъ его дружбу. Панинъ увѣрялъ Гуннинга, что пока онъ управляетъ иностранными дѣлами, Россія не приметъ французскаго посредничества. Но Гуннингъ, донося объ этомъ своему министерству, замѣчаетъ, что не смотря на враждебность Панина ко Франціи, если бы не было въ Петербургѣ Орлова, то можно было бы очень опасаться успѣха приверженцевъ французскаго союза[7].

Въ Швеціи не переставали ждать нападенія съ русской стороны и для обезпеченія себя слѣдовали вполнѣ французскимъ внушеніямъ. „Благонамѣренные, писалъ Остерманъ, говорятъ, что они не оказали сопротивленія перевороту потому только, что не были удостовѣрены въ защитѣ Россіи, говорили, что иго, наложенное королемъ, русскою силою также легко будетъ свергнуто, какъ скоропостижно было наложено. Нѣтъ ни одного Шведа, который бы не думалъ, что эта минута настанетъ; до ея же наступленія всякое движеніе, какъ вы сами мудро и проницательно признавать изволите, было бы не только напраснымъ, но и самымъ вреднымъ предпріятіемъ и слѣдовательно, по моему мнѣнію, всякая денежная раздача на приготовленіе умовъ была бы излишня, кромѣ одного тайнаго вспоможенія благонамѣреннымъ, находящимся въ крайней нуждѣ, на что изъ послѣднихъ полученныхъ мною денегъ еще довольно въ остаткѣ находится. Я долженъ тѣмъ болѣе остерегаться, что и безъ того наши соперники приписывали мнѣ составленіе заговора, и теперь прямо говорить начали, что мы, по окончаніи нашей войны, намѣрены напасть на Швецію вмѣстѣ съ Пруссіею и Даніею. Зная ея и. в—ства будущее намѣреніе, я не оставлю, сколько благопристойность позволитъ, подъ рукою усиливать настоящее неудовольствіе, соразмѣряя мои внушенія и мою откровенность со взаимною ко мнѣ довѣренностію. Я составилъ списокъ людей, въ неудовольствіи которыхъ не сомнѣваюсь; но такъ

какъ эти люди отмѣчены у короля русскими креатурами и удалены отъ правленія, то отъ нихъ кромѣ скрытнаго содѣйствія другаго ожидать нельзя, ибо за каждымъ ихъ шагомъ слѣдятъ. Пока не удастся королевскаго брата, герцога Фридриха, отъ короля отвратить и къ нашимъ началамъ привести, ни одинъ изъ большихъ господъ себя не откроетъ, и если вспыхнетъ какое возмущеніе и непослушаніе въ полкахъ, то отъ мелкаго офицерства, а не отъ большихъ чиновныхъ людей. На твердость и скромность герцога Фридриха надѣяться трудно. За два дня до полученія королевскаго указа о принятіи команды надъ полками въ Остготской провинціи при извѣстіи о бунтѣ въ Христіанштадѣ принцъ публично за столомъ увѣрялъ, что онъ явится вождемъ народа въ защитѣ вольности; по полученіи же указа объявилъ, пожимая плечи: „Король мнѣ братъ, мнѣ нельзя его оставить, по неволѣ долженъ защищать.“ Выходки противъ короля дѣлалъ и герцогъ Карлъ, но слѣдствій никакихъ не было; родственное чувство въ королевской фамиліи очень сильно: часто и скоро ссорятся, но скоро и опять мирятся.“

Извѣстія о русскихъ вооруженіяхъ въ Финляндіи заставили Густава III созвать въ началѣ марта военный совѣтъ изъ сенаторовъ графовъ Ливена, Шефера, Ферзена и барона Фалькенгрена. Король предлагалъ отправить въ Финляндію нѣсколько полковъ и артиллерійскую эстляндскую команду изъ 400 человѣкъ съ 16 пушками. Но кромѣ Шефера всѣ другіе сенаторы представляли, что прежде надобно получить достовѣрнѣйшее свѣдѣніе, дѣйствительно ли императрица намѣрена напасть на Швецію, и потому они признавали полезнымъ, прежде всякихъ вооруженій со стороны Швеціи, обнадежить императрицу именемъ короля, что у него нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія ее обезпокоить, вслѣдствіе чего можно надѣяться получить и отъ императрицы подобныя же увѣренія, тогда какъ вооруженія скорѣе всего могутъ произвести холодность между дворами. Король согласился не посылать въ Финляндію полковъ и артиллерію; но, съ другой стороны, согласился съ Шеферомъ, что не нужно посылать въ Петербургъ обнадеживанія, которое можетъ повести къ непріятному для Швеціи отвѣту. Старались всѣми средствами увѣрить, что съ шведской стороны никакого военнаго движенія не будетъ. Шеферъ пріѣзжалъ къ англійскому министру Гудрику и говорилъ о распространяемомъ въ Европѣ слухѣ, будто

шведскій король заключилъ съ Портою договоръ, по которому, за большую сумму денегъ, обязался сдѣлать диверсію противъ Россіи. Шеферъ клялся, что этотъ слухъ выдуманъ врагами Швеціи; что не только нѣтъ никакого договора, напротивъ шведскому министру при Портѣ Целзангу предписано не препятствовать ни коимъ образомъ заключенію мира между Россіею и Турціею. „Это увѣреніе Шефера, писалъ Остерманъ Панину, могло бы имѣть еще нѣкоторый видъ истины, еслибы онъ такъ безстыдно не увѣрялъ о своихъ предписаніяхъ Целзангу.“ Остерманъ былъ увѣренъ, что турецкія деньги придутъ въ Стокгольмъ, какъ бы онѣ не были прикрыты, трактатомъ или французскимъ плащомъ. Послѣ всѣхъ этихъ событій Шеферъ прислалъ просить свиданія у Остермана и началъ такой разговоръ именемъ королевскимъ: „Вамъ извѣстны неоднократно данныя его величествомъ увѣренія объ искреннѣйшемъ желаніи и непоколебимомъ намѣреніи сохранить доброе согласіе съ императрицею. Король, имѣя и теперь то же самое пламенное желаніе, приказалъ мнѣ подтвердить вамъ о немъ съ присовокупленіемъ, что онъ до сихъ поръ полагался на подобныя же увѣренія и съ ея стороны, не смотря на извѣстіе о русскихъ вооруженіяхъ въ Финляндіи; теперь же, получа подтвержденіе этихъ извѣстій, о сборѣ 18,000 человѣкъ, о вооруженіи 75 галеръ и цѣлой эскадры, не можетъ скрыть, какъ бы эти извѣстія его обезпокоили, если бъ онъ не вполнѣ полагался на дружбу ея величества, основанную на родствѣ. Между тѣмъ онъ принялъ и съ своей стороны нѣкоторыя мѣры предосторожности, но приказалъ мнѣ повторить увѣреніе, что эти мѣры приняты только для обороны, а никакъ не для наступленія, и какъ скоро онъ изъ вашихъ устъ узнаетъ, что ея величество ничего противъ него предпринять не намѣрена, то сейчасъ же всякія вооруженія прекратятся.“—„Этотъ поступокъ Шефера, писалъ Остерманъ, происходитъ отъ того, что онъ со своею шайкою пронюхалъ нерасположеніе народа къ войнѣ, и старается теперь по-добру выйти изъ этого лабиринта для успокоенія націи, почему такъ сильно и домогается объ отвѣтѣ съ нашей стороны, чтобъ въ случаѣ благопріятнаго отвѣта пресѣчь всѣ движенія, въ противномъ случаѣ продолжать ихъ усиленно, даже собрать и чрезвычайный сеймъ.“

Въ Петербургѣ составленъ былъ такой отвѣтъ Остерману для передача Шеферу по поводу послѣдней конференціи: „Съ тѣхъ поръ,

какъ король вступилъ на престолъ, ея импер. в—ство постоянно увѣряла его въ своей искренней дружбѣ къ нему, какъ близкому родственнику, въ участіи, какое она принимаетъ въ его благополучіи, въ довѣріи, какое она питаетъ къ его желанію установить совершенное согласіе между двумя державами. Одушевляемая такими чувствами, императрица съ новымъ довѣріемъ и съ новымъ удовольствіемъ приняла послѣднія увѣренія короля. Ея импер. в—ство презираетъ тайные пути; во все свое царствованіе она вела свои дѣла на виду предъ всею Европою: тѣмъ менѣе она могла измѣнить свое поведеніе относительно государя, находящагося съ нею въ такомъ близкомъ родствѣ; по этому неизмѣнному правилу своей политики она приказываетъ вамъ (Остерману) увѣрить, что во всемъ, что̀ дѣлалось и дѣлается въ ея государствѣ, не заключается ни малѣйшаго намѣренія къ нападенію на Швецію. Первый шагъ къ перемѣнѣ существовавшаго порядка дѣлъ на сѣверѣ сдѣланъ не ею. Ея война съ Турціею уже приближалась къ окончанію, когда Швеція получила новую правительственную форму. Отъ этой перемѣны и воинственныхъ движеній, непосредственно за нею послѣдовавшихъ и продолжающихся безъ перерыва до сего дня, врагъ Россіи ободрился и мирные переговоры встрѣтили препятствія, какихъ не было въ началѣ. Императрица естественно должна была обратить вниманіе на то, что̀ дѣлалось въ Швеціи, а тамъ велись усиленныя приготовленія къ войнѣ. Въ Россіи же, на оборотъ, на сѣверныхъ границахъ постепенно являются войска, которыя и прежде тамъ были, но въ послѣднее время были отправлены на югъ, вслѣдствіе неожиданнаго объявленія Турками войны; то же дѣлается и относительно морскихъ силъ, и этимъ ограничиваются всѣ военныя распоряженія. Сѣверныя границы были обнажены отъ войска вслѣдствіе минутной необходимости; ихъ вовсе не хотѣли оставить обнаженными и онѣ не должны были оставаться такими на основаніи перемѣны, происшедшей въ сосѣдствѣ. Императрица объявляетъ, что она не думала и не думаетъ ни о чемъ другомъ, кромѣ естественной защиты своего государства и своего союзника, короля датскаго, и если шведскій король дастъ торжественныя увѣренія, что онъ не желаетъ напасть на Россію, ни обезпокоить ее какимъ бы то ни было образомъ, и если эти увѣренія простираются и на Данію, то императрица, съ своей стороны, увѣряетъ короля, что она не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія напасть на

него и желаетъ сохранить миръ и дружбу между обоими государствами. Что же касается до предложенія о болѣе тѣсномъ союзѣ между Россіею и Швеціею, сдѣланнаго шведскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, барономъ Риббингомъ, то это дѣло откладывается до болѣе спокойнаго времени, могущаго уничтожить возможность всякихъ перетолковываній."

Когда Остерманъ прочелъ этотъ отвѣтъ Шеферу, тотъ сказалъ, что лучшаго увѣренія и желать нельзя, и хотя можно было бы сдѣлать много замѣчаній относительно шведскихъ вооруженій, упоминаемыхъ въ отвѣтѣ, но онъ считаетъ болѣе приличнымъ ихъ оставить. Въ ноябрѣ самъ король наединѣ сказалъ Остерману, что единственное его желаніе удостовѣрить императрицу въ искренности своей дружбы, и для отнятія всякаго повода къ сомнѣнію въ этомъ, онъ объявляетъ свое намѣреніе въ началѣ іюня мѣсяца будущаго года ѣхать въ Финляндію. Нынѣшній годъ онъ отложилъ эту поѣздку единственно для избѣжанія разныхъ толковъ о ея цѣли, а теперь частнымъ образомъ открываетъ свое намѣреніе по случаю этой поѣздки посѣтить императрицу, и потому спрашиваетъ, получилъ ли Остерманъ отвѣтъ на его прежній вопросъ по этому дѣлу. Остерманъ отвѣчалъ, что король конечно припомнитъ, какъ онъ, посолъ, именемъ императрицы увѣрялъ его, съ какимъ удовольствіемъ она увидитъ у себя такого дорогаго гостя и кровнаго родственника. „Правда, сказалъ Густавъ, но такъ какъ послѣ того произошли здѣсь разныя приключенія, то нѣтъ возможности формально повторить прежнее предложеніе, и потому мнѣ было бы очень пріятно, еслибы вы сообщили отвѣтъ ея и. в—ства моему министерству; и я жажду видѣть такую великую, прославляемую во всемъ свѣтѣ монархиню и увѣрить ее лично въ моемъ высокопочитаніи и миролюбивыхъ чувствахъ, а потому и желаю получить отъ ея в—ства приглашеніе." Екатерина велѣла Остерману отвѣчать, что она по прежнему питаетъ искреннее желаніе лично познакомиться съ королемъ, своимъ сосѣдомъ и близкимъ родственникомъ. Панинъ по этому случаю писалъ Остерману: „Пріѣздъ его величества былъ бы намъ конечно пріятнѣе въ то время, когда у насъ миръ съ Турками заключенъ уже будетъ, нежели при настоящихъ нашихъ хлопотахъ: однакожъ, когда онъ нынѣ вторичное оказалъ желаніе посѣтить государыню, то и не позволяетъ намъ благопристойность препятствовать тутъ исполненію его намѣренія" [8].

Мы видѣли, что императрица, по отношенію къ Швеціи, нисколько не отдѣляла себя отъ своего союзника, датскаго короля. Въ самый первый день 1773 года новый русскій министръ въ Копенгагенѣ Симолинъ самыми блестящими красками (хотя и не блестящимъ французскимъ языкомъ) описывалъ отношенія Россіи къ Даніи. „Съ знаніемъ дѣла смѣю увѣрить в. с—ство (писалъ онъ Панину) въ искренности и ненарушимости чувствъ всей королевской фамиліи и министерства относительно императрицы, ея системы и ея интересовъ, отъ которыхъ они рѣшились никогда не отдѣляться, ибо цѣлость и благосостояніе Даніи не разлучны съ интересами Россійской имперіи. Отъ нашего двора зависитъ располагать Даніею и всѣми ея силами соотвѣтственно нашимъ видамъ и интересамъ. Члены королевской фамиліи смотрятъ на Францію какъ на животное (les personnes royales regardent la France comme la bête), и я не упускаю случая укрѣплять такой взглядъ во всѣхъ министрахъ. В. с—ство видите, какъ настоящее время благопріятно для основанія и утвержденія русскаго вліянія на сѣверѣ, для исключенія отсюда французскаго вліянія. Здѣсь ждутъ только заявленія воли и желаній ея и. в—ства, чтобъ вполнѣ съ ними сообразоваться и доказать, что приверженность Даніи къ ней не имѣетъ границъ.“ Но скоро оказались тѣни въ этой блестящей картинѣ. 16-го февраля Симолинъ писалъ уже о колебаніяхъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Остена, о его противодѣйствіи вооруженіямъ, которыя датскій дворъ принималъ какъ для безопасности собственныхъ границъ, такъ и для выполненія союзныхъ обязательствъ относительно Россіи, на случай, еслибъ шведскій король сдѣлалъ демонстрацію или диверсію противъ Россіи, чтобъ побудить Порту къ продолженію войны. Въ совѣтѣ, гдѣ дѣло шло о назначеніи офицеровъ на эскадру, вооружавшуюся къ будущей веснѣ, Остенъ не ограничился открытымъ сопротивленіемъ мѣрѣ, но выбралъ потайные пути для достиженія своей цѣли и даже внушалъ особамъ королевскаго дома, что успѣхъ въ окончательномъ улаженіи голштинскаго дѣла еще не вѣренъ. Эта послѣдняя попытка окончательно повредила Остену въ глазахъ королевы и принца Фридриха и имъ стало противно сноситься съ нимъ о дѣлахъ. Опасно было предоставить такому человѣку конференцію съ иностранными министрами и внѣшнюю переписку; трудно было предположить, что его разговоры съ французскимъ посланникомъ, продолжающіеся по

цѣлымъ часамъ, ведутся только о предметахъ постороннихъ, о дождѣ и хорошей погодѣ, какъ онъ утверждалъ. Уже нѣсколько времени Симолинъ замѣчалъ въ Остенѣ какое-то смущеніе въ разговорахъ съ нимъ, особенно желаніе избѣгать съ нимъ разговора или прекращать начавшуюся бесѣду, когда посланники французскій и шведскій могли наблюдать за ними. Члены королевскаго дома чувствовали необходимость его удаленія; но кѣмъ замѣнить? Послали за совѣтомъ въ Петербургъ къ графу Панину, но прежде чѣмъ пришелъ отвѣтъ, подозрѣнія противъ Остена усилились. Прусскій посланникъ баронъ Арнимъ объявилъ Остену, что вслѣдствіе разнесшагося въ Копенгагенѣ слуха, будто прусскій король смотритъ не равнодушно на датскія вооруженія, онъ, Арнимъ, писалъ объ этомъ своему государю и получилъ въ отвѣтъ, что датскія вооруженія не причиняютъ ему ни малѣйшаго безпокойства и что онъ можетъ только одобрять мѣры предосторожности, принимаемыя копенгагенскимъ дворомъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Принцъ Фридрихъ и другіе, которымъ было извѣстно объ этомъ отвѣтѣ Фридриха II, думали, что Остенъ непремѣнно объявитъ о немъ въ совѣтѣ; но министръ иностранныхъ дѣлъ промолчалъ о такомъ важномъ сообщеніи. Кромѣ того, пришло донесеніе датскаго посланника въ Вѣнѣ объ отзывѣ французскаго посла тамъ, принца Рогана: „Франція и Швеція, сказалъ Роганъ, покойны на счетъ расположенія копенгагенскаго двора, потому что въ Даніи скоро произойдетъ перемѣна министерства, выгодная для системы обоихъ этихъ государствъ.“ Наконецъ открылось, что Остенъ держитъ при дворѣ шпіономъ камеръ-юнкера Триберга, который въ то же время находился въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ французскимъ посланникомъ маркизомъ Блоситомъ. Тогда рѣшили отдѣлаться отъ Остена, не дожидаясь отвѣта изъ Петербурга, и временно поручить иностранныя дѣла тайному совѣтнику Шаку. Когда дано было объ этомъ знать Симолину, тотъ отвѣчалъ, что полагается вполнѣ на благоразуміе и проницательность принца Фридриха, тѣмъ болѣе, что Шакъ давно уже пользуется расположеніемъ русскаго двора. Потомъ, извѣщая о послѣдовавшей уже отставкѣ Остена, Симолинъ писалъ, что надобно окончить голштинское дѣло, ибо этимъ окончаніемъ Россія завоевывала цѣлое королевство, котораго силы и средства будутъ навсегда въ ея распоряженіи. Спѣшить окончаніемъ голштинскаго дѣла нужно было уже и потому, что Фран-

ція распускала слухи, будто великій князь Павелъ Петровичъ никогда не утвердитъ договора, лишавшаго его отцовскаго владѣнія.

Королева и принцъ Фридрихъ выразили Симолину, какъ имъ прискорбно, что Шакъ отказывается отъ департамента иностранныхъ дѣлъ, тогда какъ это единственный человѣкъ, способный занимать это мѣсто. Симолинъ предложилъ имъ помедлить королевскимъ назначеніемъ другаго лица, а тѣмъ временемъ быть можетъ Шакъ привыкнетъ къ своей должности; бѣда въ томъ, что прошлый годъ Шакъ, для успокоенія Остена, объявилъ ему, что никогда не приметъ его мѣста; противъ этого впрочемъ можно найти средство, именно оставить Шака навсегда ad interim, не называя министромъ иностранныхъ дѣлъ. Королева и принцъ обѣщали не торопиться. Симолину, какъ видно, очень хотѣлось, чтобъ голштинское дѣло кончено было при немъ, при его содѣйствіи; онъ вторично написалъ Панину, что только одно голштинское дѣло можетъ принудить Шака оставить за собою иностранный департаментъ: если онъ увидитъ, что можетъ кончить его и заслужить этимъ признательность цѣлаго народа, то можетъ уступить настояніямъ двора и друзей своихъ.

Шакъ не тронулся никакими увѣщаніями, и выбранъ былъ въ министры иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ, племянникъ покойнаго министра того же имени; рекомендаціей служило то, что Бернсторфъ былъ воспитанъ во враждѣ ко Франціи, въ добромъ расположеніи къ Россіи, былъ другомъ Шака, который по прежнему оставался душою королевскаго совѣта. При первомъ свиданіи съ Симолинымъ новый министръ заявилъ о своей несокрушимой приверженности къ системѣ русскаго союза, говоря, что онъ воспитанъ въ принципахъ этой системы и все его честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобъ сдѣлать узы, соединяющія Данію съ Россіею, нерасторжимыми. 31-го мая пріѣхалъ къ Симолину Шакъ съ радостною вѣстію, что договоръ о промѣнѣ Голштиніи на Ольденбургъ и Дельменгорстъ подписанъ въ Петербургѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Симолинъ сообщалъ Панину извѣстіе, что шведскій министръ въ Копенгагенѣ предложилъ вдовствующей королевѣ тѣсный союзъ между Швеціею и Даніею. Королева отвѣчала что дѣло возможное, если Швеція въ то же время склонитъ къ этому союзу и петербургскій дворъ, безъ котораго Данія не можетъ принимать подобныхъ предложеній. Шведъ возразилъ, что это совершенно невозможно, пото-

му что Россія слишкомъ отдаленна. „Однако, замѣтила королева, Россія—сосѣдка Швеціи и по своему положенію, могуществу и вліянію способна принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ Европы, особенно сѣверной.“ Этимъ разговоръ и кончился.

Но поведеніе Остена, хотя и кончившееся его низверженіемъ, произвело тревогу въ Петербургѣ: оно доказывало, что Франція вовсе не отказывалась отъ надежды привлечь Данію на свою сторону; но потерять союзъ Даніи при извѣстныхъ шведскихъ отношеніяхъ было тяжело для Россіи, и потому здѣсь попытались предложить союзъ Англіи съ прежнимъ условіемъ субсидій, но чтобъ эти субсидіи выплачивались теперь не Швеціи, а Даніи; сдѣлать это предложеніе считали тѣмъ болѣе нужнымъ, что приходили извѣстія о стараніяхъ Франціи сблизиться съ Англіею.

Изъ Лондона Мусинъ-Пушкинъ писалъ, что тамъ съ нѣкотораго времени въ публичныхъ мѣстахъ начались разсужденія о честолюбивыхъ замыслахъ Россіи, о робости Англіи, о склонности ея заключить тѣсный союзъ съ Франціею, о здравой политикѣ, правиламъ которой слѣдуетъ Пруссія. 20-го марта, въ разговорѣ съ лордомъ Суффолькомъ, Мусинъ-Пушкинъ спросилъ его шутя, когда союзный договоръ ихъ съ Франціею будетъ подписанъ. Министръ, также шутя, отвѣчалъ, что это дѣло уже рѣшенное; но потомъ, принявъ серіозный видъ, сталъ обнадеживать Мусина-Пушкина самыми сильными увѣреніями, что немыслимое дѣло для Англіи забыть свое положеніе, когда-либо предпочесть французскій союзъ русскому, къ которому обязываютъ ее самые осязательные интересы; но чтобъ составить рѣшительную систему, надобно имѣть полныя свѣдѣнія о дальнѣйшихъ желаніяхъ императрицы какъ по турецкимъ, такъ и по шведскимъ дѣламъ. Настоящее согласіе Англіи съ Франціею происходитъ единственно отъ того, что нѣтъ ни малѣйшей причины къ какому-нибудь неудовольствію между ними; но это положеніе нисколько не уничтожаетъ основаній соперничества и недовѣрія, которыя останутся навсегда неодолимыми препятствіями къ союзу. Суффолькъ прибавилъ, что все это онъ говоритъ не отъ одного своего имени, а отъ имени короля и министерства. Но по извѣстіямъ изъ Парижа и по собственнымъ наблюденіямъ Мусинъ-Пушкинъ пришелъ къ мысли, что существуютъ какіе-то переговоры между Франціею и Англіею. Онъ сказалъ объ этомъ Суффольку, и тотъ, не подтверждая и не отрицая пря-

мо сомнѣній русскаго министра, отвѣчалъ: „Не удивительно, если при настоящихъ критическихъ и ни мало не опредѣленныхъ обстоятельствахъ были бы какія-нибудь съ французской стороны предложенія англійскому двору; но я еще не смѣю о нихъ вамъ говорить. Благоразуміе требуетъ, чтобъ вы подождали выводить свои заключенія. Молчаніе графа Панина предъ нашимъ министромъ Гуннингомъ служитъ мнѣ доказательствомъ, что у васъ нѣтъ еще намѣренія начать новую войну; а Швеція сама никогда не посмѣетъ подать къ ней ни малѣйшаго повода, особенно когда Франція еще не въ состояніи подать ей дѣйствительной и безпрепятственной помощи, и когда Данія своими вооруженіями приготовилась немедленно напасть на Швецію.“

Между тѣмъ въ мартѣ мѣсяцѣ Панинъ, въ разговорѣ съ Гуннингомъ, упомянулъ о союзѣ, который прежде всего необходимъ для огражденія Даніи отъ французскихъ покушеній: если Англія согласится вступить въ обязательства съ Даніею, то союзъ ея съ Россіею будетъ необходимымъ слѣдствіемъ. Гуннингъ прямо отвѣчалъ ему, что не можетъ донести своему двору объ этомъ предложеніи, ибо здѣсь имя Даніи стоитъ вмѣсто имени Швеціи, тогда какъ англійское правительство объявило разъ навсегда, что никакому государству платить субсидій не будетъ. Панинъ спросилъ: неужели не должно обращать вниманія на великую перемѣну въ положеніи Европы, происшедшую уже послѣ того, какъ требовались субсидіи для Швеціи, и неужели не должно обращать вниманія на то, что въ Швеціи своими субсидіями Англія пріобрѣтала для себя только одну партію, тогда какъ теперь она будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи весь датскій флотъ? По мнѣнію Панина, всеобщая война была недалека, если не будутъ приняты мѣры предотвратить ее, при чемъ прежде всего надобно отдѣлить Данію отъ Швеціи, которая одна будетъ для Франціи только слабою союзницей, и когда будетъ заключенъ союзъ между Россіею и Англіею, то обоимъ государствамъ нечего будетъ болѣе бояться интригъ Франціи.—Гуннингъ, „изъ уваженія къ Панину“, донесъ о его словахъ своему министерству, которое, опять только „изъ личнаго уваженія къ Панину“ отвѣчало впрочемъ вовсе не уважительно, а сухо и рѣзко, что русское предложеніе противорѣчитъ англійскому плану, англійскимъ рѣшеніямъ, много разъ объявленнымъ, и потому не можетъ быть никогда принято. Принять его—

это значило бы уступить главную роль тѣмъ, которые при заключеніи союза между Россіею и Англіею, должны были бы по необходимости за ними послѣдовать.

Въ маѣ сама императрица рѣшилась говорить съ Гуннингомъ о союзѣ на томъ же основаніи, т. е. чтобъ прежде Англія заключила субсидный договоръ съ Даніею. Быть можетъ подозрѣніе, что Панинъ, въ угоду прусскому королю, враждебному Англіи, ведетъ дѣло не съ должною настойчивостію, заставило Екатерину сдѣлать этотъ шагъ, не совсѣмъ согласный съ представленіями ея о достоинствѣ русской государыни. „Посмотримъ, нельзя ли намъ окончить наши скучные переговоры о союзѣ", сказала она Гуннингу. Тотъ отвѣчалъ, что дѣло трудное.—„Какъ же сдѣлать? продолжала Екатерина: Данія нуждается въ помощи, вашъ интересъ не менѣе моего требуетъ оказать ей эту помощь; никакая система для сѣвера не можетъ быть составлена безъ нея, она представляетъ намъ случай оказать нашъ союзъ." Гуннингъ отвѣчалъ, что англійское министерство непреклонно въ своемъ рѣшеніи не допускать никакого обязательства въ пользу Даніи, какъ условія союза съ Россіею, что этотъ союзъ разсматривается какъ основаніе великой системы, и надобно прежде всего положить это основаніе, а потомъ уже возводить на немъ дальнѣйшія постройки.—„Не вижу, возразила Екатерина, почему мы не можемъ сдѣлать этихъ двухъ дѣлъ вмѣстѣ или посредствомъ секретной и отдѣльной статьи, или въ двухъ разныхъ договорахъ." Посланникъ отвѣчалъ, что прежде что-то подобное предлагалось относительно шведской субсидіи, и было отвергнуто въ Англіи.—„Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же договоръ, сказала Екатерина: развѣ въ немъ не будетъ никакихъ условій? изъ чего же онъ будетъ состоять?"—„Подобно всѣмъ оборонительнымъ договорамъ, онъ будетъ опредѣлять взаимную помощь", отвѣчалъ Гуннингъ.—„Въ чемъ же я найду эту взаимность? спросила Екатерина: вы, вслѣдствіе сложности своихъ интересовъ, торговыхъ и политическихъ, безконечно болѣе меня подвержены спорамъ и разрывамъ съ разными державами; у меня только одинъ врагъ—Турки, а вы отказываетесь включить ихъ въ случаѣ союза."—„По моему мнѣнію, отвѣчалъ Гуннингъ, Россія имѣетъ столько же враговъ, какъ Великобританія, и хотя наши враги сильны, однако, по нашему положенію, при нападеніи ихъ, мы не очень боимся стать въ тягость нашимъ союзникамъ."—На это Екатерина сказала: „Что же хорошаго можетъ

выйти изъ договора такого общаго свойства, какая польза будетъ мнѣ отъ него?" На этотъ вопросъ Гуннингъ отвѣчалъ вопросомъ, полагаетъ ли императрица, что союзный договоръ Россіи съ Англіею не произведетъ никакого впечатлѣнія на большинство европейскихъ кабинетовъ, не сохранитъ мира на Балтійскомъ морѣ, и неужели послѣднее обстоятельство не важно для владѣній ея величества. Екатерина кончила разговоръ словами: „Я нахожу, что дѣла представляются въ Лондонѣ иначе, чѣмъ здѣсь; ни Россія, ни Англія не можетъ однако оставаться долго въ подобномъ положеніи." Но въ Англіи рѣшили, что лучше остаться въ этомъ положеніи и отвѣчали, что субсидія Даніи не можетъ служить основаніемъ союзнаго договора съ Россіею; кромѣ того, Гуннингу дано было знать, что въ договоръ не можетъ быть внесена гарантія захваченнаго въ Польшѣ (usurpations in Poland) и, по прежнему, нападеніе на Россію со стороны Турціи не составляетъ случая союза [10].

Было ясно, что безопасность на сѣверѣ зависѣла исключительно отъ хода дѣлъ на югѣ, зависѣла отъ успѣховъ Румянцева въ 1774 году.

Мы видѣли, что въ самомъ концѣ 1773 года Екатерина велѣла написать Румянцеву рескриптъ, чтобъ онъ, по взятіи Варны и разбитіи визиря, не останавливался передъ Балканами, а шелъ далѣе для завоеванія мира. Миръ былъ необходимъ, ибо на востокѣ надобно было тушить пугачевскій пожаръ. Когда въ январѣ 1774 года Штакельбергъ изъ Варшавы переслалъ константинопольское письмо, гдѣ говорилось объ ожиданіи смерти султана, то Екатерина написала Панину: „Почитаю послѣднія чрезъ Штакельберга изъ Царя-града здѣсь приложенныя извѣстія такой важности, что мое мнѣніе есть, чтобъ оныя немедленно сообщены были къ графу Румянцеву съ такимъ предписаньемъ, чтобъ онъ по всевозможности старался сей пунктъ времени сдѣлать полезнымъ, что̀ по моему разсужденію быть можетъ, если онъ не видомъ, но самымъ дѣломъ приступитъ къ завоеванію Силистріи и Варны, а по завоеваніи, чего Боже дай, визирю предложитъ о трактованіи мира, уполномочивая графа Румянцева къ трактованію онаго, въ какой силѣ желаю я, чтобъ вы заготовить велѣли къ фельдмаршалу рескриптъ къ моему подписанію, не теряя времени, ибо потерянный подобный случай не возвращается."

Штакельбергово извѣстіе оказалось справедливымъ: султанъ Мустафа умеръ, а мѣсто его занялъ братъ его Абдулъ-Гамидъ. Къ Румянцеву изъ Петербурга отправленъ рескриптъ: „Такъ какъ по прежнимъ примѣрамъ можно думать, что такая важная перемѣна произведетъ какое-нибудь волненіе въ сералѣ и потому нѣкоторое разстройство въ общихъ политическихъ и военныхъ мѣрахъ Порты, то благоразумная прозорливость требуетъ отъ насъ поставить себя какъ можно скорѣе въ готовность воспользоваться наилучшимъ образомъ могущею быть оплошностію непріятеля вслѣдствіе перемѣны правленія. Отъ избытка желанія нашего содѣйствовать всѣми мѣрами истинной пользѣ имперіи, т. е. скорѣйшему доставленію ей драгоцѣннаго мира, препоручаемъ вамъ устроить по возможности заблаговременно и безъ всякой конечно огласки достаточный корпусъ войскъ такимъ образомъ, чтобъ онъ, по первому вашему приказу, могъ немедленно перенестись на противоположный берегъ Дуная и ударить вдругъ или порознь на Силистрію и Варну въ такомъ случаѣ, если бъ между непріятельскими войсками начали являться оплошность и разстройство вслѣдствіе перемѣны правительства. Наше соизволеніе есть, какъ только оба эти города, если и одинъ изъ нихъ, захвачены будутъ нашими войсками, вы, пользуясь ужасомъ непріятеля, должны предложить визирю отъ себя возобновленіе мирныхъ переговоровъ, но съ тѣмъ, чтобъ эти переговоры велись, для сокращенія времени и отстраненія всякихъ затрудненій, между вами обоими, какъ главными военными начальниками.“

Пришло извѣстіе, что новый султанъ передалъ всѣ дѣла въ полное завѣдываніе великаго визиря, Муссинъ-Заде, и въ то же время получены были изъ Вѣны и Берлина обнадеживанія, что Зегелинъ и Тугутъ единодушно, оставя всякую между собою личную зависть, будутъ стараться чтобъ заключеніе мира было передано визирю, ибо къ извѣстному миролюбію послѣдняго должно будетъ присоединиться желаніе быть въ Константинополѣ для предупрежденія серальскихъ интригъ. Екатерина писала Панину: „Постскриптъ кн. Кауница, который вамъ прочелъ кн. Лобковичъ, кажется, такъ сочиненъ, что онъ долженъ у насъ отнять всякое сумнѣніе о двоякости вѣнскаго двора. Мнѣ пришло на мысли воспользоваться вступленіемъ новаго султана: съ нимъ не настоятъ всѣ тѣ опасенія въ разсужденіи гордости и другихъ его собствен-

ныхъ обстоятельствъ и чувствованій, коихъ мы опасаться имѣли въ умершемъ, и для того я думаю, чтобъ вы снова кн. Кауница просили, чтобъ онъ готовность нашу къ поспѣшенію мира предъявилъ Туркамъ всякій разъ, что они къ трактованію онаго охоту имѣть будутъ, и что для того къ фельдмаршалу снова нынѣ отправлены какъ рескриптъ, такъ и полномочіе."

При такомъ нетерпѣніи получить какъ можно скорѣе миръ, разумѣется должны были смягчить его условія до послѣдней степени, и въ засѣданіи совѣта 10-го марта, въ присутствіи императрицы, гр. Панинъ предложилъ отказаться отъ Керчи и Еникале въ пользу Татаръ, ограничиться однимъ Кинбурномъ и свободнымъ плаваніемъ однихъ торговыхъ судовъ, которыя, въ случаѣ нужды, могутъ быть превращены въ военныя. Всѣ члены совѣта согласились, кромѣ гр. Григорія Орлова. Екатерина отложила рѣшеніе вопроса. Въ слѣдующее засѣданіе (13-го марта) положили не вдругъ предъявлять Туркамъ эти условія, но спускаться къ нимъ постепенно, въ виду упорства Турокъ и „сущей государственной надобности скорѣйшаго возвращенія отечеству тишины и мира." Въ Петербургѣ много надѣялись на обѣщаніе вѣнскаго двора приказать Тугуту объявить Портѣ, что, видя упорство ея въ принятіи русскихъ условій, вѣнскій дворъ находитъ себя припужденнымъ возвратить русскому двору полученное отъ него слова относительно Молдавіи и Валахіи, судьба которыхъ будетъ теперь зависѣть единственно отъ хода войны. „Даруй Боже, писала императрица Румянцеву, чтобы руки ваши, лаврами увѣнчанныя, равномѣрно увѣнчались и вѣтвіями мира. Когда дѣло, при помощи Божіей, дойдетъ у васъ до дѣйствительнаго трактованія съ верховнымъ визиремъ, тогда откроется сама по себѣ дорога, которою, примѣняясь къ его мыслямъ и желаніямъ, надобно будетъ начать негоціацію. Мы мнимъ однакожъ, что короче всего будетъ пойтить съ пункта, гдѣ бухарестскій конгрессъ остановился, утвердя напередъ всѣ тѣ статьи, кои на ономъ или дѣйствительно уже подписаны, или по крайней мѣрѣ въ существѣ своемъ одержаны были объявленнымъ согласіемъ рейсъ-ефенди. Вся трудность замиренія стала только на двухъ пунктахъ: на уступкѣ Россіи Керчи и Еникале съ ихъ уѣздами, да на свободѣ всякаго кораблеплаванія по Черному морю. Познавъ довольно, что турецкое сопротивленіе въ этихъ обоихъ пунктахъ непреодолимо, ибо Порта считаетъ ихъ крайне опасными для са-

маго бытія своего, рѣшились уже мы, для возвращенія отечеству драгоцѣннаго покоя, снизойти на ограниченіе кораблеплаванія по Черному морю и на оставленіе Татарамъ Керчи и Еникале, если Порта согласится, признавъ ихъ вольность и независимость, отдать имъ въ полное владѣніе всѣ крѣпости въ Крыму, на Таманѣ и на Кубани со всею землею отъ рѣки Буга по рѣку Днѣстръ, и если уступитъ намъ городъ Очаковъ, да замокъ Кинбурнскій съ окрестностями и степями по Бугъ рѣку. Въ случаѣ нужды можете требовать только разоренія Очакова, а въ случаѣ крайней необходимости—оставить Туркамъ Очаковъ, а себѣ взять одинъ Кинбургъ съ округомъ по Бугъ рѣку; плаваніе по Черному морю выговорить одно торговое.“

Визирь, жившій въ Шумлѣ, прислалъ за Дунай своего чиновника съ письмомъ къ пашамъ, которые находились въ плѣну у русскихъ. Румянцевъ съ отвѣтными письмами пашей отправилъ Турка назадъ въ Шумлу и съ нимъ своего офицера. Послѣдній возвратился опять съ тѣмъ же турецкимъ чиновникомъ, который на этотъ разъ привезъ письма къ фельдмаршалу отъ визиря и рейсъ-ефенди съ приглашеніемъ возобновить мирные переговоры. Началась переписка между главнокомандующими объ условіяхъ мира, при чемъ немедленно оказалось, что Туркамъ внушено было о затруднительномъ положеніи Россіи, которая должна согласиться на все. Визирь уступалъ одинъ Азовъ, не хотѣлъ слышать объ уступкѣ Очакова или Кинбурна; соглашался на плаваніе русскихъ торговыхъ судовъ по Черному и Мраморному морямъ, но конструкція и размѣры судовъ должны быть въ точности опредѣлены (чтобъ они не могли быть обращены въ военныя). О Крымѣ говорилъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, нисколько не соотвѣтствовавшихъ русскимъ требованіямъ; Татары будутъ пользоваться свободою, согласно предписаніямъ магометанскаго закона; но это ровно ничего не значило.

Панинъ по этому поводу писалъ Румянцеву длинное письмо: „съ бухарестскаго конгресса примѣчаю уже я, что Порта, говоря о вольности Татаръ, во всѣхъ своихъ отзывахъ нечувствительно уклоняется присовокуплять къ слову вольность слово независимость. Долгъ общаго нашего бдѣнія взыскиваетъ напротивъ не дать ей воспользоваться сею хитрою ухваткою варварской ея политики; почему я в. с—ство симъ прилежнѣйше прошу, какъ

во всѣхъ вашихъ во время негоціаціи отзывахъ неразлучно вездѣ соединять оба слова вольности и независимости, такъ и при сочиненіи и подписаніи самаго мирнаго трактата неопустительно предостеречь, дабы оные вмѣстѣ оглавлены и Татары именно и точно признаны были областію въ политическомъ и гражданскомъ состояніи никому, кромѣ единаго Бога, не подвластны." Въ Петербургѣ безпокоились на счетъ медленности переговоровъ, подозрѣвали, что визирь нарочно хочетъ протянуть ихъ, чтобъ истомить наше терпѣніе и выторговать для Порты лучшія условія, или воспользоваться случаемъ для испытанія военнаго счастія, кромѣ того, выждать благопріятной перемѣны обстоятельствъ. Въ этомъ безпокойствѣ Панинъ писалъ Румянцеву, что „отечеству нашему миръ весьма нуженъ и что мы потому онаго съ алчностью желать и добиваться должны", и потому требовалъ, чтобъ Румянцевъ изъяснилъ визирю, какъ ошибается онъ и всѣ министры Порты, если вѣрятъ навѣтамъ завистниковъ мира, будто въ Россіи государственныя средства истощены въ конецъ и она не въ состояніи продолжать войну съ прежними успѣхами. Но если бы и въ самомъ дѣлѣ средства ея истощились, то Румянцевъ имѣетъ способъ, котораго у него не можетъ отнять никакая сила и никакая перемѣна европейскихъ обстоятельствъ въ пользу Порты; этотъ способъ состоитъ въ томъ, чтобъ превратить войну изъ наступательной въ оборонительную, но прежде всѣ занятыя турецкія крѣпости разорить до основанія, города и селенія опустошить въ конецъ, а жителей всѣхъ съ имуществомъ ихъ отвести въ Россію, гдѣ еще много пустыхъ и къ жизни удобныхъ мѣстъ; такое переселеніе жителей Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи будетъ для Россіи достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ понесенные убытки, а для Порты— самымъ чувствительнымъ ударомъ, отъ котораго она не оправится.

Но мы видѣли, что Румянцевъ нисколько не сочувствовалъ этимъ ассирійско-вавилонскимъ средствамъ; для принужденія Турокъ къ миру у него оставалось средство, болѣе приличное для побѣдителя при Ларгѣ и Кагулѣ: это средство было сильное движеніе впередъ, не останавливаясь и предъ Балканами. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ корпусъ генералъ-поручика Каменскаго перешелъ Дунай и въ маѣ стоялъ у Карасу, съ нимъ въ связи находился корпусъ Суворова, перешедшій Дунай у Гирсова. Каменскій и Суворовъ положили имѣть въ виду не Варну и Силистрію, а Шумлу, мѣстопребываніе визиря.

Разбивъ пятитысячный отрядъ Турокъ, Каменскій 2-го іюня занялъ Базарджикъ, и въ то же время самъ Румянцевъ съ главною арміею переправился черезъ Дунай у Гуробалъ, и двигался также по направленію къ Шумлѣ. Визирь выслалъ къ Базарджику на встрѣчу Каменскому до 40,000 войска; но оно было поражено при Козлуджи 9-го іюня: героемъ дня былъ Суворовъ. Послѣ этой побѣды Каменскій хотѣлъ было остановиться; но Румянцевъ, зная, какъ въ Петербургѣ жаждутъ мира и ждутъ его только отъ наступательнаго движенія въ Болгаріи, требовалъ, чтобъ Каменскій непремѣнно шелъ къ Шумлѣ. 17-го іюня Каменскій былъ уже въ 5 верстахъ отъ этой крѣпости, а бригадиръ Заборовскій перебрался уже за Балканы и тамъ билъ Турокъ. Визирь прислалъ съ предложеніемъ перемирія; Румянцевъ велѣлъ отвѣчать, что онъ объ этомъ и слышать не хочетъ; визирь предложилъ возобновить конгрессъ, Румянцевъ и на это не согласился; тогда визирь отправилъ въ главный станъ арміи двоихъ уполномоченныхъ. Узнавъ объ этомъ главнокомандующій перешелъ съ двумя пѣхотными полками и пятью эскадронами кавалеріи въ деревню Кучукъ-Кайнарджи, показывая видъ, что идетъ для соединенія съ корпусомъ Каменскаго подъ Шумлу. Турецкіе уполномоченные пріѣхали въ Кучукъ-Кайнарджи 4-го іюля и просили, чтобъ поскорѣе приступить къ переговорамъ; но чѣмъ больше они просили, тѣмъ сильнѣе отговаривался Румянцевъ, представляя, что онъ на дорогѣ къ Шумлѣ и не можетъ останавливаться. Это заставило Турокъ быть сговорчивыми, когда фельдмаршалъ позволилъ наконецъ начать переговоры, назначивъ для ихъ веденія князя Ник. Вас. Репнина, потому что Обрѣзковъ не могъ поспѣть вслѣдствіе разлива водъ на лѣвомъ берегу Дуная. 10-го іюля мирный договоръ былъ заключенъ и подписанъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Всѣмъ Татарамъ быть вольными и ни отъ кого, кромѣ Бога, независимыми въ своихъ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, а въ духовныхъ сообразоваться имъ съ правилами магометанскаго закона, безъ малѣйшаго однако предосужденія ихъ вольности и независимости. Всѣ земли и всѣ крѣпости въ Крыму на Кубани и на островѣ Таманѣ отдаются Татарамъ, кромѣ Керчи и Еникале, которыя уступаются Россіи. 2) Россіи уступается также замокъ Кинбурнъ съ его округомъ и всею степью между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ; а Порта удерживаетъ Очаковъ, Молдавію, Валахію и Архипелажскія острова

на выгодныхъ для жителей условіяхъ. 3) Торговля и мореплаваніе купеческимъ кораблямъ дозволяется на всѣхъ водахъ, равно какъ плаваніе изъ Чернаго моря въ Бѣлое (Мраморное) и обратно, и въ этомъ отношеніи русскіе подданные пользуются преимуществами, предоставленными подданнымъ Франціи и Англіи. 4) Порта обязалась заплатить Россіи за военныя издержки 4,500,000 рублей. Самъ кн. Репнинъ повезъ въ Петербургъ извѣстіе о веденныхъ имъ переговорахъ и результатахъ ихъ.

Въ рескриптѣ Румянцеву, отправленномъ по полученіи извѣстія о мирѣ, высказалась вся радость, возбужденная этимъ событіемъ. Радость была тѣмъ сильнѣе, что потеряли надежду получить такой выгодный миръ. „Возвѣщая миръ, рукъ вашихъ твореніе, возвѣстили вы намъ въ то же время чрезъ оный и знаменитѣйшую услугу вашу предъ нами и отечествомъ, писала Екатерина Румянцеву. Мы объявляемъ ее во всемъ пространствѣ тѣхъ трудовъ и подвиговъ, коими вы чрезъ все время войны ополчаться долженствовали къ преломленію силъ и высокомѣрія непріятеля, обыкшаго донынѣ въ счастливыхъ своихъ войнахъ предписывать другимъ законы жестокіе. Мѣра благоволенія нашего къ вамъ и къ службѣ вашей стала теперь преисполнена, и мы конечно не упустимъ никогда изъ вниманія нашего, что вамъ одолжена Россія за миръ славный и выгодный, каковаго по извѣстному упорству Порты Оттоманской, конечно никто не ожидалъ, да и ожидать не могъ съ разсудительною вѣроятностію. Самая зависть не можетъ оспорить сей истины, ибо, съ одной стороны, Турки, лишившись Крыма и всѣхъ татарскихъ ордъ, лишились на будущее время значительнаго числа войскъ, тѣмъ болѣе полезныхъ, что содержаніе ихъ Портѣ ничего не стоило, а уступка намъ трехъ пристаней на Черномъ морѣ дастъ намъ способъ вредить Портѣ въ самыхъ для нея чувствительныхъ мѣстахъ, еслибъ она опять покусилась на войну съ нами вслѣдствіе постороннихъ происковъ.“

Написанъ былъ уже рескриптъ и къ начальнику второй арміи съ приказаніемъ очищать постепенно Крымъ, оставивъ гарнизоны въ Керчи и Еникале, какъ вдругъ приходитъ отъ Долгорукаго извѣстіе, что въ Крымъ высадился съ войскомъ сераскиръ-паша Алибей, и ханъ Сагибъ-Гирей не только не оказалъ ему никакого сопротивленія, но и выдалъ ему русскаго резидента Веселицкаго. Тогда написанъ былъ другой рескриптъ: „Не будучи мы еще отъ васъ въ

подробности увѣдомлены и не зная потому, какимъ образомъ ханъ крымскій могъ соединиться съ турецкими начальниками и осмѣлиться отдать имъ нашего резидента въ бытность вашу со всею предводительствуемою арміею посреди Крыма, слѣдовательно вблизости отъ хана и при настояніи всѣхъ способовъ къ содержанію съ нимъ нужной связи и обсылки съ резидентомъ, мы находимся въ необходимости настоящее наше предписаніе составить главнѣйше изъ общихъ примѣчаній.“ Эти примѣчанія состояли въ томъ, что объ очищеніи Крыма русскими войсками теперь нечего и думать, можно начать вывозъ войскъ только тогда, когда Турки совсѣмъ оставятъ полуостровъ или по мѣрѣ ихъ выхода. Въ рескриптѣ говорилось также: „Мы давно уже отъ васъ и чрезъ другія достовѣрныя извѣстія были предупреждены о дурныхъ качествахъ и о малоспособности къ правленію настоящаго хана: но притомъ положеніи дѣлъ, въ какомъ мы въ разсужденіи Крыма и прочихъ татарскихъ народовъ находимся, нѣтъ пристойныхъ способовъ къ его низложенію, какъ получившаго достоинства по праву происхожденія и по добровольному избранію всего общества, особенно въ то время, когда оно рѣшилось отложиться отъ власти турецкой; поэтому мы находимъ нужнымъ его и защищать, еслибъ съ турецкой стороны принято было намѣреніе низвергнуть его. Впрочемъ какъ съ Турками, такъ и съ Татарами, дабы не подано было съ нашей стороны ни малѣйшихъ поводовъ ко враждѣ, надобно поступать съ такою разборчивостію, чтобъ всегда удаляться отъ первыхъ задоровъ.“ Но отъ Долгорукаго получено было извѣстіе, что онъ войска свои изъ Крыма выводитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просьба объ увольненіи его, по слабости здоровья, въ Москву и позволеніи сдать команду старшему генералъ-поручику. Все это было ему дозволено.

Между тѣмъ стали приходить и отъ Румянцева дурныя вѣсти. Для окончательнаго улаженія дѣла онъ отправилъ въ Константинополь полковника Петерсона, который далъ ему знать, что дѣло не улаживается, диванъ требуетъ перемѣны нѣкоторыхъ условій мирнаго договора; о томъ же писалъ Румянцеву и прусскій посланникъ при Портѣ Зегелинъ. Но какъ взглянулъ фельдмаршалъ на извѣстія послѣдняго, видно изъ любопытнаго письма его къ Петерсону (отъ 24-го октября): „Зегелинъ расхваливаетъ рейсъ-ефенди, выставляетъ его усерднымъ защитникомъ мира; но мы досто-

вѣрно знаемъ, что онъ мира не хочетъ. Зегелинъ хочетъ насъ настращать готовностію Турокъ къ войнѣ; но въ предыдущемъ письмѣ самъ онъ описывалъ страшное истощеніе Порты, которая не можетъ поднять головы: и потому будьте съ нимъ осторожны и вывѣдывайте, не отъ него ли или отъ какихъ другихъ происковъ идетъ помѣха дѣлу. Легко станется, что и прусскій министръ, будучи лишенъ всякаго участія при заключеніи мира, старается теперь сдѣлаться нужнымъ. Если рейсъ-ефенди или кто другой станутъ время проволакивать или откажутся принять мирный договоръ слово въ слово, то дайте имъ почувствовать, что ихъ поступокъ остановитъ очищеніе Молдавіи и остающихся въ нашихъ рукахъ крѣпостей, гдѣ у насъ вся армія безъ малѣйшей убавки. Рейсъ-ефенди спрашивалъ васъ, на какомъ основаніи Австрійцы заняли своимъ войскомъ значительную часть Молдавіи. Я вамъ передаю слѣдующее, что̀ вы должны содержать въ величайшей тайнѣ: необходимо внушить Портѣ объ истинныхъ взглядахъ двора нашего на это дѣло. Откройте надежнѣйшій путь къ удостовѣренію Порты, что австрійское занятіе ея земель есть для насъ дѣло совсѣмъ постороннее, въ которомъ мы не имѣемъ и никогда не примемъ ни малѣйшаго участія. Передайте это внушеніе словесно, а не письменно, самому великому визирю или довѣренной отъ него особѣ. Повторяю, что это должно сдѣлаться въ величайшей тайнѣ, ибо положеніе нашего двора въ этомъ случаѣ очень деликатно, онъ не долженъ себя компрометтировать ни предъ вѣнскимъ дворомъ, ни предъ Портою. Даю вамъ право обѣщать 100, 200, наконецъ 300,000 рублей тому, кто возьмется уничтожить всѣ происки недоброжелательныхъ людей и довести дѣло до того, чтобъ ратификація была отправлена въ Петербургъ безъ всякихъ измѣненій договора.“

Всѣ эти сношенія велъ Румянцевъ въ Фокшанахъ, лежа въ постели, къ которой приковала его мучительная болѣзнь. Еще въ августѣ, узнавъ о тяжелой болѣзни Румянцева, императрица рѣшила отправить къ нему назадъ Рѣпнина для помощи въ окончаніи мирнаго дѣла; если фельдмаршалъ оправится, то Репнинъ долженъ былъ ѣхать посломъ въ Константинополь; въ противномъ случаѣ принять начальство надъ арміею. 14-го сентября пріѣхалъ Репнинъ въ Фокшаны и на другой день написалъ въ Петербургъ къ Потемкину: „Я нашелъ фельдмаршала въ крайней еще слабости

и въ несостояніи встать съ постели, хотя уже изъ всей опасности и вышелъ. Жалко на него глядѣть и на всѣхъ здѣсь находящихся; изъ всего города сдѣлалась больница. Игельстромъ былъ очень боленъ, но уже ходитъ. Завадовскій лежитъ, Ашъ, Вѣлда, кн. Андрей Николаичъ тоже, однимъ словомъ сказать, всѣ почти больны лихорадками и горячками. Изъ всѣхъ людей фельдмаршалскихъ одинъ его егерь только здоровъ, а прочіе всѣ или лежатъ, или насилу таскаются. Фельдмаршалъ поручилъ мнѣ вамъ изъяснить, сколь онъ наичувствительно признателенъ за участіе, кое вы приняли въ его болѣзни и за всѣ знаки вашей къ нему дружбы. Самъ писать не въ силахъ, а коль скоро сможетъ, то будетъ. Считая, что фельдмаршалъ недѣли черезъ три или четыре придетъ въ желаемыя силы, тогда не вижу я, чтобъ нужно мнѣ было здѣсь при немъ оставаться. Вы знаете, мой другъ, что ему помощники не надобны. Сдѣлай мнѣ милость, спроси не только наставленія, но милостиваго по сему совѣта у государыни. Я боюсь, чтобъ Турки, свѣдавъ, что нашъ посолъ прискакалъ по почтѣ, не подумали, что крайняя нужда намъ спѣшить и отъ того бы не возгордились, а утаить сего нельзя, понеже оно публично въ Петербургѣ, а оттоль сюда множество людей пишутъ. Представьте ея в—ству все сіе, и если я буду столь счастливъ, чтобъ мысли мои встрѣтились съ мыслями ея в—ства, то испросите мнѣ высочайшее позволеніе отсель къ вамъ пріѣхать, когда фельдмаршалъ придетъ въ желаемыя силы. Пожалуй, мой другъ, не замедли мнѣ на сіе отвѣтомъ, а посольствы конечно прежде будущей весны быть не могутъ“ [11]. Совѣтъ рѣшилъ, что можно позволить Репнину пріѣхать въ Петербургъ.

Румянцевъ еще не успѣлъ оправиться отъ болѣзни, какъ на него возложена была новая обязанность—завѣдываніе второю арміею, оставшеюся безъ начальника за отъѣздомъ Долгорукаго, и улаживаніе дѣлъ татарскихъ. По этому поводу Румянцевъ писалъ императрицѣ: „Что касается свойствъ и расположенія татарскихъ народовъ, то едвали и надѣяться можно въ скоромъ времени видѣть ихъ спокойными и пользующимися какъ слѣдуетъ вольностію и независимостію. Я свое мнѣніе основываю на томъ, что имѣвшіе съ ними дѣло Щербининъ, Веселицкій и кн. Долгорукій одинаково и постоянно писали, что Татары исполнены крайняго отвращенія ко всѣмъ благодѣяніямъ в. в—ства и никогда не переставали же-

лать раболѣпствовать по прежнему Портѣ, а теперь этого и формально ищутъ, о чемъ визирь въ своемъ письмѣ ко мнѣ упоминаетъ, да и кн. Долгорукій писалъ, что они за этимъ депутатовъ своихъ отправили къ Портѣ.“ Дѣйствительно, турецкія войска вышли изъ Крыма, флотъ отправился отъ его береговъ назадъ въ Константинополь, резидентъ Веселицкій былъ освобожденъ; но Татары не хотѣли принять данной имъ вольности. Больному фельдмаршалу было тяжело завѣдывать двумя арміями, особенно при такихъ обстоятельствахъ: „Пощады я не дѣлаю ни здоровью, ни самой жизни моей, писалъ онъ Екатеринѣ; противъ совѣту докторовъ, кои безпокойство, сопряженное съ управленіемъ дѣлъ главнымъ препятствіемъ моему выздоровленію полагаютъ, я жертвую вседневно послѣдними силами исполненію моей должности; но во всемъ ослабѣвши отъ долгой болѣзни, едва могу распоряжать и сею частью и боюсь, чтобъ въ такомъ состояніи и тутъ чего-либо не проронить.“ Румянцевъ просилъ, чтобъ для второй арміи назначили или опять кн. Долгорукова, или кого-либо другаго, хорошо знающаго дѣла того края, гдѣ расположена эта армія. Между тѣмъ великій визирь прямо обратился къ Румянцеву съ письмомъ, гдѣ выражалъ желаніе измѣнить мирныя условія, именно касающіяся Татаръ и Дунайскихъ княжествъ, для которыхъ въ Кучукъ-Кайнарджи выговорены были льготы. На это Румянцевъ отвѣчалъ: „Скрыть не хочу моего крайняго удивленія, какимъ объятъ я былъ, увидавъ содержаніе вашего письма. Дѣло, столь торжественное какъ миръ, заключенный между Всероссійскою имперіею и Портою Оттоманскою уполномоченными отъ ихъ государей, въ своемъ исполненіи не терпитъ ни отлагательствъ, ни остановки, и я долженъ вамъ сказать не обинуясь, что ни одинъ пунктъ въ трактатѣ не можетъ быть нарушенъ безъ того, чтобъ не нарушены были и всѣ статьи его и самое главное основаніе—искренность и добросовѣстность. Перемѣна священныхъ договоровъ въ слѣдъ за ихъ постановленіемъ была бы предосудительна достоинству и славѣ высочайшихъ дворовъ. Хотя сказанное увольняетъ меня отъ дальнѣйшихъ объясненій, однако хочу, изъ дружбы къ вамъ, замѣтить слѣдующее: татарскіе народы, какъ вольные и независимые, не принуждаются ни къ чему, противному магометанскому закону. Жалобы и просьбы ихъ, хотя бы и дѣйствительно шли отъ нихъ самихъ, не даютъ права ни той, ни другой державѣ входить въ

ихъ разборъ. Татары стали теперь народомъ вольнымъ и ни отъ кого независимымъ, и объ этомъ положенiи ихъ Россiя и Порта имѣютъ между собою обязательства, которыя должно исполнить независимо отъ татарскихъ желанiй. Вы сами говорите въ письмѣ своемъ, что нѣсколько лѣтъ велась война по несогласiю на тѣ условiя, которыя постановлены въ Кайнарджѣ: можно ли же опять требовать въ нихъ какой-нибудь перемѣны и этимъ трогать пепелъ прежняго несогласiя?" Въ донесенiи отъ 5-го ноября Петерсонъ поздравилъ Румянцева, что твердость его отвѣта произвела желанное дѣйствiе: рѣшено утвердить договоръ безо всякой перемѣны [12].

Но когда ошибка допущена въ началѣ дѣла, то она непремѣнно обнаружится въ концѣ его. Ошибка, допущенная въ началѣ крымскаго дѣла провозглашенiемъ независимости Татаръ, была еще усилена уступкою Туркамъ религiознаго влiянiя надъ ними. Тотчасъ по заключенiи Кучукъ-Кайнарджiйскаго мира Панинъ писалъ Веселицкому относительно его условiй о Татарахъ: „Хотя Татары со стороны Порты въ разсужденiи политическаго и гражданскаго ихъ состоянiя и признаны совершенно свободными и ни отъ кого независимыми, но съ тѣмъ однакожъ, чтобъ они въ духовныхъ обрядахъ какъ единовѣрные съ Турками въ разсужденiи султана, яко верховнаго калифа, сообразовались правиламъ, закономъ ихъ предписаннымъ, но безъ малѣйшаго предосужденiя утверждаемой для нихъ политической и гражданской вольности. По бывшимъ о сей духовной должности Татаръ къ турецкому государю на Фокшанскомъ и Бухарестскомъ конгрессахъ разсмотрѣнiямъ имѣла она состоять въ томъ, чтобъ каждый новый ханъ крымскiй, добровольнымъ избранiемъ возводимый на сiю степень, возвѣщалъ о томъ оттоманскому престолу грамотою своею чрезъ нарочную депутацiю и требовалъ отъ онаго утвержденiя или же благословенiя на свое достоинство; чтобъ судьи крымскiе, поелику судъ и расправа магометанская въ тѣсномъ соединенiи съ ихъ же закономъ состоятъ, снабдѣваемы были полною мочью отъ кадилескера константинопольскаго, а по крайней мѣрѣ, чтобъ при первомъ случаѣ, но единожды на все уже послѣдствiе времени не требовано было татарскимъ правительствомъ судей ихъ настоящихъ и будущихъ благословляющая бумага, и чтобъ въ Крымѣ и во всѣхъ татарскаго владѣнiя мѣстахъ каждую пятницу въ мечетяхъ возносимо было въ молитвахъ имя султанское. Безъ сомнѣнiя, Порта и не оставитъ старать-

ся тотчасъ о приведеніи сихъ трехъ пунктовъ въ полное дѣйство; но противъ того настоитъ опасность, чтобъ Татары по невѣжеству своему, суевѣрству и неограниченной къ Туркамъ преданности, не подвиглись, буде оставить безъ предостереженія, поступить далѣе, нежели совмѣстно быть можетъ съ настоящимъ ихъ независимымъ состояніемъ. Пускай посему начинаютъ Татары возглашать имя султанское въ своихъ мечетяхъ; но какъ скоро развѣдаете вы о намѣреніи ханскомъ и приготовленіяхъ къ сношенію съ Портою для возвѣщенія ей о своемъ начальствѣ и испрошенія на то ея подтвержденія, также и полной мочи для судей татарскихъ, можете тогда потребовать о сообщеніи вамъ отправляемыхъ къ Портѣ писемъ, яко первыхъ по свободѣ пріобрѣтенной, которыя буде найдете въ чемъ-либо несвойственными съ настоящимъ Татаръ положеніемъ, стараться имѣете исправить вашими хану и правительству крымскому изъясненіями, чтобъ ханъ явился предъ султаномъ не рабомъ, а господиномъ, дѣйствующимъ только по духовнымъ убѣжденіямъ."

Такимъ образомъ Татары были поставлены между двухъ огней: между султаномъ, котораго они должны были считать своимъ духовнымъ владыкою и молиться за него и Россіею, которая при первомъ случаѣ вражды съ султаномъ потребуетъ, чтобъ Татары также объявили себя противъ него. Понятно, что Татары, особенно ихъ духовенство, будутъ стараться всѣми силами выйти изъ такого тяжелаго положенія именно возвращеніемъ къ старинѣ; а другіе, какъ Шагинъ-Гирей, которые хотѣли совершенно новаго порядка вещей, полной независимости отъ Порты, были крайне недовольны условіемъ духовной зависимости отъ султана, вовсе не признавая за нею религіознаго основанія.

Шагинъ-Гирей выступилъ въ это время опять на поприще по поводу ногайскихъ волненій. Въ самомъ началѣ года кн. Долгорукій увѣдомилъ о развратѣ Ногайцевъ, прельщенныхъ подарками, которые раздавалъ имъ ханъ, присланный Портою въ Суджукъ-Кале. Едичкульская орда возмутилась и захватила русскаго пристава съ командою. Сначала въ Совѣтѣ рѣшено было противъ турецкихъ денегъ дѣйствовать деньгами же и разрѣшено Щербинину употребить на это 35,000 рублей. Но однѣми деньгами нельзя было помочь; гораздо успѣшнѣе дѣйствовалъ подполковникъ Бухвостовъ, который нѣсколько разъ поразилъ мятежныхъ Ногаевъ и прогналъ

изъ Едисанской орды присланнаго Турками Калгу; для окончательнаго же успокоенія Ногаевъ рѣшено было послать къ нимъ Шагинъ-Гирея. Панинъ писалъ ему письмо (26-го февраля): „Полученное извѣстіе при высочайшемъ дворѣ ея и. в. о воспріятомъ вашимъ сіятельствомъ намѣреніи переѣхать въ ногайскіе народы для начальствованія надъ оными произвело великое удовольствіе. Безъ сомнѣнія, потщитесь вы, при бытности вашей въ ордахъ ногайскихъ и толь вяще по подающимся лучшимъ тамъ дла васъ способамъ, отечеству вашему и всѣмъ народамъ татарскимъ учиниться благодѣтелемъ и наставникомъ; природа ваша и добродѣтели отличныя достойны того, чтобъ народы татарскіе, избавленные великодушнымъ ея и. в. подвигомъ по единому человѣколюбію, изъ поноснаго рабства и неволи и въ независимомъ состояніи здѣшнимъ попеченіемъ и стражею сохраняемые, но къ удивленію и крайнему сожалѣнію, по малой своей разборчивости, почти не чувствующіе выгодности и превосходства настоящаго своего жребія предъ прежнимъ презрительнымъ, тяжкимъ и бѣдственнымъ, во всемъ томъ были вразумлены и приведены въ прочный для нихъ порядокъ чрезъ ваше сіятельство, и чтобъ такимъ образомъ слава вашего имени и въ будущее ихъ потомство распространилась для примѣра и подражанія. Для достиженія сего вашего намѣренія вы не только деньгами, но и войсками воспособствованы будете, а сверхъ того и тѣ 12,000 рублей, кои вамъ назначены ежегодно для вашего въ здѣшнихъ границахъ пребыванія, такожъ производимы вамъ будутъ, пока благонамѣренными останетесь, и ежелибъ по случаю какой для васъ опасности вы долѣе между Ногайцами быть не могли, тогда можете по прежнему воспріять убѣжище въ здѣшнюю имперію и ожидать всякаго пристойнаго уваженія.“ Въ то же время кн. Долгорукій получилъ рескриптъ: „Доставленіе живущему подъ нашимъ покровительствомъ въ Полтавѣ Шагинъ-Гирею Калгѣ-салтану крымскому главнаго надъ ордами ногайскими правленія, будучи повидимому средствомъ изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ къ удержанію сихъ легкомысленныхъ людей и во время продолжающейся войны въ положеніи свойственномъ съ пользою нашей имперіи, тѣмъ паче нашего старанія достойно, что сверхъ исполненія вида толико важнаго и нужнаго, найдетъ и Калга-салтанъ въ томъ же самомъ, по состоянію и обстоятельствамъ своимъ, самое сходственнѣйшее воздаяніе своей къ намъ преданности. Пусть онъ какъ наискорѣе от-

правленъ будетъ къ Ногайцамъ, чтобъ получилъ и пособіе войсками и деньгами для устрашенія однимъ способомъ злонамѣренныхъ и пріобрѣтенія другимъ себѣ доброжелательствующихъ, и чтобъ находился при немъ и особливый приставъ, наблюдающій его поведеніе. Денегъ Калгѣ въ пособіе назначается до 30,000 рублей. И какъ мы желаемъ, чтобъ искательство имъ власти надъ ордами ногайскими ни малѣйшаго вида принужденія не имѣло, но совершилось съ соблюденіемъ всей наружной свободности; добровольнымъ избраніемъ, для того потщитесь дать Калгѣ-салтану уразумѣть, колико для него нужно и полезно будетъ удаляться отъ всякихъ мѣръ строгихъ нашимъ оружіемъ, а вмѣсто того стараться общую снискать довѣренность снисходительствомъ и пристойными изъясненіями. Полковникъ Бринкъ можетъ должность пристава исполнять."

Шагинъ-Гирей отправился на Кубань; заключенъ былъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, но Крымцы заявляли упорное желаніе оставаться подъ турецкимъ владычествомъ. Калга хотѣлъ воспользоваться этимъ для достиженія своихъ цѣлей и открылъ Щербинину, что есть возможность склонить Ногаевъ къ протесту противъ поведенія Крымцевъ и къ возведенію на ханство его, Шагинъ-Гирея, если ему дано будетъ 100,000 рублей и нѣсколько войска для охраны. Когда 27-го октября въ Совѣтѣ было прочтено донесеніе Щербинина, то Совѣтъ „призналъ предложеніе Калги весьма полезнымъ къ утвержденію сооруженной нами татарской области, и разсуждалъ, что можно исполнить оное какъ дѣло, единственно между Татаръ произойтить могущее, безъ остуды съ Портою; что посредствомъ денегъ всѣ на Кубани Татары и самъ Джанъ-Мамбетъ-бей въ то употреблены быть могутъ; что безъ сомнѣнія одержатъ они поверхность надъ Крымцами, и Порта, не видя явнаго нашего участія, а при томъ и опасаясь нарушить миръ, не осмѣлится подкрѣпить ихъ; что Калга, будучи намъ обязанъ возведеніемъ своимъ на ханство, останется совсѣмъ преданнымъ къ нашей сторонѣ и что такимъ образомъ нечувствительно отвыкнутъ Татары отъ Турковъ и могутъ сдѣлаться наконецъ совершенно отъ нихъ независимыми."

Но Шагинъ-Гирею на этотъ разъ не удалось достигнуть своей цѣли. Румянцевъ, получивъ благопріятныя извѣстія отъ Петерсона изъ Константинополя, не хотѣлъ мѣшать утвержденію мира новыми движеніями съ Кубани и далъ знать Щербинину, чтобъ оста-

новился приведеніемъ въ исполненіе Шагинъ-Гиреева плана. Въ Петербургѣ были совершенно согласны съ мнѣніемъ фельдмаршала, и 15-го декабря Совѣтъ одобрилъ рескриптъ Щербинину о неисполненіи теперь плана Калги-султана и о содержаніи однако Татаръ къ тому въ готовности, не допуская ихъ переселяться въ старыя ихъ жилища [13].

Не смотря на то, что дѣла татарскія не предвѣщали продолжительности Кучукъ-Кайнарджійскому миру, заключеніе его съ такими выгодами при важныхъ затрудненіяхъ внутри Россіи должно было произвести сильное впечатлѣніе на сосѣдніе дворы, которые по отношенію къ польскому вопросу чувствовали себя до сихъ поръ гораздо развязнѣе.

23-го января Штакельбергъ писалъ Панину изъ Варшавы: „Начиная съ короля до послѣдняго депутата, никто не смѣетъ высказаться въ пользу Грековъ неуніатовъ и диссидентовъ, еслибы даже въ глубинѣ своего сердца кто-нибудь и былъ убѣжденъ въ правотѣ ихъ дѣла: фанатизмъ, вмѣсто того чтобъ уменьшаться, усилился! Страхъ теперь не дѣйствуетъ какъ прежде по причинѣ системы ханженства вѣнскаго двора. Я пригласилъ къ себѣ моихъ обоихъ товарищей и предложилъ имъ поразсудить о диссидентскомъ дѣлѣ, которое скоро пойдетъ. Я не буду говорить о Бенуа. Его мнѣнія, совершенно согласныя съ правотою дѣла, остаются тѣ же, какъ и прежде, а его будущія дѣйствія будутъ согласны съ интересами его государя въ этомъ дѣлѣ. Онъ вмѣстѣ со мною убѣждалъ барона Ревицкаго, но по напрасну: Ревицкій твердилъ свое, что особенно при настоящемъ положеніи дѣлъ, при чрезвычайномъ уменьшеніи жителей этого исповѣданія вслѣдствіе раздѣла, неприлично давать имъ мѣсто на сеймѣ наравнѣ съ католиками, и вообще его дворъ сдѣлалъ внушенія въ Петербургѣ и особенно въ Берлинѣ, гдѣ признали справедливость того, что Австрія, какъ государство католическое, не можетъ заступаться за диссидентовъ. Легко представить себѣ впечатлѣніе, производимое на Поляковъ поведеніемъ вѣнскаго двора. Пріѣхавъ въ Польшу, я нашелъ народъ исполненнымъ предубѣжденій противъ Россіи и ослѣпленнымъ своею неблагодарностію. Раздѣлъ усилилъ эти чувства.“ 3-го марта Штакельбергъ писалъ: „Бенуа мнѣ обѣщалъ дѣйствовать заодно въ борьбѣ съ предразсудками, увеличенію которыхъ такъ содѣйствовали папскій нунцій и баронъ Ревицкій. Первый толкуетъ объ анаѳемѣ, а другой обѣ-

щаетъ именемъ своего двора деньги и помощь, хотя мнѣ говоритъ, что онъ нейтраленъ.“ Но союзники останавливали дѣло не по одному диссидентскому вопросу. Мы видимъ, что Австрія захватила польскія земли по рѣку Сбручъ; теперь пришло извѣстіе, что Пруссаки измѣнили пограничную линію, обозначенную въ договорѣ, забираютъ польскія земли. Делегація завопила; послы начали ей грозить, но получили въ отвѣтъ: „сознаніе своей слабости заставило насъ купить уступкою лучшей части Польши надежду владѣть остальнымъ спокойно; но при видѣ, что и это остальное не безопасно отъ ежедневныхъ захватовъ, намъ нечего больше бояться, и мы скорѣе согласимся быть подѣленными окончательно, чѣмъ умирать на маломъ огнѣ.“ Штакельбергъ жаловался, что это происшествіе уничтожаетъ надежду кончить всѣ дѣла къ 6-му мая, времени открытія сейма. Дѣло кончилось тѣмъ, что делегація рѣшила единогласно отправить знатныхъ людей въ Петербургъ и Вѣну съ просьбою о посредничествѣ, при чемъ въ Петербургъ рѣшено отправить великаго гетмана Браницкаго; рѣшено было также отправить довѣреннаго человѣка и въ Берлинъ, просить Фридриха II остановить разграниченіе. А между тѣмъ диссидентское дѣло висѣло грозною тучею надъ головами. Штакельбергъ писалъ Панину 24-го марта: „Мое положеніе будетъ трудное между католическимъ фанатизмомъ съ одной стороны и упорствомъ иногда мелочнымъ диссидентовъ съ другой. Эти господа, справедливо раздраженные обидами, требуютъ полнаго равенства, не вникая въ положеніе вещей, не принимая въ разсчетъ необходимость ограничиться существеннымъ, ибо число ихъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ католиковъ. Каждый день я увѣряю ихъ, что по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ числѣ они непремѣнно будутъ допущены къ участію въ сеймахъ; но это ихъ не успокоиваетъ; они хотятъ полныхъ правъ, включая и право быть членами постояннаго Совѣта. Все это они получатъ со временемъ, но теперь нельзя провести вслѣдствіе сопротивленія вѣнскаго двора и затрудненій новаго правительства. Нужно было бы гренадеровъ, чтобъ нести проектъ постояннаго Совѣта въ делегацію, еслибы мы объявили, что въ него войдутъ диссиденты. Будущее для нихъ будетъ менѣе страшно, если при новой правительственной формѣ король и разумнѣйшая часть народонаселенія успѣютъ ослабить вліяніе епископовъ и римскаго двора вообще.“

Баронъ Ревицкій внушилъ членамъ депутаціи, чтобъ держались

крѣпко относительно диссидентскаго дѣла, а онъ отвѣчаетъ за слѣдствія. Штакельбергъ опасался, что переговоры порвутся на пунктѣ допущенія диссидентовъ на сеймъ, и писалъ Панину, что для успѣха дѣла нужно объявленіе императрицы, что она обѣщаетъ свое посредничество у короля прусскаго по дѣлу разграниченія только въ томъ случаѣ, когда диссидентское дѣло рѣшено будетъ по инструкціи, данной ею своему министру въ Варшавѣ. Если король прусскій подъ этимъ же условіемъ выполнитъ соглашеніе относительно границъ, то диссидентское дѣло, эта основа спокойствія Польши, будетъ покончено навсегда.

Сеймъ собрался и снова отсрочилъ свои засѣданія до 1-го августа, чтобъ дать время делегаціи порѣшить всѣ вопросы. Всего больше могло взять времени пограничное дѣло: Фридрихъ II-й захватывалъ на томъ основаніи, что Австрія захватила лишнее. Австрія не думала возвращать этого лишка; мало того, Ревицкій увѣрялъ Штакельберга, что если прусскій король оставитъ за собою свои захваты, то и вѣнскій дворъ не ограничится своими прежними захватами. Штакельбергъ не предвидѣлъ этому конца. Въ то же время безпокоилъ его гетманъ Браницкій, который присылалъ изъ Петербурга вѣсти, волновавшія всю Польшу. Штакельбергъ просилъ Панина унять Браницкаго: „Это человѣкъ, писалъ онъ, способный служить, но надобно полагать границы его воображенію, иначе онъ ниспровергнетъ все. Вы должны замѣтить, что онъ хочетъ быть самовластнымъ кормчимъ корабля. Онъ быть можетъ у васъ нѣсколько разъ упоминалъ о королѣ, но это только изъ приличія. Онъ держитъ Станислава Августа въ подчиненіи посредствомъ чувства, которое, переставая быть дружбою, приближается къ страху. Въ своемъ стремленіи стать единственнымъ главою партіи, онъ подражаетъ всѣмъ тѣмъ, которые прежде его были нашими орудіями. Какъ только они укрѣплялись нашимъ покровительствомъ, становились сильны и богаты чрезъ него, то благодарность изглаживалась изъ ихъ сердецъ и уступала мѣсто ненависти, когда русскіе послы, замѣтивъ, что играютъ второстепенную роль, старались снова поднять Россію на то мѣсто, которое принадлежитъ ей въ польскихъ дѣлахъ. Ваше сіятельство знаете, какъ вслѣдствіе польской анархіи и власти вельможъ русскимъ посламъ было трудно удерживать нынѣшняго короля и вельможъ, чтобъ они не употребляли во зло покровительство императрицы, когда первый имѣлъ по-

стоянно въ виду самодержавіе, а послѣдніе—притѣсненіе своихъ согражданъ. Обстоятельства перемѣнились, но виды ихъ остались прежніе. Если этому не помѣшать, то король будетъ дѣлать то же что̀ дѣлалъ всегда, Польша погибнетъ, а Браницкій послѣдуетъ примѣру Чарторыйскихъ, съ тою разницею, что онъ, можетъ быть, честнѣе, но за то горячѣе. Россія, король, если только захочетъ, и всѣ честные люди найдутъ въ національномъ совѣтѣ средства противъ зла, если только равновѣсіе, разъ установленное, будетъ сохраняться. Вы такъ часто давали мнѣ чувствовать важность Польши для Россіи, особенно когда послѣ мира образуется твердая система относительно цѣлой Европы, и намъ нужно будетъ обезпечить себѣ этотъ оплотъ имперіи, столь полезный и въ войнѣ, и въ мирѣ, которымъ стало гораздо труднѣе управлять съ тѣхъ поръ, какъ двѣ другія державы такъ приблизились къ нему. Вы мнѣ позволите окончить мою депешу необходимыми размышленіями. Пружина страха, столь могущественная относительно Поляковъ, почти совершенно ослабѣла съ нашей стороны, потому что почти всѣ значительные вельможи королевства находятся смѣшанными подданными трехъ державъ. Отсюда, когда имъ внушаютъ, что ихъ поведеніе можетъ не понравиться Россіи, они выставляютъ покровительство другихъ дворовъ, и преимущественно вѣнскаго. Если пружина страха ослабѣла, то благоразуміе требуетъ обезпечить себѣ пружины надежды и благодѣяній. Въ этомъ отношеніи надобно заставить Браницкаго, чтобъ онъ, со своей стороны, принудилъ короля оставить упорную систему преслѣдованія всѣхъ людей преданныхъ Россіи. Вы обратили этихъ бѣдняковъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобъ они получили вознагражденіе здѣсь, ибо большія военныя издержки препятствуютъ императрицѣ сдѣлать это самой; но когда я ходатайствую о нихъ предъ королемъ, то не только получаю отказъ, но его величество косвенно вредитъ имъ въ делегаціи, объявляя публично, что такова участь людей, которые обращаются къ чужой державѣ. Легко понять, какое впечатлѣніе это производитъ ежедневно и какъ чрезъ это король утверждаетъ свою систему уничтоженія нашего значенія въ Польшѣ, тогда какъ при короляхъ саксонскихъ Россія совершенно располагала Польшей, вслѣдствіе уваженія этихъ государей къ нашимъ рекомендаціямъ. Если вы для возстановленія нашего прежняго значенія не воспользуетесь пребываніемъ Браницкаго въ Петербургѣ, то король успѣетъ сдѣлать

Россію въ Польшѣ столь же незначительною, какъ самые отдаленные дворы. Есть еще предметъ, относительно котораго нужно поставить Браницкаго—это именно на счетъ переговоровъ, которые ведетъ польскій король при всѣхъ дворахъ Европы на счетъ собственныхъ своихъ интересовъ, на счетъ самодержавія, потому что король шведскій окончательно вскружилъ ему голову.“

Но въ то время, какъ Штакельбергъ требовалъ отъ Панина, чтобъ тотъ наставлялъ Браницкаго дѣйствовать согласно съ видами Россіи, оказывалось, что Браницкій, по соглашенію съ королемъ, поѣхалъ въ Петербургъ для ниспроверженія постановленій о Постоянномъ Совѣтѣ, вслѣдствіе чего королевская партія въ делегаціи возобновила дѣло о Совѣтѣ и выставила противъ него сильное сопротивленіе. Приверженцы короля имѣли дерзость сказать, что между нимъ и министрами трехъ дворовъ не было никакого соглашенія на счетъ Совѣта. Это сильно раздражило Штакельберга, Бенуа и Ревицкаго. „Только въ Польшѣ могутъ дѣлаться подобныя вещи“! писалъ Штакельбергъ Панину. Послы указали на письменное соглашеніе съ королемъ. Король велѣлъ своимъ приверженцамъ объявить, что онъ ничего не подписывалъ. Тогда Штакельбергъ показалъ записку короля, написанную къ нему на другой день послѣ соглашенія и гдѣ Станиславъ Августъ объявлялъ, что, соглашаясь на учрежденіе Совѣта, приноситъ этимъ жертву уваженію своему къ императрицѣ. Чтобъ помѣшать дѣлу въ делегаціи, приверженцы короля стали говорить, что такъ какъ въ Совѣтѣ должны принять участіе три государственные чина, то надобно обозначить исключеніе диссидентовъ, и вся делегація начала этого требовать. Штакельбергъ отвѣчалъ, что не должно мѣшать предметовъ, что о диссидентахъ будетъ рѣчь впереди. Засѣданіе отложили до слѣдующаго дня, а между тѣмъ король, будучи не въ состояніи отречься отъ своего соглашенія съ послами, объявилъ, что его къ этому принудили угрозами. Въ слѣдующее засѣданіе Постоянный Совѣтъ прошелъ въ делегаціи, при чемъ возобновились крики, чтобъ диссиденты были изъ него исключены. Штакельбергъ опять настаивалъ, что не должно смѣшивать предметовъ, и Ревицкій взялъ его сторону, но въ то же время въ своей рѣчи далъ почувствовать, что Россія зашла слишкомъ далеко въ договорѣ 1768 года и что, по приказаніямъ своего двора, онъ приметъ самое живое участіе въ поддержаніи существенныхъ правъ господствующей

въ Польшѣ религіи, даже прибавилъ, что будетъ стараться о недопущеніи диссидентовъ въ Постоянный Совѣтъ. Дѣлу о Постоянномъ Совѣтѣ помогла книга отца Канарскаго, содержавшая проектъ Постояннаго Совѣта, сходный съ русскимъ, только еще менѣе благопріятный для короля; мало того, авторъ привезъ письма князя Чарторыйскаго, канцлера литовскаго и стольника литовскаго, нынѣшняго короля, въ которыхъ проектъ былъ признанъ спасительнымъ. Дѣло о Постоянномъ Совѣтѣ кончилось; но дѣла о границахъ и диссидентахъ перешли на 1775 годъ [14].

Первое дѣло вело къ усиленнымъ сношеніямъ между Берлиномъ, Вѣною и Петербургомъ. Старый другъ Россіи, прусскій король, принималъ самое живое участіе въ затруднительномъ положеніи ея въ первой половинѣ года: онъ очень огорчался казацкимъ бунтомъ; но въ этой печали утѣшеніемъ служила ему возможность настаивать, чтобъ Россія поспѣшила заключить миръ съ Портою, уступивъ и относительно Крыма, и относительно плаванія по Черному морю; другимъ утѣшеніемъ служила возможность пріобрѣсть отъ Польши лишнія землицы. 4-го января король писалъ Сольмсу: „Такъ какъ я другъ Россіи, то вы не можете сомнѣваться, что я очень опечаленъ извѣстіями о казацкомъ бунтѣ. Это—искра, которую нужно погасить прежде, чѣмъ она произведетъ пожаръ. Это заставляетъ меня сильнѣе, чѣмъ когда либо, желать для Россіи заключенія мира съ Турками. Скажите графу Панину, что если Турки готовы сдѣлать желанныя предложенія, то не кстати заниматься мелочами; я думаю, что для Россіи въ эту минуту миръ важнѣе всѣхъ завоеваній, какія она можетъ сдѣлать. Фонъ-Свитенъ возвратился изъ Вѣны съ жалобами на Русскихъ, которые дѣлаютъ австрійцамъ препятствія относительно границъ Галиціи; вѣнскій дворъ, по его словамъ, твердо рѣшился не отступаться отъ своихъ владѣній. Если же, продолжалъ Фридрихъ, Австрійцамъ въ Петербургѣ уступятъ, а мнѣ будутъ дѣлать затрудненія, то значитъ русскій дворъ лучше поступитъ съ завистниками, чѣмъ съ самыми вѣрными союзниками. Мнѣ кажется, было бы всего лучше, еслибы петербургскій дворъ подарилъ намъ обоимъ эти землицы, которыя намъ обоимъ очень пригодны, а въ сущности пустяки. А вотъ наконецъ новости изъ Франціи: „Дюранъ пишетъ о своихъ успѣхахъ: при русскомъ дворѣ, говоритъ онъ, интересъ государственный идетъ позади личныхъ страстей.“ Ему хотѣлось уколоть честолюбіе упре-

комъ, что Россія получаетъ указы отъ короля прусскаго. Внутри Россіи, по его словамъ, бунтъ, затрудненія въ сборѣ рекрутъ и дурныя распоряженія относительно войны. Все это должно вести къ затрудненіямъ, которыя заставятъ Россію обратиться къ Франціи.“ Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Фридрихъ писалъ: „Я одобряю мудрыя мѣры графа Панина, чтобъ не возбуждать вражды Австріи, особенно въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но я не обѣщаю Россіи большихъ выгодъ отъ ея любезностей: никогда онѣ не доставятъ ей существенной дружбы вѣнскаго двора. Я имѣю право предполагать въ немъ ту же зависть, какую питаютъ Англія и Франція относительно русской торговли въ Турціи. Изъ этой зависти Франціи такъ хочется поссорить три двора и овладѣть посредничествомъ при заключеніи мира между Россіею и Турціею. Какъ бы то ни было, если Россія дѣйствительно желаетъ поскорѣе заключить миръ съ Портою, то она имѣетъ къ тому средство безъ всякаго посредничества. Стóитъ только ей смягчить условія относительно торговли и Татаръ.“ Въ мартѣ совѣты короля заключать скорѣе миръ со смягченіемъ условій становятся еще сильнѣе. Фридрихъ пишетъ, что отъ этого смягченія условій военная слава Россіи не потерпитъ никакого ущерба, тогда какъ военное счастіе не постоянно. Переходъ черезъ Дунай—дѣло всегда чрезвычайно трудное. Надобно поскорѣе заключить миръ пока еще не испытали превратности военнаго счастія. Выгоды отъ независимости или подчиненія Татаръ не могутъ уравновѣсить риска, какому подвергается Россія при перемѣнѣ счастія на Дунаѣ или въ Крыму. Король стонетъ при одной мысли объ этомъ. Неудачи въ Турціи поведутъ къ новымъ замѣшательствамъ въ Польшѣ, болѣе опаснымъ чѣмъ прежде, и нельзя поручиться, что шведскій король не воспользуется случаемъ для отнятія той части Финляндіи, которая теперь за Россіею. Если Порта не предложитъ условій слишкомъ невыносимыхъ, то Россіи лучше всего помириться. О превратностяхъ военнаго счастія Фридрихъ говорилъ по собственному примѣру.

Въ апрѣлѣ Фридрихъ былъ сильно озабоченъ намѣреніемъ Австріи обратиться прямо къ польскому двору и отъ него получить согласіе на увеличеніе своей доли, тогда какъ все это дѣло должно быть улажено между тремя дворами, которые одни должны заботиться о взаимномъ равновѣсіи, а Польша тутъ не при чемъ. Фридрихъ приказывалъ Сольмсу объявить Панину, что если Австрія

добьется расширенія своей доли, то онъ будетъ добиваться увеличенія своей и надѣется въ этомъ случаѣ получить помощь отъ двора, одинаково съ нимъ заинтересованнаго въ поддержаніи равновѣсія между Австріею и Пруссіею. Въ Петербургѣ хорошо знали, что поддержаніе этого равновѣсія можетъ завести очень далеко, и потому съ перваго же года очень дурно приняли предложеніе Австріи перенести ея границу съ Серета (или Подгурже, какъ онъ былъ названъ въ договорѣ) на Сбручъ. Панинъ въ разговорѣ съ Лобковичемъ прямо высказался, что если Австрійцы не откажутся отъ своихъ претензій, то не будетъ никакого основанія требовать отъ прусскаго короля, чтобъ и онъ не дѣлалъ дальнѣйшихъ захватовъ, и когда Лобковичъ вздумалъ было объяснять, что Австрія въ данномъ случаѣ имѣетъ болѣе права, чѣмъ Пруссія, то Панинъ замѣтилъ, что, наоборотъ, прусскую претензію на все теченіе рѣки Нетце можно еще какъ-нибудь вывесть изъ выраженій договора, тогда какъ ссылка Австріи на недостаточность свѣдѣній, по которой явилась на картѣ какая-то неизвѣстная рѣка, не имѣетъ значенія и не даетъ права распространять границы до такихъ мѣстностей, о которыхъ при заключеніи договора никто и не думалъ. Панинъ закончилъ разговоръ словами, что пусть прежде Австрія сговорится съ Пруссіею, и потомъ уже обратятся къ Россіи.

Австрія начала сговариваться съ Пруссіею. Фридрихъ II былъ недоволенъ Петербургомъ и говорилъ фонъ-Свитену: „Это чистое крючкотворство съ русской стороны, я нахожу ваши объявленія основательными; я не принимаю никакого участія въ затрудненіяхъ, какія вамъ дѣлаютъ, я вовсе не завидую вашей долѣ. Мнѣ также дѣлаютъ крючкотворства, какъ и вамъ, изъ-за пустяковъ.“ Когда фонъ-Свитенъ замѣтилъ ему, что смотря по тому, какъ въ Петербургѣ смотрятъ на дѣло, Австрія и Пруссія должны согласиться не въ томъ, чтобъ увеличить свои владѣнія, но только въ томъ, какъ бы выгоднѣе опредѣлить границы, слѣдовательно кой-что и урѣзать изъ занятаго,—то Фридрихъ отвѣчалъ: „Надобно удержать за собою все, чѣмъ мы теперь владѣемъ; надобно поддержать свое право.“ Тутъ же Фридрихъ высказалъ, почему онъ такъ рѣшительно выражается, не обращая вниманія на неудовольствіе Россіи; это государство находится въ такомъ затруднительномъ положеніи, что не въ состояніи помѣшать ихъ

дѣлу; пугачевскій бунтъ у Румянцева взялъ 15,000 войска; народъ страшно наскучилъ войною, рекрутскіе наборы затруднены.

Но Австрія была озабочена не однимъ сопротивленіемъ Россіи. Изъ Варшавы Ревицкій писалъ о новыхъ захватахъ Фридриха II, говорили уже, что съ Нетцы онъ перенесъ свою границу на Варту; слѣдовательно, если положить основаніемъ равновѣсіе въ доляхъ, т. е. соперничество съ прусскимъ королемъ въ захватахъ, то чѣмъ кончится дѣло? Австрія вовсе не хотѣла окончательнаго разрушенія Польши, напротивъ хотѣла пріобрѣсти въ ней наибольшее вліяніе, значеніе покровительствующей державы, и поэтому она объявила прусскому королю, что надобно вести дѣло о границахъ вмѣстѣ съ Поляками въ делегаціи. Легко представить раздраженіе Фридриха: въ депешѣ къ Сольмсу онъ величалъ за это Кауница страшнымъ человѣкомъ, самымъ гордымъ и въ то же время величайшимъ мошенникомъ между смертными.

Этотъ разрывъ между Пруссіею и Австріею заставилъ обѣ державы отдѣльно хлопотать въ Петербургѣ о своемъ дѣлѣ. Но Екатерина не хотѣла измѣнить своего прежняго взгляда, требовала, чтобъ границы были установлены согласно договору, именно такъ, какъ поступила Россія относительно Бѣлоруссіи. Такъ какъ Фридрихъ объявилъ, что онъ не уступитъ ни пяди изъ занятыхъ имъ земель, если Австрія не откажется отъ своихъ претензій, то Панинъ снова принялся убѣждать Лобковича къ уступкѣ, опять выставляя на видъ, что еслибъ не Австрія, то прусскій король и не подумалъ бы занимать что-нибудь лишнее. Когда всѣ увѣщанія остались безполезными, Екатерина рѣшилась обратиться непосредственно къ Фридриху, Іосифу и Маріи Терезіи съ увѣщаніями ограничиться землями, выговоренными въ конвенціи. Но какъ только Фридрихъ узналъ о рѣшеніи Екатерины писать къ нему и государямъ австрійскимъ, то немедленно послалъ за фонъ-Свитеномъ: „Если вы хотите уступить что-нибудь, сказалъ онъ ему, то прошу объявить мнѣ, и я распоряжусь со своей стороны, чтобъ намъ остаться всегда въ соединеніи. Браницкій разгорячилъ головы въ Петербургѣ; видите ли интересъ польскаго короля состоитъ въ томъ, чтобъ выиграть время въ надеждѣ, что быть можетъ возникнутъ несогласія между тремя дворами. Все это его дѣло; онъ заставилъ Браницкаго кричать тамъ, преувеличилъ дѣло, требовалъ правосудія, покровительства императрицы, которая и далась въ обманъ;—но

намъ сто́итъ только держаться вмѣстѣ—и буря разсѣется. Хотите знать мое мнѣніе: не будемъ торопиться отвѣтомъ на письма русской императрицы; движеніе тамъ уляжется; я ихъ (т. е. Русскихъ) знаю; первыя впечатлѣнія очень сильны, но они исчезаютъ со временемъ. Польскій король выбралъ Браницкаго нарочно, зная, что его въ Петербургѣ будутъ слушать и сама императрица допуститъ его къ себѣ, ибо онъ былъ довѣреннымъ лицомъ ея и Станислава Понятовскаго, когда послѣдній былъ въ Петербургѣ при императрицѣ Елисаветѣ. Браницкій умѣлъ воспользоваться этими старыми отношеніями и убѣдилъ императрицу, что ея слава требуетъ заступиться за Поляковъ, доведенныхъ до отчаянія. Вслѣдствіе этого и написаны были къ нимъ письма; но это еще не все, это только прелюдія; планъ Браницкаго состоялъ въ томъ, что если послѣ полученія писемъ отъ русской императрицы вы не отступитесь отъ занятыхъ вами земель, я вмѣстѣ съ Россію долженъ обратиться къ вамъ съ увѣщаніями, и если вы и тутъ не согласитесь уступить, Поляки созовутъ посполитое рушеніе и нападутъ на васъ, а мы будемъ смотрѣть спокойно. Мнѣ сообщили этотъ прекрасный планъ во всѣхъ подробностяхъ; я не хотѣлъ отвѣчать на него серіозно и старался обратить въ смѣхъ. Я далъ почувствовать императрицѣ, что мы будемъ играть роль польскихъ Донъ-Кихотовъ и что я вовсе не расположенъ къ этой роли.“

Но съ пограничнымъ дѣломъ надобно было спѣшить, а не затягивать его, не отвѣчая на русскія требованія уступокъ или отвѣчая такимъ образомъ: мы готовы уступить, если другіе уступятъ. Скрѣпя сердце, въ Берлинѣ и Вѣнѣ должны были придти къ рѣшенію: потребовать отъ Поляковъ признать претензіи обоихъ дворовъ, а если Поляки не согласятся, обратиться къ Россіи, чтобъ рѣшать вопросъ всѣмъ тремъ державамъ вмѣстѣ. Поляки объявили, что претензіи Австріи и Пруссіи не могутъ быть разсмотрѣны въ Варшавѣ, непремѣнно нужно отправить особыя коммиссіи. Опять, скрѣпя сердце, надобно было и на это согласиться. Поляки имѣли свои выгоды медлить отправленіемъ коммиссаровъ, годъ проходилъ, а Фридрихъ въ сердцахъ писалъ Сольмсу: „Признаюсь, я бы желалъ имѣть средство убѣдить графа Панина въ необходимости сдѣлать Полякамъ декларацію посильнѣе. До сихъ поръ эти республиканцы выставляютъ тысячи затрудненій въ опредѣленіи нашихъ границъ, и Австрія находитъ ихъ коммиссаровъ столь же непре-

клонными, какъ и я. Надобно полагать, что эта коммиссія не будетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха, дѣло будетъ передано въ делегацію и у насъ будетъ еще много хлопотъ. Россія будетъ имѣть ту же участь въ диссидентскомъ дѣлѣ, и я очень сомнѣваюсь, что она достигнетъ своей цѣли безъ криковъ и шуму. Поляки, по своей глупости, думаютъ, что вѣнскій дворъ и я сдѣлаемъ все возможное, чтобъ заставить Россію вывести свои войска изъ Польши. Австрійскій министръ отвѣчалъ на эту просьбу въ общихъ выраженіяхъ, но Бенуа отлично отвѣчалъ, что такъ какъ дѣла далеки отъ окончанія, то и нельзя думать, чтобъ спокойствіе было возстановлено въ Польшѣ, а его возстановленіе есть единственная цѣль пребыванія въ ней иностранныхъ войскъ; слѣдовательно дѣло идетъ не о выходѣ русскихъ войскъ, а о томъ чтобъ австрійскія и прусскія войска не вошли опять въ Польшу вслѣдствіе медленности и недоброжелательства въ переговорахъ. Поляки, продолжалъ Фридрихъ, не такъ сговорчивы, какъ, быть можетъ, о нихъ думаютъ въ Петербургѣ, и сеймъ никогда не кончится, если Россія на нихъ не прикрикнетъ. Почти два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ собрана делегація, и что̀ сдѣлано? Едва прошло дѣло о Постоянномъ Совѣтѣ. Вопросы о власти великаго гетмана, о войскѣ, о королевскихъ выборахъ, о доходахъ, о диссидентахъ находятся въ прежнемъ положеніи, и не думаютъ о ихъ рѣшеніи. Если позволитъ делегація вести такъ дѣло, то пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ мы съ ними покончимъ. Вѣрно, то, что ни я, ни Россія, ни вѣнскій дворъ не можемъ никогда положиться на Поляковъ. Это народъ легкомысленный и корыстолюбивый, лучшіе резоны не производятъ надъ ними никакого впечатлѣнія, страхъ и деньги суть единственныя пружины этой тяжелой массы.“

Итакъ, надобно было обращаться къ Россіи, просить ее, чтобъ прикрикнула на Поляковъ; а на Россію прикрикнуть было нельзя послѣ Кайнарджійскаго мира. Фридрихъ попробовалъ было внушить въ Петербургѣ, что миръ не проченъ, что Пруссія снова можетъ получить важное для Россіи значеніе въ дѣлахъ турецкихъ; но попытка не удалась. Въ началѣ октября Фридрихъ переслалъ въ Петербургъ депешу Зегелина изъ Константинополя, въ которой давалось знать, что Порта проситъ прусскаго короля употребить свои добрыя услуги для смягченія условій Кучукъ-кайнарджійскаго мира. Екатерина написала Панину: „Вы можете от-

вѣтствовать завѣрно, что безъ новой войны нынѣшняго трактата ни единой строки не перемѣню, а лучше бы Портѣ оглянуться, что̀ у ней дѣлается въ сосѣдствѣ, нежели насъ ябедою отвратить отъ истиннаго съ нею согласія, которое я ненарушимо содержать намѣрена." Послѣднія слова относились къ занятію Австрійцами земель въ Молдавіи, о которомъ Румянцевъ уже переписывался съ Петерсономъ [15]. Мы видѣли, что кромѣ польскихъ земель взять что-нибудь и у Турціи было любимою мыслію Іосифа II. Въ началѣ 1774 года въ Вѣнѣ были въ блаженномъ настроеніи духа: Россія, занятая на востокѣ Пугачевымъ, должна заключить самый невыгодный для себя миръ съ Портою, какого только могла желать Австрія. И вдругъ страшное разочарованіе: Россія заключаетъ миръ самый выгодный, какого только могла желать! Негодованіе противъ Турокъ было страшное; Кауницъ говорилъ: „Турки вполнѣ заслужили несчастіе, которое ихъ постигло, частію своимъ слабымъ и глупымъ веденіемъ войны, частію недостаткомъ довѣрія къ державамъ, которыя, особенно Австрія, желали высвободить ихъ изъ затруднительнаго положенія. Зачѣмъ не потребовали они посредничества Австріи, Англіи и Голландіи? Каждая изъ этихъ державъ помогла бы имъ получить выгоднѣйшія условія и мы были бы всѣ довольны. Но этотъ народъ предназначенъ къ погибели, и небольшое, но хорошее войско можетъ, когда угодно, выгнать Турокъ изъ Европы" [16]. Но если такъ легко выгнать Турокъ изъ Европы, то еще легче отобрать у нихъ какую-нибудь землицу: сами Турки не въ состояніи вести теперь новой войны; Россія не станетъ воевать изъ-за Турціи; король прусскій, принявши „Политическій Катехизисъ", не долженъ сердиться, что на основаніи этого акта позволяютъ себѣ небольшія пріобрѣтенія, не безпокоя другъ друга увѣдомленіями; прусскій король самъ можетъ взять себѣ гдѣ-нибудь что-нибудь, а если возьметъ слишкомъ много, Австрія, на основаніи равновѣсія, прибавитъ къ своей долѣ. Сто̀итъ только выбрать какую-нибудь землицу поудобнѣе, и выбрали Буковину, прилежащую къ Трансильваніи часть Молдавіи, очень выгодную теперь по отношенію къ новымъ польскимъ владѣніямъ Австріи. Буковина была занята австрійскими войсками; Турція не двигалась; въ Петербургѣ положили ждать, что̀ скажетъ король прусскій, и вообще были очень довольны поступкомъ Австрійцевъ, что̀ видно изъ письма Екатерины къ кн. Репнину: „А збываеть(ся) часто по моему

желанію: вотъ и цесарцы ссорятся съ Турками; готова объ закладъ биться, что первыя биты будутъ, а я, руки упираючи въ бока, какъ фертъ, сидѣть буду и на нихъ погляжу, а въ устахъ вездѣ у меня будутъ слова: добрыя офиціи" [17]. Оставалась Франція, всегдашняя заступница за Турокъ; но Франціи было теперь не до Буковины.

9-го января пріѣхалъ въ Парижъ новый посланникъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Борятинскій, а въ апрѣлѣ умеръ король Людовикъ XV, вслѣдствіе чего вышелъ въ отставку герцогъ Эгильонъ и былъ замѣненъ графомъ Верженемъ, вызваннымъ изъ Стокгольма. Борятинскій писалъ, будто новый король, Людовикъ XVI, разсуждая о системѣ герцога Шуазеля, говорилъ, что Франція издерживаетъ много денегъ на субсидіи и пенсіоны понапрасну: „Какая мнѣ нужда, говорилъ король, что Россія ведетъ войну съ Турками; а въ Польшѣ дѣлаются конфедераціи, и зачѣмъ давать субсидіи Швеціи и Даніи? я всѣ эти лишніе расходы сокращу." Извѣстіе о Кучукъ-кайнарджійскомъ мирѣ произвело страшное впечатлѣніе, особенно въ министерствѣ. „Невѣроятно, писалъ Борятинскій, до какой степени простирается здѣсь зависть къ нашимъ успѣхамъ. Находящіеся здѣсь Поляки въ великомъ горѣ. Австрійскій посолъ очень мало оказываетъ мнѣ откровенности, если что̀ говоритъ, то, въ общихъ, съ двойнымъ смысломъ выраженіяхъ" [18].

При настоящемъ положеніи Франціи Швеція не могла на нее много разсчитывать.

Въ маѣ мѣсяцѣ Остерманъ уѣхалъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, оставивъ веденіе дѣлъ резиденту Стахіеву. Въ іюлѣ, на придворномъ балѣ король подошелъ къ Стахіеву и сказалъ, что этимъ лѣтомъ онъ никакъ не можетъ посѣтить императрицу, но непремѣнно сдѣлаетъ это въ будущемъ году, о чемъ никому заранѣе разсказывать не будетъ, давая этимъ знать, что въ этомъ году исполненію его желанія помѣшали другіе люди. Король распространился о необходимости свиданія съ императрицею: „При личномъ свиданіи, говорилъ онъ, я въ четверть часа могу сдѣлать больше для утвержденія взаимнаго благополучія обоихъ дворовъ, чѣмъ министеріальною перепискою въ продолженіи цѣлаго года, особенно для уничтоженія всякихъ недоразумѣній и подозрѣній, возбуждаемыхъ недоброжелательными людьми и, быть можетъ, нѣкоторыми свойственниками. Горю желаніемъ видѣться съ императри-

цею и при этомъ свиданіи однажды навсегда закрыть дорогу недоброжелательнымъ внушеніямъ. Мнѣ извѣстны навѣты и наущенія, которые, по поводу послѣдней здѣшней перемѣны, дѣлались въ Петербургѣ на меня, а здѣсь мнѣ на петербургскій дворъ. Я въ одно ухо впускалъ, а изъ другаго выпускалъ. А что касается самой этой перемѣны, то я рѣшился на нее не прежде, какъ чины вознамѣрились согнать сенаторовъ съ ихъ стульевъ. Я долженъ отдать справедливость графу Остерману и вамъ, что вы прилагали всевозможное стараніе сдержать тогдашнее безпредѣльное своеволіе въ трехъ нижнихъ чинахъ; но сдержать было иначе нельзя какъ тѣмъ, что я сдѣлалъ." По поводу Кучукъ-кайнарджійскаго мира Стахіевъ писалъ: „Чѣмъ славнѣе и выгоднѣе для нашего двора этотъ миръ, тѣмъ непріятнѣе онъ здѣшнему двору и его приверженцамъ, тѣмъ болѣе, что французскій дворъ ласкалъ его надеждою помѣщенія въ трактатѣ турецкой гарантіи для здѣшней формы правленія, что и было причиною, почему король отложилъ свое путешествіе въ Петербургъ: французскій посолъ Верженъ грозилъ королю, что если онъ поѣдетъ въ Петербургъ, то этой гарантіи не будетъ" [19].

Какъ Екатерина понимала отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ послѣ заключенія Кучукъ-кайнарджійскаго мира, показываетъ слѣдующій случай. Тотчасъ по полученіи извѣстія о заключеніи мира, въ Ораніенбаумѣ было собраніе при дворѣ, гдѣ находились всѣ иностранные министры. Императрица, садясь за карты и приглашая играть съ собою министровъ датскаго и англійскаго, сказала громко, чтобъ всѣ слышали: „нынѣшній день для меня очень радостенъ, и я хочу видѣть около себя только веселыя лица" [20].

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны.

Внутреннее состояніе Россіи во время первой турецкой войны.

Съ учрежденіемъ Совѣта Правительствующій Сенатъ въ дѣйствительности уступалъ ему первенствующее значеніе. Императрица, присутствуя очень часто въ засѣданіяхъ Совѣта, не присутствуетъ болѣе въ сенатскихъ засѣданіяхъ, объявляя свою волю на письмѣ или чрезъ генералъ-прокурора. Такъ по поводу наказанія поручика Дубасова, убившаго прикащика граф. Разумовской, состоялась собственноручная резолюція: „Замѣня ему десятилѣтнее его содержаніе въ тюрьмѣ, освободить, а Сенату разсмотрѣть, по какой причинѣ такого состоянія дѣло толь долгое время рѣшено не было, и впредь нашему Сенату непремѣннымъ окомъ смотрѣть, чтобъ дѣла правосудія требующія толь долго безъ рѣшенія не оставались“ [21]. Безъ малаго черезъ два года Сенатъ слушалъ собственноручный указъ императрицы: „Сколь ни нужно для службы и самаго порядка, чтобъ по насылаемымъ изъ одного въ другое гражданское правительство повелѣніямъ вездѣ скорое и точное исполненіе дѣлано было, со всѣмъ тѣмъ, однакожъ ея и. в—ство изъ многихъ дѣлъ усматриваетъ, что въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ сіе столь худо и нерадиво наблюдается, что самыя нужнѣйшія дѣла и учрежденія остаются либо не въ дѣйствіи, или не съ тою скоростію и точностію исполняются, какъ служба и важность дѣла требуютъ. Посему ея и. в—ство и повелѣваетъ Сенату не только во всѣ присутственныя мѣста о томъ наистрожайше подтвердить, но и

самому за всѣми подчиненными мѣстами неослабно смотрѣть, чтобъ вездѣ по оному въ самой точности наблюдаемо было; если же бы гдѣ паки оказалась какая по сему неисправность, съ таковыми поступать безъ всякаго послабленія по самой точности законовъ, и дѣла таковыя, какъ весьма нужныя, судить безъ всякаго отлагательства и уваженія, потому наипаче, что никакое учрежденіе не можетъ принесть ожидаемой пользы, покуда не будетъ въ точности и въ предписанное время исполняемо“ [22].

Но не смотря на приказаніе Сенату смотрѣть „недреманнымъ окомъ“, въ 1774 году видимъ окончаніе дѣла, начавшагося еще въ 1765. Мы упоминали, что въ этомъ году двое малороссіянъ Золотаренко и Черный показали, что во время ярмарки, подожгли Луганскую станицу и сдѣлали это по приказанію базарнаго старшины Волошеникова [23]. Послѣ Золотаренко и Черный въ военномъ судѣ съ трехъ пытокъ и огня показали, что они ярмарки не зажигали и Волошениковымъ научены не были. Волошениковъ ни въ чемъ не винился. Юстицъ-Коллегія оправдала Волошеникова, Золотаренко и Чернаго въ сожженіи ярмарки; но такъ какъ Золотаренко оказался видимымъ мошенникомъ, то приговорили бить его кнутомъ и сослать въ Оренбургъ. Сенатъ не велѣлъ Золотаренка бить кнутомъ, потому что онъ терпѣлъ лишнія пытки, а сослать только на вѣчное житье въ Таганрогъ. Золотаренко и Черный объявили, что показали на Волошеникова, не стерпя побоевъ и мученій отъ купцовъ, которые ихъ схватили на ярмаркѣ. Относительно проволочки дѣлъ замѣчательное рѣшеніе Екатерины дано было въ 1769 году по поводу купца Попова. Въ мартѣ мѣсяцѣ въ московскую тайную экспедицію привели изъ камеръ-коллегіи содержавшагося въ ней подъ карауломъ московскаго купца Михайлу Попова; содержался онъ вслѣдствіе доноса своего на коронннаго повѣреннаго Хлѣбникова, что тотъ накладываетъ на вино лишнія деньги; а въ тайную экспедицію привели Попова потому, что онъ, будучи подъ карауломъ, всталъ съ мѣста своего въ азартѣ и говорилъ: „Нѣтъ правосудія въ государынѣ.“ Екатерина дала резолюцію: „Неосторожныя Попова слова уничтожить; а его отослать въ камеръ-коллегію съ подтвержденіемъ о немедленномъ окончаніи его дѣла, дабы онъ видѣлъ, что есть правосудіе“ [24].

Знаменательно для характеристики времени высказались взгляды екатерининскаго Сената по поводу слѣдующихъ двухъ случаевъ. Въ

1771 году уфимскій воевода Борисовъ донесъ оренбургскому губернатору, а тотъ Сенату, что въ городѣ Уфѣ при соборной церкви слышанъ былъ многократно происходящій съ высоты невидимо колокольный звонъ. Сенатъ приказали: какъ вышеписанный колокольный звонъ какую ни есть простую и натуральную причину имѣетъ, то оренбургскому губернатору, выбравъ какого-либо надежнаго человѣка, препоручить ему изыскать ту причину. Черезъ годъ оренбургскій губернаторъ донесъ, что для изслѣдованія причины звона посыланъ былъ архитектуріи прапорщикъ Гарезинъ, который, возвратясь, донесъ, что звонъ при немъ днемъ и ночью слышанъ былъ неоднократно, только очень тихій. Замѣтивъ, что въ тихую погоду въ церковномъ куполѣ происходилъ шумъ, похожій на шумъ отъ пчелинаго роя, Гарезинъ, въ присутствіи мѣстнаго протопопа, велѣлъ проломать куполъ; при ломкѣ отдавалось такое же эхо, и причиною явленія оказался стоящій на главѣ желѣзный съ проволокою крестъ, по снятіи котораго какъ въ церкви, такъ и въ куполѣ ничего уже слышно не было. Сенатъ приказали: оренбургскому губернатору дать знать, что пр. Сенатъ еще изъ прежняго его рапорта заключилъ, что сіе эхо не могло быть чрезвычайнымъ какимъ-нибудь дѣйствіемъ, такъ какъ воевода по легкомыслію и пустому суевѣрію къ нему, губернатору, писалъ, но отъ простой и натуральной причины, да и изыскивать оную велѣлъ не для чего иного, какъ чтобъ тамошній народъ чрезъ то вывести изъ заблужденія, а потому Сенатъ и рекомендуетъ впредь въ таковыхъ случаяхъ быть въ разсужденіяхъ своихъ осмотрительнѣе [25].

Въ этомъ случаѣ дѣло ограничилось распоряженіями свѣтскихъ властей. Но въ 1769 году Синодъ далъ знать Сенату, что епископъ устюжскій донесъ о появленіи въ печерской волости города Яренска колдуновъ и волшебниковъ изъ крестьянъ мужескаго и женскаго пола, которые не только отвращаютъ другихъ отъ правовѣрія, но и многихъ заражаютъ разными болѣзнями посредствомъ червей. Сенатъ приказали: такъ какъ обманъ ихъ и колдовство состояли въ умышленіи на здоровье другихъ людей, что и производилось на самомъ дѣлѣ, то за такое преступленіе мущинъ отдать въ солдаты, оставя при нихъ и женъ ихъ, а незамужнихъ женщинъ и дѣвицъ отослать въ Сибирь на поселеніе. Но прежде чѣмъ это рѣшеніе достигло Яренска, колдуны были отправлены въ Сенатъ, какъ повинившіеся, что отреклись отъ вѣры и имѣли сви-

данія съ чортомъ, который приносилъ имъ червей: этими-то червями они и портили людей. Въ Сенатѣ крестьяне показали, что они схвачены волостными сотскими по злобѣ на нихъ кликушъ, что въ яренской воеводской канцеляріи въ разспросахъ ихъ не разъ нещадно били и этими побоями принудили виниться въ томъ, въ чемъ они вовсе не виноваты. Тогда Сенатъ предписалъ архангельскому губернатору яренскаго воеводу и товарища его отрѣшить отъ должности, мнимыхъ чародѣевъ освободить и отпустить, дать знать объ этомъ во всѣ губернскія, провинціальныя и городовыя канцеляріи, и въ Синодъ сообщить вѣдѣніе [26]. Въ 1772 году Синодъ далъ знать Сенату, что посланными къ архіереямъ и прочимъ духовнымъ особамъ указами запрещено имъ вступать въ слѣдственныя дѣла о чародѣйствахъ и волшебствахъ, ибо эти дѣла считаются подлежащими гражданскому суду [27].

Мы упоминали о свидѣтельствѣ императрицы Екатерины, что она не нашла въ Сенатѣ карты Россіи. Осенью 1774 года, вѣроятно вслѣдствіе пугачевскаго бунта, генералъ-прокуроръ предложилъ, что въ Сенатѣ нѣтъ вѣрнаго извѣстія о разстояніи мѣстъ отъ каждаго города какъ до другихъ съ нимъ сосѣдственныхъ, такъ губернскихъ и провинціальныхъ къ нимъ ближайшихъ; и чрезъ какія знатныя мѣста, урочища или селенія дороги къ тѣмъ городамъ идутъ, какія на тѣхъ дорогахъ рѣки и чрезъ нихъ есть ли мосты или переправы. Приказали: послать во всѣ канцеляріи губернскія, провинціальныя и воеводскія, велѣть означенныя росписанія прислать въ Сенатъ [28].

Относительно жизни второстепенныхъ учрежденій въ описываемое время замѣчателенъ слѣдующій случай: президентъ главнаго магистрата гр. Толстой и прокуроръ Сушковъ были отрѣшены отъ должностей за непорядочное баллотированіе членовъ въ московскій магистратъ [29].

Въ областномъ управленіи, по прежнему, особенною дѣятельностію отличался новгородскій губернаторъ Сиверсъ. Въ 1769 году онъ прислалъ въ Сенатъ вѣдомости о числѣ въ его губерніи рожденныхъ, сочетавшихся бракомъ и умершихъ за прошлый 1768 годъ. Приказали: принявъ въ извѣстіе, послать къ нему указъ, что Сенатъ толь похвальное и рачительное его должности своей исправленіе благоволительно пріемлетъ, и какъ желательно, чтобъ и всѣ господа губернаторы таковыми полезными свѣдѣніями прав. Сенатъ

увѣдомляли, тѣмъ болѣе, что присланныя отъ новгородскаго г. губернатора извѣстія ясно доказываютъ, что оное безъ наималѣйшихъ жителямъ затрудненій учинено, то сообщить о семъ похвальномъ его, могущемъ служить средствомъ къ доставленію и отъ каждаго о своей губерніи таковыхъ вѣдомостей поступкѣ чрезъ г. генералъ-прокурора [30]. Но другаго рода предписаніе Сенатъ долженъ былъ послать лифляндскому генералъ-губернатору графу Брауну, который донесъ, что по силѣ манифеста 1766 года надобно выбирать головъ и предводителей на два года. Лифляндскаго земства предводитель представилъ, что скоро минетъ этому двухлѣтній срокъ, на который онъ былъ выбранъ, и потому просилъ призвать земство для выбора новаго предводителя. Земство надлежащимъ образомъ было созвано; но явился на выборы только одинъ человѣкъ, да четверо отозвались письменно. „Изъ этого, писалъ гр. Браунъ, я заключаю, что лифляндское земство больше предводителя выбирать и особливый корпусъ составлять не хочетъ.“ Сенатъ приказалъ предписать генералъ-губернатору, что, признавая такое отрицаніе лифляндскаго земства отъ выбора предводителя весьма предосудительнымъ, онъ, Сенатъ, поручаетъ ему вразумить на этотъ счетъ тамошнее земство и подтвердить ему самымъ строгимъ образомъ, чтобъ теперь же непремѣнно приступили къ выбору новаго предводителя; если же кто и послѣ того явится ослушникомъ, съ тѣмъ поступить по всей строгости законовъ [31]. Еще прежде, по предложенію генералъ-прокурора, Сенатъ предписалъ губернскимъ канцеляріямъ рижской, ревельской и выборгской, чтобъ находящіеся въ нихъ канцелярскіе служители старались пріобрѣсти совершенное знаніе русскаго языка, и могли занимать высшія мѣста предпочтительно предъ тѣми, которые русскаго языка не знаютъ, чего какъ государственное, такъ и собственное ихъ благосостояніе и польза требуютъ; въ посылаемыхъ Сенату представленіяхъ о кандидатахъ на мѣста должно именно означать, кто изъ нихъ знаетъ и кто не знаетъ русскаго языка [32].

Въ описываемое время присоединена была къ имперіи новая область—Бѣлоруссія. Но при административномъ устройствѣ новопріобрѣтенныя земли раздѣлены были на двѣ половины, и къ одной изъ нихъ присоединена часть отъ обширной Новгородской губерніи; образованы были двѣ губерніи, первая названа Псковскою, а вторая Могилевскою; Псковская раздѣлена на 5 провинцій, изъ ко-

торыхъ двѣ великороссійскія—Псковская и Великолуцкая, а три присоединенныя отъ Польши—Двинская, Полоцкая и Витебская; Могилевская губернія раздѣлена на три провинціи—Могилевскую, Оршанскую и Рогачевскую. Губернскими городами назначены для Псковской городъ Опочка, для Могилевской—Могилевъ; губернаторами опредѣлены генералъ-майоры—въ Псковскую Кречетниковъ, а въ Могилевскую—Каховскій; надъ обѣими губерніями поставленъ генералъ-губернаторомъ графъ Захаръ Чернышевъ. Императрица, давъ знать Сенату 10-го сентября о присоединеніи къ Россіи нѣкоторыхъ польскихъ земель, приказала представить мнѣніе, гдѣ этимъ новоучрежденнымъ губерніямъ состоять подъ аппелляціями. Въ докладѣ Сенатъ призналъ нужнымъ, чтобъ съ самаго же начала, сколько возможно, уравнять жителей новоприсоединенныхъ земель со старинными русскими подданными, дабы теперь же пресѣчь имъ поводъ къ притязанію какого-либо особаго права себѣ на будущее время въ вѣчную привилегію, чѣмъ еще и теперь Лифляндія, Эстляндія и Финляндія въ производствѣ дѣлъ причиняютъ нѣкоторыя затрудненія. Поэтому Сенатъ считаетъ полезнымъ подчинить эти губерніи относительно аппелляціи по судебнымъ дѣламъ юстицъ-коллегіи, а по вотчиннымъ и земляным ъ—вотчинной коллегіи, по другимъ же дѣламъ тѣмъ учрежденіямъ, въ которыхъ эти дѣла вѣдаются. Но такъ какъ личныя тяжебныя дѣла между жителями этихъ губерній производятся теперь по ихъ праву, слѣдовательно и на ихъ языкѣ, то поэтому неугодно ли будетъ повелѣть въ юстицъ и вотчинной коллегіяхъ учредить для этихъ губерній еще по одному департаменту и въ нихъ опредѣлить потребное число переводчиковъ польскаго языка.

Выборъ правительственныхъ лицъ въ новопріобрѣтенныя области не вездѣ былъ удаченъ, какъ видно изъ донесенія мстиславскаго прокурора Бабаева, который писалъ о немалыхъ безпокойствахъ и несогласіяхъ по мстиславской провинціи, такъ что не рѣдко доходило и до смертоубійствъ. Изъ такихъ дѣлъ, вступившихъ въ провинціальную канцелярію, ни одно до сихъ поръ еще не рѣшено, въ чемъ отъ обывателей принесены жалобы на воеводу губернатору. Вслѣдствіе неприсутствія воеводы продолжительное время въ канцеляріи не только между обывателями, но и между канцелярскими служителями и штатною командою явилась распущенность, все пришло въ разстройство, между обывателями про-

исходятъ безпрестанныя ссоры и драки, бѣднѣйшее шляхетство, вдовы и сироты разоряются и управы найти не могутъ. Воевода коллежскій совѣтникъ Лебедевъ сказывается всегда больнымъ, очень рѣдко бываетъ въ канцеляріи и производитъ нѣкоторыя дѣла па дому, но о нихъ въ канцеляріи неизвѣстно; да и воеводскій товарищъ Роде, по пріѣздѣ своемъ въ канцелярію, уходитъ всякій день въ домъ къ воеводѣ, а оттуда возвращается уже въ такое время, когда изъ присутствія уже выходить должно. Помѣщица Парцевская изъ провинціальной канцеляріи повелѣній не принимаетъ и крестьянамъ повиноваться не велитъ; изъ посланныхъ командъ многимъ ея люди нанесли большія обиды и мученія, а солдата Квасова застрѣлили [33].

Во время тяжелой шестилѣтней войны вниманіе Сената должно было особенно обращаться на цѣли, указанныя его основателемъ— бережливость въ расходахъ, умноженіе доходовъ, снабженіе войска людьми: „денегъ какъ можно болѣе сбирать, ибо деньги суть артеріею войны.“ Мы видѣли, что вслѣдъ за объявленіемъ войны Турками учрежденъ былъ ассигнаціонный банкъ. Тѣневая сторона этого учрежденія не замедлила обнаружиться. Въ іюнѣ 1771 года Н. И. Панинъ получилъ отъ императрицы записку, обличавшую большую тревогу; тревога обнаруживалась и въ томъ, что на человѣка, завѣдывавшаго воспитаніемъ наслѣдника престола и дѣлами иностранными, возлагалось порученіе, вовсе не соотвѣтствовавшее этимъ занятіямъ. „Извольте обще съ генералъ-прокуроромъ и гр. Шуваловымъ (Андр. Петр., директоромъ ассигнаціоннаго банка) входить во всѣ подробности того приключенія, которое сегодня сдѣлалось въ банкѣ государственныхъ ассигнацій въ разсужденіи двадцатипятирублевыхъ бумагъ, кои передѣланы въ семидесятипятирублевыя, и что̀ окажется, о томъ вы мнѣ дадите знать; также положите на мѣрѣ, какъ наискорѣе можно будетъ упредить, чтобъ банковый кредитъ фальшивыми ассигнаціями не былъ поврежденъ.“ На другой день новая записка: „Писалъ ко мнѣ гр. Шуваловъ, что воры его сысканы и признались; только не пишетъ, у нихъ сысканы ли готовые еще цедели, а только глухо пишетъ, что они до 5.000 рублей выиграли или 90 нумеровъ испакостили своимъ маперомъ“ [34]. Въ 1772 году производилось дѣло о двоихъ братьяхъ Пушкиныхъ, изъ которыхъ одинъ ѣздилъ за границу и привезъ оттуда штемпеля и литеры для дѣланія фальши-

выхъ ассигнацій, но былъ схваченъ на границѣ [35]. При учрежденіи банка было выпущено ассигнацій на милліонъ рублей, но въ началѣ 1774 года Сенату данъ былъ именной указъ объ обращеніи въ имперіи не болѣе какъ на 20 милліоновъ рублей ассигнацій съ тѣмъ, что когда взятая сумма выпущена будетъ изъ банковъ, тогда уже Сенату печатать вновь ассигнаціи единственно только на обмѣнъ присылаемыхъ отъ банковъ ветшалыхъ ассигнацій. Приказано подтвердить всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, которыя могутъ имѣть какое-нибудь дѣло съ банками, чтобъ они крайне остерегались представлять обязательство и требовать отпуска ассигнацій, не имѣя дѣйствительно въ сборѣ слѣдуемой потому наличной монеты въ полномъ количествѣ, не полагаясь отнюдь на то, что эта монета въ скоромъ времени вступитъ [36]. Старый банкъ для дворянства донесъ Сенату о злоупотребленіяхъ, съ которыми не имѣетъ средствъ бороться: хотя, писалъ банкъ, всякая подлежащая строгость и осторожность къ отвращенію подлога въ закладномъ имѣніи употребляется, однако число преступниковъ не только не уменьшается, но еще отъ времени до времени умножается, и потому проситъ, чтобъ повелѣно было о всѣхъ фамиліяхъ, сколько за кѣмъ мужеска пола душъ и въ какихъ уѣздахъ состоятъ, камеръ-коллегіи прислать именной списокъ, къ которому банкъ сдѣлаетъ алфавитъ, и при выдачѣ денегъ будетъ справляться, подлинно ли закладываемое имѣніе состоитъ за заимщикомъ, не продано ли и не заложено ли. Сенатъ сначала рѣшилъ: предписать камеръ-коллегіи составить списокъ, сообщить его въ банкъ; но потомъ, чрезъ нѣсколько недѣль, перемѣнилъ свое рѣшеніе и велѣлъ отвѣчать банку: такъ какъ эти вѣдомости безъ крайняго затрудненія сочинены быть не могутъ, а указами уже предписано, какія при дачѣ взаймы денегъ предосторожности банкъ наблюдать долженъ, то и поступать ему на основаніи предписанныхъ указовъ [37].

Въ октябрѣ 1769 года былъ публикованъ указъ. Во всенародное извѣстіе: настоящая нынѣ война съ Турками, умножая расходы противу того, какъ было въ мирное время, требуетъ, чтобъ и доходы государственные по мѣрѣ той надобности умножаемы были. И хотя при такомъ обстоятельствѣ нужда требовала бы, въ способствованіе общей обороны и безопасности, наложить на народъ особливую подать; однакожь ея и. в—ство, имѣя матернее о своемъ народѣ попеченіе, изыскиваетъ способы, чтобъ и при сихъ об-

стоятельствахъ, поелику возможно, не отягощать вѣрноподданныхъ ея общенародными налогами, но замѣнять оные возвышеніемъ такихъ государственныхъ доходовъ, которые не отяготительны. Таковъ есть принадлежащій королю доходъ отъ питейной во всемъ государствѣ продажи. Вино велѣно продавать по три рубля ведро; на пиво и медъ прибавить по 5 копѣекъ на ведро; на французскую водку прибавить пошлины по три рубля на анкеръ [38].

Въ 1769 году императрица поручила двоимъ извѣстнымъ дѣльцамъ Волкову и Теплову изыскать, какую подать на нынѣшнее военное время купечество и мѣщанство должны платить, при чемъ составители проекта обязаны были держаться непремѣнныхъ правилъ: 1) чтобъ всеобщая тягость была сколько можно уравнительнѣе въ разсужденіи всего государства; 2) чтобъ не число душъ, но состояніе городовъ и ихъ промысловъ и торговъ приняты были во вниманіе; 3) въ числѣ купечества и мѣщанства и тѣхъ надобно разумѣть, которые хотя и выключены изъ подушнаго оклада, но пользуются фабриками, заводами и другими мѣщанскими промыслами; 4) такъ какъ эта подать есть временная, а не всегдашняя, то смотрѣть, чтобъ она соотвѣтствовала времени. Волковъ и Тепловъ нашли, что такихъ фабрикъ, на которыхъ работа производится ткачествомъ, въ 1769 году было 230; фабрикъ такихъ, на которыхъ работа не ткачествомъ производится, 256: на первыхъ 12,771 станъ, на вторыхъ ежегодно обращается капитала 921,534 рубля. Желѣзныхъ заводовъ 111, и на нихъ ежегодно обращается капитала 1,192,540; мѣдныхъ заводовъ 48 и на нихъ обращается капитала 780,175. Число купечества съ цеховыми 228,209 [39]. Въ докладѣ своемъ Волковъ и Тепловъ объяснили, что ими было принято правило: если нужда требуетъ наложить новую подать, то принять въ основаніе старую и по ней возвысить временную новую, ибо такъ дѣлается во всемъ свѣтѣ. Они нашли, что не будетъ отяготительно, если ежегодно платимыя подати съ фабрикъ и заводовъ будутъ удвоены; этимъ способомъ получится 287,646 рублей. На томъ же основаніи уравняется и купечество, если на него къ нынѣшнему сорокаалтынному окладу прибавится по полтора рубля на душу. Государственные крестьяне платятъ столько же, а именно по 2 рубля оброчныхъ и по 70 копѣекъ подушныхъ. Правда, что бѣдный въ мелкихъ городахъ мѣщанинъ не имѣетъ выгодъ государственнаго крестьянина, но правда и то, что только лѣнь и

нерадѣніе причиною ихъ бѣдности, и что зажиточные мѣщане всегда большую часть бѣдныхъ, какъ и теперь, будутъ оплачивать, тогда какъ крестьянинъ, по большей части, самъ себя оплачиваетъ. Всего мѣщанства, по послѣдней переписи, 228,209 душъ, слѣдовательно временный налогъ принесетъ 342,313 рублей. Этимъ способомъ казна каждый годъ въ военное время получитъ новаго дохода 629,959 рублей [40]. На основаніи этого доклада изданъ былъ указъ о новой подати 30 октября того же года [41].

Но если должны были увеличивать налоги, то прежде всего должны были постараться добрать старыя подати и отвратить явленія, вредившія финансовымъ мѣрамъ. Въ началѣ 1769 года Сенатъ принужденъ былъ признаться, что хотя сборъ подушныхъ денегъ и взысканіе доимки преимущественно возложены на попеченіе губернаторовъ, но сколько со стороны коммиссаріата и военной коллегіи старанія ни было, и сколько Сенатъ ни посылалъ подтвержденій, все осталось безъ дѣйствія: не только прежнихъ лѣтъ доимка не выбрана, но и вновь, отъ одного нерадѣнія, накопляется, такъ что коммиссаріатъ по 1768 годъ считаетъ всей доимки 644,000 рублей; къ тому же и донесеній коммиссаріатъ въ свое время не получаетъ, напротивъ, еще оказывается упрямство и ослушаніе, какъ то доказываетъ поступокъ московской губернской канцеляріи секретаря и канцелярскихъ служителей, которые, будучи коммиссаріатомъ задержаны въ канцеляріи, осмѣлились отбивать часоваго, поставленнаго у дверей. Сенатъ приказалъ опять подтвердить губернаторамъ, чтобъ старались взыскивать доимку [42]. Разумѣется гораздо легче было взыскать казенныя деньги съ одного или нѣсколькихъ извѣстныхъ лицъ. Оказалось, что бывшій казанскій губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ купилъ у сенатора графа Ив. Ларіон. Воронцова въ казну вино по превосходнымъ цѣнамъ и въ такое время, когда его вовсе не нужно было покупать, и оттого произошелъ казенный убытокъ на 31,511 рублей. Для вознагражденія этого убытка взыскали съ откупщика Шемякина 9,675 рублей, да опредѣлено еще взыскать съ него же и съ другаго откупщика Бѣлавина 5,084 рубля, а остальные 16,740 рублей взыскать съ Квашнина-Самарина. Сенатъ приказалъ взыскать съ Воронцова и Квашнина-Самарина [43]. Жаловались на контрабанду и гр. Минихъ подалъ императрицѣ проектъ для ея прекращенія: купцы въ таможняхъ должны получать ярлыки за руками всѣхъ таможенныхъ слу-

жителей, съ прописаніемъ званія и количества товаровъ и сколько къ ящикамъ или тюкамъ приложится печатей, дабы никто изъ купцовъ въ дорогѣ, не доѣхавъ до учрежденнаго мѣста, не отважился распечатать, вынуть и распродавать подъ страхомъ конфискаціи всѣхъ товаровъ. Когда купцы съ товарами къ назначеннымъ городамъ пріѣдутъ, то караулы должны проводить ихъ прямо въ главное мѣстное правительство, гдѣ товары свидѣтельствуются, и если что̀ найдется сверхъ ярлыка, конфискуется; если же все явится исправно, то купцамъ вольно продавать товары. Во всѣхъ пограничныхъ городахъ и селахъ по церквамъ читать, чтобъ разночинцы, а особливо крастьяне къ поимкѣ контрабандистовъ болѣе пріохочены были. Такъ какъ бо̀льшая часть купцовъ съ контрабандою надѣются пріобрѣсть большіе барыши въ главнѣйшихъ городахъ, особенно въ Москвѣ, то надобно учредить тамъ контору вѣдомства главной канцеляріи надъ таможенными сборами, которую поручить одному вѣрному человѣку съ хорошимъ жалованьемъ и потребнымъ числомъ служителей: онъ долженъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ Москву купцовъ осматривать, и, найдя какіе-нибудь таможенные безпорядки, давать знать канцеляріи; по подозрѣнію осматривать дома и лавки купцовъ, у которыхъ предполагается контрабанда. Императрица передала проектъ на разсмотрѣніе Сенату, который представилъ, что при уничтоженіи внутреннихъ таможенъ и переносѣ пошлинъ къ гаванямъ и пограничнымъ таможнямъ предполагалось менѣе милліона рублей сбора, а вышло болѣе милліона, иногда получается полтора милліона, почему Сенатъ и не видитъ прямой надобности отмѣнять такое учрежденіе, которое до сихъ поръ, принося казнѣ не малую прибыль, приноситъ и купечеству большую пользу, доставляя свободное и безостановочное обращеніе. Свидѣтельство по ярлыкамъ товаровъ у тѣхъ, на кого никакого подозрѣнія нѣтъ, будетъ весьма несправедливо и для купечества тягостно; купечеству нельзя будетъ избѣгнуть привязокъ и такого же разоренія, какое во время внутреннихъ таможенъ было. Крестьянство отъ частаго напоминанія въ церквахъ поощрено будетъ къ свободному грабежу товаровъ подъ именемъ сохраненія казеннаго дохода. Сенатъ не утверждаетъ, чтобъ на границахъ не происходило упущенія пошлинъ: и прежде это замѣчалось, а теперь въ боевской пограничной таможнѣ открылось прямое воровство директора и другихъ управителей; но Сенатъ причины тому пола-

гаетъ слѣдующія: 1) слишкомъ большое число таможенъ, при чемъ купецъ можетъ ѣхать въ какую ему угодно, гдѣ имѣетъ надежду на послабленіе въ пошлинахъ; 2) служащіе при таможняхъ назначаются изъ разнаго рода людей сомнительной нравственности; 3) таможни стоятъ очень низко между учрежденіями и чиновники въ нихъ не могутъ служить изъ одного честолюбія и усердія къ отечеству. Потому Сенатъ полагаетъ: давать на границахъ и въ гаваняхъ ярлыки купцамъ только для того, чтобъ въ случаѣ доноса можно было купцу оправдаться; уменьшить количество таможенъ; опредѣлить въ нихъ чиновныхъ людей заслуженныхъ и честныхъ, дать имъ хорошее жалованье [44].

Въ 1769 году государственный доходъ простирался до 16,996,902 рублей, при чемъ въ недоимкѣ осталось 983,856. Въ 1773 году доходъ простирался уже до 23,611,300 рублей, при чемъ изъ доимокъ вступило 2,835,823, осталось въ недоимкѣ прошлыхъ лѣтъ 4,544,017 рублей, а отъ того же 1773 года 4,103,102 [45]. Въ 1774 году по окончаніи турецкой войны генералъ-прокуроръ объявилъ Сенату, что императрица приказала разсмотрѣть о государственныхъ доходахъ, нѣтъ ли между ними тягостныхъ, которые слѣдуетъ сложить. Сенатъ, разсмотрѣвши, рѣшилъ: 1) сложить всѣ подати, которыя наложены для бывшей турецкой войны, какъ-то контрибуціи въ Лифляндіи, съ купцовъ прибавочныя подушныя, также съ фабрикъ и заводовъ; 2) сложить нѣкоторыя собираемыя по мѣстамъ подати (съ струговаго и лодочнаго караула, красильнаго промысла, съ харчевенъ, съ камней, съ полковъ, съ кузницъ, постоялыхъ дворовъ, бритовныхъ избъ и проч.); 3) съ выдаваемыхъ купечеству и крестьянству паспортовъ сбирать половину. По этому рѣшенію убывало пошлинъ на 807,683 рубля [46].

Кромѣ денегъ, война требовала усиленной поставки рекрутъ. Мы видѣли, что немедленно же было сдѣлано распоряженіе о взятіи въ военную службу священно-и-церковнослужительскихъ дѣтей, живущихъ праздно при отцахъ и родственникахъ. Мѣра эта вызвала многочисленныя жалобы на неправильности, вслѣдствіе чего одинъ архіерей (тамбовскій) лишился епархіи; вскрылись странности, въ родѣ слѣдующей: въ Москвѣ при разборѣ священно-и-церковнослужительскихъ дѣтей кремлевскихъ ружныхъ осьми церквей, состоящихъ въ вѣдомствѣ мастерской и оружейной конторы, оказались сверхъ штата многіе церковнослужители, не только въ это

званіе не произведенные архіереемъ, но и не имѣющіе письменныхъ видовъ ни отъ какого духовнаго правительства; они были церковнослужителями на основаніи указовъ, данныхъ имъ изъ мастерской и оружейной конторы за подписью присутствующихъ въ ней. Сенатъ приказалъ: всѣхъ этихъ дьячковъ и пономарей, состоявшихъ сверхъ штата, записать въ военную службу, а мастерской и оружейной конторѣ предписать, чтобъ онѣ впредь сами собою въ означенныя церкви служителей не опредѣляли, но, выбравъ достойныхъ представляли архіерею [47].

По другимъ отношеніямъ къ церковному правительству Сенатъ находился въ затруднительномъ положеніи по дѣламъ раскольничьимъ. Съ одной стороны правительство высказывало терпимость и предписывало кроткія мѣры; раскольникамъ возвращались гражданскія права, напримѣръ позволено было допускать ихъ къ присягѣ и свидѣтельству по дѣламъ суднымъ; правительство не желало употребленія внѣшнихъ принудительныхъ средствъ; но внутреннихъ средствъ не было, ибо разсылка по церквамъ и монастырямъ книжки: „раскольникамъ увѣщанія“, не могла замѣнить живыхъ устныхъ увѣщаній, разумной и горячей проповѣди со стороны православнаго духовенства; а между тѣмъ расколъ почувствовалъ ослабленіе внѣшнихъ средствъ и началъ дѣйствовать смѣлѣе. Синодъ далъ знать Сенату, что въ 1765 году изъ заграничной слободы Ветки раскольниками вывезена церковь и поставлена близь раскольничьихъ слободъ Климовой и Митковки: въ этой церкви совершается служба по старопечатнымъ книгамъ; въ недавнемъ времени въ принадлежащей къ слободѣ Злынкѣ мѣстности близь рѣки Ипути, въ лѣсу, въ урочищѣ Малійномъ Островѣ построена небольшая церковь и служба отправляется. А сверхъ того, по справкѣ въ Синодѣ, оказалась, что еще имѣются построенныя раскольниками часовни: одна не далеко отъ Саратова за Волгою по рѣкѣ Иргызу, при которой и колокола мѣдные имѣются, другая въ крѣпости св. Елисаветы въ пригородной слободѣ, третья Царевосанчурскаго заказа въ дворцовой Устинской волости въ починкѣ Ларіонова; въ этихъ часовняхъ раскольники для моленья публично во множествѣ собираются, да и правовѣрныхъ христіанъ отъ церквей Божіихъ отлучаютъ. Сенатъ рѣшилъ поднести императрицѣ докладъ, что Сенатъ согласенъ со св. Синодомъ относительно уни-

чтоженія означенныхъ церквей и часовенъ, чтобъ отъ нихъ правовѣрнымъ смущенія и развращенія послѣдовать не могло [48].

Но являлись секты, которыя не строили церквей и часовенъ. По поводу появленія скопческой ереси, въ половинѣ 1772 года императрица дала полковнику Волкову любопытный указъ: „Слухъ носится, будто бы въ Орловскомъ уѣздѣ оказался новый родъ нѣкоторой ереси, и будто бы дѣйствительно въ орловское духовное правленіе приведено уже нѣсколько человѣкъ изъ крестьянъ разныхъ помѣщиковъ, въ той ереси найденныхъ. Въ таковыхъ случаяхъ ничего нужнѣе не бываетъ, какъ, съ одной стороны, утушеніе въ самомъ началѣ подобныхъ безразсудныхъ глупостей, а съ другой—сохраненіе и безопасность множества людей отъ прицѣпокъ и забираній въ какомъ ни есть нижнемъ судебномъ мѣстѣ, паче же отъ всякихъ иногда невиннымъ людямъ быть могущихъ привязокъ и притѣсненій. Въ разсужденіи сего повелѣли мы васъ отправить въ городъ Орелъ, гдѣ имѣете напередъ у тамошняго воеводы и въ духовномъ правленіи навѣдаться, дѣйствительно ли состоитъ тамъ таковое дѣло, и гдѣ оно производится. Если найдете, что подобное слѣдствіе начато, то имѣете истребовать къ себѣ сіе дѣло и всѣхъ людей, кои донынѣ приведены; получая же о всемъ полное свѣдѣніе, должны вы, обще съ тамошнимъ воеводою и его товарищемъ, изыскать прежде всего, кто сей вредной ереси зачинщикъ и кто ее надъ другими въ дѣйство производилъ; буде донынѣ сіи люди не сысканы, то велите ихъ сыскать немедленно. Всѣхъ же въ семъ дѣлѣ участвующихъ вины раздѣлить на три класса: 1) начинщикъ, или начинщики, и тѣ, кои другихъ изуродовали; 2) тѣ, кои, бывъ уговорены, другихъ на то приводили; 3) тѣхъ простяковъ, кои, бывъ уговорены, слѣпо повиновались безумству наставниковъ; о тѣхъ же, кои по сю пору не забраны, стараться и вамъ должно, узнавъ ихъ имена и жилища, безъ крайней надобности ихъ не забирать, а единственно дать знать подъ рукою ихъ начальникамъ, чтобъ за ними имѣли бдѣнное смотрѣніе, дабы воздержаны были отъ всякихъ иногда неистовствъ. По окончаніи слѣдствія съ первыми имѣете поступить какъ съ возмутителями общаго покоя, т. е. высѣчь кнутомъ въ тѣхъ жилищахъ, гдѣ они проповѣди свои производили и гдѣ болѣе людей уговаривали, и потомъ сошлите ихъ въ Нерчинскъ вѣчно; вторыхъ велите высѣчь батожьемъ и сошлите въ фортификаціонную работу въ Ригу, а

третьихъ разошлите на прежнія ихъ жилища. Мы за нужное находимъ здѣсь прибавить, чтобы вы при слѣдствіи поступили для изысканія правды безъ всякаго истязанія и самымъ кротчайшимъ образомъ, и что если найдете, что забраны невинные люди, то старайтесь оныхъ наискорѣе отпустить безвредно въ ихъ жилища; чѣмъ же скорѣе и безъ дальной огласки сіе дѣло изслѣдовано и окончено будетъ, тѣмъ, по существу сего рода дѣлъ, полезнѣе быть можетъ, ибо чѣмъ менѣе къ нему отъ правительства окажется уваженія, тѣмъ менѣе утвердится безумство таковое въ несмысленныхъ умахъ и, слѣдовательно, тѣмъ скорѣе исчезнетъ привлеченная къ нему мысль людская. Не меньше же находимъ мы за нужное вамъ прибавить, чтобы вы сіе дѣло трактовали какъ обыкновенное гражданское, а отнюдь не инако, и для того и въ раздѣленіи винъ вамъ стараться, чтобы наказаны были гражданскія преступленія“ [49].

Не смотря на это объявленіе скопчества, какъ дѣла гражданскаго, а не церковнаго, церковь должна была заняться имъ, когда жены двѣнадцати оскопленныхъ крестьянъ, возвращенныхъ помѣщику, подали просьбу о позволеніи вступить имъ во второй бракъ. Синодъ рѣшилъ, что эти женщины, какъ ни въ чемъ невиновныя, имѣютъ право отвергнуть отъ себя супруговъ, которые бракомъ возгнушались и тѣмъ уничтожили благословеніе церкви, данное имъ на супружество. Позволивъ женамъ скопцовъ вступать въ новый бракъ, относительно самихъ скопцовъ Синодъ постановилъ: семь лѣтъ не допускать ихъ до св. причащенія кромѣ смертнаго случая, а исповѣдываться имъ дважды въ годъ [50].

Въ 1769 году нѣсколько раскольническихъ учителей были сосланы въ азовскую и таганрогскую крѣпости для опредѣленія въ военную службу, при чемъ военной коллегіи было предписано имѣть за ними наикрѣпчайшее наблюденіе, чтобъ они между собою никакого сообщенія не имѣли и прелести своей не разсѣвали. Но предписаніе не исполнялось. Воронежскій губернаторъ донесъ Сенату, что одинъ изъ такихъ сосланныхъ, солдатъ Степанъ Кузнецовъ, часто отлучаясь отъ своей команды на прежнее свое мѣсто жительства въ Воронежъ, распространялъ въ этомъ городѣ расколъ; особенно усердными его ученицами явились женщины, изъ которыхъ двѣ крестьянки Варвара Ефимова и дочь сержанта Овчинникова, дѣвица Акулина, торжественно на площади проповѣдывали

народу о необходимости двуперстнаго сложенія. У раскольниковъ нашли четыре псалма, которые они пѣли въ своихъ собраніяхъ, при чемъ Акулина Овчинникова и мать ея Мавра показали, что пѣть эти псалмы научилъ ихъ Богъ. Сенатъ наикрѣпчайше подтвердилъ, чтобъ сосланные въ крѣпости за отступленіе отъ благочестія отнюдь не были отпускаемы на прежнія жилища, но прибавилъ распоряженіе: изъ всѣхъ вступившихъ теперь о раскольникахъ въ Сенатъ дѣлъ сочиня экстрактъ, отослать въ св. Синодъ па его примѣчаніе съ тѣмъ, чтобъ благоволилъ духовнымъ властямъ дать наставленіе—при случаѣ производства слѣдствій о какихъ-нибудь суевѣріяхъ, подлежащіе духовному суду люди требованы были въ консисторію со всевозможнымъ осмотрѣніемъ и осторожностію, чтобъ какъ-нибудь и такимъ, которые къ суевѣріямъ непричастны, не могло быть причинено ни малѣйшаго притѣсненія и чрезъ то „не произвесть бы существительнаго вида инквизиціи" [51]. Мы видѣли, что Синодъ указывалъ на построеніе раскольниками часовни съ колоколами па рѣкѣ Иргизѣ. Узнали, что на обѣихъ рѣкахъ Иргизахъ образовались раскольничьи скиты, служащіе убѣжищемъ для бѣглыхъ, вслѣдствіе чего Сенатъ предписалъ казанскому губернатору Бранту отправить туда команду и осмотрѣть всѣ скиты вдругъ, чтобъ раскольники не могли укрыться изъ одного скита въ другой; этимъ способомъ въ нихъ найдено бѣглыхъ разнаго званія мущинъ и женщинъ 44 человѣка [52].

Такого же рода щекотливыя отношенія продолжались по дѣламъ магометанъ. Синодъ жаловался, что въ Казани, вопреки прежнимъ указамъ, построены мечети подлѣ православныхъ церквей, и что прежній губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ, съ позволенія котораго это сдѣлано, объявилъ о полученіи имъ на это устнаго указа отъ императрицы. На докладъ Сената объ этомъ Екатерина велѣла отвѣчать: „Какъ Всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и она, изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его святой волѣ, и въ семъ поступаетъ, желая только, чтобъ между подданными ея всегда любовь и согласіе царствовали; а впрочемъ ея в—ство приказать соизволили Сенату объявить, что бывшій губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ дозволеніе строить каменныя мечети сдѣлалъ въ сходственность даннаго большаго наказа 494, 495 и 496 статей" [53]. Мѣсяца черезъ два Синодъ далъ знать Сенату, что магометане, пріѣзжая въ Барабинскую степь, обращаютъ

въ свою вѣру обращенныхъ недавно въ христіанство идолопоклонниковъ, и хотя сибирскій губернаторъ въѣздъ туда Татарамъ и Бухарцамъ запретилъ, однако все же происходятъ отъ нихъ разныя обольщенія; такъ разглашаютъ, будто бы изъ Сената присланъ указъ, которымъ позволено имъ и мечети тамъ строить, отъ чего новокрещеные, пришедши въ соблазнъ, перестали ходить въ церковь, особенно же къ исповѣди и причастію. Сенатъ приказалъ: тобольскому губернатору предписать, чтобъ онъ не запрещалъ магометанамъ совершенно въѣзда къ новокрещенымъ, ибо они могутъ пріѣзжать для торговли, а приказалъ бы только накрѣпко смотрѣть, чтобъ они не совращали новокрещенъ въ свою вѣру. Что же касается наказанія кнутомъ совратившихся изъ христіанства, то отъ него совсѣмъ удержаться и стараться приводить ихъ въ благочестіе посредствомъ духовныхъ лицъ однимъ увѣщаніемъ и ласкою, а не наказаніемъ. Что же касается разглашенія, будто бы дозволено строить мечети, даже и каменныя, то губернаторъ долженъ ихъ увѣрить, что это разглашеніе неосновательно [5].

Мы видѣли, что Екатерина при своемъ основномъ стремленіи дѣйствовать противъ безнравственныхъ явленій средствами нравственными, а не жестокостію наказаній, обращалась за помощію къ церкви, какъ то поступлено было въ дѣлѣ Жуковымъ. И въ описываемое время она продолжала поступать такимъ же образомъ преимущественно въ дѣлахъ по убійствамъ крестьянъ своими помѣщиками. О дворянкѣ Мориной, убившей свою крѣпостную, Екатерина написала: „Посадить на 6 недѣль на хлѣбъ и на воду и сослать въ женскій монастырь на годъ въ работу." По рѣшенію Екатерины бѣлозерскіе помѣщики Савины за убійство крестьянина посажены въ тюрьму на полгода и потомъ преданы церковному покаянію. Капитанша вдова Кашинцева за прижитіе съ человѣкомъ своимъ младенца и несносное тѣлесное наказаніе служанки, отъ котораго та повѣсилась, приговорена была на шесть недѣль въ монастырь на покаяніе. Жена унтеръ-шахмейстера Гордѣева была присуждена къ содержанію мѣсяцъ въ тюрьмѣ и церковному покаянію за истязаніе своей дворовой, отъ котораго та скоро умерла. Сенатъ при этомъ приказалъ взять съ нея подписку, чтобъ она впередъ отъ такихъ наказаній удержалась; но императрица перемѣнила сенатское рѣшеніе и написала: „отдать ее мужу съ тѣмъ,

чтобъ онъ ее впредь до такой суровости подъ своимъ отвѣтомъ не допускалъ.

Сенатъ подалъ докладъ о наказаніи генералъ-майорши Эттингеръ за побои крестьянину, отъ которыхъ тотъ умеръ; императрица написала на докладѣ: „Вдова Эттингерша сама на себя показываетъ, что она человѣка своего сѣкла за такія дѣла, кои изслѣдовать не ей, но городской юстиціи надлежитъ, и тако присвоивала себѣ судейской власти, ибо побѣги, воровство и подобное не подлежатъ домашнему слѣдствію и наказанію, чего примѣтить дать надлежитъ второму сенатскому департаменту, дабы сходственно законамъ власть судебная была охраняема отъ особенныхъ вступленій въ оной.“ Сенатъ отвѣчалъ: „чтобъ и другіе владѣльцы въ принадлежащія гражданской юстиціи дѣла собою не вступали, какъ на то точнаго положенія нѣтъ, собирать о семъ въ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія для положенія на сіе закона. Но Екатерина написала на это: „которой коммиссіи и о томъ положеніе сдѣлать, что съ такими чинить, кои суровость противъ человѣка употребляютъ.“ По извѣстіямъ о дурномъ обращеніи со своими крѣпостными генералъ-майорши Храповицкой Сенатъ получилъ именной указъ—опредѣлить опекуна, который бы, отобравъ отъ кого надлежитъ о ея доходахъ свѣдѣніе, принялъ домъ ея въ свое содержаніе и опредѣлилъ людямъ ея такое пропитаніе и одежду, которыхъ бы безъ излишества довольно было, а достальное отдавать ей на содержаніе, и чтобъ оные люди, въ случаѣ ихъ преступленія, наказаніемъ зависѣли отъ него, сохраняя притомъ должное отъ нихъ ей почтеніе и повиновеніе.

Кромѣ приведенныхъ случаевъ дурнаго обращенія съ крѣпостными людьми, истязаній и смертоубійствъ, крѣпостныя отношенія, составляя главный интересъ землевладѣльцевъ, увлекали ихъ въ другаго рода преступленія; кромѣ того крѣпостные люди являются удобными, послушными орудіями преступленій. Сенатъ приговорилъ къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь жену прапорщика Ѳедосью Чегодареву за подговоръ ею къ побѣгу дворовой дѣвицы жены лейтенанта Тормасова и за прочіе непорядки. Екатерина написала на докладѣ: „вмѣсто тѣлеснаго наказанія содержать ее двѣ недѣли на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ, лиша дворянства, послать въ Сибирь.“ Такому же наказанію, по рѣше-

нію императрицы, была подвергнута дворянка Ингельдеева за то, что продала бѣглаго, перемѣнивъ ему имя. Сенатъ приговорилъ къ смертной казни отставнаго подпоручика Карпова за то, что онъ съ людьми своими приходилъ на сотскаго изъ однодворцевъ Кутепова, ранилъ его самъ изъ ружья и билъ дубинами, отъ чего Кутеповъ черезъ сутки умеръ; Екатерина перемѣнила этотъ приговоръ такъ: „лишить дворянства и чиновъ и, поставя подъ висѣлицу, заклеймить лобъ словомъ: разбойникъ, и потомъ сослать вѣчно въ работу.“ Сенатъ приговорилъ ко кнуту и ссылкѣ въ Нерчинскъ отставнаго сержанта кн. Ивана Мещерскаго за сочиненіе для проѣзда подложнаго письма и за кражу у разныхъ людей пожитковъ; Екатерина перемѣнила: „лиша дворянства, сослать въ Сибирь.“ То же наказаніе опредѣлила императрица дворянамъ Сущову и дѣвицѣ Чертановой за содержаніе ими въ домахъ своихъ разбойниковъ и краденыхъ пожитковъ. Лишеніе дворянства и чиновъ, заклейменіе подъ висѣлицею буквою У (убійца) и вѣчную работу на Нерчинскихъ заводахъ императрица опредѣлила отставному капитану Отяеву за то, что онъ людямъ своимъ позволилъ убить до смерти свою жену. Отставной поручикъ Лесковъ убилъ бѣглаго человѣка; жена его и свояченица Родичева знали объ этомъ и не донесли; императрица написала рѣшеніе: Лескова, лишивъ чиновъ и дворянства, заклеймить подъ висѣлицею буквою У и сослать на Нерчинскіе заводы въ работу; жену освободить; Родичеву заключить на покаяніе въ тюрьму.“ По рѣшеніямъ императрицы содержана двѣ недѣли на хлѣбѣ и на водѣ и сослана въ Сибирь прапорщица Васильева за подговоръ къ кражѣ и побѣгу чужой крѣпостной дѣвушки. Лишенъ дворянства, чина и сосланъ въ Сибирь прапорщикъ Ильинъ за держаніе въ домѣ своемъ разбойниковъ и за взятье отъ нихъ себѣ пожитковъ. Посажена на четыре недѣли на хлѣбъ и воду, лишена дворянства и сослана въ Сибирь капитанша Моурипова за подговоръ людей своихъ, чтобъ они перваго мужа ея поручика Епанчина спящаго задушили подушкою, что они и сдѣлали. Лишенъ чина и сосланъ въ ссылку прапорщикъ Симбирскій за битье пономаря, который черезъ два дня умеръ. Лишенъ дворянства, чиновъ и сосланъ въ Сибирь полковникъ Рачинскій за убійство. Посажена на четыре недѣли на хлѣбъ и на воду, лишена мужней и отцовской фамиліи, заклеймена буквою У и сослана въ Сибирь жена отставнаго прапорщика Авдулова за

убійство мужа; дочь ея, соумышленница матери, держана двѣ недѣли на хлѣбѣ и водѣ и сослана въ Сибирь. Одинакому съ Авдуловой наказанію за убійство мужа подверглась подпоручица Симонова. Лишены дворянства и сосланы въ Сибирь гвардіи сержантъ Варахеевъ за заложенное въ банкъ чужое имѣніе и склоненіе чужаго двороваго человѣка къ воровству; гвардіи капралъ Юрьевъ за ложно проданнаго чужаго двороваго человѣка; поручикъ Тяпкинъ за продажу бѣглыхъ; прапорщикъ Стохановъ за подложную продажу чужаго человѣка въ рекруты. О прапорщицѣ Скрипицыной, продавшей бѣглаго чужаго человѣка, императрица написала: „Посадить на двѣ недѣли на хлѣбъ и на воду, и если мужъ взять ее къ себѣ не пожелаетъ, сослать въ Сибирь, лиша дворянства.“ Помѣщикъ Култашевъ лишенъ дворянства, заклейменъ и сосланъ въ каторжную работу вѣчно за убійство двоихъ родныхъ братьевъ; жена его, бывшая виновницею ссоры, окончившейся убійствомъ, сослана въ женскій монастырь въ работу; сынъ ихъ подпоручикъ Прохоръ, который хотя и отговаривалъ отца и мать отъ злаго предпріятія, однако принужденъ былъ сдѣлать невольное послушаніе, лишенъ чина и записанъ въ солдаты до выслуги. Лишенъ дворянства, чиновъ, фамиліи, выведенъ на эшафотъ, положенъ на плаху, заклейменъ и сосланъ вѣчно въ работу отставной капитанъ Турбинъ за убійство крѣпостной своей дѣвушки. Сосланъ въ монастырь на покаяніе отставной провіантмейстеръ Нелединскій за то, что сѣкъ мать свою плетьми, а сестру билъ палкою [55].

Этотъ длинный скорбный листъ можетъ быть объясненъ скороспѣлымъ указомъ Петра III-го, которымъ позволялъ дворянамъ выходить въ отставку, когда захотятъ. На службѣ человѣкъ и съ дурными наклонностями сдерживался дисциплиною служебною, не могъ предаваться праздности, сдерживался самимъ обществомъ, въ которомъ постоянно долженъ былъ находиться и которое необходимо расширяло его умственную сферу, увеличивало количество высшихъ интересовъ, развивало его. Но теперь онъ имѣлъ возможность въ молодыхъ лѣтахъ вырваться изъ-подъ служебной дисциплины и поселиться въ деревнѣ; изъ подчиненнаго, трепетавшаго передъ гнѣвнымъ взглядомъ старшаго офицера, онъ становился полновластнымъ господиномъ надъ рабствующимъ, безгласнымъ населеніемъ; чѣмъ болѣе онъ былъ приниженъ на службѣ, ибо находился въ низшихъ чинахъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ разнуздываться те-

перь: господиномъ становился рабъ. Совершенная праздность, невѣжество, неумѣнье заняться чѣмъ-нибудь умственно и нравственно развивающимъ, отсутствіе общества, которое могло бы развивать въ этихъ отношеніяхъ вели къ нравственному паденію. Женщины, по страстности своей природы, по легкости, съ какою онѣ поднимаются вверхъ и спускаются внизъ, были тутъ еще ближе къ искушенію, чѣмъ мущины. Должно прибавить, что бѣдность, при отсутствіи нравственныхъ сдержекъ, могла сильно побуждать къ преступленіямъ въ родѣ сманиванія крѣпостныхъ, продажи бѣглыхъ, пристанодержательства. Пронскій дворянскій предводитель доносилъ Сенату, что при собраніи дворянъ для раскидки жеребьевъ къ поставкѣ рекрутъ явилось къ нему болѣе 200 дворянскихъ сыновей съ объявленіемъ, что усердно желаютъ вступить въ службу, но только не въ состояніи явиться гдѣ надлежитъ, ибо нѣкоторые изъ нихъ ни платья, ни обуви не имѣютъ. Сенатъ приказалъ: для сохраненія вольности дворянства московскому губернатору поручить, чтобъ онъ отъ этихъ недорослей отобралъ челобитныя объ опредѣленіи на службу. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ требовалъ указа, что повелѣно будетъ дѣлать съ малолѣтными дворянскими дѣтьми, которыхъ отцы по бѣдности своей пропитать не могутъ; Сенатъ приказалъ опредѣлять ихъ въ гарнизонныя школы на казенное содержаніе [56].

Но, приводя этотъ скорбный листъ, мы не можемъ не замѣтить, что преступленія помѣщиковъ относительно крестьянъ не могли быть утаены и наказывались. Относительно преступленій крестьянъ противъ помѣщиковъ любопытно рѣшеніе Сената въ 1769 году: когда прочтена была выписка губернаторскихъ рапортовъ, которыми доносилось о происходившихъ отъ крестьянъ и крѣпостныхъ людей противъ помѣщиковъ непослушаніяхъ, смертоубійствахъ, разбояхъ и грабежахъ, то Сенатъ приказалъ сдать выписку въ архивъ, потому что объ отвращеніи такихъ злодѣйствъ губернаторами надлежащія распоряженія сдѣланы. Отмѣтимъ важнѣйшіе случаи. Въ 1769 году въ симбирской провинціи наказаны были крестьяне села Ишевки за непослушаніе помѣщицѣ Кротковой. Въ то же время воронежскій губернаторъ доносилъ о непослушаніи владѣльцамъ Нарышкинымъ Малороссіянъ, поселившихся въ слободахъ Красовкѣ, Елани, Руднѣ и Краснояровкѣ, изъ которыхъ живущіе въ первыхъ двухъ слободахъ коман-

дою въ послушаніе приведены. Въ 1771 году подтверждено было постановленіе Петра Великаго о непродажѣ крестьянъ безъ земли; въ именномъ указѣ Екатерины говорилось: учинить запрещеніе, какъ конфискаціи, такъ и всѣмъ авкціонистамъ, чтобъ отнюдь отъ сего числа однихъ людей безъ земли съ молотка не продавали, чего всѣмъ гродоначальникамъ смотрѣть накрѣпко. Относительно приписныхъ къ заводамъ крестьянъ было опредѣлено давать имъ деньги за тѣ дни, которые они употребятъ на дорогу къ заводамъ; и относительно приписки крестьянъ стали наблюдать осторожность, что̀ видно изъ слѣдующаго рѣшенія Сената о Вознесенскомъ мѣдиплавильномъ заводѣ: послать указы къ казанскому и оренбургскому губернаторамъ, чтобъ они, снесясь другъ съ другомъ, представили сообща свое мнѣніе, какія изъ крестьянскихъ государственныхъ селеній, состоящихъ въ ихъ губерніяхъ, удобнѣе приписать къ Вознесенскому заводу, въ какомъ разстояніи отъ заводовъ и одно отъ другаго они находятся и сколько въ каждомъ селеніи душъ; при чемъ губернаторы должны объявить, какъ они полагаютъ: полезнѣе ли перевести крестьянъ къ заводу, или только приписать; Бергъ-коллегіи приказать донести Сенату, есть ли при Вознесенскокъ заводѣ столько пашенныхъ и сѣнокосныхъ земель и другихъ угодій, чтобъ ими душъ до 1.000 переведенцевъ безнужно можно было удовольствовать; коллегія должна донести и о томъ, какой способъ къ переселенію крестьянъ она находитъ удобнѣйшимъ, и какое сдѣлать имъ для этого вспоможеніе и на какомъ основаніи. На востокѣ волненій заводскихъ крестьянъ не видимъ; но за то обнаружилось сильное волненіе на западѣ, на Петровскихъ Олонецкихъ заводахъ [57].

Первою причиною къ волненіямъ здѣсь было принужденіе крестьянъ, сверхъ обычныхъ работъ, ломать еще мраморъ для построенія Исакіевскаго собора. Эта работа была съ нихъ сложена; но другія работы были усилены. Съ нихъ стали требовать поставки 1.000 кучъ уголья, тогда какъ кузницы могли издерживать только треть этого количества; они видѣли, что хотятъ строить четыре новыя кузницы, тогда какъ руды па нихъ не стало бы и на одинъ годъ. Тутъ является между ними искатель приключеній, извѣстный банкротъ Иванъ Назаровъ Елагинъ, и начинаетъ имъ внушать, что если они подадутъ просьбу императрицѣ и предложатъ платить по три рубля съ души, то будутъ освобождены отъ рабо-

ты. Крестьяне повѣрили, послали просьбу, и, въ ожиданіи отвѣта на нее, начали отказываться отъ работы: это было лѣтомъ 1770 года. Сенатъ отправилъ въ приписныя селенія слѣдственную коммиссію, которая донесла, что объявляли во всѣхъ селеніяхъ сенатскій указъ крестьянамъ о непремѣнномъ и безотговорочномъ повиновеніи въ исполненіи всѣхъ налагаемыхъ на нихъ работъ, и прилагали всевозможное стараніе, чтобъ крестьяне повиновались указу, но они отговариваются разными причинами и въ работу идти не хотятъ; всего болѣе виноваты въ этомъ регистраторъ Назимовъ и крестьянинъ Калистратовъ; коммиссія оканчивала свое донесеніе тѣмъ, что надобно употребить какую-нибудь строгость. Сенатъ былъ недоволенъ этимъ донесеніемъ, нашелъ, что коммиссія не вступила ни въ какое настоящее разсмотрѣніе дѣла по данной ей инструкціи, не изслѣдовала, дѣйствительно ли крестьяне не въ состояніи отбывать работы, не изслѣдовала, достаточно ли ихъ число для этого отбыванія; также не видно въ производствѣ дѣла коммиссіею того усердія, какого требуетъ важность порученнаго ей слѣдствія, и потому рѣшилъ, что такъ какъ заводы и крестьяне находятся въ Новгородской губерніи, то и предложить губернатору Сиверсу, чтобъ онъ, какъ хозяинъ губерніи, отправился на мѣсто, гдѣ коммиссія производится, взялъ ее въ свое вѣдомство и, разсмотря причину крестьянскаго ослушанія, прежде всего постарался всевозможными средствами привесть непослушныхъ въ должное повиновеніе; способы же, какъ удобнѣе это сдѣлать, Сенатъ возлагаетъ на извѣстное его благоразуміе и попеченіе. Потомъ, приведя крестьянъ въ повиновеніе, губернаторъ долженъ разсмотрѣть ихъ жалобы и отягощенія заводскими работами, и въ случаѣ дѣйствительной невозможности для крестьянъ исправлять заводскія работы, долженъ сдѣлать вновь обо всемъ надлежащее и съ благосостояніемъ крестьянъ сходственное учрежденіе.

Сиверсъ не отправился на мѣсто производства слѣдствія. Въ письмѣ своемъ къ императрицѣ онъ говоритъ, что его оклеветали передъ нею, будто бы онъ не хотѣлъ ѣхать на мѣсто слѣдствія, тогда какъ онъ именно просился туда ѣхать. Не много дней спустя онъ получилъ приказаніе императрицы ѣхать на польскую границу. Не смотря на то, онъ разсмотрѣлъ дѣло и высказалъ свое мнѣніе о средствахъ успокоить умы, но мнѣніе это было отвергнуто съ жестокостію. Сиверсъ оканчиваетъ письмо словами: „Я рѣшился молчать

и молчалъ бы, если бы не слыхалъ глухихъ жалобъ, которыхъ причины должны быть важны, если жалобы слышатся такъ издалека.“ Мнѣніе Сиверса, пересланное имъ въ Сенатъ, состояло въ слѣдующемъ: главная причина ослушанія крестьянъ состояла въ чрезвычайно тягостномъ и безпорядочномъ нарядѣ работниковъ и поставкѣ матеріаловъ въ самую рабочую пору; крестьяне, лишаясь такимъ образомъ возможности снискивать пропитаніе отъ своихъ земледѣльческихъ занятій, пришли въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что хотя и состоялась новая оцѣнка для уплаты за работу на заводахъ, но до нихъ извѣстіе объ этомъ еще не дошло. Другою причиною отчаянія этого несчастнаго народа были непорядки правленія петрозаводской канцеляріи. Третьею причиною можно принять посланную туда потомъ коммиссію изъ трехъ разнаго званія людей, которые упражнялись въ перепискахъ и дѣйствовали не съ тѣмъ согласіемъ, какого можно было бы надѣяться въ томъ случаѣ, еслибъ отправлена была одна знатная особа. Сенатъ, получа это донесеніе, подалъ императрицѣ докладъ: „хотя Сиверсъ о главныхъ причинахъ неустройства и непослушанія доноситъ; но такъ какъ онъ самъ на мѣстѣ не былъ, то Сенатъ мнѣнія его утвердить не можетъ и рѣшаетъ отправить туда изъ генералитетскихъ чиновъ особу, которой поручить ту коммиссію въ полную дирекцію, и для этого избираетъ генералъ-майора Лыкошина.“ Императрица утвердила докладъ.

Это распоряженіе объ отправкѣ Лыкошина было послѣднимъ въ 1770 году. Въ самомъ началѣ 1771 года генералъ-прокуроръ получилъ именной указъ: изъ прошенія государственныхъ крестьянъ вѣдомства канцеляріи петровскихъ заводовъ ея в—ство усмотрѣть изволила, что изъ тѣхъ же крестьянъ опредѣлены и къ каменной ломкѣ вновь для строенія здѣшней соборной Исакіевской церкви, и потому указать соизволила, что такое этихъ крестьянъ опредѣленіе ни мало съ намѣреніемъ ея в—ства не сходствуетъ, тѣмъ болѣе, что ея в—ство и стат. совѣт. Кожину, представлявшему о такомъ распоряженіи, именно отказала, повелѣвъ мраморную ломку производить вольнонаемными людьми.—Но черезъ недѣлю послѣ этого Сенатъ слушалъ донесеніе слѣдственной коммиссіи при петровскихъ заводахъ, что крестьяне еще въ началѣ 1770 года освобождены отъ мраморной ломки и напрасно утруждали императрицу

своимъ челобитьемъ, что̀, какъ мы видѣли, подтверждается и письмомъ Сиверса.

Съ марта начались донесенія Лыкошина. Онъ причиною всѣхъ неустройствъ, запущенныхъ доимокъ и отчасти дерзости полагалъ то, что хотя старосты опредѣляются по мірскому выбору, но эти выборы превратились въ одинъ обрядъ, а въ дѣйствительности старосты опредѣляются тѣми крестьянами, которые почитаются въ волостяхъ первѣйшими и богачами, большею частію изъ преданныхъ имъ креатуръ, исполняющихъ потому ихъ волю, безграмотные и такіе бѣдные, что по начетамъ взыскать съ нихъ нечего; сами же богачи, управляя ими, что хотятъ, то и дѣлаютъ. Въ доказательство Лыкошинъ представилъ поданное ему отъ Шуйскаго погоста донесеніе съ указаніемъ, какую власть и силу имѣетъ въ томъ погостѣ крестьянинъ Коротяевъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Лыкошинъ доносилъ, что всѣ его старанія усмирить волнующихся крестьянъ безуспѣшны; что съ крестьянъ сказки взяты. Изъ этихъ сказокъ было видно, что надворный совѣтникъ Елагинъ бралъ подписку отъ крестьянъ, обнадеживая ихъ, что представитъ ее въ собственныя руки императрицы и исходатайствуетъ удовлетвореніе ихъ желанію, чтобъ вмѣсто зарабатыванія положенныхъ на нихъ окладовъ заводскими работами, платить имъ по три рубля съ души; и вообще своими разговорами Елагинъ подалъ не малый поводъ ко крестьянскому волненію и ослушанію; кромѣ того укрывалъ въ своей квартирѣ приходившихъ въ Петербургъ просителей, не смотря на данную имъ въ Сенатѣ подписку. Лыкошинъ требовалъ также отрѣшенія полковника Винтера, который, будучи главнымъ членомъ коммиссіи и зная поступки Елагина, не удерживалъ его отъ нихъ. Сенатъ исполнилъ требованія Лыкошина.

Вслѣдствіе безуспѣшности увѣщаній Лыкошинъ отправилъ для усмиренія крестьянъ команду подъ начальствомъ капитана Ламсдорфа. Прибывъ въ село Кижи, команда нашла толпу народа, тысячъ до пяти, вооруженную винтовками, рогатинами и другимъ оружіемъ; толпа встрѣтила команду бранью и угрозами перебить всѣхъ солдатъ, требовала, чтобъ именной указъ былъ присланъ прямо въ руки крестьянъ. Ламсдорфъ, находя свою команду слабою, принужденъ былъ отступить; крестьяне провожали отступавшихъ верстъ восемь криками: „счастливы, что стрѣльбы не начали!“ Сенатъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, приказалъ отправить

къ возмутившимся капитанъ-поручика Ржевскаго съ подлиннымъ манифестомъ, если не будутъ вѣрить печатному; но Ржевскій не долженъ былъ отдавать манифеста никому изъ крестьянъ въ руки, а хранить при себѣ; долженъ былъ читать печатный манифестъ тамъ, гдѣ будетъ больше волнующагося народа, не обращая вниманія на многолюдность скопища и вооруженіе; гдѣ есть церкви, заставлять читать священниковъ или дьяконовъ, а гдѣ нѣтъ, то старостъ въ земскихъ избахъ; если же будетъ очень много народу, то на сборныхъ площадяхъ, внушая всѣмъ и каждому, что преступленіе ихъ было слѣдствіемъ наученія коварныхъ людей изъ ихъ же братьи; что какъ скоро всѣ придутъ въ повиновеніе, то жалобы ихъ немедленно будутъ разсмотрѣны; въ противномъ же случаѣ не будетъ имъ никакой милости. Послѣ этого Лыкошинъ увѣдомилъ Сенатъ, что крестьянамъ по жалобамъ ихъ дѣлается всякое удовлетвореніе. Понявши это, они 15-го іюня, при доношеніи отъ 8.990 душъ, подали въ коммиссію объявленіе, гдѣ говорили, что признаютъ свой проступокъ, что были обмануты ложными обнадеживаніями своихъ же собратій, и такъ какъ теперь они приведены въ лучшее положеніе, то обязываются быть послушными во всемъ. Лыкошинъ писалъ, что со времени прибытія Ржевскаго пришли еще въ повиновеніе 3.105 душъ и безотговорочно вступили въ работы; для приведенія же въ повиновеніе остающихся непослушными крестьянъ посланъ полковникъ кн. Урусовъ. И на это донесеніе Сенатъ отвѣчалъ: стараться сколько возможно привести въ повиновеніе и остальныхъ крестьянъ безъ строгости и жестокостей; всѣ силы употребить для скорѣйшаго разсмотрѣнія и удовлетворенія крестьянскихъ жалобъ и тѣмъ окончить всѣ ихъ неудовольствія. Но желаніе Сената не исполнилось: коммиссія донесла, что кн. Урусовъ, прибывъ съ командою въ Кижскую треть, сколько ни прилагалъ старанія привести крестьянъ къ должному повиновенію кроткими средствами, цѣли своей не достигъ, почему принужденъ былъ приказать выстрѣлить изъ пушки и лишить жизни нѣкоторыхъ крестьянъ, послѣ чего остальные объявили себя послушными и уже вступили въ работу [58].

Сиверсъ не переставалъ ходатайствовать за крѣпостныхъ крестьянъ; онъ писалъ императрицѣ: „Позволеніе, данное дворянамъ посылать на поселеніе кого имъ угодно изъ своихъ крестьянъ, при чемъ судья не смѣетъ спрашивать—за что?—это позволеніе произ-

водитъ ежедневно трогательныя зрѣлища. Крестьянинъ, котораго нельзя сдать въ рекруты по малому росту или другому какому-нибудь недостатку, долженъ отправляться въ ссылку въ зачетъ будущаго набора, котораго помѣщикъ боится въ будущемъ году, и многіе даже продаютъ эти квитанціи. Признаюсь, не проходитъ дня, чтобъ сердце мое не вооружалось противъ такой привилегіи. Сибирь выигрываетъ относительно мало, если обратить вниманіе на разстояніе и потери въ людяхъ на дорогѣ“ [59]. Сенатъ принялъ другую мѣру для заселенія Сибири. Онъ сдѣлалъ запросъ коллегіи экономіи, сколько въ московской провинціи такихъ экономическихъ селъ и деревень, которыхъ жители имѣютъ недостатокъ въ землѣ и сколько изъ нихъ въ другія мѣста выселить можно. Коллегія отвѣчала, что она представитъ объ этомъ немедленно по собраніи справокъ, прибавивъ, что и по одному Московскому уѣзду оказывается значительный недостатокъ въ земляхъ. На это Сенатъ приказалъ: предписать коллегіи экономіи, чтобъ она представила какъ можно скорѣе свѣдѣніе, сколько крестьянскихъ семей за недостаткомъ земель можно выселить въ Сибирь, чтобъ Сенатъ могъ основательно донести императрицѣ, какъ удобнѣе заселить ими нужныя мѣста въ Сибири, и какъ, напротивъ того, мало пользы можетъ принести пріемъ на поселеніе помѣщичьихъ людей и крестьянъ, когда бы онъ возобновился [60].

Заводскіе крестьяне волновались, жалуясь на невыносимую тягость работъ, и въ то же время крестьяне, бѣгавшіе отъ разнаго рода тягостей, находили убѣжище на заводахъ. Серпейская воеводская канцелярія доносила, что на заводахъ Демидова явно принимаютъ и содержатъ въ работѣ бѣглыхъ, а притомъ даютъ имъ и подложные паспорты [61].

Въ городахъ не было спокойно. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ донесъ Сенату объ обидахъ, озорничествахъ, побояхъ и убійствахъ, причиненныхъ разнымъ помѣщикамъ тихвинскими жителями. Сенатъ приказалъ назначить слѣдствіе и прибавилъ: такъ какъ изъ этого представленія и изъ прежнихъ дѣлъ усматривается, что такое неустройство, драки и убійства происходятъ отъ колокольнаго набата, производимаго безо всякой нужды и безъ дозволенія властей, тогда какъ звонъ въ набатъ позволяется только въ случаяхъ пожаровъ, непріятельскихъ и разбойничьихъ нападеній, то обнародовать указы, чтобъ впредь, кромѣ означенныхъ случаевъ, никто

не смѣлъ бить въ набатъ при началѣ частныхъ ссоръ и дракъ. Подполковникъ Рязановъ, посланный съ командою для доставленія въ Саратовъ подрядныхъ лѣсовъ для колонистовъ, подалъ жалобу, что на дорогѣ, въ Сызрани, городскіе жители прибили его, ограбили и сожгли бывшія при немъ бумаги. Но въ то же время поступили доношенія отъ сызранскихъ купцовъ, пахотныхъ солдатъ и городоваго депутата, что Рязановъ и команда его сильно обижали гражданъ, позволяя себѣ насилія надъ женщинами и дѣвицами. Смоленскій губернаторъ доносилъ, что въ Вязьмѣ у тамошняго купечества и магистратскихъ присутствующихъ происходятъ большія ссоры и драки съ находящимися тамъ воинскими чинами; кромѣ того, откупщикъ Барышниковъ жалуется на учрежденнаго тамъ отъ купечества подъ магистратскимъ вѣдомствомъ полицейскаго старосту Зуева, который поступаетъ противъ заключеннаго съ Барышниковымъ контракта, попускаетъ купцамъ производить многія драки для защиты корчемниковъ. Для прекращенія этого губернаторъ предлагалъ не разъ вяземскому магистрату сдать полицейское управленіе воеводскому товарищу, который будетъ зависѣть отъ губернатора, но магистратъ не слушается и употребляетъ въ своихъ представленіяхъ неприличныя выраженія и нареканія, относящіяся къ нему, губернатору. Въ то же время вяземскій магистратъ, жалуясь на губернатора, просилъ оставить полицейское управленіе въ своемъ вѣдомствѣ по силѣ магистратскаго регламента. Сенатъ рѣшилъ: довольно видны вяземскаго магистрата губернатору ослушанія, укоризны и дерзкія выраженія, лицу и власти губернатора, какъ хозяина въ губерніи, неприличныя, и для того послать указъ въ главный магистратъ объ отрѣшеніи настоящихъ членовъ вяземскаго магистрата и опредѣленія на мѣсто ихъ другихъ по выбору тамошняго купечества, при чемъ Главный магистратъ долженъ нарядить отъ себя нарочнаго депутата для произведенія слѣдствія надъ смѣненными; другихъ слѣдователей долженъ назначить губернаторъ. Дерзость вяземскаго магистрата состояла въ томъ, что онъ писалъ къ губернатору, какъ три раза доносилъ ему о незаконныхъ высылкахъ вина и причиненныхъ Барышниковымъ двоимъ купцамъ разореніяхъ, о другихъ обидахъ и неплатежѣ положеннаго оклада; но губернаторъ оправдалъ во всемъ Барышникова и поручилъ полицейское управленіе вяземскому воеводскому товарищу Богданову, большому пріятелю Барышникова, на

что магистратъ не согласился и послалъ просьбы въ главный магистратъ и самый Сенатъ.

Но далеко не такъ остался доволенъ Сенатомъ бѣлгородскій губернаторъ Фливернъ въ столкновеніи своемъ съ членами курскаго магистрата. Фливернъ желовался, что курскій магистратъ не допустилъ записаться въ купечество и въ цехъ курскихъ однодворцевъ, которые уже устроили кожевенные заводы, сапожное и другія ремесла; губернаторъ просилъ наказать членовъ курскаго магистрата и подтвердить главному магистрату, чтобъ въ припискѣ этихъ однодворцевъ въ цехъ не было запрещенія. Но Сенатъ рѣшилъ: такъ какъ изъ показанныхъ съ обѣихъ сторонъ обстоятельствъ онъ не находитъ побудительныхъ причинъ къ наказанію курскаго магистрата, напротивъ представляемыя послѣднимъ основанія находитъ справедливыми, то означенныхъ однодворцевъ, исключа изъ цеховъ, возвратить опять въ прежнее состояніе, и такъ какъ подобныя дѣла, по существу своему, принадлежатъ исключительно магистратамъ, то губернатору впредь отнюдь въ нихъ не вступаться.

Изъ Каргополя пришло извѣстіе, что тамъ страшные непорядки между купечествомъ, по соляному сбору и по прочимъ дѣламъ упущенія и казнокрадства; купцы били тирански секретаря Пятницкаго, и когда губернаторъ назначилъ слѣдствіе, то доноситель копіистъ Поповъ найденъ въ рѣкѣ съ камнемъ на шеѣ; а крестьяне, одобряя воеводу, товарища его и секретаря, просили, чтобъ купеческимъ затѣйнымъ просьбамъ не вѣрить, купцы несправедливо показываютъ, будто воевода, товарищъ его и секретарь притѣсняли крестьянъ. Рыльская воеводская канцелярія доносила, что тамошніе купцы Выходцевы, собравшись многолюдствомъ, не пустили къ себѣ команду, посланную для выемки у нихъ корчемнаго вина, и вообще дѣлаютъ откупщикамъ многія обиды и озорничества, а рыльскій магистратъ, потворствуя имъ, нужныхъ къ слѣдствію людей не присылаетъ.

Продолжавшіяся жалобы на міроѣдовъ по прежнему обличали слабость городовой общины, недостаточную еще способность къ самоуправленію. Гжатскіе купцы—Санбуровы, Гурьевъ и Емельяновъ жаловались на присутствующихъ тамошней ратуши, что они завладѣли принадлежащими купечеству землями; съ тѣхъ амбаровъ и лавокъ, которыми владѣютъ, десятой части въ казну не платятъ; мѣста отводятъ подъ поселеніе неудобныя; въ торгахъ дѣлаютъ

препятствія; двоихъ капитальныхъ купцовъ по злобѣ отдали на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты. Тамбовскіе купцы: Иванъ Меньшой Кузьминъ, Василій Расторгуевъ, Матвѣй Бородинъ и Григорій Бѣляевъ доносили, что бургомистръ тамбовскаго магистрата Толмачовъ тамбовскимъ купцамъ Бородинымъ, Расторгуевымъ и Бѣляеву далъ аттестаты для ихъ торговыхъ промысловъ и подрядовъ не противъ ихъ капиталовъ, но съ большимъ излишествомъ, и теперь изъ тѣхъ купцовъ Расторгуевъ поѣхалъ для откупа питейныхъ сборовъ. Сенатъ приказалъ: 35 человѣкъ тамбовскихъ купцовъ показали, что аттестаты подписаны Толмачевымъ безъ согласія всего купечества, единственно только потому, что Бородинъ и Расторгуевъ, безъ совѣту прочихъ купцовъ, ходя по домамъ и лавкамъ, собираютъ подписки, чтобъ быть Толмачеву бургомистромъ, чего купечество не желаетъ; слѣдовательно, заключаетъ Сенатъ, нельзя увѣриться, чтобъ означенные аттестаты были справедливы, тѣмъ болѣе, что и по нынѣшнему содержанію упомянутыми купцами питейныхъ сборовъ состоитъ на нихъ доимки около 9.000 рублей; такъ какъ поэтому къ торгамъ питейныхъ сборовъ ихъ допускать сомнительно, то пусть главный магистратъ разсмотритъ немедленно, аттестаты имъ даны согласно ли камеръ-коллежскому регламенту [62].

Мы видѣли, что съ самаго начала войны внутренняя охрана была ослаблена, вслѣдствіе чего надобно было ожидать умноженія разбоевъ. Лихвинская воеводская канцелярія дала знать о разбитіи 7 человѣкъ купцовъ разбойническою шайкою въ 30 человѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ Сенатъ получилъ извѣстіе, что по рѣкамъ Волгѣ, Камѣ и Бѣлой оказались великіе разбои, желѣзнымъ караванамъ Демидовыхъ и Твердышева чинятся грабежи и находящимся на нихъ людямъ разныя мучительства; Сенатъ приказалъ казанскому и нижегородскому губернаторамъ препятствовать и ловить; но легко ли было исполнять приказаніе? Около Саратова въ колоніяхъ явились разбойничьи шайки, двухъ человѣкъ убили, нѣсколько селеній съ хлѣбомъ и скотомъ сожгли, грозя и впередъ дѣлать то же. На Камѣ насчитывали 14 разбойничьихъ шаекъ, въ каждой отъ 7 до 15 человѣкъ. Разбои начались въ шатскомъ и касимовскомъ уѣздахъ и въ темниковскомъ лѣсу. Такъ было въ 1769 году. Въ слѣдующемъ 1770 казанскій губернаторъ донесъ, что по рѣкамъ Вяткѣ, Камѣ, Волгѣ и Сурѣ весною появились разбойничьи много-

людныя шайки, которыя убиваютъ и разоряютъ обывателей; для поимки отправлены команды и 38 разбойниковъ поймано. Осенью разбойники напали на Флорищеву пустынь (владимірской епархіи), всю разграбили, строителя били мучительски, допытываясь денегъ. Тогда же получены были извѣстія о разбояхъ въ слободско-украинской, воронежской губерніи, въ уфимской и галицкой провинціяхъ. Потомъ появились въ Балахнѣ, въ тамбовскомъ уѣздѣ. Сила и дерзость ихъ дошла до того, что они напали на Кайгородъ, разорили и пожгли обывательскіе дома, пограбили деньги солянаго сбора [63].

Но недостаточность войска для охраненія порядка всего яснѣе оказалась въ Москвѣ во время бѣдствія, причиненнаго также турецкою войною. Мы видѣли, что русское войско, по вступленіи въ Молдавію, встрѣтило тамъ врага гораздо опаснѣе Турокъ, чуму. Въ концѣ лѣта 1770 года она перешла русскія границы, быстро распространилась по Малороссіи, начала появляться и на границахъ Великой Россіи, въ Сѣвскѣ и Брянскѣ. Московскую губернію съ юга окружили заставами, приняли обычныя карантинныя мѣры, велѣно было и самую Москву обнести палисадникомъ или рогатками; но послѣдняя мѣра осталась безъ исполненія. Въ концѣ года (17 декабря) чума появилась въ отдаленной части Москвы: въ Лефортовѣ, въ маломъ госпиталѣ, находившемся на Введенскихъ горахъ. Главный докторъ госпиталя Шафонскій далъ знать медицинской конторѣ объ опасной болѣзни, далъ знать и оберъ-полицеймейстеру Бахметеву, а тотъ донесъ главнокомандующему въ столицѣ, графу Петру Семен. Солтыкову, что, по словамъ доктора, съ 17 декабря въ госпиталѣ умерло 14 человѣкъ опасною болѣзнію и двое больныхъ остаются. 22-го декабря Солтыковъ писалъ императрицѣ: „Имѣющій дирекцію надъ госпиталью, генералъ-майоръ Фаминцынъ пріѣхалъ только сегодня поутру и подалъ рапортъ ничего значущій и что у нихъ ничего опаснаго нѣтъ. В. и. в—ство изволитъ усмотрѣть изъ репортовъ оберъ-полицеймейстера, да и отъ медицинской конторы, что зараза уже началась въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Фаминцынъ все зналъ, и для чего таилъ? Г. оберъ-полицеймейстеръ человѣкъ весьма проворный и рачительный: я бы желалъ, чтобъ всѣ здѣшніе правители такъ были исправны и мнѣ въ такихъ нужныхъ обстоятельствахъ помогали.“

Въ тотъ же самый день, 22-го декабря, собрали совѣтъ изъ медиковъ—Эразмуса, Шкіадана, Кульмана, Мертенса, фонъ-Аша, Венеміанова, Зыбелина и Ягельскаго; единогласно было рѣшено, что болѣзнь должно считать моровою язвою. То же самое докторъ Мертенсъ подтвердилъ Солтыкову и совѣтовалъ ему оцѣпить госпиталь, что и было исполнено. 25-го декабря, донося объ этомъ распоряженіи, Солтыковъ писалъ императрицѣ: „Не надѣясь на себя, призывалъ я доктора Мертенса и требовалъ его совѣту, который мнѣ и далъ на все то, что уже сдѣлано; кромѣ того онъ требуетъ, чтобъ въѣздъ въ Москву всѣмъ запретить, что никоимъ образомъ сдѣлать не можно: въ такомъ великомъ городѣ столько людей, кои питаются привозпымъ харчемъ, кромѣ помѣщиковъ, и тѣ получаютъ изъ своихъ деревень; товары къ портамъ везутъ чрезъ Москву, всѣ мяса, рыба и прочее все черезъ здѣшній городъ идетъ; низовые города, Украйна—со всѣхъ сторонъ ѣдутъ, воспретить невозможно. Изъ Украйны же проѣздъ, кажется, необходимъ: кромѣ курьеровъ, армія требуетъ многаго, необходимо посылать должно кого для подрядовъ и пріему вещей въ полки.“

Наступилъ 1771 годъ. Изъ Москвы стали приходить успокоительныя извѣстія; 4-го января Солтыковъ писалъ: „Нынѣ опая болѣзнь утихаетъ, холодное время не мало тому способствуетъ; уже нѣсколько дней на Введенскихъ горахъ болѣе о ней не слышно. Пріѣзжающихъ изъ опасныхъ мѣстъ велѣно вездѣ гвардіи офицерамъ накрѣпко осматривать; но изъ ѣдущихъ ни одинъ не имѣетъ ни малаго виду, хоть бы билетъ или паспортъ; здѣсь же около Москвы отъ полиціи заставы, а какъ нынѣ зима, всѣ рвы снѣгомъ занесло, то вездѣ переѣзды, а коннаго разъѣзда учредить не изъ чего, ибо и послѣдній полкъ почти весь въ расходѣ.“ 15-го января главнокомандующій доносилъ: „Въ госпиталѣ на Введенскихъ горахъ, гдѣ было оказалась язва, и тамъ все кончилось. О болѣзни же прямо донесть не могу—тамъ была или нѣтъ, пока же кромѣ двухъ подлѣкарей, кои и нынѣ тамъ заперты, никто тамъ не бывалъ. Главнаго госпиталя докторъ (Шафонскій) просилъ медицинскую контору, чтобъ освидѣтельствовать, но ни одинъ докторъ не поѣхалъ, и разсуждали заочно. Нынѣ я призывалъ здѣшняго физикуса (Риндера) и посылалъ туда; онъ ѣздилъ, но только съ госпитальнымъ докторомъ черезъ огонь говорилъ, и тотъ его упрекалъ, что по многимъ посылкамъ ни одинъ не былъ.“

Холода прекратили болѣзнь; но вотъ уже февраль, начинаетъ таять, съ тепломъ язва можетъ вернуться, и Солтыковъ предлагаетъ противъ этого мѣры. 7-го февраля онъ пишетъ императрицѣ: „Весна приближается: не изволите ли приказать всѣхъ больныхъ (т.-е. изъ госпиталя) изъ Москвы вывесть по разнымъ монастырямъ, верстъ отъ 15 до 50, по малому числу въ каждый, отрядивъ лѣкарей, что монастырямъ никакой тягости не учинитъ, ибо малое число больныхъ будетъ на чистомъ воздухѣ; а Москва и безъ госпиталей довольно нечистотъ имѣетъ, оный же госпиталь вѐсьма въ неудобномъ мѣстѣ, вверху Яузы, откуда нечистота идетъ въ городъ. Не худо бы и праздношатающихся изъ города къ веснѣ убавить: городъ людный, строеніе мелкое и тѣсное.“ Императрица не согласилась на перемѣщеніе больныхъ въ окрестные монастыри, и Солтыковъ отъ 28-го февраля далъ знать, что главный госпиталь отъ караула освобожденъ и больныхъ туда принимать велѣно; въ маломъ же госпиталѣ на Введенскихъ горахъ два покоя, гдѣ была заразительная болѣзнь, а съ прочими, находящимися въ той же связи ветхими и почти ничего не стоящими покоями, со всѣмъ, что въ нихъ было, сожжены, по совѣту генералъ-кригсъ-коммиссара Глѣбова и оберъ-полицеймейстера Бахметева.

Въ то время какъ огонь истреблялъ ветхое строеніе малаго госпиталя на Введенскихъ горахъ, язва похищала свои жертвы въ самой срединѣ Москвы. 13-го марта Солтыковъ донесъ: „Сего марта 10-го получилъ я отъ доктора Ягельскаго рапортъ о оказавшейся въ большомъ суконномъ дворѣ, что близь Каменнаго моста, на берегу Москвы рѣки, прилипчивой болѣзни, коею померло съ генваря мѣсяца по нынѣшнее число 123 человѣка, да больныхъ осталось 21.“ Солтыковъ послалъ туда пять лѣкарей, которые, по осмотру, заключили, что болѣзнь есть гніючая, прилипчивая, заразительная и очень близко подходитъ къ язвѣ. Въ Москвѣ, какъ мы знаемъ, съ 1763 года было два департамента Сената, пятый и шестой, которымъ принадлежало принятіе мѣръ въ важнѣйшихъ случаяхъ. Главнокомандующій созвалъ всѣхъ сенаторовъ, и рѣшили: 1) хотя больныхъ по монастырямъ развести указомъ ея и. в—ства и не позволено, однако, по крайней нуждѣ, надобно всѣхъ больныхъ вывесть изъ суконнаго двора въ Угрѣшскій монастырь (на что согласился и московскій архіепископъ Амвросій); 2) здоровыхъ всѣхъ вывесть въ наемный домъ за Мѣщанскою улицею

въ полѣ, опредѣля къ нимъ лѣкаря и оцѣпивъ ихъ; 3) покинутый суконный дворъ оцѣпить. Но прежде чѣмъ были приняты эти мѣры, около 2,000 фабричныхъ съ суконнаго двора разбѣжались и стали жить по всему городу, вслѣдствіе чего уже поднято было на улицахъ нѣсколько труповъ. Докторъ Ореусъ и штабъ-лѣкарь Граве, наблюдавшіе чуму на югѣ въ арміи, донесли Солтыкову, что на московскихъ больныхъ тѣ же самые знаки, какіе они видѣли на чумныхъ въ Хотинѣ. Солтыковъ объявилъ объ этомъ сенаторамъ московскихъ департаментовъ, и было рѣшено: какъ содержащихся въ карантинныхъ домахъ, такъ и ушедшихъ съ большаго суконнаго двора фабричныхъ съ ихъ хозяевами, у которыхъ они имѣли пристанище, перевесть въ три монастыря, отдаля больныхъ отъ здоровыхъ, и дѣйствительно зараженныхъ язвою помѣстить въ Угрѣшскомъ монастырѣ; служителей, назначенныхъ къ отводу опасно больныхъ, также медиковъ одѣть въ приличное платье, которое бы предохранило ихъ отъ опасности. Чтобъ фабричные на св. недѣлѣ не шатались по городу и не сообщались съ бѣжавшими съ суконнаго двора, всѣмъ фабрикантамъ объявлено, чтобъ они всю недѣлю не пускали своихъ рабочихъ съ фабрикъ. Пока укрывшіеся съ большаго суконнаго двора фабричные не будутъ собраны и не возстановится безопасность, во всемъ городѣ закрыть торговыя бани; внутри города запрещено погребать вообще умершихъ.

Получивъ эти извѣстія, императрица приказала предложить Совѣту слѣдующія мѣры, чтобъ, сколько возможно, остановить распространеніе заразы: 1) установить карантинъ для всѣхъ выѣзжающихъ изъ Москвы, верстахъ въ тридцати отъ этой столицы, какъ по большимъ, такъ и проселочнымъ дорогамъ; 2) Москву, если возможность есть, запереть и не впускать никого безъ дозволенія гр. Солтыкова; 3) обозы со съѣстными припасами останавливать въ семи верстахъ отъ Москвы въ назначенныхъ мѣстахъ: сюда московскимъ жителямъ приходить и закупать то, что имъ нужно, въ назначенные дни и часы; 4) на этихъ мѣстахъ московская полиція должна между покупщиками и продавцами разложить большіе огни и сдѣлать надолбы; должна наблюдать, чтобъ городскіе жители до пріѣзжихъ не дотрогивались и не смѣшивались вмѣстѣ, деньги обмакивать въ уксусъ; 5) Московскій архіерей долженъ, по отправленному изъ Синода формуляру, приказать читать по церквамъ молитвы о прилипчивой болѣзни во всей своей епархіи, дабы па-

родъ еще больше остерегался отъ опасности; то же велѣть дѣлать во владимірской, переяславской, тверской и крутицкой епархіяхъ. Для города Петербурга установить на тихвинской, старорусской, новгородской и смоленской дорогахъ во ста верстахъ карантинъ, хотя семидневный, и если не окажется болѣзни, то пропускать, окуривая людей и вещи, обмакивая въ уксусъ письма и прочее какъ положено будетъ. Тотчасъ послѣ просухи вывести всѣ воинскія команды въ лагерь не въ ближнемъ и не въ дальнемъ разстояніи отъ города, всякій полкъ или команду особо, и для того заранѣе выбрать мѣста и дать повелѣнія. Хорошо было бы, еслибы и морское начальство то же сдѣлало. Подъ воинскими командами разумѣются здѣсь и полки гвардіи. Совѣтъ, разсуждая объ этихъ мѣрахъ, рѣшилъ представить императрицѣ, не угодно ли будетъ въ Петербургѣ назначить особу, которая была бы въ состояніи, независимо отъ предписаній, своею расторопностію принимать всѣ нужныя мѣры. Въ вѣдѣніи этой особы будутъ заставы, которыхъ всего лучше устроить три—въ Чудовѣ, Бронницахъ, Твери и Ладогѣ; что же касается Москвы, то пункты ея в—ства послать фельдмаршалу Солтыкову съ тѣмъ, что „сіе предписаніе предподается яко способы ко употребленію по усмотрѣнію на мѣстѣ, поелику распространеніе болѣзни требовать будетъ по онымъ исполненія.“

Въ то же засѣданіе Совѣта 28-го марта приглашены были докторъ Ореусъ и московскій губернаторъ Юшковъ. Первый объявилъ, что по долгу и званію своему признаетъ болѣзнь заразительною и что самъ больныхъ осматривалъ. Юшковъ донесъ, что московскіе медики на этотъ счетъ между собою несогласны.

Императрица согласилась со мнѣніемъ Совѣта, и карантинное устройство было поручено генералъ-поручику гр. Брюсу. Совѣтъ еще прежде, 21-го марта, разсуждалъ, что, по старости гр. Солтыкова, охраненіе Москвы отъ заразы надобно поручить кому-нибудь другому, но остановился за тѣмъ, что это будетъ предосудительно главному командиру. Но императрица не остановилась, и распоряженіе всѣми мѣрами противъ чумы въ Москвѣ было поручено генералъ-поручику сенатору Петру Дмитр. Еропкину.

Солтыковъ признавалъ необходимость внутреннихъ мѣръ очищенія Москвы какъ отъ зачумленныхъ, такъ и отъ условій, благопріятствующихъ распространенію заразы; но по прежнему стоялъ

противъ оцѣпленія столицы, какъ невозможнаго по ничтожному количеству войска, крайне стѣснительному и могущему потому повести къ волненіямъ. Онъ писалъ императрицѣ 4-го апрѣля: „Въ установленіи карантина для всѣхъ выѣзжающихъ, кажется, надобности нѣтъ, а болѣе въ томъ неудобство; также въѣздъ въ Москву запретить весьма опасно: почти весь городъ питается покупнымъ хлѣбомъ: ежели привозу не будетъ, то будетъ голодъ, всѣ работы станутъ, за семь же верстъ никто не пойдетъ покупать, а будетъ грабить; и безъ того воровства довольно. Москву запереть способу нѣтъ, городу нѣтъ, Бѣлый разломанъ, войска нѣтъ, кѣмъ окружить. Лучше, чтобъ разъѣзжались по деревнямъ на чистый воздухъ, въ городѣ тѣсноты менѣе будетъ.“

Солтыкову не понравилось назначеніе Еропкина, что видно изъ письма его отъ 21-го апрѣля: „Какъ по повелѣнію в. в—ства все оное поручено генералъ-поручику сенатору Еропкину, предосторожности же всѣ сначала взяты, кажется, больше нечего дѣлать, только ему остается наблюдать учрежденное, того ради все отъ меня ему попеченіе поручено, только чтобы меня увѣдомлялъ въ извѣстіе.“

Между тѣмъ ходъ болѣзни въ Москвѣ былъ такой: отъ 7-го апрѣля Солтыковъ доносилъ, что кромѣ Угрѣшскаго и Симонова монастырей умершихъ и больныхъ нѣтъ. 18-го апрѣля писалъ, что выведено изъ Москвы фабричныхъ въ Симоновъ, Даниловъ и Покровскій монастыри 943 человѣка обоего пола. 25-го мая въ Петербургѣ, въ первомъ департаментѣ Сената, читалось вѣдѣніе московскихъ департаментовъ, что такъ какъ теперь бо́льшая часть работниковъ, бѣжавшихъ съ суконнаго двора въ карантины уже собрана и несысканныхъ осталось очень не много, то въ удовольствіе обществу разрѣшено топить бани. 30-го мая Солтыковъ прислалъ утѣшительное извѣстіе, что въ карантинныхъ монастыряхъ умершихъ и вновь заболѣвшихъ никого нѣтъ, только въ Угрѣшскомъ 9 человѣкъ больныхъ. Поэтому послѣдовалъ указъ императрицы распустить фабричныхъ, содержавшихся по карантинамъ въ Покровскомъ и Даниловомъ монастыряхъ и позволить имъ жить всюду по частнымъ квартирамъ, что и было исполнено. Но съ двадцатыхъ чиселъ іюня въ Симоновѣ монастырѣ опять появилась язва, умерло 10 фабричныхъ, заболѣло 6. Съ этихъ поръ болѣзнь начала усиливаться. Еропкинъ дѣйствовалъ неутомимо, сдѣлалъ все что могъ, учредивъ крѣпкій, повидимому, надзоръ за тѣмъ, чтобъ

каждый заболѣвшій немедленно препровождался въ больницу или такъ называемый карантинъ, вещи, принадлежавшія чумнымъ, истреблялись немедленно; но ни Еропкинъ, ни кто другой не могъ перевоспитать народъ, вдругъ вселить въ него привычку къ общему дѣлу, способность помогать правительственнымъ распоряженіямъ, безъ чего послѣднія не могутъ имѣть успѣха; съ другой стороны, ни Еропкинъ, никто другой не могъ вдругъ создать людей для исполненія правительственныхъ распоряженій и надзора за этимъ исполненіемъ, людей способныхъ и чистыхъ, которые бы не позволяли себѣ злоупотребленій. Жители Москвы не столько боялись чумы, сколько больницъ или такъ-называемыхъ карантиновъ, и потому скрывали больныхъ, не объявляли о нихъ начальникамъ, которыхъ Еропкинъ поставилъ въ каждой части города. Другіе, оставляя больныхъ однихъ въ домахъ безо всякой помощи и попеченія, сами разбѣгались и разносили повсюду болѣзнь и ужасъ. Иные скрытно выносили изъ домовъ мертвыхъ и кидали на улицѣ для того, чтобъ не лишиться зараженныхъ пожитковъ и не подвергнуться осмотру назначенныхъ для того людей. Какого же рода злоупотребленія позволяли себѣ послѣдніе, это обозначено въ манифестѣ императрицы: „Наша воля есть, чтобъ при осмотрѣ домовъ и при вывозѣ въ карантинъ и тако на мѣстѣ со всѣми поступлено было со стороны начальниковъ и приставленниковъ со всѣмъ возможнымъ человѣколюбіемъ и попеченіемъ и чтобъ всякій по своему состоянію всѣ къ жизни нужныя выгоды имѣлъ. Всякое же угнетеніе, утѣсненіе, грубость и нахальство всѣмъ и каждому запрещаемъ употребить, наипаче же паки и паки наистрожайше запрещаемъ всѣмъ начальникамъ и подчиненнымъ брать взятки, вынуждать у кого бы то ни было деньги и лихоимствовать подъ какимъ бы то предлогомъ ни было какъ при осмотрахъ, такъ и при выводѣ въ карантинъ.... Слухъ же есть, что таковыхъ безпорядковъ много нынѣ на Москвѣ.“

Отъ 2-го августа Солтыковъ писалъ, что въ домѣ у самого Еропкина оказалась чума, и потому этотъ генералъ отказывается отъ исполненія своихъ обязанностей; Еропкинъ писалъ Брюсу, что съ такимъ малымъ числомъ людей, какое у него, нѣтъ возможности дѣйствовать съ успѣхомъ. Совѣтъ рѣшилъ послать Еропкину рескриптъ съ убѣжденіемъ остаться при должности, не смотря на то, что чума оказалась у него въ домѣ; рѣшилъ также назна-

чить въ помощь Еропкину сенатора Собакина и кромѣ того отправилъ къ нему изъ Петербурга 12 человѣкъ гвардейскихъ офицеровъ для исполненія его порученій. Московскій медицинскій совѣтъ представилъ о необходимости въ кабакахъ продавать вино изъ оконъ, не впуская покупателей въ двери, перевести экономическую слободу, построенную подлѣ Землянаго вала, выбрать изъ хорошихъ господскихъ людей въ десятскіе для ежедневнаго осмотра домовъ; для погребенія умершихъ отъ чумы и къ отвозу зараженныхъ въ больницы употребить каторжныхъ. Въ Петербургѣ Совѣтъ одобрилъ всѣ эти мѣры кромѣ послѣдней, соглашаясь на употребленіе каторжныхъ только развѣ для копанія могилъ. Тогда же запрещено было вывозить изъ Москвы какіе бы то ни были товары, зараженные домы велѣно окуривать преимущественно сѣрою; ѣдущіе въ Петербургъ курьеры должны были объѣзжать Москву.

Мы видѣли, что весною оцѣпленіе Москвы было предложено Салтыкову на его благоусмотрѣніе, во сколько этого будетъ требовать распространеніе болѣзни, и тогда Солтыковъ призналъ оцѣпленіе безполезнымъ и невозможнымъ. Но теперь, при усиленіи болѣзни, въ виду опасности, которая грозила другимъ областямъ и Петербургу, императрица сочла необходимымъ предписать московскому начальству это оцѣпленіе. 25-го августа, присутствуя въ Совѣтѣ, она объявила, что „хотя не надѣется, чтобъ была въ Москвѣ дѣйствительная язва, но за потребно почла однакожъ принять всѣ къ истребленію продолжающейся тамъ болѣзни мѣры, дабы не быть отвѣтственною въ упущеніи оныхъ.“ Солтыковъ и тутъ не соглашался на оцѣпленіе. 30-го августа онъ писалъ: „Карантины нынѣ учреждать нужды не видится, да уже и поздно: изъ Москвы почти всѣ выѣхали, да и подлость вся бѣжитъ, маркитантовъ и хлѣбниковъ мало осталось, и всѣ боятся карантиновъ, магазейновъ запасныхъ нѣтъ, никто въ городъ не ѣдетъ, не безъ опасности голоду, зима приходитъ, дровъ не везутъ, народъ уже и такъ унылъ и обробѣлъ, карантины здѣшнему народу всего тяжеле, уже нѣсколько и грозились на заставы.“ Московскіе сенаторы раздѣляли взглядъ фельдмаршала и представили императрицѣ о невозможности оцѣпленія Москвы, ибо тому препятствуютъ положеніе города, состояніе домовъ, жителей, ихъ нравы и обычаи. 5-го сентября Екатерина сама принесла въ Совѣтъ только что полученныя изъ Москвы реляцію Солтыкова и докладъ московскихъ департаментовъ

Сената о невозможности оцѣпленія, также письмо Еропкина къ Брюсу, гдѣ говорилось, что въ Москвѣ въ двое сутокъ умерло опасною болѣзнію 207, а другими болѣзнями 615 человѣкъ. Совѣтъ опредѣлилъ предписать московскому Сенату и тамошнему начальству: 1) что карантинные домы необходимы, и потому не только надобно оставить всѣ прежніе, но учреждать и новые, причемъ обнародовать, чтобъ всѣ жители объявляли тотчасъ частнымъ надзирателямъ о больныхъ для медицинскаго освидѣтельствованія и отдаленія заболѣвшихъ, если болѣзнь окажется опасною или сомнительною; что всѣмъ тѣмъ, которые будутъ это исполнять, отдается на волю идти въ карантинъ или оставаться дома, не сообщаясь однако ни съ кѣмъ въ продолженіе 16 дней, но утаивающіе о болѣзни непремѣнно будутъ отвозимы въ карантины; для одной комнаты, гдѣ кто умретъ опасною болѣзнію, цѣлые дома не запирать, особенно когда строеніе раздѣлено на части; 2) Карантинныя около Москвы заставы также нужны для охраненія всей имперіи, и должны быть учреждены по всѣмъ дорогамъ изъ Москвы въ первыхъ отъ камеръ - коллежскаго вала селеніяхъ; 3) Отнюдь не надобно впускать въ Москву приходящіе изъ другихъ мѣстъ съ запасами обозы, а опредѣлять имъ мѣста внѣ камеръ-коллежскаго вала, гдѣ они отъ городскихъ жителей должны быть отдѣлены еще надолбами и торгъ долженъ производиться въ присутствіи полиціи; 4) Харчевники, хлѣбники и квасники, однимъ словомъ, всѣ торгующіе съѣстнымъ, не могутъ считаться праздными и излишними въ городѣ людьми, а потому и нельзя ихъ оттуда выпускать свободно, особливо въ такомъ бѣдственномъ состояніи, нужно, по крайней мѣрѣ, собравши тамъ остающихся, распредѣлить ихъ на части и установить между ними старостъ, которые бы за ними смотрѣли и за нихъ отвѣчали; 5) Хотя и нельзя ожидать, чтобъ теперь въ Москвѣ могъ случиться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, потому что обыкновенно тамъ все запасается отъ зимы до зимы, а теперь тѣмъ болѣе быть можетъ достаточно, что значительная часть жителей разъѣхались по другимъ мѣстамъ; однако на случай крайности можно сдѣлать нарядъ поставки туда припасовъ съ ближнихъ городовъ и селеній и назначить мѣста этимъ подвозамъ, гдѣ бы высылаемые изъ города, платя имъ деньги по обыкновенной цѣнѣ, принимали отъ нихъ припасы.

Императрица сама сочинила отвѣтъ московскому Сенату въ опровержепіе его мнѣнія о невозможности оцѣпленія Москвы. „За первый долгъ, говорилось здѣсь, почитаемъ мы предъ Богомъ и отъ него намъ ввѣреннымъ народомъ имѣть попеченіе о благополучіи и здравіи нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. И для того и при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ не съ унылымъ духомъ, но съ душою, наполненною памятствованіемъ о должности своей и любви къ государству, съ духомъ, который въ печали своей о теперешнихъ московскихъ обстоятельствахъ не можетъ находить спокойствія и утѣшенія въ пустыхъ сожалѣніяхъ и воздыханіяхъ, но находитъ отраду, единственно ища съ бодростію и предписуя съ твердостію всѣ тѣ мѣры и осторожности, кои человѣческій смыслъ можетъ только привести въ память, для пресѣченія въ столицѣ нагубы рода человѣческаго и для предостереженія, чтобъ далѣе въ имперіи не распространилась. Изъ сихъ источниковъ вышли тѣ предписанія, кои нашъ Сенатъ находитъ неудобными. Мы вѣдаемъ изъ опытовъ, что безспорно великая препона быть можетъ скорому учрежденію нашихъ предписаній обширность города; но мы при томъ же вѣдаемъ, что наипаче вредно оставлять полезное учрежденіе для того, что трудно его учредить. Состояніе домовъ, нравы, застарѣлые обычаи пріумножаютъ трудности по причинѣ той, что надлежитъ входить въ подробности, дабы сравнивать съ одной стороны выгодности и покой жителей съ ненарушимостію того, что̀ установить желается. Но какъ для порока или слабости, какого бы то званія ни были, не должно отстать, ёще менѣе уничтожить доброе и полезное учрежденіе, то и въ нынѣшнемъ случаѣ надлежитъ преодолѣть препятствія, а не ими стращаться, и наипаче стараться, чтобъ исполнители честные точно, безкорыстно и усердно исполняли всякій то, что̀ ему поручено, за чѣмъ начальники смотрѣть имѣютъ наикрѣпчайше; да и не токмо они, но и всякій въ правительствѣ участвующій: ибо всѣ присягою и честію обязаны всякій вредъ пресѣчь и всякому добру подать руку помощи для истребленія зла, вредящаго обществу, слѣдовательно самому ему. Не нынѣ намъ ослабѣвать и опускать обремененныя руки для собственнаго покоя, но да приложатъ всякій смыслъ помогать учрежденію, сдѣланному для общей безопасности отъ мора.“

Между тѣмъ въ Москвѣ 1-го сентября Еропкинъ предложилъ сенаторамъ: не угодно ли будетъ, для скорѣйшаго истребленія за-

разительной болѣзни, московскому купечеству приказать, чтобъ оно для занемогающихъ купцовъ учредило по возможности на свой коштъ карантинные домы и лазареты. Приказали—призвать въ Сенатъ изъ московскаго магистрата президента и съ нимъ лучшихъ первостатейныхъ купцовъ человѣкъ съ 10 и, объявя имъ упомянутое предложеніе, увѣщевать, чтобъ они согласились принять на свой коштъ учрежденіе карантиновъ и лазарета; кромѣ того склонять черезъ полицію и другихъ слободскихъ обывателей, не пожелаютъ ли и они учредить карантины и лазаретъ на свой счетъ. Потомъ Еропкинъ предложилъ, что, по множеству умирающихъ отъ заразительной болѣзни, осужденныхъ на поселеніе преступниковъ, назначенныхъ для вывоза и погребенія тѣлъ, слишкомъ мало, и потому, такъ какъ теперь работа на фабрикахъ прекратилась, не угодно ли будетъ Сенату опредѣлить для этого фабричныхъ въ каждую часть по 20 человѣкъ съ платою по 6 коп. на день. Сенатъ согласился. Этотъ Сенатъ состоялъ, кромѣ самого Еропкина, еще изъ трехъ членовъ: Собакина, графа Ив. Воронцова и Рожнова; но тогда же 1-го сентября Собакинъ, назначенный, какъ мы видѣли, помощникомъ Еропкина, объявилъ, что у него въ домѣ оказалась на людяхъ опасная болѣзнь, почему онъ больше не будетъ исполнять порученной ему коммиссіи и присутствовать въ Сенатѣ. На другой день, 2-го сентября, въ Сенатѣ присутствовали трое: кн. Козловскій, Рожновъ и Еропкинъ, и послѣдній сообщилъ печальное извѣстіе: во время осмотра докторомъ Шафонскимъ и гвардіи капитаномъ Волоцкимъ въ лефортовской слободѣ опасно больныхъ и умершихъ, госпитальный коммиссаръ, поручикъ Кафтыревъ, вотчинной коллегіи канцеляристъ Прытковъ, конторы строенія домовъ и садовъ капралъ Раковъ, отставные конюхи Петровъ и Пятницкій, собравшись большою толпою, наглымъ и дерзкимъ образомъ не допустили Шафонскаго и Волоцкаго до осмотру, крича, будто Шафонскій и другіе лѣкари даютъ въ госпиталѣ больнымъ и здоровымъ порошки съ мышьякомъ, и отъ нихъ заражаются жители тамошнихъ слободъ. Сенатъ приказалъ Кафтырева содержать двѣ недѣли на хлѣбѣ и на водѣ, другихъ наказать плетьми. Оберъ-полицеймейстеръ Бахметевъ донесъ, что при запечатаніи на Красной площади ларей со старымъ платьемъ, которымъ производится торговля, одинъ изъ продавцовъ, синодальной конторы солдатъ, бросилъ изъ-за людей камнемъ и проломилъ го-

лову солдату, и хотя продавцы ветошья и были схватываемы, но по малочисленности командъ всегда ихъ отбивали разныхъ чиновъ люди. Сенатъ приказалъ высѣчь плетьми солдата синодальной конторы.

Купцы согласились на предложеніе Еропкина; за ними выступили раскольники. Они подали Еропкину записку за руками, въ которой просили позволить имъ купить или построить противъ Преображенскаго въ Земляномъ валу карантинъ и содержать его на свой счетъ, только съ тѣмъ, чтобъ всѣ они освобождены были отъ докторскихъ осмотровъ и офицерскихъ распоряженій. Двое изъ просителей—Пименъ Алексѣевъ и Иванъ Прохоровъ были введены въ Сенатъ, гдѣ имъ объявлено, что больницу въ означенномъ мѣстѣ имъ построить можно, но уволить отъ докторскихъ осмотровъ и офицерскихъ распоряженій нельзя. Просители согласились. Въ этотъ день, 7-го сентября, въ Сенатѣ присутствовали четверо: Рожновъ, Похвисневъ, кн. Козловскій и Еропкинъ. 12-го сентября присутствовали только трое—Рожновъ, Еропкинъ и самъ фельдмаршалъ Солтыковъ; на другой день, 13-го числа, Солтыковъ пріѣхалъ въ Сенатъ и опять засталъ только двоихъ—Рожнова и Еропкина.

Старикъ не выдержалъ и 14-го числа отправилъ императрицѣ отчаянное донесеніе: „Болѣзнь уже такъ умножилась и день ото дня усиливается, что никакого способу не остается оную прекратить, кромѣ чтобы всякъ старался себя охранить. Мретъ въ Москвѣ въ сутки до 835 человѣкъ, выключая тѣхъ, коихъ тайно хоронятъ, и все отъ страху карантиновъ, да и по улицамъ находятъ мертвыхъ тѣлъ по 60 и болѣе. Изъ Москвы множество народу подлаго побѣжало, особливо хлѣбники, калачники, маркитанты, мясники и всѣ, кои съѣстными припасами торгуютъ, и прочіе мастеровые; съ нуждою можно что купить съѣстное, работъ нѣтъ, хлѣбныхъ магазиновъ нѣтъ; дворянство все выѣхало по деревнямъ. Генералъ-поручикъ Петръ Дмитр. Еропкинъ старается и трудится неусыпно оное зло прекратить, но всѣ его труды тщетны, у него въ домѣ человѣкъ его заразился, о чемъ онъ меня просилъ, чтобъ донесть в. и. в—ству и испросить милостиваго увольненія отъ сей коммиссіи. У меня въ канцеляріи также заразились, кромѣ что кругомъ меня во всѣхъ домахъ мрутъ, и я заперъ свои ворота, сижу одинъ, опасаясь и себѣ несчастія. Я всячески генералъ-поручику Еропкину помогалъ, да уже и помочь нечѣмъ, команда вся рас-

командирована, въ присутственныхъ мѣстахъ всѣ дѣла остановились и вездѣ приказные служители заражаются. Пріемлю смѣлость просить мнѣ дозволить на сіе злое время отлучиться, пока оное, по наступающему холодному времени, можетъ утихнуть. И коммиссія генералъ-поручика Еропкина нынѣ лишняя и больше вреда дѣлаетъ, и всѣ тѣ частные смотрители, посылая отъ себя и сами ѣздя, болѣе болѣзнь развозятъ. Нынѣ фабриканты дѣлаютъ свои карантины и берутъ своихъ людей на свое смотрѣніе. Купцы также соглашаются своихъ больныхъ содержать, раскольники выводятъ своихъ въ шалаши.“ Не дождидаясь отвѣта на свою просьбу, того же 14-го сентября Солтыковъ уѣхалъ въ подмосковную на два дня. Разумѣется этотъ поступокъ оправдать было нельзя; онъ объяснялся тяжкимъ положеніемъ начальника при чувствѣ своей безпомощности, одиночества: всѣ разъѣзжаются, могъ думать, старикъ бросаютъ свои должности, оставляютъ меня одного; но что я одинъ сдѣлаю, чѣмъ помогу? Распоряжается всѣмъ Еропкинъ, онъ останется, а я вздохну два дня на чистомъ воздухѣ.—Разумѣется, его двудневное отсутствіе не было бы замѣчено, если бы на другой же день отъѣзда фельдмаршала, 15-го сентября, не произошелъ въ Москвѣ бунтъ.

Бунтъ сопровождался страшнымъ, отвратительнымъ, небывалымъ явленіемъ—убійствомъ архіерея.

Въ 1767 году умеръ московскій митрополитъ Тимоѳей, принадлежавшій къ числу людей, которыхъ называютъ добрыми и этимъ словомъ отдѣлываются отъ болѣе точнаго опредѣленія характера. При добромъ митрополитѣ—сильная власть у консисторіи, ея злоупотребленія, понаровка явленіямъ непозволеннымъ, понаровка изъ-за взятокъ. Преемникомъ Тимоѳея былъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, [64], человѣкъ съ другимъ характеромъ. Энергическій Амвросій, знавшій хорошо московскіе безпорядки, потому что передъ этимъ былъ архіереемъ крутицкимъ, слѣдовательно жилъ въ Москвѣ, рѣшился искоренить эти безпорядки, дать силу регламентамъ, указамъ: предпріятіе трудное, потому что однимъ изъ главныхъ источниковъ безпорядковъ была крайняя бѣдность бѣлаго духовенства. Обязательная женитьба въ ранней молодости условливала многочисленное семейство, обезпечить содержаніе котораго, обезпечить приличное воспитаніе дѣтей—задача тяжелая и для государства побогаче Россіи: отсюда исканіе средствъ жизни съ ущербомъ достоинства, от-

сюда та алчность, которую издавна такъ легкомысленно порицали, надъ которою такъ жестоко смѣялись въ литературѣ, не давая себѣ труда объяснить явленіе. Амвросій ввелъ порядокъ въ консисторіи, ибо за нарушеніе порядка предстоялъ „штрафъ цѣпью, скованіемъ въ желѣзы и вычетъ жалованья безъ всякаго послабленія;“ кто не хотѣлъ подчиняться новымъ порядкамъ, того немедленно удаляли. Амвросій запретилъ вступать въ бракъ молодымъ людямъ духовнаго званія, не кончившимъ богословскаго курса, не выдержавшимъ экзамена у преосвященнаго; запретилъ духовенству мѣняться домами и переходить отъ церкви къ церкви, исходатайствовалъ у Синода возобновленіе указа Петра Великаго, чтобъ духовенство не тратилось на покупку своихъ домовъ, а имѣло дома церковные. Особенно остался памятенъ Амвросій своимъ гоненіемъ на такъ называемыхъ крестцовыхъ поповъ въ Москвѣ: онъ усмотрѣлъ, что „въ Москвѣ праздныхъ священниковъ и прочаго духовнаго причта людей премногое число шатается, которые, къ крайнему соблазну, стоя на Спасскомъ крестцѣ для найму къ служенію по церквамъ, великія дѣлаютъ безобразія, производятъ между собою торгъ и, при убавкѣ другъ передъ другомъ цѣны, вмѣсто надлежащаго священнику благоговѣнія, произносятъ съ великою враждою скверномловную брань, иногда же дѣлаютъ и драку. А послѣ служенія, не имѣя собственнаго дому и пристанища, остальное время или по казеннымъ питейнымъ домамъ и харчевнямъ провождаютъ, или же напившись до пьяна, по улицамъ безобразно скитаются.“ Старики передавали намъ, что у этихъ крестцовыхъ поповъ былъ такой обычай: стояли они съ калачами въ рукахъ, и когда нанимающій служить обѣдню давалъ мало, то они кричали ему: „не торгуйся, а то сейчасъ закушу!“ (т. е. калачъ, и тѣмъ лишусь способности служить обѣдню).

Легко понять, что такой архіерей, какъ Амвросій, не могъ пріобрѣсти расположенія въ низшихъ слояхъ московскихъ жителей, среди которыхъ, съ одной стороны, явленія имъ гонимыя не производили большаго соблазна, а съ другой, среди этихъ именно слоевъ накоплялись жалобы на строгаго архіерея и принимались съ сочувствіемъ по самой близости обиженныхъ къ этимъ слоямъ [65]. Амвросій долженъ былъ знать, что его не любятъ и кто собственно не любитъ, и нерасположеніе естественно вызывало нерасположеніе. При такихъ-то отношеніяхъ Амвросію доносятъ, что у Вар-

варскихъ воротъ на площади происходитъ безобразное явленіе, противъ котораго такъ гремитъ духовный регламентъ, такъ вопіетъ просвѣщенный вѣкъ. У Варварскихъ воротъ на стѣнѣ былъ давно образъ Боголюбской Богородицы; вдругъ съ начала сентября начались предъ нимъ безпрестанные молебны и всенощныя. Какой-то фабричный разсказывалъ, что видѣлъ во снѣ Богородицу, которая объявила ему: „такъ какъ 30 лѣтъ уже у Ея образа никто не только не отпѣлъ молебна, но и свѣчи не поставилъ, то за это Христосъ хотѣлъ наслать на Москву каменный дождь, но она упросила замѣнить каменный дождь трехмѣсячнымъ моромъ.“ Мы приведемъ любопытныя слова племянника архіерейскаго, Бантыша-Каменскаго, обличающія сильную вражду къ бѣлому духовенству: „Праздность, корыстолюбіе и проклятое суевѣріе прибѣгло къ вымыслу. Въ началѣ сентября попъ у Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ, выдумалъ чудо съ помощью фабричнаго (слѣдуетъ разсказъ о снѣ фабричнаго). Мерзкіе козлы (а попами ихъ грѣхъ назвать!), оставивъ свои приходы и церковныя требы, собирались тутъ налоями, дѣлая торжище, а не богомоліе.“ Замѣтимъ здѣсь одно, что доказательствъ выдумки чуда священникомъ, а не самимъ фабричнымъ, нѣтъ; обвиненіе остается голословнымъ.

Бантышъ-Каменскій вѣрно описываетъ первое впечатлѣніе, произведенное на архіепископа извѣстіемъ о событіяхъ у Варварскихъ воротъ: суевѣріе, ложное видѣніе, все это запрещено регламентомъ, указами,—надобно прекратить. „Онъ (Амвросій) почиталъ за долгъ, а регламентомъ и монаршими указами предписанный, пресѣчь сіе позорище. Первое его по сему дѣлу было намѣреніе удалить оттуда поповъ и икону перенести (ибо въ воротахъ ни проходу, ни проѣзду не было по причинѣ приставленной лѣстницы) во вновь построенную ея в—ствомъ тутъ же у Варварскихъ воротъ Кира и Іоанна церковь [66], и собранныя тамъ деньги употребить на богоугодныя дѣла, а всего ближе отдать въ Воспитательный домъ, въ коемъ онъ опекуномъ былъ. Требованные въ консисторію попы не только отреклись идти, но еще и угрожали присланнымъ побитіемъ ихъ каменьями.“ Здѣсь оканчивается первая часть разсказа Бантыша-Каменскаго о мѣрахъ Амвросія, который поступаетъ какъ архіерей, обязанный прекращать суевѣрныя явленія, и поступаетъ по своимъ средствамъ: священники требуются въ консисторію отдать отчетъ въ своемъ поведеніи; священники ослушались и тѣмъ

отняли у архіерея средство вести дѣло надлежащимъ порядкомъ. Жаль, что Бантышъ-Каменскій примѣшиваетъ чисто полицейское побужденіе: архіерей хотѣлъ икону перенести, ибо въ воротахъ ни проходу, ни проѣзду не было по причинѣ приставленной лѣстницы.

Когда ослушаніе священниковъ не дало возможности производить консисторскія изслѣдованія и распоряженія, Амвросій взглянулъ на дѣло съ санитарной точки зрѣнія. „Между тѣмъ, говоритъ Бантышъ-Каменскій, язва такъ усилилась въ градѣ, что по 900 слишкомъ въ день умирало; и какъ по предписанію докторскому запрещено было прикосновеніе и тѣсныя между народомъ всякія сборища, то и не могъ обойтись преосвященный, чтобъ о способахъ къ прекращенію у Варварскихъ воротъ народнаго сборища не посовѣтоваться съ г. Еропкинымъ, который одинъ только въ городѣ и былъ начальникъ. Страхъ, дабы не обратить на себя простолюдиновъ, произвелъ у нихъ таковое по сему дѣлу рѣшеніе: чтобъ оставить до времени перенесеніе иконы; а дабы собираемыя у Варварскихъ воротъ деньги чрезъ фабричныхъ не могли быть расхищены, то приложить къ ящикамъ консисторскую печать; для безопаснѣйшаго же исполненія сего дѣла обѣщалъ г. Еропкинъ прислать отъ себя нѣсколько солдатъ.“ По свидѣтельству Еропкина, Амвросій пріѣзжалъ къ нему 14-го сентября и говорилъ, что намѣренъ деньги у Боголюбской запечатать въ томъ разсужденіи, что явленіе образа вымышлено отъ священниковъ, которые за молебны начали пріобрѣтать великую прибыль. Здѣсь неясность. Явленіе ложное, говоритъ Амвросій, оно выдумано священниками изъ корыстныхъ побужденій. Надобно прекратить запрещенное закономъ явленіе; если же это опасно, то какъ изъ ложности явленія слѣдуетъ, что къ денежнымъ ящикамъ надобно приложить консисторскія печати? Бантышъ-Каменскій даетъ такое объясненіе: рѣшились ящики запечатать изъ страха, чтобъ деньги не были расхищены фабричными; но оказывается, что при ящикахъ находился военный караулъ. Какъ бы то ни было, это несчастное распоряженіе на счетъ денегъ было причиною бунта.

По донесенію фельдмаршала Солтыкова, основанному на рапортѣ оберъ-полицеймейстера Бахметева, 15-го сентября, въ четвергъ, въ 8 часовъ пополудни, раздался городовой набатный бой и при рогаточныхъ караулахъ на улицахъ бой трещотокъ. Оберъ-полицеймейстеръ послалъ узнать, что такое, и получилъ донесеніе, что у

Варварскихъ воротъ великое множество черни производитъ шумъ и драку. Бахметевъ, въ сопровожденіи троихъ драгуновъ и двоихъ гусаръ, поѣхалъ самъ и нашелъ, что отъ Ильинскихъ до Варварскихъ воротъ, по обѣ стороны стѣны, стоитъ множество народа, тысячъ до десяти, и бо́льшая часть вооружена дубьемъ. На вопросъ, зачѣмъ сбѣжался народъ, оберъ-полицеймейстеру отвѣчали, что народъ сбѣжался по набатному бою, а набатъ произошелъ оттого, что шестеро солдатъ съ архіерейскимъ подъячимъ пришли для вынутія изъ ящиковъ денегъ, подаваемыхъ богомольцами на Боголюбскую икону Богородицы. Около ящиковъ стоялъ караулъ отъ московскаго гарнизона; эти караульные объявили, что не позволятъ распоряжаться ящиками безъ позволенія своего командира (плацъ-майора); отъ этого сначала произошелъ шумъ, а потомъ драка [67]: злодѣи побиты, которые хотѣли образъ ободрать и казну, принадлежащую Богоматери, покрасть, а народъ собрался стоять за мать Пресвятую Богородицу до послѣдняго издыханія. Видя, что съ своимъ конвоемъ изъ пяти человѣкъ онъ не въ состояніи ничего сдѣлать, Бахметевъ поѣхалъ къ Еропкину, который жилъ въ своемъ домѣ на Стоженкѣ [68]. Въ Воскресенскихъ воротахъ онъ встрѣтилъ толпу, тысячъ до трехъ, бѣгущую съ дубьемъ по Тверской, Моховой и изъ Охотнаго ряда, подъ предводительствомъ мужика съ бородою, въ синемъ китайчатомъ балахонѣ, который постоянно кричалъ что есть мочи: „ребята, поспѣшайте постоять за Мать Пресвятую Богородицу и не допустите ограбить Божію Матерь!“ Бахметевъ успѣлъ остановить толпу, человѣкъ двадцать или больше изъ нея стали на сторону оберъ-полицеймейстера и сдѣлались совершенно ему послушными, такъ что съ ихъ помощію „синій балахонъ“ былъ схваченъ и посаженъ въ будку; на Моховой схватили также другаго горлана съ помощію господскихъ людей. Пріѣхавши къ Еропкину, Бахметевъ услыхалъ отъ него: „Дѣлайте все то, что̀ предусмотрите къ лучшему; а я вамъ ни команды, ни способовъ дать не могу.“ Бахметевъ поѣхалъ назадъ; заѣхалъ въ будку, гдѣ посадилъ „синій балахонъ“, но вмѣсто него нашелъ въ будкѣ только изувѣченныхъ людей, приставленныхъ караулить „балахонъ“. Еще прежде, отправляясь къ Еропкину, Бахметевъ послалъ полицейскаго майора къ народу съ требованіемъ, чтобъ отдали подъ полицейскій караулъ архіерейскаго подъячаго и команду, пришедшихъ къ образу за деньгами, потому что такіе злодѣи должны быть наказаны пуб-

лично, а что прибиты народомъ—этого мало. Теперь майоръ явился къ Бахметеву и донесъ, что народъ не только согласенъ, но и самъ проситъ объ этомъ; только караульные московскаго гарнизона, стоящіе у Варварскихъ воротъ, говорятъ, что сдѣлать этого не смѣютъ безъ своего командира, т.-е. плацъ-майора. Бахметевъ послалъ донесть объ этомъ Еропкину, тотъ приказалъ какъ можно скорѣе сыскать плацъ-майора или губернатора Юшкова; но въ то время, какъ происходили эти пересылки и разсылки, разнеслись слухи, что толпа черни въ Кремлѣ, грабятъ въ Чудовѣ монастырѣ архіерейскій домъ, ищутъ убить самого хозяина.

Какъ скоро начались перекоры между караульными московскаго гарнизона и архіерейскимъ подъячимъ относительно денегъ, въ толпѣ, вмѣшавшейся въ споры, уже послышались выходки противъ Амвросія. „Архіерей, кричали, ни одинъ разъ должнаго почтенія Божіей Матери съ служеніемъ по своему чину не сдѣлалъ; а какъ свѣдалъ, что можно взять 1,000 рублей, которые доброхотные датели, нѣкоторые почти изъ послѣдняго имѣнія своего, сложили, то уже взять деньги безо всякихъ замедлительствъ себѣ готовъ; онъ безбожникъ, надлежитъ предать его смерти передъ этимъ самымъ образомъ!“ Возбужденная этими криками толпа двинулась въ Кремль. Амвросію, какъ видно, дали знать объ этихъ выходкахъ и угрозахъ, и онъ уѣхалъ изъ Чудова въ Донской монастырь. Толпа, ища его въ Чудовѣ монастырѣ, что могла пограбила, остальное, переломала, перебила, исковеркала; большой винный погребъ, снимаемый въ Чудовѣ монастырѣ купцомъ Птицынымъ, былъ разграбленъ и началось пьянство. Но на другой день, 16-го числа, вспомнили, за чѣмъ пришли въ Кремль, въ Чудовъ; кто-то далъ знать, что архіерей въ Донскомъ монастырѣ, и толпа въ 300 человѣкъ двинулась туда. Амвросій, узнавъ о разграбленіи Чудова монастыря, велѣлъ находившемуся при немъ племяннику, Николаю Бантышъ-Каменскому, написать объ этомъ Еропкину и просить билета для свободнаго выѣзда изъ города. Вмѣсто билета Еропкинъ прислалъ офицера конной гвардіи, который объявилъ, чтобъ преосвященный передѣлся и поскорѣе выѣзжалъ изъ Донскаго монастыря, что онъ, присланный, будетъ дожидаться его въ концѣ сада кн. Трубецкаго и оттуда велитъ проводить на село Хорошево въ Воскресенскій монастырь. Пока сыскали платье, пока Амвросій переодѣвался, пока заложили кибитку—услыхали шумъ, крики и пальбу у монастыря.

Амвросій вышелъ, чтобъ садиться въ кибитку, но въ это время народъ сталъ уже ломать монастырскія ворота со всѣхъ сторонъ; всѣ, бывшіе съ Амвросіемъ, разбѣжались; тогда онъ пошелъ прямо въ большую церковь, гдѣ служили обѣдню, пріобщился и хотѣлъ было спрятаться на хорахъ сзади иконостаса; но толпа, ворвавшаяся въ церковь, открыла это убѣжище; несчастнаго вытащили изъ церкви, изъ монастыря, и передъ задними воротами умертвили самымъ варварскимъ образомъ: били въ восемь кольевъ цѣлые два часа, такъ что, по словамъ очевидца, „ни виду, ни подобія не осталось."

Между тѣмъ Еропкинъ весь этотъ день, пятницу 16-го числа, собиралъ у себя на Стоженкѣ кусочками команду. Главную военную силу, которою располагало московское начальство, составлялъ Великолуцкій полкъ; но во всемъ этомъ полку числилось только 350 человѣкъ, а изъ нихъ 300 человѣкъ расположены были въ 30 верстахъ отъ Москвы, для безопасности отъ чумы, и только 50 человѣкъ находилось въ Москвѣ. Къ нимъ Еропкинъ присоединилъ гвардейскія команды, присланныя изъ Петербурга, и такимъ образомъ составился отрядъ изъ 130 человѣкъ; но при этомъ маленькомъ отрядѣ было двѣ пушки, которыя обезпечивали успѣхъ противъ толпы, вооруженной дубьемъ и каменьями. Въ половинѣ шестаго часа пополудни Еропкинъ со своею командою двинулся въ Кремль, на улицѣ захватилъ священника съ крестомъ и заставилъ идти съ собою. При входѣ въ Кремль чрезъ Боровицкія ворота отрядъ былъ встрѣченъ дубьемъ и кирпичами: Еропкинъ послалъ увѣщевать мятежниковъ оберъ-коменданта царевича Грузинскаго; но увѣщатель былъ встрѣченъ также каменьями. Той же участи подвергся бригадиръ Мамоновъ, который по доброй волѣ явился въ Чудовъ монастырь со своими людьми и началъ уговаривать мятежниковъ: ему разбили голову и лицо. Видя, что увѣщаніе не помогаетъ, Еропкинъ велѣлъ стрѣлять въ толпу изъ пушекъ и ружей: не менѣе ста человѣкъ пало отъ этой стрѣльбы, 249 человѣкъ взяты подъ караулъ, остальные разбѣжались. Но Еропкинъ, раненый въ двухъ мѣстахъ шестомъ и камнемъ, истомленный, въ лихорадочномъ припадкѣ, принужденъ былъ слечь въ постель и не принималъ участія въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ.

На другой день, въ субботу, 17-го сентября, на разсвѣтѣ, толпы начали ломиться въ Кремль, въ Спасскія ворота, въ которыхъ

стоялъ губернаторъ Юшковъ. Мятежники требовали, чтобъ имъ отдали всѣхъ товарищей, захваченныхъ войскомъ наканунѣ; чтобъ бани были распечатаны, карантины уничтожены, лѣкарей къ ихъ должности не употребляли. Наканунѣ, 16-го числа, Еропкинъ увѣдомилъ Солтыкова о бунтѣ, и въ 9 часовъ утра 17-го числа фельдмаршалъ былъ уже въ Москвѣ; одновременно съ нимъ, по его распоряженію наканунѣ, вступалъ въ Москву и Великолуцкій полкъ, т. е. 300 человѣкъ солдатъ. Солтыковъ поручилъ начальство надъ полкомъ оберъ-полицеймейстеру Бахметеву и велѣлъ ему вести солдатъ на Красную площадь, чтобъ прекратить бунтъ. Бахметевъ, выстроивъ полкъ на площади, сказалъ окружающимъ толпамъ: „Совѣтую вамъ расходиться по домамъ; въ противномъ случаѣ всѣ побиты будете." Чрезъ полминуты площадь опустѣла, и этимъ бунтъ кончился.

Главная причина печальныхъ событій 15-го и 16-го сентября была очевидна: ничтожность военныхъ силъ, хотя съ другой стороны естественно представляется вопросъ: почему Еропкинъ съ вечера 15-го числа не началъ собирать войско, не употребилъ на это всю ночь и не явился въ Кремль на разсвѣтѣ 16-го числа; тогда событіе въ Донскомъ монастырѣ было бы предупреждено. Какъ бы то ни было, старикъ фельдмаршалъ имѣлъ полное право жаловаться на недостаточность своихъ средствъ и опасность положенія. „Кажется, все утихло, писалъ онъ 19-го сентября; однако на сіе надежду полагать не можно: народъ пьяный, роскольщики, подъячіе, холопы господскіе; сами всѣ разъѣхались по деревнямъ, людей оставили, кои, по ихъ праздной жизни, непрестанно въ кабакахъ. Я нашелъ Чудовъ монастырь въ жалкомъ состояніи: окна всѣ выбиты, пуховики распороты и улица полна пуху, образа расколоты. Бунтовщики грозятся на многихъ, а паче на лѣкарей, и хотя на многихъ злятся и грозятъ убить, въ томъ числѣ и меня, и перваго Петра Дмитр. Еропкина, но главный пунктъ карантины: сего имени народъ терпѣть не можетъ. Въ Сенатъ никто не ѣздитъ, только были мы двое. Графъ Воронцовъ пишетъ, что въ его деревнѣ люди заразились, для чего онъ и поѣхалъ въ другую, дальше; князь Козловскій уволенъ; Похвисневъ боленъ; Еропкинъ заболѣлъ и лежитъ въ постели. Господа президенты (коллегій), не спросясь никого, такъ, какъ ихъ члены и прокуроры, разъѣхались по деревнямъ; приказать некому, по кого ни пошлю,

отвѣчаютъ—въ деревнѣ. Мнѣ одному, не имѣя ни одного помощника, дѣлать нечего: военная команда мала, городъ великъ, подлости еще для зла довольно. Между пойманными злодѣями множество подъячихъ, почти изо всѣхъ коллегій, и ихъ солдаты, старики отставнаго баталіона гвардіи, кои содержатъ караулъ въ Кремлѣ, болѣе всѣхъ бунтовали и воровали, чему свидѣтель архитекторъ Баженовъ: онъ все видѣлъ изъ модельнаго дома и многія рѣчи слышалъ. Сейчасъ получена вѣдомость, что на Пахрѣ собирается много всякаго народа и хочетъ идти въ Москву со всякимъ оружіемъ, и разбѣжавшіеся отсель по деревнямъ пьяные грозятся все разорять. Я одинъ въ городѣ и Сенатѣ, помощниковъ нѣтъ, команды военной не достаетъ, окруженъ заразительною болѣзнію, подверженъ ей болѣе другихъ; всѣ ко мнѣ пріѣзжаютъ, принужденъ пустить, всякому нужда, помочь мнѣ некому. Одинъ оберъ-полицеймейстеръ вездѣ бѣгаетъ, всего смотритъ, спать время не имѣетъ. Я не въ состояніи в. в—ству подробно донесть, слышу и вижу все разное; народъ такой, съ коимъ, кромѣ всякой строгости, въ порядокъ привесть невозможно.“ 21-го сентября Солтыковъ писалъ: „Нельзя быть безъ начальника, ибо не токмо въ Москвѣ, но по уѣзду нѣсколько тѣхъ злодѣевъ, нарядясь въ солдатскій мундиръ, ходятъ по дворцовымъ и экономическимъ вотчинамъ, показывая указы, якобы изъ губернской канцеляріи посланы, и велятъ попамъ передъ народомъ читать, старостъ и выборныхъ принуждаютъ подписываться въ томъ, что какъ скоро услышатъ въ Москвѣ набатъ или пушечную стрѣльбу, то бы всѣ въ Москву бѣжали съ дубинами и рогатинами. Я оставилъ (въ Москвѣ) Великолуцкій полкъ; главный постъ на Красной площади, съ пушками, и въ нужныхъ мѣстахъ пикеты; ежелибъ команды было довольно, особенно конницы для разъѣздовъ, тобъ можно оное зло скорѣе искоренить. Наставникъ долженъ быть изъ раскольщиковъ, потому что они всегда противились карантину, да и то примѣчанія достойно, что церковь архіерейская вся разорена и утварь разбита и разметана.“ Такъ какъ главный недостатокъ былъ въ военной силѣ, то, по предложенію президента главнаго магистрата Протасова, составлена была стража изъ купцовъ.

Но въ тотъ же самый день, 21-го сентября, когда Солтыковъ писалъ: „Нельзя быть безъ начальника, вышелъ манифестъ императрицы объ отправленіи въ Москву гр. Григорія Орлова. Въ ма-

нифестѣ говорилось: „Видя прежалостное состояніе нашего города Москвы и что великое число народа мретъ отъ прилипчивой болѣзни, мы бъ сами поспѣшно туда прибыть за долгъ званія нашего почли, еслибъ сей нашъ походъ, по теперешнимъ военнымъ обстоятельствамъ, самымъ дѣломъ за собою не повлекъ знатнаго разстройства и помѣшательства въ важныхъ дѣлахъ имперіи нашей. И тако, не могши дѣлить опасности обывателей, сами подняться отселѣ, заблагоразсудили мы туда отправить особу отъ насъ повѣренную, съ властію такою, чтобъ по усмотрѣнію на мѣстѣ нужды и надобности могъ сдѣлать всѣ тѣ распоряженія къ спасенію жизни и къ достаточному прокормленію жителей. Къ сему избрали мы, по нашей къ нему отмѣнной довѣренности и по довольно извѣстной его ревности, усердію и вѣрности къ намъ и отечеству, нашего генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-адъютанта гр. Гр. Орлова, давъ ему полную мочь поступать во всемъ такъ, какъ общее благо того во всякомъ случаѣ требовать будетъ, и отмѣнять ему тамо то изъ сдѣланныхъ учрежденій, что̀ ему казаться будетъ или не вмѣстно, или не полезно, и снова установить можетъ всего того, что̀ онъ найдетъ поспѣшительно общему благу; въ чемъ во всемъ повелѣваемъ не токмо всѣмъ и каждому его слушать и вспомогать, но и точно всѣмъ начальникамъ быть подъ его повелѣніемъ, и ему по сему дѣлу имѣть входъ въ Сенатъ московскихъ департаментовъ. Запрещаемъ всѣмъ и каждому сдѣлать препятствіе и помѣшательство какъ ему, такъ и тому, что отъ него повелѣно будетъ, ибо онъ, зная нашу волю, которая въ томъ состоитъ, чтобъ прекратить, колико смертныхъ силы достанетъ, погибель рода человѣческаго, имѣетъ въ томъ поступать съ полною властію и безъ препоны.“

Орловъ по природѣ своей не могъ удовлетвориться тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ при дворѣ, не могъ удовлетворяться ни административною дѣятельностію, какъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, ни дѣятельностію какъ членъ Совѣта; его тянуло на мѣсто войны, гдѣ одерживались блистательныя побѣды, гдѣ родной братъ его жегъ турецкій флотъ. Удалиться на долго, на все время войны не было возможности, но онъ не переставалъ мечтать о роли начальника отдѣльнаго предпріятія, которое быстро могло бы положить конецъ войнѣ; теперь же, когда Москва и вся Россія потребовала энергическаго дѣйствія для спасенія ихъ отъ страшнаго би-

ча, Орловъ не хотѣлъ упустить случая оказать великую услугу, пріобрѣсти громкую извѣстность. Наканунѣ отъѣзда въ Москву Орловъ говорилъ англійскому посланнику лорду Каткарту, что, по его убѣжденію, главнѣйшее несчастіе Москвы состоитъ въ паническомъ страхѣ, охватившемъ какъ высшіе, такъ и низшіе слои жителей, откуда проистекъ безпорядокъ и недостатокъ распорядительности. Когда Каткартъ сталъ просить его отложить поѣздку, говоря, что въ Москвѣ найдетъ не одинъ недостатокъ распорядительности, но и чуму, то Орловъ отвѣчалъ: „Все равно, чума или нечума, во всякомъ случаѣ я завтра выѣзжаю; я давно уже съ нетерпѣніемъ ждалъ случая оказать значительную услугу императрицѣ и отечеству; эти случаи рѣдко выпадаютъ на долю частныхъ лицъ и никогда не обходятся безъ риска; надѣюсь, что въ настоящую минуту я нашелъ такой случай и никакая опасность не заставитъ меня отъ него отказаться.“

„Чума или нечума,“ говорилъ Орловъ. Дѣйствительно, до послѣдняго времени, вслѣдствіе несогласія медиковъ остерегались оффиціально говорить о чумѣ. Докторъ Кулеманъ подалъ докладъ, что осмотръ больныхъ въ Симоновомъ монастырѣ утвердилъ его въ прежнемъ мнѣніи о несуществованіи моровой язвы, ибо и на умершихъ, и на живыхъ, кромѣ пятенъ, не находилъ никакихъ знаковъ моровой язвы, почему признаетъ болѣзнь горячкою съ пятнами злѣйшаго рода.

28-го сентября въ Московскомъ Сенатѣ было первое засѣданіе въ присутствіи гр. Орлова. Изъ сенаторовъ находились: Рожновъ, Похвисневъ, фельдмаршалъ Солтыковъ, Еропкинъ, Всеволожскій и вновь назначенный сенаторъ, знаменитый дѣлецъ двухъ предшествовавшихъ царствованій, Дмитр. Вас. Волковъ. Орловъ объявилъ именной указъ присутствовать ему въ Сенатѣ московскихъ департаментовъ и быть всѣмъ и каждому въ его послушаніи; словесно объявилъ, что велѣно присутствовать въ Сенатѣ и Волкову. Губернаторъ Юшковъ донесъ, что можайское дворянство согласилось ѣхать въ Москву со своими служителями и значительнымъ числомъ крестьянъ. Приказали: ревность пріемлется за благо; нужды однако теперь въ чрезвычайномъ подвигѣ не настоитъ, ибо порядокъ возстановленъ. При томъ значеніи, съ какимъ Орловъ былъ присланъ, Солтыковъ, разумѣется не могъ оставаться московскимъ главнокомандующимъ. Екатерина имѣла слабость не любить знаменитыхъ

дѣлъ и людей елисаветинскаго царствованія. Кунперсдорфскій побѣдитель раздражилъ ее указаніемъ на опасность приложенія санитарныхъ мѣръ къ Москвѣ, указаніемъ на необходимость увеличить военныя силы въ столицѣ, и Солтыкову нельзя было, какъ Румянцеву, указывать на Римлянъ, которые не спрашивали, сколько непріятеля, но гдѣ онъ: пріемы внѣшней войны разнились отъ пріемовъ внутренней охраны и наблюденія за порядкомъ на обширныхъ пространствахъ. Но старикъ самъ себя выдалъ головою Екатеринѣ, позволивъ себѣ уѣхать въ деревню, и хотя быстрое возвращеніе его и быстрое стянутіе войска въ Москву, чѣмъ и прекращено было волненіе, могли бы заглаживать первую неосторожность, но не въ глазахъ Екатерины, которая въ письмѣ къ Бельке прямо приписываетъ убіеніе Амвросія тому, что Солтыкова не было въ городѣ. Но естественно рождается вопросъ, какъ бы Солтыковъ безъ войска могъ дѣйствовать; развѣ предположить, что онъ собралъ бы небольшой отрядъ съ пушками и двинулся въ Кремль гораздо скорѣе, чѣмъ прославленный Еропкинъ. Екатерина употребляетъ въ письмѣ къ Бельке любопытное выраженіе: „Москва не городъ, а цѣлый міръ". Но о чемъ же постоянно толковалъ Солтыковъ, какъ не объ этомъ, жалуясь на недостатокъ войска? Въ письмѣ къ Бибикову Екатерина дала полную свободу своему нерасположенію къ Солтыкову: „Слабость фельдмаршала Солтыкова превзошла понятіе, ибо онъ не устыдился просить увольненія тогда, когда онъ своею персоною нужнѣе тамъ былъ и, не ожидавъ дозволенія, выѣхалъ-чаять можно—забавляться со псами. Межъ тѣмъ ханжи выдумали народъ лѣчить чудесами образа подъ Варварскими воротами. Тутъ толпы черни молящейся пуще заразились, и во время того богомолья по 900 человѣкъ на день мерло. Архіерей съ генералъ-поручикомъ Еропкинымъ положили, чтобъ исподоволь умалить теченіе народное къ сему мѣсту, и для того архіерей 15 сентября въ вечеру послалъ своихъ людей опечатать сборъ у сего образа. Тутъ сдѣлалась драка и обыкновенная полиція стала коротка, мать наша Москва велика. Главы нѣту въ городѣ: унимать некому, оберъ-полицеймейстеръ сталъ коротокъ, а отчасти и оплошалъ?.... Я, видя, колико нужно туда послать особу съ полною властью, по усильной просьбѣ г. генерала фельдцейхмейстера г. Орлова, его туда послала. Тамъ до его пріѣзда всѣ, по образцу гр. Солтыкова (?), получа terreur panique, отъ язвы по норамъ рас-

ползлись, но теперь паки возвратились по мѣстамъ... Позабыто въ письмѣ сказать, что старый хрычъ фельдмаршалъ уволенъ." Въ указѣ объ отставкѣ фельдмаршала говорилось, что императрица „снисходя на прошеніе, уволить его соизволила отъ всѣхъ дѣлъ, похваляя его предкамъ ея в—ства учиненную знатную службу."

30-го сентября Орловъ объявилъ въ Сенатѣ, гдѣ теперь настоитъ нужда: 1) имѣющихся въ здѣшнемъ городѣ мастеровыхъ и ремесленныхъ людей въ необходимомъ случаѣ пропитаніемъ снабдить; 2) доставить въ Москву уксусу въ такомъ количествѣ, которымъ бы жителей безъ всякаго недостатка продовольствовать было можно. Потомъ вывозчикамъ мертвыхъ тѣлъ къ 6 копѣйкамъ на день прибавили еще 2 копѣйки. 12-го октября Орловъ предложилъ въ Сенатѣ: извѣстно ему учинилось, что нѣкоторые находятся столь злостные люди, что, не взирая на бѣдственное состояніе, въ которомъ жители Москвы теперь состоятъ, забывъ страхъ Божій, дерзаютъ входить въ вымершіе домы и грабить оставшіеся послѣ несчастныхъ пожитки, и для того объявить каждому и всѣмъ, ежели таковые безбожники и враги рода человѣческаго открыты будутъ въ семъ преступленіи, то безъ пощады казнены будутъ смертію у того самаго мѣста, гдѣ сіе преступленіе учинено будетъ, дабы смертію одного злодѣя отвратить смертоносный отъ зараженныхъ вещей вредъ и гибель многихъ невинныхъ, ибо въ крайнихъ зла обстоятельствахъ и мѣры къ уврачеванію крайнія принимаются. Черезъ четыре дня послѣ этого рѣшенія полицеймейстерская канцелярія подала рапортъ: вѣдомства конюшенной канцеляріи крестьянинъ Тимоѳей Матвѣевъ, бѣглые солдаты главнаго коммиссаріата— Акутинъ, Денисовъ, лейбъ-гвардіи неслужащій солдатскій сынъ Ереминъ, собравшись партіею въ числѣ 9 человѣкъ, пограбили три выморочныхъ дома. Канцелярія, на основаніи указа 12-го октября, приговорила повѣсить преступниковъ; но Сенатъ па томъ основаніи, что преступленіе было совершено до публикованія указа, приговорилъ виновныхъ ко кнуту и опредѣленію въ погребатели чумныхъ. Въ то же время Орловъ предложилъ, что умершихъ чумно провожаютъ неосторожно, садятся въ одни роспуски съ тѣлами, и потому объявить, что замѣченные въ такой неосторожности — мущины будутъ взяты въ погребатели, а женщины въ лазаретъ для ухаживанія за больными.

Для дѣтей-сиротъ, остающихся послѣ умершихъ отъ чумы, былъ учрежденъ пріютъ подъ вѣдомствомъ вице-президента мануфактуръ-коллегіи Сукина. Но оказалось, что больше 100 дѣтей помѣстить въ этомъ домѣ нельзя, тогда какъ каждый почти день привозили сиротъ. Сенатъ приказалъ Сукину занять домъ Француза Ліона, который отстраивался для пикника на деньги составившагося для этого общества; Сенатъ объяснялъ свое распоряженіе тѣмъ, что пропитаніе сиротъ установляется для общества, и по освобожденіи дома отъ сиротъ онъ возвратится для пикника. Мы видѣли, что Орловъ уже распорядился покупкою въ казну ремесленныхъ произведеній, чтобъ дать пропитаніе работникамъ. 25-го октября онъ сдѣлалъ Сенату новое предложеніе: находится въ городѣ не малое число такихъ людей, которые, не имѣя никакого рукомесла, питались прежде самыми черными или грубыми работами, а по настоящимъ обстоятельствамъ лишились и ихъ; чтобы доставить и этимъ людямъ благозаслуженное пропитаніе и истребить праздность, всякихъ золъ виновницу, для этого надобно: 1) окружающій Москву Камеръ-коллежскій валъ увеличить, углубляя его ровъ, и къ этой работѣ призываются всѣ охочіе люди изъ московскихъ жителей; 2) платежъ за работу будетъ производиться поденный—мущинѣ по 15, а женщинѣ по 10 копѣекъ на день; 3) кто придетъ со своимъ инструментомъ, тому прибавляется по 3 копѣйки на день; 4) главный надзоръ за этою работою будетъ имѣть генералъ-поручикъ сенаторъ Алекс. Петр. Мельгуновъ.

Между тѣмъ изслѣдовалось дѣло о бунтовщикахъ, захваченныхъ въ Кремлѣ. Слѣдствіе было поручено особой коммиссіи изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ подъ предсѣдательствомъ прокурора синодальной конторы Рожнова. 4-го октября Рожновъ представилъ Сенату, что изъ взятыхъ подъ караулъ мятежниковъ Степанъ Ивановъ, отъ роду 16 лѣтъ, показалъ на бывшаго своего хозяина купца, который ему прежде мятежа за недѣлю или больше приказывалъ: если въ городѣ забьютъ въ набатъ, то онъ бы съ дрекольемъ бѣжалъ въ то мѣсто, въ чемъ и хозяинъ признался. Рожновъ спрашивалъ у Сената, не угодно ли будетъ мальчика освободить какъ малолѣтнаго и показавшаго правду. Сенатъ согласился.

Въ приведенномъ письмѣ къ Бибикову отъ 20-го октября Екатерина уже писала: „Слѣдствіе теперь идетъ, изъ коего ясно от-

крылось, что ни главы, ни хвоста нѣту, а дѣло вовсе случайное". Этотъ взглядъ на случайность событія, разумѣется сталъ руководящимъ въ Москвѣ, когда 1-го ноября Сенатъ сталъ слушать докладъ слѣдственной коммиссіи, въ докладѣ говорилось: „Изъ подсудимыхъ не только тѣ, кои въ отвѣтахъ своихъ показывали о повѣсткахъ, чинимыхъ имъ отъ полицейскихъ служителей въ самое время бывшаго происшествія, дабы бѣжали въ Кремль; а другіе упоминали о томъ, что слышали прежде за нѣсколько дней, что будутъ повѣстки, или если услышатъ набатный колоколъ, или пушечный выстрѣлъ, тогда бъ бѣжали въ Кремль,—но отъ кого сіе слышали, не показали. Увѣщанія не подѣйствовали и больше не открылось, какъ только приходя въ уныніе крестились, а одинъ малолѣтный обливался слезами.—Слѣдствіе открыло убійцъ Амвросія; то были: дворовый человѣкъ Раевскаго Василій Андреевъ, московскій второй гильдіи купецъ Иванъ Дмитріевъ, города Каширы Пушкарской слободы пахотный крестьянинъ Ѳедотъ Парфеновъ; убійцы были введены въ Сенатъ, при чемъ Дмитріевъ отъ прежнихъ своихъ показаній отрекся, сказалъ, что сдѣлалъ ихъ изъ страха. Главныхъ зачинщиковъ по слѣдствію не отыскалось. Въ засѣданіи 4-го ноября, когда кто-то изъ сенаторовъ предложилъ, что о подсудимыхъ, о которыхъ обстоятельнаго слѣдствія не произведено, надобно дослѣдовать, то Орловъ сказалъ: „Хотя по самой справедливости и должно стараться въ изысканіи истины доходить до самаго источника, отъ чего преступленіе начало свое получило, дабы виноватые, по существу ихъ преступленія, наказаны были по точности ихъ винъ: но какъ при всемъ томъ, по случаю нынѣшнихъ несчастныхъ въ Москвѣ приключеній, отъ коихъ родъ человѣческій подвергается гибели, нѣтъ ни времени, ни способовъ достигнуть до сего, а при всемъ томъ теперь нужда настоитъ, чтобъ преступники, кои обличены или признались, какъ наискорѣе по винамъ своимъ были наказаны, хотя нѣкоторые того и избѣгнутъ; но какъ всегда лучше виновнаго облегчить отъ наказанія, нежели наказать невиннаго, то не соблаговолитъ ли собраніе сей судъ производить и виновныхъ осуждать единственно уже по имѣющимся нынѣ въ дѣлѣ окрестностямъ (обстоятельствамъ) и доказательствамъ." Такъ какъ Сенатъ, на основаніи полномочій, данныхъ Орлову, соглашался всегда съ его предложеніями, то солиасился и тутъ.

На другой же день, 5-го ноября, Сенатъ собрался для постановленія приговоровъ надъ подсудимыми. Первый началъ говорить сенаторъ Волковъ: „Читанныя сему собранію показанія и признанія взятыхъ подъ стражу узниковъ, содержатъ въ себѣ такія дѣянія, изъ которыхъ всякое безчеловѣчно, законопреступно и слѣдовательно жестокаго наказанія достойно; но сіе наказаніе божескими и гражданскими законами уже предопредѣлено и не остается болѣе какъ токмо прознести и исполнить законами опредѣленное. Но когда обращаемъ мы свой взоръ на наружныя окрестности толико вдругъ учинившихся злодѣяній и въ ихъ наружностяхъ хотимъ найти прямой того источникъ, то видимъ ясно, что каждое изъ сихъ преступленій становится несравненно величайшимъ и жесточайшаго наказанія требующимъ: видимъ, что первопрестольный градъ, самая средина онаго, воззрѣлище священныхъ мѣстъ и монаршихъ чертоговъ вмѣсто того, чтобъ и самыя буйственныя сердца приводить въ чувство и благоговѣніе, были мѣстомъ сего богомерзкаго позорища; видимъ не разбойника и убійцу, по совершеніи своего злодѣянія тотчасъ укрывающагося и въ самомъ остервенѣніи своемъ трепещущаго отъ одного имени правосудія, но великое множество народа на спасательные ему законы возстать дерзающаго и, что злѣе, преступленіями своими, святотатствомъ и священноубійствомъ торжествующее. Видимъ свѣтъ въ недоумѣніи, какимъ образомъ народъ набожнымъ всегда и государю своему и законамъ повиновеніемъ на толикую степень могущества и славы вознесенный и повсюду побѣдоносный, мгновенно могъ забыться и грозныя непріятелямъ руки обратить на самоубійство. Видимъ отечество, требующее отъ законовъ неистовымъ своимъ сынамъ наказанія. Видимъ церковь, пастырскою кровію обогренную и отмщенія вопіющую. Со ужасомъ смотря на сіи наружныя окрестности не меньшее предлежитъ намъ соболѣзнованіе, когда разбираемый прямой толикаго зла источникъ, не потому чтобъ оный рыгалъ всегда подобнымъ ядомъ или чтобъ таковыхъ же бѣдствій паки ожидать надлежало, но единственно по размышленію, коль пагубны роду человѣческому вообще слѣпота, суевѣріе и корыстолюбіемъ частныхъ и малыхъ людей воспламененная ревность не къ Творцу и св. вѣрѣ, но къ обряду или мѣсту, съ явнымъ почти истинной вѣры и богослуженія забвеніемъ прилѣпленная, и коль насильственно, но неизбѣжно самому нѣжному и человѣколюбивому сердцу

употреблять строгость, когда подъ кроткою державою единая взаимная любовь другъ ко другу видима быть имѣла бъ. Здѣсь видимъ солдата Бякова и фабричнаго Илью Аѳонасьева, каждаго отвергнувшаго свой крестъ, т. е. свое званіе, предавшихся лицемѣрству и сребролюбію, сдѣлавшихся собирателями стяжанія Божіей Матери, никогда благихъ нашихъ не требующей, но только добрыхъ нашихъ ближнему дѣлу взыскующей; видимъ сихъ самозванцевъ по мѣрѣ пріобрѣтаемаго стяжанія обратившихъ большее на себя вниманіе. Видимъ нѣкоторыхъ изъ духовенства, имени сего и своего, впрочемъ весьма почитаемаго сана недостойныхъ, презирающихъ слѣпоту людскую съ мерзкою предъ Всевидящимъ радостію, богослуженіе въ торжище обратившихъ и руки къ пріятію гнусной мзды простирающихъ. Видимъ, но съ большимъ еще соболѣзнованіемъ, нѣкоторыхъ изъ начальниковъ, кои вмѣсто того, чтобъ предписанный законами порядокъ тотчасъ возстановить, слабостью своею подтвердили сіе неустройство и столько оному возраста допустили, что едва покойный преосвященный хотѣлъ токмо сіе собранное мірское стяжаніе предохранить отъ неизбѣжнаго расхищенія Бяковыхъ и Аѳанасьевыхъ, то собственное сихъ людей корыстолюбіе обратило законный поступокъ въ грабежъ и святотатство и было единственнымъ подвигомъ всѣхъ изъ того слѣдовавшихъ золъ. Имѣя такое о судимомъ нами происшествіи и его окрестностяхъ понятіе, заключеніе изъ того проистекаетъ само собою, а именно: надлежитъ сдѣлать удовлетвореніе законамъ съ твердостію, и потомъ утѣшить и утѣшиться; и потому: 1) изобличенныхъ и повинившихся въ убійствѣ преосвященнаго Амвросія казнить смертію не токмо какъ убійцъ, но какъ злѣйшихъ изъ всѣхъ мятежниковъ. 2) Всѣ приличившіеся участниками того убійства, монастырскаго грабежа, оскверненія священныхъ мѣстъ, поруганія св. иконъ, разбитія карантинныхъ домовъ и больницъ, какъ безумнымъ паче стремленіемъ въ сіе заведены, нежели въ самомъ дѣлѣ толь богомерзкое имѣли намѣреніе, то наказать ихъ на тѣлѣ и сослать въ каторжную работу. 3) Солдата Бякова и фабричнаго Аѳанасьева, какъ вредныхъ обществу лицемѣровъ, наказавъ на тѣлѣ, послать въ Соловецкій монастырь въ заточеніе. 4) Прочихъ пойманныхъ, но въ убійствѣ и грабежѣ не изобличенныхъ, виновныхъ въ томъ, что къ толпѣ злодѣевъ приставали, наказавъ плетьми, опредѣлить въ казенныя работы. 5) Остаю-

щихся освободить безъ наказанія: хотя не смотря на ихъ непризнаніе и неимѣніе въ злодѣяніи доказательствъ самое забраніе ихъ подъ стражу утверждаетъ по крайней мѣрѣ столько, что они подвели на себя подозрѣніе, но для таковыхъ и одно сидѣніе подъ стражею довольнымъ уже есть наказаніемъ. Но напротиву того, удовлетворяя правосудію, надлежитъ удовлетворить и благодѣянію законовъ. Г. генералъ-поручикъ сенаторъ и кавалеръ Петръ Дмитр. Еропкинъ былъ единъ и первый, который вѣрностію своею къ ея и. в—ству, любовію къ отечеству и мужествомъ, сана его достойнымъ, унялъ сіе стремительное буйство и возстановилъ первую тишину. Благородная его душа не требуетъ за подвигъ свой воздаянія; но наше признаніе тѣмъ не меньше ему принадлежитъ: такъ сдѣлаемъ начало, чтобъ признаніе добродѣтели было самымъ лучшимъ за добродѣтель воздаяніемъ. Симъ образомъ исполнимъ мы нашъ долгъ, исполнимъ ожиданіе отечества и свѣта. Омоемъ кровіи винныхъ нанесенное на неповинный россійскій народъ пятно! Но зная чувствительное и человѣколюбивое сердце ея и. в—ства и вѣдая, колико оно сострадательно несчастію самыхъ горшихъ преступниковъ, сразстворимъ кровь ихъ нашими слезами и, отдавъ сей долгъ человѣчеству, утѣшимся наконецъ, что сіе самое случившееся зло послужитъ къ разгнанію слѣпоты, къ расширенію познанія и просвѣщенія и придастъ новое всѣмъ и каждому поощреніе съ толикою жъ ревностію трудиться о воспитаніи и благонравіи, съ какимъ твердымъ духомъ и премудрымъ предусмотрѣніемъ августѣйшая наша монархиня неутомленные о томъ труды подъемлетъ.“

Безусловно съ Волковымъ согласился сенаторъ Мельгуновъ, но Орловъ предложилъ, не согласится ли собраніе, вмѣсто смертной казни, наказать на тѣлѣ по указу 754 года, а двоихъ по жребію повѣсить. Собраніе приняло это мнѣніе относительно убійцъ архіепископа Амвросія; но постановило казнить смертію еще одного изъ мятежниковъ и грабителей, по жребію. Этимъ желали выставить всю важность преступленія, совершеннаго бунтовщиками, независимо отъ убійства архіепископа.

Заботы о малолѣтныхъ, оставшихся послѣ умершихъ отъ чумы родителей, кончились тѣмъ, что опекунскій совѣтъ согласился принимать ихъ въ Воспитательный домъ, вполнѣ сохранившійся отъ заразы, благодаря строгому оцѣпленію. Послѣднее предложеніе Орло-

ва, сдѣланное имъ въ Сенатѣ 7-го ноября, состояло въ томъ, чтобъ для доставленія пропитанія и жителямъ окрестныхъ селеній прокопать каналы изъ окружающихъ Москву болотъ и протоковъ въ рѣку Неглинную, для увеличенія воды въ этой рѣкѣ; также исправлять тульскую, калужскую, коломенскую и другія большія дороги. 17-го ноября въ Сенатѣ уже слушался указъ объ отозваніи гр. Орлова и назначеніи московскимъ главнокомандующимъ возвратившагося изъ Варшавы князя Мих. Никол. Волконскаго. Тутъ же объявлено Еропкину, что ему пожалованъ Андреевскій орденъ и 20,000 рублей денегъ. Онъ вышелъ въ отставку.

Въ Москвѣ считали до 12,538 домовъ; изъ нихъ въ 6,000 домахъ были больные чумою, а въ 3,000 всѣ жители перемерли. Съ апрѣля 1771 до конца февраля 1772 въ больницахъ и карантинахъ на казенный счетъ содержалось 12,565 человѣкъ. До насъ дошло донесеніе Орлова о Москвѣ во время чумы; въ немъ, между прочимъ, говорится: „Весьмабъ полезно было, еслибъ большіе фабриканты добровольно согласились перенести фабрики въ уѣздные города, ибо Москва отнюдь не способна для фабрикъ. Поповъ надобно стараться завести въ Москвѣ получше, а чтобъ имѣть ихъ лучше, то надобно имъ содержаніе дать побольше, а чтобъ дать содержаніе побольше, то приходы сдѣлать побольше; а нынѣ много ихъ умерло и для того, переговоря съ архіереями, чтобъ малые приходы сообщить съ другими, и покуда церкви еще не опустѣли, тобъ служить въ церквахъ, ежели онѣ въ дальнемъ разстояніи, священникамъ по очереди. Этотъ родъ людей много зла въ Москвѣ причиняетъ. Также московскія военныя гвардейскія команды отставныя гарнизонныя: онѣ до того развратны, что способу поправить ихъ не будетъ, развѣ перевесть ихъ совсѣмъ, ибо ихъ повиновеніе и дисциплина слово въ слово какъ чума. Я видѣлъ примѣръ, гдѣ постояли на караулѣ великолуцкіе солдаты съ ними вмѣстѣ, то и ихъ узнать было не можно; они всѣ почти имѣютъ свои дворы, всѣ торгуютъ, никто за ними не смотритъ, переродились съ фабричными и съ прочими жителями Москвы. Какой это народъ обитателей здѣшнихъ! Какъ посмотришь во внутренность ихъ жизни, образъ мыслей, такъ волосы дыбомъ становятся, и удивительно, что еще болѣе чего въ Москвѣ и сквернѣе не дѣлается“ [63].

Мысль о выводѣ большихъ фабрикъ изъ Москвы встрѣчается здѣсь не въ первый разъ. Еще 31-го августа генералъ-прокуроръ

предлагалъ Сенату въ Петербургѣ, что такъ какъ умноженіе фабрикъ въ Москвѣ съ давняго времени признано вреднымъ и уже думали было о выводѣ ихъ въ другіе города, то теперь, по причинѣ оказавшейся въ Москвѣ прилипчивой болѣзни, этого требуетъ самая необходимость и безопасность какъ города, такъ и всего государства, тѣмъ болѣе, что зараза и начало свое получила на фабрикахъ. Приказали: послать указъ въ мануфактуръ-коллегію, что Сенатъ находитъ нужнымъ вывести нѣкоторыя фабрики изъ Москвы въ другіе города, а именно: всѣ суконныя, полотняныя, сургучныя, ценинныя, булавочныя, пуговочныя, проволочныя и латунную, инструментальныя, красильныя, каразейныя, купоросныя, замшевыя, сафьянныя и всѣ кожевенныя, красочныя, а назначить имъ мѣсто въ другихъ городахъ, гдѣ кто пожелаетъ; хотя же и оставляются шелковыя, картныя, мишурныя, плащенаго и волоченаго золота и серебра, сусальнаго листоваго золота и серебра, инструментальныя (?), галунная, столярная, вѣерная, зеркальная, ситцевая и полуситцевая, трубъ заливныхъ, бѣленья воску, латунныя (?), но съ тѣмъ, что привилегіи ихъ, которыми онѣ уволены отъ постою, будутъ уничтожены. Но Сенатъ видимо поспѣшилъ этимъ дѣломъ, не обдумавъ препятствій къ его исполненію и употребивъ, къ несчастію, довольно употребительный датскій способъ: отъ извѣстнаго учрежденія, при извѣстныхъ условіяхъ, произошла невыгода,—долой это учрежденіе! Прежде всего въ Москвѣ существовали казенныя фабрики, необходимыя для арміи и флота; и такъ уже нанесенъ былъ большой ущербъ казнѣ остановкою ихъ во время чумы; теперь нужно было спѣшить приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе; но для этого не было людей, и адмиралтейство предложило, нельзя ли взять людей съ другихъ фабрикъ и восполнить такимъ образомъ число недостающихъ рабочихъ на его парусной фабрикѣ. Сенаторъ Волковъ подалъ мнѣніе, что требованіе адмиралтейства противно закону и правосудію; пусть адмиралтейская коллегія дастъ парусные образцы, по которымъ безъ большой передачи потребное число полотенъ сдѣлано будетъ на частныхъ фабрикахъ. Сенатъ сначала согласился; но потомъ генералъ-прокуроръ представилъ, что дѣло слишкомъ важно для казеннаго интереса, и потому нельзя ли напередъ потребовать извѣстія, сколько именно людей и какого мастерства адмиралтейству нужно для пополненія его московской фабрики, дабы, смотря по этому, хотя

нѣкоторымъ числомъ рабочихъ по необходимости можно было снабдить фабрику, и Сенатъ принялъ предложеніе генералъ-прокурора.

Только въ іюлѣ 1773 года мануфактуръ-коллегія отвѣчала Сенату, что къ выводу фабрикъ изъ Москвы приступить нельзя. Сенатъ долженъ былъ признать представленіе мануфактуръ-коллегіи основательнымъ; но все же хотѣлъ настоять на прежнемъ своемъ мнѣніи о необходимости вывесть изъ Москвы нѣкоторыя фабрики, о которыхъ впрочемъ въ прежнемъ мнѣніи не было ни слова. Приказали: такъ какъ между фабриками есть такія, которыя наносятъ городу вредъ дурнымъ запахомъ, какъ-то: сальныя, мыльныя и т. п., которыя непремѣнно должно изъ города вывесть, только объ нихъ здѣсь по заочности точнаго опредѣленія сдѣлать нельзя, и для того коллежское представленіе отослать къ главнокомандующему кн. Волконскому на общее его съ президентомъ мануфактуръ-коллегіи разсмотрѣніе, чтобъ они вывели тѣ фабрики, которыя жителямъ города вредъ наносятъ, при чемъ мануфактуръ-коллегіи предписать, чтобъ она впредь, безъ представленія въ Сенатъ, не давала позволенія на устройство фабрикъ.

Дѣло о переводѣ фабрикъ замолкло; но вслѣдствіе чумы приведена была въ исполненіе повсемѣстно очень важная мѣра: запрещено хоронить внутри городовъ при церквахъ и отведены за городомъ мѣста для кладбищъ. Въ концѣ 1771 года Синодъ разослалъ объ этомъ повсюду указы.

Мы видѣли, что въ Москвѣ опекунскій совѣтъ взялся пріютить оставшихся послѣ умершихъ чумою дѣтей. Въ іюлѣ 1772 года Бецкій объявилъ Сенату изустное повелѣніе императрицы принимать въ московскій Воспитательный домъ малолѣтныхъ дѣтей, шатающихся безъ всякаго презрѣнія; Бецкій писалъ въ своемъ представленіи: „Какъ всѣ таковыя дѣти, кои во время заразительной болѣзни московскимъ Воспитательнымъ домомъ призрѣны и избавлены отъ смерти, такъ и впредь всякаго званія сиротъ, которые, не имѣя пропитанія, остаются безъ всякаго присмотра, должно почитать погибшими, и потому они имѣютъ право быть причисленными къ дѣтямъ, содержащимся въ Воспитательномъ домѣ на основаніи его генеральнаго плана. Сенатъ рѣшилъ подать императрицѣ докладъ: 1) устные указы принимать велѣно только отъ сенаторовъ, генералъ-прокурора, президентовъ первыхъ трехъ коллегій и отъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ; но Бецкій не имѣлъ ни

одного изъ этихъ званій. 2) Новый указъ отмѣняетъ прежніе относительно шатающихся малолѣтныхъ; а въ Воспитательный домъ идутъ одни подкидыши и зазорно рожденные младенцы. Можетъ произойти такое злоупотребленіе, что помѣщичьи люди и солдаты, матросы и другіе служивые люди, желая избавить дѣтей своихъ— первые отъ помѣщиковъ, а послѣдніе отъ службы, станутъ приводить ихъ въ Воспитательный домъ; да могутъ быть приведены и такія дѣти, которыя зайдутъ далеко отъ дому по ребячеству, а родители ихъ вовсе не хотятъ отдавать ихъ въ Воспитательный домъ, и будутъ плакать, что лишились своихъ дѣтей, помѣщики лишатся крестьянъ, а государство служивыхъ людей. Генералъ-прокуроръ испугался дурнаго впечатлѣнія, какое этотъ докладъ могъ произвести на императрицу, и чрезъ нѣсколько дней предложилъ, не соизволитъ ли Сенатъ отмѣнить свое опредѣленіе, и принять рапортъ Бецкаго только къ извѣстію, потому что Бецкій никакой отъ Сената резолюціи не требуетъ, а извѣщаетъ только, что онъ о томъ отъ себя писалъ въ Воспитательный домъ. Но Сенатъ, что случалось рѣдко, остался при своемъ прежнемъ мнѣніи.

Новый главнокомандующій въ Москвѣ началъ, по обыкновенію, дѣло тѣмъ, что удалилъ человѣка, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ прежняго главнокомандующаго. Кн. Волконскій писалъ императрицѣ въ началѣ 1772 года: „Оберъ-полицеймейстеръ Бахметевъ нашелся неисправенъ по своей должности и въ чиненіи неосновательныхъ рапортовъ: того ради исполнительная коммиссія третьяго дня съ вѣдома моего въ наказаніе отъ команды ему отказала. Сія строгость нужна какъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, такъ и для переду, чтобъ всякій, не ослабѣвая по положенной на него должности и по даннымъ повелѣніямъ, съ точностію исправлялъ." Обвиненіе было совершенно голословное: но кто могъ заступиться за Бахметева въ Петербургѣ? Отъ 4-го февраля 1772 года Волконскій доносилъ: „Чрезъ цѣлый мѣсяцъ ни умершаго, ни заболѣвшаго не было, а сего 2-го числа въ домѣ майора Маркова одна женщина оною (чумою) занемогла; тотчасъ вся предосторожность взята, больная въ госпиталь отвезена; люди, которые съ ней сообщеніе имѣли, отведены въ карантинъ, пожитки ея сожжены, избу, въ которой она жила, велѣно разломать, а домъ весь запереть до выдержанія карантина." Но потомъ найдено, что женщина была больна простою горячкою. 14-го ноября 1772 года послѣ-

довалъ именной указъ объ открытіи московскихъ присутственныхъ мѣстъ съ 1-го декабря. 25-го ноября въ Петербургѣ и Москвѣ служили благодарственный молебенъ за прекращеніе моровой язвы [70].

Орловъ съ торжествомъ возвратился въ Петербургъ изъ своего московскаго гражданскаго похода; а между тѣмъ его положеніе не переставало возбуждать неудовольствіе въ разныхъ гвардейскихъ кружкахъ. Еще въ самомъ началѣ войны капитанъ кавалергардовъ Пановъ говорилъ о состояніи народномъ: во всѣхъ мѣстахъ чувствуютъ неудовольствіе, война начата со вредомъ, выведены изъ государства деньги и переведены въ чужія государства милліоновъ съ 8. Екатерина умна да упряма, на что наладитъ, то и дѣлаетъ, и кому ввѣрится, тому и вѣритъ. Мнѣнія дворянъ презрѣны, вино отдано откупщикамъ, и они одни богатятся, и у многихъ бѣдныхъ дворянъ домы разоряютъ обысками. А нынѣ и совсѣмъ отнимаютъ деревни; какъ дадутъ крестьянамъ вольность, кто станетъ жить? мужики всѣхъ перебьютъ, и такъ нынѣ бьютъ до смерти и рѣжутъ, и такихъ только посылаютъ въ ссылку и даютъ вольность. Панинъ съ Орловымъ не ладно живутъ. Товарищъ его Степановъ, которому Пановъ все это разсказывалъ, спросилъ его: „Каковъ его высочество и принимаетъ ли графовъ? Пановъ, похваляя его высочество, сказалъ: „Ему Никита Ив. преподаетъ обо всемъ великое познаніе; а чтобъ Орловыхъ принимать хорошо, то не натурально: они вѣдь и батюшку его уходили; дай-ка ему поправиться, такъ отольются волку коровьи слезы. Мщенія и нынѣ ожидать должно, потому что Панина партія превеликая и все что ни лучшенькіе." Въ это время много толковали о наблюденіяхъ по поводу прохожденія Венеры, и одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ Аѳанасьевъ говорилъ: „Вотъ какъ Венера-то пройдетъ, такъ что-нибудь Богъ и сдѣлаетъ; она вѣдь уже даромъ не проходитъ." Премьеръ-майоръ Жилинъ говорилъ, сколь надменны нынѣшніе гг. Орловы и прочіе случайные люди противъ прежнихъ, при чемъ хвалилъ Алекс. Григ. Разумовскаго и Ив. Ив. Шувалова, сколь хорошо людей принимали. Недовольные не находили фундатора для составленія заговора, и не знали, какъ приступить къ дѣлу безъ согласія великаго князя наслѣдника. Озеровъ говорилъ: „Народнаго отягощенія отвратить инымъ ничѣмъ не можно и добраго дождаться нечего, какъ только тѣмъ, что возвести надобно на престолъ его высочество, да та моя бѣда, что не могу до него

дойти.“ Жилинъ, пріѣзжая къ Озерову, жаловался: „Вотъ въ законѣ новомъ написали вольность крестьянамъ и холопямъ, а чрезъ то сдѣлали въ черномъ народѣ замѣшательство, и многіе крестьяне не стали слушать и тѣмъ дворянство оскорблено; да и кому законы сочинять? единственно стремятся дворянство угнетать и чтобъ оно какъ-нибудь упало; вотъ заведена война, рекрутскіе всегда наборы; за правленіями никакого смотрѣнія нѣтъ; дано штатскимъ жалованье большое только въ разореніе народное. Долго ли это будетъ? Надобно ее съ престола свергнуть, а цесаревичъ уже въ лѣтахъ.“ Озеровъ спросилъ его: „Развѣ ты что отъ большихъ господъ слыщалъ? Кто жъ бы такой, не Панинъ ли?“ Жилинъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, что ему вѣрить! тутъ надобенъ такой человѣкъ, чтобъ его любили и довѣренность ему дѣлали. Есть графъ Кирилла Григорьичъ, котораго народъ любитъ и дѣлаетъ довѣренность, а его довести можно, и увѣряю, что онъ за отечество вступиться не откажется. Да и еще есть люди: Воейковъ, министръ очень хорошій; Румянцевъ.“—„Вѣдь ихъ здѣсь нѣтъ“, возразилъ Озеровъ.—„Долго ли имъ быть здѣсь, отвѣчалъ Жилинъ: коли дѣлать, такъ дѣлать поскорѣе въ лѣтнемъ дворцѣ, а въ зимнемъ дворцѣ много закоулковъ, такъ нельзя захватить кого надобно.“ Панина полагали смѣнить, и на его мѣсто посадить Воейкова. Когда одного офицера арестовали за то, что онъ въ ротномъ строю билъ сержанта, то Озеровъ говорилъ, что гвардія приходитъ въ упадокъ. въ прежнія времена гвардейскихъ офицеровъ безъ именнаго указа не арестовывали, а нынѣ майоръ такую волю взялъ отъ того, что офицеры между собою не согласны и всѣ другъ надъ другомъ шпыняютъ. Когда мимо его квартиры шла рота, то Озеровъ, сидя подъ окномъ, кричалъ солдатамъ: „Что, ребята, съ мученья!“

Фундатора недовольные не находили; дѣло ограничивалось одними разговорами, разговоры были переданы, и для суда надъ Озеровымъ съ собесѣдниками назначена была коммиссія изъ гр. Ник. Панина, генералъ-полицеймейстера Чичерина, Елагина и генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, которые приговорили виновныхъ къ смерти; но Екатерина дала такую собственноручную резолюцію: „Какъ самъ Богъ сихъ измѣнниковъ отдалъ въ мои руки, то не мнѣ ихъ судить, но ужъ оставляю я остальную ихъ жизнь имъ на раскаяніе, и учинить съ ними слѣдующее: Жилина и Озерова, лиша

всѣхъ чиновъ, дворянства и званія, сослать вѣчно въ Нерчинскъ въ заводскую работу, но вмѣстѣ ихъ не содержать; Степанова да Панова, лиша чиновъ и дворянства, сослать въ Камчатку на житье, гдѣ имъ питаться своими трудами“ [71].

Степановъ и Пановъ отправлялись въ Камчатку вмѣстѣ съ другими преступниками, извѣстнымъ Батуринымъ, который по звѣздамъ ждалъ появленія бывшаго императора, и потомъ барона Морица Аладаре де Беневъ (какъ онъ самъ подписывался), родомъ Венгерца, принужденнаго бѣжать изъ отечества за самоуправство съ братьями и служившаго въ польской конфедераціи. Въ 1768 году онъ былъ взятъ въ плѣнъ Русскими и отпущенъ на честное слово, что не будетъ служить противъ нашихъ войскъ. Беневскій не сдержалъ слова и въ 1769 году былъ вторично захваченъ въ плѣнъ и отправленъ въ Казань вмѣстѣ съ плѣннымъ Шведомъ Винблодомъ, служившимъ также въ конфедераціи. Они оба изъ Казани бѣжали черезъ Москву въ Петербургъ, въ надеждѣ уѣхать моремъ за границу; но были задержаны и въ ноябрѣ 1769 года сосланы на житье въ Камчатку, гдѣ должны были кормиться своими трудами. Въ іюлѣ 1770 года они были отправлены изъ Охотска въ камчатскій Большерѣцкій острогъ, гдѣ было не болѣе 35 домовъ, гарнизонъ состоялъ изъ 70 козаковъ и находился въ управленіи капитана Григорія Нилова, нерадиваго и пьянаго. Тамъ же былъ камеръ-лакей правительницы Анны, Турчаниновъ, который въ 1742 году составлялъ заговоръ противъ императрицы Елисаветы; также Семенъ Гурьевъ, сосланный въ 1762 году, Хрущовъ и лѣкарь Мейдеръ. Ссыльные успѣли склонить на свою сторону Чулочникова, прикащика купца Холодилова съ сотнею работниковъ, штурмана Чурина, штурманскаго ученика Бочарова, священническаго сына Устюжникова (котораго Беневскій обучалъ вмѣстѣ съ сыномъ капитана Нилова), козака Рюмина, нѣсколькихъ матросовъ и камчадаловъ. Простымъ людямъ они внушали, что Беневскій и привезенные съ нимъ арестанты страдаютъ за в. кн. Павла Петровича. Беневскій показывалъ зеленый бархатный конвертъ, будто бы за печатью в. князя съ письмомъ къ императору римскому о желаніи вступить въ бракъ съ его дочерью. Весною 1771 года ссыльные произвели возстаніе, ночью убили Нилова, овладѣли казною, двумя пушками и всѣми военными припасами, захватили Большерѣцкъ и привели жителей къ присягѣ императору

Павлу. 30-го апрѣля шайка отправилась внизъ до гавани Чекавинской: тутъ ограбила магазинъ съ провіантомъ, захватила казенный галіотъ св. Петра, приготовила его къ походу, водрузила на немъ знамя императора и назвалась: „Собранною компаніею для имени его и. величества Павла Петровича"; составила объявленіе Сенату, что Павелъ Петровичъ незаконно лишенъ престола, что польская разорительная война ведется единственно для пользы Понятовскаго, что промыслы виномъ и солью отданы на откупъ немногимъ, что отъ монастырей отобраны деревни на воспитаніе незаконнорожденныхъ, тогда какъ законныя дѣти остаются безъ призрѣнія, что у созванныхъ для сочиненія законовъ депутатовъ отнята возможность разсуждать стѣснительнымъ наказомъ, что дани налагаются на народъ необычайныя и требуется оброкъ съ увѣчныхъ и малыхъ равно съ здоровыми, что за неправосудіе штрафуются судьи только деньгами, тогда какъ за правильный судъ, если только что-либо возьмутъ съ тяжущихся, исключаются изъ рода человѣческаго, что добываніемъ золота и серебра пользуются одни царскіе любимцы, народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и страждетъ, и никто за истинныя заслуги не награждается. Желая пособить совѣтомъ тридцати тремъ промышленникамъ, несправедливо осужденнымъ работать безъ платы своему компанейщику Холодилову, они тѣмъ навлекли на себя негодованіе капитана Нилова, который велѣлъ взять ихъ подъ караулъ, и сіе то заставило ихъ, вмѣстѣ съ угнетенными, объявить себя въ службѣ законнаго государя, что̀ они и привели въ дѣйствіе, арестовавъ Нилова (котораго отъ страха и пьянства разбилъ параличъ), и на его мѣсто избравъ Беневскаго.

Беневскій съ товарищами вышли въ море; они придерживались береговъ и направили путь вдоль Курильскихъ острововъ. 7-го іюля приблизились они къ берегамъ Японіи; но Японцы не пускали ихъ ни на берегъ, ни въ море; тогда Беневскій пушечнымъ выстрѣломъ открылъ себѣ дорогу въ море. 7-го августа достигли острова Формозы, гдѣ потеряли троихъ товарищей, убитыхъ жителями, между прочимъ Панова; Беневскій отплатилъ истребленіемъ лодки съ островитянами и сожженіемъ жилищъ въ окрестностяхъ бухты. На берегахъ Китая плаватели были приняты дружелюбно. 12-го сентября прибыли въ португальскую колонію Макао. Здѣсь Беневскій, говоря по-латыни, одинъ только умѣлъ объясняться

съ губернаторомъ, жилъ у него въ домѣ, продалъ ему галіотъ какъ свою собственность, объявилъ, что его отечество Венгрія, куда и долженъ возвратиться; всѣмъ Русскимъ велѣлъ называться Венгерцами, запретилъ имъ молиться предъ образами, разсорился съ Винблодомъ и Степановымъ, оклеветалъ всѣхъ Русскихъ въ намѣреніи произвести бунтъ и завладѣть городомъ. Вся шайка была взята подъ стражу, разсажена по тюрьмамъ и такимъ образомъ принуждена была смириться, кромѣ Степанова, который объявилъ, что скорѣе останется въ тюрьмѣ, нежели дастъ подписку въ покорности Беневскому и въ подданствѣ римскому императору. 15 человѣкъ Русскихъ пало жертвою климата Макао, въ томъ числѣ Турчаниновъ. Для отвоза въ Европу остальныхъ Беневскій нанялъ два французскихъ фрегата и отправился на нихъ въ январѣ 1772 года. Во время этого переѣзда умеръ Батуринъ. Наконецъ путешественники достигли береговъ Франціи, высадились въ Портъ-Луи. Беневскій уѣхалъ въ Парижъ съ проектомъ завоеванія острова Формозы; но вмѣсто Формозы французское правительство указало ему Мадагаскаръ. Между тѣмъ Русскіе пришли пѣшкомъ изъ Портъ-Луи въ Парижъ и обратились къ русскому резиденту Хотинскому съ просьбою исходатайствовать имъ прощеніе у государыни. Препровождая къ генералъ-прокурору письмо Хотинскаго, Екатерина писала (2-го октября): „Имъ отъ меня прощеніе обѣщано, которое имъ и дать надлежитъ, ибо довольно за свои грѣхи наказаны были; видно, что Русакъ любитъ свою Русь, и надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна.“ Всѣ возвратились въ Россію и были распредѣлены въ сибирскихъ городахъ на свободное житье [72].

Когда сподвижники Беневскаго просили позволить имъ возвратиться въ Россію, въ Петербургѣ шло слѣдствіе по поводу слуховъ, распространявшихся въ гвардіи. Солдатъ Исаковъ разсказывалъ солдату Жихареву слышанное имъ прошлаго года въ лагерѣ отъ многихъ солдатъ Преображенскаго полка, что великаго князя хотятъ извести; что въ ихъ девятой ротѣ хотѣли обобрать патроны и во дворецъ болѣе пяти патроновъ носить не велятъ; не будетъ ли, говорили солдаты, въ Петровъ день перемѣны и не будетъ ли его высочество въ лагерь для принятія престола? а если нѣтъ, такъ не будетъ ли гр. Орловъ, и вино уже у него приготовлено, чтобъ въ Петровъ день поить солдатъ? Жихаревъ пересказалъ объ

этомъ солдату Карпову, Карповъ капралу Оловенникову, Оловенниковъ брату своему подпоручику Селехову, которому прямо предложилъ возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича, къ чему склонять солдатъ, вопервыхъ, тѣмъ, что ихъ смертно бьютъ безъ вины, потомъ, что великаго князя извести хотятъ, наконецъ, что Орловъ хочетъ быть императоромъ. То же самое уже внушалъ Оловенниковъ капраламъ Подгорнову и Чуфаровскому. Оба послѣдніе и Селеховъ согласились дѣйствовать. Стали подговаривать другихъ, разсуждать, какъ вывести великаго князя изъ Царскаго Села, что сдѣлать съ Екатериною: постричь ее или оставить въ покоѣ. Оловенниковъ и Селеховъ думали, что если Павелъ Петровичъ не согласится принять престолъ, то убить его вмѣстѣ съ матерью, а въ народѣ сказать, будто Павла умертвила Екатерина, не любя его, и погибла въ отмщеніе; въ цари послѣ этого выбрать, кого солдаты захотятъ, при чемъ Оловенниковъ мечталъ о коронѣ и уже ссорился съ товарищами за будущее царство. Оловенниковъ говорилъ, чтобъ быть ему царемъ, Подгорнову фельдцейхмейстеромъ, брату его генералъ-прокуроромъ, Карпову генералъ-адъютантомъ. На это Подгорновъ говорилъ: „Когда тебѣ можно царемъ быть, такъ и я буду;“ потомъ толковали, что надобно выбрать въ цари герольдмейстера кн. Щербатова, потому что онъ человѣкъ очень честный, умный и добрый.

27-го мая пришли къ Оловенникову Исаковъ и Карповъ, и говорили: „Не изволишь ли выйти на народное мѣсто, гренадеръ Филипповъ хотѣлъ выйти еще съ гренадерами, такъ вы сами съ ними поговорите. Оловенниковъ пошелъ въ назначенное мѣсто, куда пришли гренадеры Филипповъ, Мурзинъ и Михайло Ивановъ, съ которыми Оловенниковъ пошелъ за конногвардейскія конюшни, пришелъ на берегъ Невы, и тутъ Ивановъ сталъ ему говорить: „Да что жъ мы пустое калякаемъ, надобно дѣло говорить, за чѣмъ пришли.“ Оловенниковъ сказалъ на это: „Мнѣ Исаковъ сказывалъ, что онъ слышалъ во дворцѣ, будто гвардію всю хотятъ сдѣлать армейскими полками, а на мѣсто гвардіи хотятъ ввести гренадерскіе полки: такъ чего же дожидаться? а если это допустимъ, то тогда драться уже будетъ трудно; надобно думать, что Орловъ за тѣмъ вѣрно и поѣхалъ (въ Фокшаны), чтобъ сдѣлать себя молдавскимъ княземъ или и императоромъ.“ На это гренадеры сказали: „Это вѣрно сбудется, а можетъ быть ему этого сдѣлать и не удастся,

и мы его высочество поскорѣе императоромъ сдѣлаемъ."—„Какимъ же образомъ намъ дѣло то начать? спросилъ Ивановъ: мы не видимъ прямой дороги!" Оловениковъ отвѣчалъ: „Это правда, что мы прямой-то дороги не видимъ; но вотъ Филипповъ сказывалъ, что ему знакомъ Борятинскій и онъ обѣщался къ нему сходить и развѣдать о мысли его высочества." Ивановъ прибавилъ: „И мнѣ Борятинскій знакомъ, такъ и я къ нему схожу. Если его высочество согласится, то мы можемъ собрать человѣкъ 300, которымъ какъ скажемъ, то всѣ согласятся, пойдутъ съ нами, и мы можемъ послать одну половину захватить дороги, а другую половину къ его высочеству."—„Это пустяки, сказалъ Оловениковъ: прежде времени загадывать нечего." Но Карповъ продолжалъ загадывать: „Ну ежели его высочество на это согласится, такъ что тогда дѣлать съ государынею?"—„Другаго дѣлать нечего, какъ оставить ее въ покоѣ." Карповъ замѣтилъ: „Не лучше ль ее отвезти въ монастырь?" но Оловениковъ возразилъ: „Этого дѣлать никакъ нельзя, состоитъ это во власти его высочества. А ну какъ, братцы, его высочество изъ Царскаго Села нельзя будетъ взять?" Карповъ предложилъ средство: „А вотъ какъ можно будетъ взять-то: какъ его высочество поѣдетъ гулять, а насъ будетъ тамъ человѣкъ 50 или 100, то и можно его будетъ оттуда увезть сюда въ полкъ; а какъ его сюда привезутъ, поставить у Средней руки также человѣкъ 150, чтобъ изъ Петербурга никто не выѣзжалъ." Оловениковъ одобрилъ мѣру, и всѣ гренадеры сказали, что надобно сходить къ кн. Борятинскому. Дѣйствительно, Михайло Ивановъ, Шмелевъ и Алексѣй Филипповъ отправились къ камергеру кн. Борятинскому, только съ другою цѣлію; они объявили князю: „вотъ у насъ въ полку мушкатеръ Исаковъ приходилъ и говорилъ, чтобъ великаго князя возвести на престолъ, а мы теперь объ этомъ в. с—тву объявляемъ, извольте объ этомъ гдѣ донести." Борятинскій отвѣчалъ имъ: „Подите, подите вы на мѣсто, Богъ съ вами, я теперь это слышу."

Началось слѣдствіе. Оловениковъ описалъ собственноручно разговоръ свой съ Селеховымъ на счетъ судьбы великаго князя, императрицы и выбора новаго императора: если великій князь принять престолъ не согласится, то сперва его, потомъ государыню лишить жизни, а въ народѣ сказать, будто великаго князя лишила жизни государыня, не любя его, въ отмщеніе и ее убили, а въ цари выбрать кого солдаты захотятъ; этотъ умыселъ былъ от-

крытъ Подгорнову, Чуфаровскому, Карпову и Жихареву. Селеховъ спросилъ Оловеникова: „Да кого жъ бы возвести то?“ Оловениковъ отвѣчалъ: „Какъ кого? изъ нашихъ сообщниковъ того, кто больше въ этомъ дѣлѣ трудится.“ Селеховъ захохоталъ и сказалъ: „да я думаю тебя.“—„А что жъ, хотя бъ и меня,“ сказалъ Оловениковъ. Селеховъ: „И, и, дуракъ! да твоей ли рожѣ царемъ то быть, посмотритка ты на себя, каковъ ты! ты жъ и говорить не умѣешь, да и ничего не смыслишь; такъ какъ тебѣ царствомъ-то этакому дураку править? Вѣдь хотя гвардія-то вся и согласится, такъ еще есть двѣ арміи, такъ тогда и послѣ что съ нами сдѣлаютъ?“ Оловянниковъ: „Ну ужъ какъ гвардія-то здѣсь присягнетъ,“ армія такъ и станетъ думать, что ужъ такъ и остальное. По показанію Карпова Оловянниковъ говорилъ о кн. Щербатовѣ: „Онъ такой каналья гордый; къ тому же воспитанъ въ пышности, въ роскоши: такъ какъ его возвести? онъ никакой солдатской и мужичьей нужды не знаетъ, такъ и будетъ думать, что всѣ для него созданы.“ По показанію Иванова, Исаковъ говорилъ: „Государыню въ монастырь, хотя она ничего дурнаго не дѣлаетъ, а все это дѣлаетъ Орловъ, все по своему ворочаетъ; теперь поѣхалъ въ армію уговорить солдатъ, чтобъ они ему тамъ присягнули, а какъ присягнутъ, и онъ будетъ царь, то приведетъ сюда петербургскій полкъ, а насъ, всю гвардію, отсюда выведутъ.“.

Во время этого дѣла, 2-го іюня Екатерина писала генералъ-прокурору кн. Вяземскому: „Я нахожу, сія шайка такого роду, что конечно надлежитъ всѣхъ въ ней участіе имѣющихъ вывести въ наружу, дабы гвардію колико возможно на сей разъ вычистить и корень зла истребить, сохраняя всегда умѣренность и человѣколюбіе; но дабы вамъ облегчить трудъ возиться и исповѣдывать толикое число людей, то придаю вамъ для изслѣдованья сего дѣла преображенскаго майора Маслова и оберъ-прокурора Всеволодскаго.“ Въ слѣдъ затѣмъ Екатерина писала Вяземскому: „Скажите Чичерину (генералъ-полицеймейстеру), что если по городу слышно будетъ, что многіе берутся и взяты солдаты подъ караулъ, то чтобъ онъ выдумалъ бы бредню и оную пропустилъ, чтобъ настоящую закрыть, или же и то сказать можно, что заврались.“ Императрицу поразила молодость людей, толковавшихъ о политическомъ переворотѣ, и она писала Вяземскому: „Я прочла всѣ сіи бумаги и удивляюсь, что такіе молодые ребятки впали въ такія безпутныя дѣла:

Селиховъ старшій—и тому 22 года, а прочихъ кромѣ розгами ничѣмъ сѣчь не должно, одному 17, а другому 18 лѣтъ." Приговоръ состоялся такой: Оловенникова бить кнутомъ и сослать на вѣки въ Нерчинскъ въ тяжкую работу. Селехова гонять два раза шпицрутеномъ и написать въ солдаты въ дальній сибирскій гарнизонъ; капраловъ—Подгорнова и Чуфаровскаго, какъ малолѣтныхъ, высѣчь розгами келейно и послать въ сибирскіе полки солдатами; другихъ бить плетьми и сослать въ Нерчинскъ на вѣки [73].

Но въ то время, какъ мелкіе люди, осмѣлившіеся обратить свое вниманіе на великана-Орлова, гибли въ пустынныхъ сибирскихъ пространствахъ, фаворитъ возвращался въ Петербургъ съ новымъ геройскимъ значеніемъ не героя только побѣдителя и завоевателя, но героя возстановителя спокойствія въ обширнѣйшей столицѣ и чрезъ это въ цѣломъ государствѣ. Правда, и Орловъ, какъ въ послѣдствіи Суворовъ, Петръ Панинъ, былъ предупрежденъ событіями, но въ минуту освобожденія отъ опасности мало объ этомъ думали, и оффиціальная исторія, поставившая на первый планъ Орлова, сохраняла свое значеніе до послѣднихъ временъ. Въ выгодахъ Екатерины въ обстоятельствахъ времени было превознести славу фаворита до небесъ: вотъ что за люди, которыхъ она дала Россіи! Выбита была медаль, воздвигнуты тріумфальныя ворота. На одной сторонѣ медали былъ портретъ Орлова, на другой изображенъ Курцій, бросающійся въ пропасть; надпись гласила: „таковаго сына Россія имѣетъ." Это Орловъ замѣтилъ Екатеринѣ: „Прикажи перемѣнить надпись, обидную для другихъ сыновъ отечества." Явилась другая надпись: „И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ."

Понятно, что Екатерина должна была всѣми средствами поддерживать Орлова, ибо уже по одному инстинкту самохраненія судьба ихъ была тѣсно связана другъ съ другомъ; первые удары, имѣвшіе дать Павлу самостоятельное царствованіе, должны были посыпаться на Орлова. Орловъ былъ лучшій человѣкъ, который могъ спасти государство, и было счастливое время, когда Екатерина была въ этомъ убѣждена и со всею страстностію готова была поддерживать сіе во всякомъ. Но теперь это время прошло: Екатерина имѣла время изучить Орлова, а главное имѣла время охладѣть къ нему *). Она находилась въ самомъ затруднительномъ

*) Послѣднія строки писаны уже ослабѣвшею отъ предсмертной болѣзни рукою автора. Все дальнѣйшее продиктовано имъ одному изъ сыновей въ нѣ-

и тяжеломъ положеніи: страсти, сознанія, что Орловъ можетъ все сдѣлать, уже не было болѣе, и въ этомъ страшно было признаться, страшно въ отношеніи къ сердцу, страшно и въ отношеніи къ политическимъ обстоятельствамъ, ибо Орловъ былъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо необходимъ для прекращенія всѣхъ интригъ въ пользу самостоятельности Павла. Екатерина уже начала разбирать въ письмахъ съ пріятелями разныя стороны характера Орлова и это былъ уже печальный шагъ, показывавшій, что она не находится съ этимъ человѣкомъ въ такихъ отношеніяхъ, когда характеръ и способности не разбираются. Для чего дѣлала она этотъ разборъ? повидимому для восхваленія Орлова, но преимущественно для собственнаго оправданія, и здѣсь лежало уже начало разлуки. Она видѣла, что Орловъ-человѣкъ съ необыкновенною отвагою—не отличался ни обширнымъ умомъ, ни просвѣщеніемъ; она думала, что онъ восполнитъ послѣднее трудомъ, и ошиблась. Онъ не могъ помогать ей удержать то, что помогъ пріобрѣсти. Главное, что можно было выставить къ чести Орлова—это благонамѣренность, патріотизмъ; но онъ не могъ быть ни правителемъ, ни рѣшителемъ важныхъ вопросовъ государственныхъ, онъ могъ быть только во главѣ партіи и то поддерживаемый, подталкиваемый другими. Въ письмѣ къ пріятельницѣ своей Бельке Екатерина разложила черты характера Орлова по поводу отправленія его на Букурештскій конгрессъ. „Графъ Орловъ, писала она, который безъ преувеличенія первый красавецъ своего времени, долженъ дѣйствительно казаться ангеломъ передъ этими гнусными турецкими бродачами; его свита блестящая и отборная, и мой посланникъ любитъ великолѣпіе и блескъ. Но держу пари, что его особа сокрушаетъ всѣхъ вокругъ; этотъ посланникъ удивительный человѣкъ; природа такъ роскошно надѣлила его со сторонъ ума, сердца, души, что у этого человѣка нѣтъ ничего пріобрѣтеннаго—все натура, и все хорошо; но госпожа натура также избаловала его, потому что прилежаніе труднѣе для него всего на свѣтѣ, и до тридцати лѣтъ ничто не могло его къ нему принудить. Не смотря на то, удивительно сколько онъ знаетъ: его естественная прозорли-

---

сколько пріемовъ 21-го, 22-го и 24-го сентября 1879 года. Онъ хотѣлъ закончить 29-й томъ казнію Пугачева, но смерть, послѣдовавшая въ 7 часовъ вечера 4-го октября, прервала многолѣтній трудъ историка, думавшаго о немъ и въ послѣднія минуты своей дѣятельной жизни.

вость такъ далека, что, слыша о предметѣ въ первый разъ, онъ схватываетъ его крѣпкія и слабыя стороны и оставляетъ далеко позади себя человѣка, который началъ объ немъ съ нимъ говорить."

Похвала страшно преувеличенная, вызванная пониженіемъ первой стороны, гдѣ показывалось, что съ Орловымъ ничего сдѣлать было нельзя. Но не это было главнымъ: Орловымъ начали тяготиться какъ человѣкомъ; отношеній 1768 года не было болѣе, только посторонніе препятствія мѣшали разрыву съ человѣкомъ, который съ своей стороны давалъ поводы къ этому разрыву. Повидимому легкая задача для людей, которые хотѣли отстранить Орлова въ политическихъ видахъ; но Орловъ былъ могущество, съ которымъ предстояла долгая борьба.

Орловъ давно тяготился бездѣйствіемъ; лавры Румянцева и роднаго брата терзали его, поѣздка въ Москву только раздражила его, и онъ хотѣлъ принять участіе въ новомъ подвигѣ. Это было опасно для его враговъ, но съ другой стороны они понимали, какъ легко будетъ удалить отъ него Екатерину во время этого отсутствія, ибо хорошо видѣли основу дѣла въ томъ, что онъ уже наскучилъ.

Съ необыкновеннымъ блескомъ, съ блестящею свитою отправился Орловъ въ Букурештъ и сейчасъ же долженъ былъ столкнуться съ первымъ военнымъ авторитетомъ времени — Румянцевымъ, что такъ выгодно было для враговъ его. Мы видѣли, что въ Совѣтѣ Орловъ постоянно былъ за рѣшительныя мѣры, которыя бы поскорѣе окончили войну, вслѣдствіе чего образовалось представленіе, что Румянцевъ медленъ и что есть человѣкъ, который бы однимъ ударомъ рѣшилъ дѣло—мнѣніе разумѣется оскорбительное для Румянцева, и здѣсь уже вражда между Румянцевымъ и Алексѣемъ Орловымъ, чесменскимъ побѣдителемъ; перекоры и нерасположеніе начались ужь давно, и Орловъ постоянно упрекалъ Румянцева въ недѣятельности. Отсюда тѣсная связь между Панинымъ и Румянцевымъ по одинакимъ отношеніямъ къ Орлову, причемъ связующими людьми, какъ видно, были Волконскій и Потемкинъ. Волконскій, удалившійся отъ Румянцева, какъ мы видѣли, является опять при немъ, въ самыхъ нѣжныхъ къ нему отношеніяхъ. Волконскаго мы знаемъ, Потемкина встрѣчали мелькомъ. Его характеръ много разсматривали. Это былъ человѣкъ даровитый, но почти ни одно дарованіе его не могло быть примѣнено

къ надлежащей цѣли по страшной жадности и честолюбію, питаемымъ невѣрностію положенія. Съ малолѣтства первою его мечтою было играніе первой роли. Небогатый смоленскій дворянинъ онъ попалъ въ Московскій университетъ, но скоро бросилъ школьную науку, которая не обѣщала ему быстраго производства. Спачала интересъ религіозный, въ это время особенно въ Москвѣ имѣвшій силу, занималъ Потемкина: онъ не прочь былъ быть пастыремъ церкви и дѣйствовать тутъ на первомъ планѣ, почему занимался церковными вопросами, сближался съ архіереями, которые могли ждать многаго отъ даровитаго молодаго человѣка для своего дѣла. Но русскому дворянину тогда былъ одинъ выходъ—военное поприще. Потемкина видимъ въ гвардіи, участвующимъ въ дѣлѣ 28-го іюня, но къ несчастію во второстепенной роли: первую занялъ Орловъ; но почему жь занялъ ее не онъ, Потемкинъ? Онъ сильнѣе Орлова, даровитѣе. Но если не удалось въ первый разъ, легко можетъ удасться во второй. Терпѣніе и интрига все преодолѣютъ, особенно при видѣ некрѣпкихъ способностей Орлова. Екатерина была польщена внимательностью другаго атлета дружины 28-го іюня; его надобно было пріобрѣсти. Орловы, разумѣется, морщились, но она умѣла сохранять миръ между своими друзьями. Гораздо сильнѣй, какъ мы видѣли, были столкновенія у Орлова съ Панинымя, первенствующими министрами государственными, особенно при образованіи Императорскаго Совѣта: здѣсь во мнѣніяхъ раскрылись различія, и Орловъ не всегда наблюдалъ должную осторожность указывая, что русская политика не должна быть строго прусскою. Теперь страсти разгорѣлись въ Орловѣ: онъ долго жилъ подлѣ женщины, стерегъ ее,—для чего? Большинство не знало: что же это за богатырь, о которомъ такъ кричали, который спасъ отечество? Въ Москвѣ Орловъ выказалъ себя правителемъ, теперь представлялся ему случай явиться дипломатомъ; но этотъ случай долженъ былъ повести и къ военному начальству. Онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы взять войско у нерѣшительнаго Румянцева и двинуться за Дунай и прямо на Константинополь. Слѣдовательно Румянцеву грозила большая опасность, и онъ тѣмъ охотнѣе соединялся съ Паниными. А между тѣмъ въ Петербургѣ не дремали: нужно было замѣнить персону Орлова и этимъ нанести рѣшительный ударъ,—и эта персона явилась въ видѣ добрѣйшаго, красивѣйшаго, но пустѣйшаго офицера Васильчикова. Всѣ удивились, но больше всѣхъ должна

была удивиться Екатерина, когда, одумавшись, обозрѣла свое новое окруженіе. Васильчиковъ вмѣсто Орлова, и Панинъ на первомъ планѣ! Она никогда не любила Панина послѣ 28-го іюня: она иногда сближалась съ нимъ, иногда удалялась, и самое тѣсное сближеніе вызвано было польскимъ дѣломъ, во время котораго Екатерина увѣровала въ какія-то необыкновенныя политическія способности своего министра. Съ ухудшеніемъ польскаго дѣла ухудшались и отношенія между Панинымъ и императрицею; но самый сильный ударъ былъ нанесенъ, когда графъ Панинъ Петръ высказалъ слишкомъ рѣзко свое неудовольствіе по случаю взятія Бендеръ, вышелъ въ отставку, не переставалъ бранить распоряженія Екатерины, а Никита также сердился и хотѣлъ непремѣнно выйти въ отставку, еслибъ не удержалъ его пріятель послѣдняго, датскій министръ Струсбергъ....

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Собственноруч. на француз. яз. въ Государ. Архивѣ.

2) Дѣла турецкія 1773 года.—Архивъ Госуд. Сов. того же года.—Записки Гидрографич. Департам. VII, 350 и слѣд.—Сборникъ русск. Истор. Общ. XIII, годъ 1773.—Чтенія въ Москов. Общ. Исторіи 1865 года, кн. 2.

3) Дѣла крымскія 1773 года. Архивъ Госуд. Сов. I, 251.

4) Дѣла польскія 1773 года.

5) Дѣла прусскія 1773 года. Friedr. II und van Swieten 92—116.

6) Дѣла австрійскія 1773 года.—Beer-Die erste Theilung Pol. II, 255.

7) Дѣла французскія 1773 года.—Сборн. Рус. Истор. Общ. XIX, 383.

8) Дѣла шведскія 1773 года.

9) Дѣла датскія 1773 года.

10) Дѣла англійскія 1773 года. — Сборн. Рус. Истор. Общ. XIX, 338—395.

11) Письма въ Государ. Архивѣ.

12) Дѣла турецкія 1774 года.—Архивъ Государ. Совѣта тотъ же годъ.—Сборн. Рус. Истор. Общ. XIII, годъ 1774.—Чтенія въ Москов. Общ. Исторіи, 1865, кн. II, стр. 296 и слѣд.

13) Дѣла крымскія 1774 года.—Архивъ Госуд. Совѣта того же года.

14) Дѣла польскія 1774 года.

15) Дѣла прусскія 1774 года.—Friedrich II und van Swieten, 116—137.—Beer-die erste Theilung Pol. II, 276 et squ. Arneth-Mar. Ther. letzte Regierungszeit II, 492 et squ.

16) Raumer's Beiträge, V, 32.

17) Архивъ Госуд. Сов. I, 297.—Сборн. Русск. Истор. Общ. V, 159.

18) Дѣла французскія 1774 года.

19) Дѣла шведскія 1774 года.

20) Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, 428.

21) Журналы Сената 2-го декабря 1769 года.

22) Тамъ же 7-го ноября 1771 года.

23) Исторія Россіи XXVI, 150.

24) Журналы Сената, 16-го іюня 1774 года.—Архивъ Мин. юстиц. въ дѣлахъ Тайной экспедиціи.

25) Тамъ же 11-го мая 1771, 21-го мая 1772.

26) Тамъ же 25-го мая 1769 и 27 января 1770.—Въ показаніяхъ колдуновъ о своихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ встрѣчаемъ удивительное сходство съ показаніями ихъ собратій въ западной Европѣ: напримѣръ и они цѣловали дьявола въ podex, червей пускали на вѣтеръ, отъ чего и происходило кликушество.

27) Тамъ же 27-го ноября 1772.

28) Тамъ же 23-го сентября 1774.

29) Тамъ же 3-го ноября 1774.

20) Тамъ же 4-го ноября 1769.

31) Тамъ же 4-го сентября 1774 года.

32) Пол. Собр. Зак. № 13, 376.

33) Журналы Сената 12-го сент. 1772; 5-го іюня 1774.

34) Сборн. Русск. Истор. Общ. XIII, 116, 117.

35) Осмнадцатый вѣкъ I, 69 и слѣд.

36) Журналы Сената 13-го января 1774.

37) Тамъ же, 1-го и 27-го мая 1770.

38) Пол. Собр. Зак. № 13, 369.

39) Записки съ этими цифрами въ Государ. Архивѣ.

40) Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 326—329, 362—377.

41) Пол. Собр. Зак. № 13, 375.

42) Журналы Сената, 11-го февраля 1769.

43) Тамъ же, 14-го декабря 1771.

44) Тамъ же, 18-го марта 1769.

45) Сборн. Русск. Истор. Общ. V, 232, 233.

46) Журналы Сената 9-го сентября 1774 года.

47) Тамъ же, 23 іюня 1769.

48) Тамъ же, 9-го іюня 1769.—Собраніе постановленій по части раскола I, 655, 660.

49) Собр. постанов. по части раскола I, 663.

50) Тамъ же, стр. 668.

51) Журналы Сената 7-го ноября 1772 года.—Собр. постановл. по части раск. I, 669.

52) Журналы Сената 17-го іюня 1773 года.

53) Тамъ же, 29-го мая 1773.

54) Тамъ же, 29-го іюля 1773.

55) Тамъ же 9-го іюня 1769; 21-го октября 1770; 28 октября того же года; 12-го января 1771; 16-го марта того же года; 18-го ноября того же года; 8 и 15-го февраля 1772; 21-го октября и 29-го ноября 1773; 7-го февраля 1774; Пол. Собр. Зак. № 13, 262.

56) Тамъ же, 17-го января 1772; 22-го іюля 1773.

57) Тамъ же, 5 и 27-го мая, 9-го сентября 1669; 8-го августа 1771; 7-го мая 1772.

58) Письма Сиверса въ Государ. Архивѣ.—Журналы Сената 10-го сент., 16-го ноября 1770; 7 и 14 января, 4 и 11-го марта, 4-го апрѣля, 6 и 18 іюля 1771.

59) Письмо отъ 8-го іюня 1772 года въ Государ. Архивѣ.

60) Журналы Сената 19-го ноября 1774.

61) Тамъ же 29-го октября 1773.

62) Тамъ же, 20 мая, 12-го іюня, 13-го іюля, 23 сентября 1769 года; 6-го мая 1770; 30 апрѣля 1772; 4 сентября 1773; 4-го февраля и 10 іюня 1774.

63) Тамъ же, 4 и 25-го іюня 18 октября 4 и 9 ноября 1769 года; 14-го іюня, 11-го октября и 22 ноября 1770; 25 іюля и 5-го сентября 1771; 21 октября 1773.

64) Отецъ Амвросія Степанъ Зерлисъ былъ Волохъ изъ мѣстечка Сороки, выѣхалъ въ Малороссію въ 1691 году и служилъ переводчикомъ при гетманахъ. Сынъ его Андрей Зерлисъ получилъ прозваніе по дядѣ съ материнской стороны, Владимірѣ Каменскомъ, архимандритѣ Пожинскаго Благовѣщенскаго монастыря. Андрей, въ монашествѣ Амвросій, родился въ 1708 году.

65) Въ Москвѣ между стариками ходили слухи, будто Амвросій, находясь архимандритомъ въ Воскресенскомъ монастырѣ (Новый Іерусалимъ), отличался строгостію въ обращеніи съ монастырскими крестьянами, и будто нерасположеніе къ нему за это провожало его въ Москву и нашло себѣ исходъ въ 1771 году.

66) Архіепископъ не хочетъ перенести икону въ ближайшую церковь Всѣхъ Святыхъ, а въ нѣсколько дальнѣйшую Кира и Іоанна: послѣдняя была построена ея в—ствомъ. Построена она была на иждивеніе императрицы, ибо свв. Киру и Іоанну празднуется 28 іюня, день восшествія на престолъ Екатерины. Теперь эта церковь, какъ безприходная, отдана подъ Сербское подворье.

67) Въ запискѣ о бунтѣ неизвѣстнаго автора, приложенной къ дѣлу, говорится: „Брать денегъ не дали караульные, поставленные самимъ народомъ изъ себя (тогда какъ Бахметевъ утверждаетъ рѣшительно, что караулъ состоялъ изъ солдатъ московскаго гарнизона); подьячаго прибили и взяли подъ свой караулъ, а съ командою начали драку. Со-

ставитель записки человѣкъ ученый; такъ говоря объ отъѣздѣ сенаторовъ изъ Москвы, употребляетъ выраженіе: „отцы спосажденные (т. е. patres conscripti) сами разъѣхались по деревнямъ.“ О распоряженіи Амвросія относительно денегъ авторъ записки говоритъ: „Правда, что нѣсколько грубо преосвященный въ семъ случаѣ и неосторожно поступилъ.“

68) Гдѣ теперь домъ Коммерческаго училища.

69) Этотъ отзывъ, находящійся въ Государ. Архивѣ, переписанъ рукою императрицы (какъ бывало); мы приписываемъ его Орлову по всѣмъ вѣроятностямъ; замѣчательно слѣдующее мѣсто: „Когда я возвращаться стану въ Петербургъ, то я самъ дни два, три тамъ (въ Твери) остановиться могу.“

70) Дѣло о чумѣ и московскомъ бунтѣ въ Государ. Архивѣ.—Бумаги коммиссіи о бунтѣ въ Архивъ Мин. Юстиціи.—Журналы Сената 1-го департамента 1771 и 1772 года; журналы V департамента тѣхъ же лѣтъ.—Изъ печатнаго—Сборн. Русск. Истор. Общ.

71) Дѣло объ Озеровѣ съ товарищи въ Государ, Архивѣ.

72) Дѣло Беневскаго тамъ же.

73) Дѣло въ Государ. Архивѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Обзоръ дипломатическихъ сношеній русскаго двора отъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира по 1780 годъ *).

1775.

Чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Константинополь былъ отправленъ князь Никол. Вас. Репнинъ. Въ инструкціи ему говорилось: „Окончивъ толь славно и толь счастливо войну тягостную, положили мы отнынѣ впредь непоколебимымъ правиломъ государственной нашей политики упреждать и отвращать по крайней возможности всѣ поводы и причины къ поврежденію мира и добраго согласія со всѣми окрестными державами, „особливо съ Портою Оттоманскою, какъ тою изъ нихъ, коея интересы возстановленнымъ нынѣ миромъ болѣе другихъ развязаны съ россійскими во всякомъ между собою соперничествѣ, слѣдовательно же" и поставлены тѣмъ самымъ въ положеніе взаимно и безпосредственно на обѣ стороны нужное, полезное и драгоцѣнное. Мы поручаемъ вамъ именно и точно изъяснять при всякомъ случаѣ министерству турецкому сіе наше политическое правило, а изъ онаго предпочтительную нашу склонность не только пребывать съ Портою въ лучшемъ согласіи и сосѣдствѣ, но и показывать ей по обстоятельствамъ всевозможныя угодности въ запечатлѣніе той искренности и того доброжелательства, съ коими прекратили мы невольную войну и съ коими хотимъ впредь пользоваться равно съ нею бо-

*) Печатаемые здѣсь отрывки писаны авторомъ, какъ можно догадываться, въ то время, когда онъ готовилъ къ изданію свою книгу: „Исторія паденія Польши", въ которой время между первымъ и вторымъ раздѣломъ земель Рѣчи Посполитой описано лишь въ нѣсколькихъ страницахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти отрывки были бы изложены несравненно подробнѣе въ слѣдующихъ томахъ „Исторіи Россіи", которую авторъ предполагалъ закончить смертію Екатерины II.

гатыми плодами блаженнаго мира ко взаимной и ощутительной пользѣ обоюдныхъ подданныхъ, доколѣ она, Порта, будетъ сама сообразовать поступки свои мирнымъ постановленіямъ. Мы имѣемъ причину думать, что она по сію пору научилась уже познавать истинную цѣну прежнихъ своихъ мнимыхъ друзей; пускай же теперь начнетъ испытывать на дѣлѣ наши къ ней мнѣнія. Время, да и короткое можетъ ее за тѣмъ лучше всего удостовѣрить, что Россія отнюдь и ни въ чемъ не желаетъ ущерба ея интересамъ, ея знатности и ея владѣніямъ. Къ вящшему отвлеченію вниманія и сумнительствъ Порты отъ дѣлъ татарскихъ можетъ нынѣ болѣе всего служить обращеніе оныхъ съ другой стороны на самовластное захваченіе австрійскимъ дворомъ знатныхъ кусковъ, возвращенныхъ ей миромъ въ полной цѣлости княжествъ Молдавскаго и Волошскаго. Тутъ отворите дверь проницанію и искусству вашимъ вселять бодрость и твердость въ унылый духъ сераля, не компрометируя однакожъ себя предъ вѣнскимъ дворомъ, дабы намъ инако не придти съ онымъ въ явную остуду безъ нужды и безъ пользы. Вы не оставите потому размѣрять отзывовъ вашихъ при Портѣ Оттоманской по мѣрѣ обрѣтаемыхъ въ ней больше или меньше выгодныхъ склонностей, внушая пристойными каналами или же и безпосредственно кстати и ко времени, что Порта имѣла случай испытать со вредомъ своимъ цѣну австрійской дружбы и тѣхъ великолѣпныхъ обѣтовъ, кои сей дворъ продалъ ей при началѣ нашей войны за весьма дорогую цѣну; что всѣ удивляются безмолвному терпѣнію ея въ толь чувствительной обидѣ, каково есть самовластное овладѣніе земель ея посреди мира и подъ маскою тѣснѣйшей дружбы; что, правда, имперія Оттоманская гораздо поистощилась въ минувшую войну и потому, можетъ быть, опасаясь вящщаго себѣ изнуренія въ сущемъ уже истощеніи, убѣгаетъ оказать справедливое свое возчувствованіе, дабы тѣмъ самымъ не быть втянутою въ новую войну: и что сіе ея описаніе едва ли можетъ почитаемо быть справедливымъ, когда, съ одной стороны, взять въ разсужденіе коренныя ея силы, требующія только обновленія бодрости въ духѣ правителей, а съ другой критическую позицію вѣнскаго двора между нами и союзникомъ нашимъ королемъ прусскимъ, обуздывающую его со всѣхъ почти сторонъ въ самой внутренности его владѣній; что происходящая отъ онаго основательная недовѣрка можетъ въ пользу Порты замѣнять дѣйствительную

цесарцамъ диверсію, и какъ ихъ содержать на всѣ стороны въ тревогѣ и готовыхъ силахъ на всякій нечаянный случай, такъ взаимно Туркамъ облегчать ихъ дѣйствія, или же и одни иногда достаточными быть могущія наружныя оказательства, что напослѣдокъ Порта Оттоманская, примирившись единожды съ нами на такихъ началахъ, кои мы сами прочнѣйшими и полезнѣйшими определили на будущія времена, можетъ уже отъ имперіи нашей быть и оставаться навсегда въ совершенной безпечности и безопасности, ибо теперь интересы ея во многихъ частяхъ стали таковыми, что мы онымъ охотно способствовать хотимъ и будемъ." Репнинъ долженъ былъ противиться чтобъ другія державы, особенно Франція, не получили свободы мореплаванія по Черному морю. Наконецъ предписывалось: „о точномъ вездѣ наблюденіи, дабы единовѣрные наши нигдѣ утѣсняемы не были по причинѣ ихъ исповѣданія, и чтобъ вы во всякомъ случаѣ ходатайствовали за оное и за православныя церкви при Портѣ вслѣдствіе мирныхъ артикуловъ 8, 14, 16 и 17, требуя скораго поправленія въ происходящихъ безпорядкахъ также и строжайшаго, гдѣ надобно, подтвержденія, чтобъ впредь подобныхъ обидъ нигдѣ послѣдовать не могло. Равнымъ образомъ не оставите по 16 артикулу дозволять протекцію и заступленіе ваше будущимъ при Портѣ повѣреннымъ обоихъ господарей, молдавскаго и волошскаго, въ ихъ справедливыхъ нуждахъ и просьбахъ".

Съ дороги близь Рущука Репнинъ, увѣдомлялъ о полученіи изъ Константинополя донесеній отъ Петерсона: два раза уже Рейсъ-ефенди говорилъ ему о необходимости установить въ Крыму наслѣдственныхъ хановъ, которые не были бы подвержены низверженію. Екатерина написала: „Ни мы, ни Турки права не имѣемъ мѣшаться въ татарскія дѣла, ибо они (Крымцы) суть независимы." Но по пріѣздѣ въ Константинополь Репнинъ долженъ былъ увѣдомить императрицу (25 октября) о непріятномъ положеніи тамъ русскихъ дѣлъ именно по отношенію къ татарамъ: „Здѣсь дѣла, писалъ онъ, непріятное положеніе берутъ и, какъ сказать, въ критическомъ состояніи находятся." Рейсъ-ефенди говорилъ русскому переводчику Тамарѣ: „Порта знаетъ, что не имѣетъ никакого права требовать измѣненія статей мирнаго договора; но проситъ избавить и отъ погибели: чернь и духовенство, взволнованныя Татарами, требуютъ, чтобъ Россія отступилась отъ независи-

мости Татаръ, которой этотъ народъ не хочетъ, возвратили Портѣ Кинбурнъ и позволили ей оставить въ своемъ владѣніи Тамань. Репнинъ велѣлъ отвѣчать, что у Порты есть свой посолъ въ Россіи, если хотятъ получить вѣрный отказъ на свои предложенія, а что онъ, Репнинъ, и слышать не хочетъ ничего противнаго договору. Посолъ узналъ, что Турки намѣрены послать нарочнаго въ Петербургъ, говоря, что посолъ ихъ дуракъ. Репнинъ такъ заканчивалъ свое донесеніе: „Въ таковомъ какъ здѣшнее правленіе ничего вѣрнаго нѣтъ, понеже и самъ государь не всегда вѣренъ въ своемъ мѣстѣ, почему хотя и льщусь я, что до разрыва дѣло не дойдетъ, ко всему однакожъ надлежитъ быть готовымъ. Татарскія дѣла насъ безъ важныхъ хлопотъ николи не оставятъ, если не найденъ будетъ способъ хана Девлетъ-Гирея и главныхъ ихъ чрезъ него выиграть, а у нихъ деньги я думаю все могутъ сдѣлать.“ Въ отвѣтномъ рескриптѣ императрицы говорилось: „Мы ожидаемъ высылки изъ Константинополя татарской депутаціи, служащей единственно къ развращенію турецкой черни, а тѣмъ самымъ и приводящей правительство въ напрасныя хлопоты и заботу; такъ равномѣрно безпосредственнаго испражненія отъ войскъ крѣпости таманской. Отнюдь не можемъ вмѣщать (понять), чтобъ министерство Порты предпочло уступить несправедливымъ жалобамъ вѣтреныхъ Татаръ и нескладнымъ жалобамъ нѣкоторой части своей черни, нежели соблюсти достоинство свое предъ свѣтомъ, добрую вѣру предъ нами и святость клятвы предъ Богомъ. Между убѣжденій, которыя много разъ и предъ симъ уже повторены, можно помѣстить и сіе уваженіе кстати, что ежели правительству на все требовать согласія отъ черни и по ея прихотямъ неремѣнять государственныя постановленія, то ничего не будетъ ни священнаго, ни надежнаго*), а чрезъ то самое и погрузить себя паки въ бездну неизвѣстностей, изъ которыхъ выведено оно одною нашею умѣренностію; что мы посреди войны предвидѣли уже, что татарское дѣло въ новомъ его бытіи не скоро придетъ въ прямой его образъ по дикости и легкомыслію Татаръ: но не взирая на сіе лучше хотѣли понести до времени нѣкоторое отъ нихъ безпокойство, слѣдуя тутъ нашему

*) Подчеркнутыя слова приписаны собственноручно Екатериною.

собственному человѣколюбію, нежели инако будущему съ Портою оттоманскою миру положить основаніемъ совершенное ихъ огнемъ и мечемъ истребленіе, которое всемѣрно состояло во власти нашей по собственному тогда признанію всѣхъ вообще Татаръ, отъ котораго и нынѣ ни они, ниже сама Порта справедливо отрещись не могутъ; что такимъ образомъ и не уважаемъ мы настоящимъ сопротивленіемъ Татаръ собственному ихъ благоденствію, довольствуясь тутъ соглашеніемъ и обязательствами Порты оттоманской, опредѣляющими оное на первый случай и предоставляя имъ образумиться отъ времени и испытанія, когда они дѣйствительно уже вкусятъ неизвѣстные еще имъ плоды собственной независимости и между тѣмъ перебродятъ въ своемъ квасѣ, только бы Порта не подавала имъ причины къ соблазну уваженіемъ нынѣшнихъ ихъ жалобъ, а особливо вывела изъ Тамани войска свои, остающіяся тамъ подъ тщетнымъ предлогомъ и именованіемъ гостей, которыя однакожъ употребляются отъ Татаръ во всѣ ихъ внутренніе раздоры, да и сами себя считаютъ не гостями, а владыками тамошнихъ мѣстъ; что напослѣдокъ противу этого надобно дѣйствовать войскомъ, при согласіи крымскаго хана, а иначе достигнуть этого нельзя; когда же начнется рѣчь о войскѣ, то выставляютъ препятствіемъ мирный договоръ съ Портою."

Когда послано было къ хану Девлетъ-Гирею за поясненіемъ кубанскихъ событій, то ханъ отвѣчалъ прямо, что крымскія и ногайскія орды согласно отправили къ Портѣ оттоманской челобитчиковъ съ прошеніемъ, чтобъ имъ по закону магометанскому вольными не быть; но, не дождавясь рѣшенія Порты, Шагинъ-Гирей съ нѣсколькими войсками пріѣхалъ къ Копылу и тамъ непристойными внушеніями между народомъ хотѣлъ сдѣлать коварную помѣху общему намѣренію, что мусульманской чести непристойно. Кромѣ того, Шагинъ-Гирей первый напалъ ночью на несогласныхъ съ нимъ султановъ, князей и мурзъ, которые принуждены были, спасая себя, отражать его нападенія; Шагинъ-Гирей потерпѣлъ неудачу и возвратился. Между тѣмъ русскій агентъ въ Крыму капитанъ Мавроени въ донесеніяхъ своихъ подтверждалъ то, что писалъ Шагинъ-Гирей о замыслахъ и обязательствахъ Девлетъ-Гирея. Мавроени доносилъ, что въ прежнее время крымскіе ханы получали отъ турецкаго султана жалованья не менѣе 80.000 рублей; а теперь посламъ, отправленнымъ въ Константинополь, ве-

лѣно тамъ сказать, что Крымцы не только эти суммы получать не желаютъ, но и отъ себя, сколько угодно, будутъ султану платить. Девлетъ-Гирей пригласилъ Мавроени къ себѣ, принялъ очень ласково, пригласилъ сѣсть и началъ говорить о Веселицкомъ съ сожалѣніемъ, какъ его обидѣлъ, обезчестилъ бывшій ханъ Сагибъ-Гирей. Тутъ пришелъ бывшій Нурадинъ-султанъ, и ханъ обратился къ нему со словами: „Бога вы не боялись, что получая подарки отъ этого добраго и почтеннаго старика Веселицкаго нанесли ему такое безчестіе". Нурадинъ отвѣчалъ: „мы ему ничего не сдѣлали, только послали посмотрѣть турецкихъ военныхъ кораблей."—„Такихъ военныхъ кораблей онъ много видалъ, сказалъ Мавроени: но не такъ жаль того, что Веселицкаго отправили подъ карауломъ смотрѣть турецкихъ кораблей, какъ того, что при этомъ убито больше ста человѣкъ его свиты."—„Я бы этого никогда не сдѣлалъ, сказалъ ханъ; а еслибъ и взялъ подъ караулъ, то по окончаніи дѣла отпустилъ бы честнымъ образомъ. Это Сагибъ-Гирей сдѣлалъ по глупости: находящійся въ Константинополѣ русскій полковникъ (Петерсонъ) писалъ ко мнѣ, требуетъ пяти или шести человѣкъ русскихъ солдатъ, которыхъ будто бы мои Татары украли; но ихъ укралъ самъ Шагинъ-Гирей и продалъ Черкесамъ; онъ всѣмъ нашимъ обществомъ проклятъ; онъ будетъ наносить вредъ и Россіи, и Турціи, и Крыму, и потому надобно его взять или въ Крымъ, или въ Россію.

Въ концѣ іюля дѣла Шагинъ-Гирея на Кубани пошли хорошо, и онъ писалъ Щербинину: „Сего іюля 23 дня вступилъ я въ крѣпость Копылы. Едичкульская орда вся и Келичинское поколѣніе мнѣ подчинились, вслѣдствіе чего каковы клятвенныя увѣренія на присяжныхъ листахъ утверждены печатьми дали мнѣ, съ оныхъ препровождаю копіи, прося вознесть оныя къ свѣдѣнію ея и. в—ства съ изъясненіемъ моей наичувствительнѣйшей благодарности, которую по смерть мою продолжать не премину. Есть надежда въ самомъ ближайшемъ времени и всѣ мои дѣла съ помощію Божіею къ желаемому концу довесть; но только прошу васъ, моего пріятеля не оставлять своимъ стараніемъ и ходатайствомъ о доставленіи мнѣ высокомонаршихъ пособій и впредь таковыхъ, каковыми я до сего изъ особливаго великодушія и милосердія ея в—ства имѣлъ счастіе снабдеваемъ быть". Въ письмѣ къ Бринку Шагинъ-Гирей прямо указывалъ, какія ему нужны пособія: „очень было бы

хорошо при Едичкульской ордѣ опредѣлить русскую команду; а силы команды опредѣлить нельзя, то снабдить хотя денежнымъ вспоможеніемъ." Находившійся при Шагинъ-Гиреѣ переводчикъ Константиновъ писалъ Щербинину: „Нѣтъ надежды укрѣпить этотъ край одною властью Калги-султана надъ здѣшними ордами, ибо власть его безъ подкрѣпленія съ нашей стороны очень слаба. Теперь самое удобное время къ возведенію Шагинъ-Гирея въ ханы, ибо, съ одной стороны, въ Крыму замѣшательство; съ другой обласканные нашими деньгами здѣшніе народы еще не простудили горячихъ обѣщаній султану, которыя, по прошествіи нѣкотораго времени, могутъ подвергнуться перемѣнѣ; и такъ надобно ковать желѣзо пока горячо. Для достиженія цѣли надобно употребить еще столько же денегъ, сколько издержано, и двинуть войска, безъ нарушенія впрочемъ договора, а подумаетъ сама Порта, да если хочетъ и вразумить Татарамъ, что въ случаѣ новой за нихъ между обѣими имперіями войны, они, Татары, будутъ первою, необходимою и можетъ быть и единою жертвою оной; что тогда, испытавъ мы нынѣ тщетность попеченія нашего о ихъ цѣлости и благосостояніи, не возможемъ уже при всей нашей претительности къ строгимъ и жестокимъ мѣрамъ, возбранить истинному и существительному интересу имперіи нашей отяготить надъ Татарами всю свирѣпость оружія и разрушивъ самое ихъ бытіе, дабы оное впредь не могло паки претвориться въ источникъ раздора между Россіею и Портою оттоманскою."

Преданный Россіи Калга-султанъ Шагинъ-Гирей не уживался съ Татарами, и когда Щербининъ увѣщевалъ его, чтобъ старался пріобрѣсть популярность у своего народа и представлялъ въ примѣръ хана Девлетъ-Гирея, который ласковостію достигъ ханства, то Шагинъ-Гирей отвѣчалъ: „Девлетъ-Гирей пріобрѣлъ ханское достоинство клятвеннымъ обѣщаніемъ уничтожить татарскую независимость". Когда братъ мой Сагибъ-Гирей письменно спросилъ Крымцевъ, за какую вину отрѣшили они его отъ ханства, спросилъ въ такихъ выраженіяхъ: „Къ лишенію чина и удаленію изъ отечества брата моего Калги-султана (Шагинъ-Гирея) объявили вы ту причину, будто онъ держится русской стороны, имѣя къ ней сильную привязанность: но противъ меня что вы можете сказать?"—то Крымцы отвѣчали ему: „Мы не имѣемъ къ вамъ никакого опасенія, подозрѣнія и сомнѣнія; но предпочли мы вамъ Девлетъ-Гирея

единственно потому, что онъ клятвенно обѣщалъ уничтожить тяжкую для насъ независимость; ибо по причинѣ поступковъ нашихъ противъ Россіи вольность должна быть причиною нашей гибели и разоренія.“ Калга-султанъ далъ знать, что Крымцы, потерявъ надежду, чтобы Порта удержала ихъ въ своемъ подданствѣ, обратились тайнымъ образомъ къ янычарскому обществу съ внушеніемъ, что если Порта оставитъ ихъ подъ покровительствомъ Россіи, державы христіанской, то они принуждены будутъ покинуть магометанскій законъ; янычары отвѣчали, чтобъ Крымцы прислали къ нимъ объ этомъ явное прошеніе, обѣщаясь помочь имъ, и Крымцы послали прошеніе.

Этого Калгу Шагинъ-Гирея въ Петербургѣ хотѣли утвердить на Кубани, среди ногайскихъ или едисанскихъ Татаръ, и Щербининъ получилъ повелѣніе—„удержать Калгу-султана какъ въ хорошемъ его расположеніи къ интересамъ высочайшаго двора, такъ и въ знатности, кредитѣ и почтеніи между ногайскими ордами, дабы его имѣть на всякій случай готовымъ и надежнымъ орудіемъ къ преградѣ“ совокупнымъ проискамъ Порты оттоманской и хана крымскаго. Но совокупные происки предупредили. Назначенный отъ Девлетъ-Гирея на Кубань сераскиромъ Тохтамышъ-Гирей султанъ соединился въ октябрѣ съ султанами, вышедшими изъ Темрюка, напалъ на часть эдичкульской орды, преданную Шагинъ-Гирею, перебилъ и ограбилъ сопротивлявшихся; спаслось только 18 мурзъ, которые прибѣжали къ Шагинъ-Гирею съ укорами, что онъ обнадежилъ ихъ русскою помощью, а между тѣмъ выдалъ на разоренье. Шагинъ-Гирей, видя, что находившійся при немъ русскій эскадронъ не въ состояніи защитить его, уговорилъ его отойти, а самъ отдался въ плѣнъ Татарамъ, когда султаны и мурзы, по настоянію Русскихъ, присягнули, что ему никакого вреда не будетъ. Русскій отрядъ, при своемъ уходѣ, встрѣтилъ большія препятствія: при переправѣ черезъ рѣку бѣжавшіе еще при Петрѣ Великомъ донскіе казаки Некрасовцы дали ему лодки, но вытребовали сто рублей; а Татары потребовали, чтобъ онъ далъ имъ подписку, что не видалъ отъ нихъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій, иначе велятъ сейчасъ же разграбить и разбить; подписку принуждены были дать.

Бригадиръ Бринкъ, стоявшій при устьѣ Еи, отправился къ Калгѣ узнать отъ него самого о положеніи дѣлъ. Калга объявилъ, что

для утвержденія вольности крымскихъ Татаръ необходимо изданіе манифестовъ съ русской и турецкой стороны, съ яснымъ заявленіемъ, что старанія объ уничтоженіи этой вольности не будутъ пріятны ни той, ни другой державѣ; тогда Татары и успокоятся на этомъ, какъ на рѣшеніи судьбы. „Такъ какъ твердое соблюденіе постановленнаго, говорилъ Калга, будетъ непосредственно зависѣть отъ крымскихъ хановъ, то судите: если душа не можетъ терпѣть какой вещи, то можетъ ли вмѣстить въ себя эту вещь тѣло? если же чего душа желаетъ страстно, можетъ ли вопреки ея склонности тѣло этого не принять? Каждый властитель есть душа своей области. По этой причинѣ я и заявлялъ много разъ, что пока крымскій ханъ не будетъ внутренно склоненъ къ независимости, до тѣхъ поръ ненадежна прочность трактата и спокойное поведеніе татарскаго народа. Объ этомъ повторялъ я много разъ и князю Василью Михайловичу Долгорукову, и Евдокиму Алексѣевичу Щербинину, когда, по высочайшей волѣ, я уѣзжалъ изъ Полтавы въ здѣшній край. Рѣшено было дѣйствовать здѣшнею стороною; но для этого необходимо овладѣть Таманомъ, что и было бы мною сдѣлано, еслибы, вопервыхъ, не было тутъ войска турецкаго, а во вторыхъ, еслибъ исполнена была просьба Едичкульской орды о защитѣ ея войскомъ. Если есть намѣреніе успокоить Ногаевъ и утвердить между ними вольность, то подъ предлогомъ перевода войска чрезъ здѣшнія мѣста отъ Азова для усиленія керченскаго гарнизона“.

Въ Польшѣ Штакельбергъ представлялъ о необходимости окончить сеймъ, предоставивъ дѣло объ опредѣленіи границъ постоянному Совѣту. Панинъ отвѣчалъ ему, что это и его собственная мысль, и что императрица поручаетъ ему, Штакельбергу, привести ее въ исполненіе: „Вы употребите вашу обычную дѣятельность, писалъ Панинъ 8-го января, приготовить умы къ этому и особенно согласить своихъ товарищей. Я говорилъ объ этомъ съ княземъ Лобковичемъ и графомъ Сольмсомъ, и они будутъ настаивать на исполненіи нашего намѣренія при своихъ дворахъ.“ Въ концѣ января Штакельбергъ писалъ: „Слишкомъ много причинъ бояться, что польскія дѣла, затягиваясь, кончатся полнымъ разрушеніемъ этого государства, такъ что не будетъ никакихъ средствъ помѣшать этому событію. Я успѣлъ вывести иностранныя войска изъ королевства, я буду неутомимо препятствовать, чтобъ они не вошли опять; но

мнѣ нельзя будетъ предотвратить это несчастіе, если интересъ какихъ-нибудь магнатовъ, которые среди смуты надѣются осуществить свои честолюбивые планы, возьметъ верхъ надъ интересомъ государственнымъ. Бенуа мнѣ сказалъ, что его король принялъ твердое рѣшеніе ввести свои войска въ Польшу, если Поляки не кончатъ къ 1-му марта. Я счелъ своею обязанностію предувѣдомить ихъ объ этомъ, указать имъ на опасность; они должны уже пенять сами на себя, если хотятъ низвергнуться въ пропасть. Я сдѣлалъ для себя постояннымъ принципомъ соединять счастіе и спокойствіе Польши съ интересами Россіи; они неразрывны и думаю, что сердце и человѣколюбіе ея и. в. будутъ этимъ удовлетворены. Перемѣны, произведенныя въ формѣ правительства, сдѣланы согласно этому принципу, настоящему положенію Польши и соединенному плану троихъ дворовъ. Но здѣсь существуетъ значительная партія: будучи недовольна тѣмъ, что дѣлается, она хочетъ все перевернуть вверхъ дномъ и возстановить прежнюю анархію. Она питается мечтами и обнимаетъ малѣйшій фантомъ. Если неистощимыя интриги, которыми она осаждаетъ всѣ дворы, могущія имѣть вліяніе на судьбу Польши, получатъ малѣйшій успѣхъ, это государство должно погибнуть. Я ѣздилъ къ королю, чтобъ уговориться на счетъ окончанія дѣлъ; я нашелъ у него Браницкаго, и мы вмѣстѣ съ королемъ стали его убѣждать, какими опасностями грозитъ проволочка. Наконецъ намъ показалось, что онъ убѣдился и обѣщалъ искренне намъ содѣйствовать.“

Въ началѣ февраля, увѣдомляя о возобновленіи конференцій съ делегаціею, Штакельбергъ опять жаловался на медленность, выставляя ей двѣ причины: „Несогласіе, господствующее между вельможами польскими, которые собираются на конференціи у короля для разсужденія о дѣлахъ собственно польскихъ, не интересующихъ сосѣднія государства. Вторая причина, переставшая быть тайною для Поляковъ, состоитъ въ рѣшительномъ нежеланіи моихъ обоихъ товарищей, особенно Бенуа, окончить дѣла. Легко понять вліяніе этого на химерическіе умы Поляковъ. Я притворяюсь, что не замѣчаю расположенія моихъ товарищей и продолжаю двигать дѣла, пока ихъ летаргія не превратилась въ оппозицію. Въ тайныхъ внушеніяхъ нѣтъ недостатка. Вѣроятно оба двора надѣются, что продолженіе дѣлъ будетъ для нихъ источникомъ благопріятныхъ событій. Трудность моей роли между польскими фантазіями и по-

литикою обоихъ товарищей не избѣжитъ отъ вашего вниманія. Существенный интересъ ея величества, состоящій въ сохраненіи здѣшней страны, предписываетъ мнѣ величайшую осторожность. Мнѣ предстоитъ одно изъ двухъ: или лавировать, преодолѣвая трудности переговорами, способными согласить общіе и частные интересы съ моею цѣлію, или круто повернуть дѣло, чтобъ были введены иностранныя войска: я предпочитаю первое, хотя оно требуетъ много времени, ибо второе повлечетъ къ величайшимъ затрудненіямъ, увеличивая претензіи двухъ дворовъ, разъ ихъ войска вступятъ въ страну. Ваше сіятельство, употребите весь свой кредитъ при обоихъ дворахъ, чтобъ убѣдить ихъ въ необходимости кончить дѣла, а не отравлять ихъ съ цѣлію подѣлить остальную Польшу.

Отъ 14-го февраля Штакельбергъ увѣдомилъ, что начали разсуждать о диссидентскомъ дѣлѣ. Обнаружились прежній фанатизмъ, прежнія волненія. „Нунцій, все духовенство, всѣ монахи постоянно осаждаютъ членовъ делегаціи, внушая имъ ревность самую слѣпую. Ревицкій явно проповѣдуетъ согласіе, а подъ рукою поддерживаетъ всѣ внушенія нунція. Наконецъ, когда положили начать дѣло, Ревицкій сказалъ, что не смотря на согласіе, царствующее между тремя дворами, его дворъ, будучи католическимъ, не можетъ покинуть своей религіи; не одобряя ничего, что можетъ повести къ притѣсненіямъ диссидентовъ и Грековъ неуніатовъ, онъ, Ревицкій, предложитъ свои добрыя услуги для поддержанія правъ господствующей религіи. Такъ какъ подъ этими словами разумѣется вообще исключеніе диссидентовъ изъ законодательства, то легко представить впечатлѣніе, произведенное этими словами на фанатиковъ, у которыхъ большинство. Когда Ревицкій кончилъ, я сталъ уговаривать делегацію обратить вниманіе на слова австрійскаго министра на счетъ удаленія его двора отъ поддерживанія фанатизма и религіознаго преслѣдованія. Эти чудовища часто окровавляли Польшу и въ послѣднее время дали предлогъ къ бунту и войнѣ междоусобной, такъ что сосѣдніе дворы должны были войти въ соглашеніе о возстановленіи спокойствія. Я кончилъ словами, что всегда съ удовольствіемъ приму добрыя услуги Ревицкаго въ переговорахъ, относительно которыхъ, мнѣ кажется, делегація руководится ложнымъ принципомъ: кажется она думаетъ, что дѣло надобно начинать сначала, тогда какъ мы должны отправляться отъ оснований, которымъ служитъ договоръ 1768 года. Бенуа почти слово въ

слово повторилъ мою рѣчь, прибавивъ, что его государь старался и всегда будетъ стараться о поддержаніи правъ диссидентовъ. Ревицкій не сказалъ больше ни слова, а назначили епископовъ и нѣсколько сенаторовъ и шляхты для конференцій въ моемъ домѣ; Ревицкій объявилъ, что не будетъ присутствовать при этихъ конференціяхъ, хотя прежде обѣщалъ добрыя услуги. Я постарался пригласить Бенуа."

16-го февраля окончилось страшное диссидентское дѣло, по выраженію Штакельберга. Поведеніе Ревицкаго заставило Штакельберга и Бенуа потребовать отъ него положительнаго объясненія, имѣетъ ли онъ отъ своего двора приказаніе разорвать соглашеніе между тремя дворами изъ-за диссидентскаго дѣла. Прижатый такимъ образомъ къ стѣнѣ, Ревицкій сталъ выражаться яснѣе предъ Поляками, и тѣ стали умѣреннѣе. Диссиденты и Греки-неуніаты сохранили право участвовать въ законодательствѣ только въ опредѣленномъ числѣ. Подтверждены были права православной и диссидентской шляхты на всѣ должности военныя, административныя и судебныя, а чрезъ это для нихъ осталась отворенною дверь ко вступленію въ постоянный Совѣтъ. Поведеніе Ревицкаго такъ разсердило Екатерину, что когда австрійскій дворъ сталъ просить позволенія закупать лошадей на югѣ Россіи, то она написала: „Отказано, всѣ лошади померли." Но оставалось еще дѣло о торговомъ договорѣ между Польшею и Пруссіею: „Кажется, писалъ Штакельбергъ, что прусскій король или вовсе не хочетъ заключать торговаго договора, или низвести Польшу на степень прусской колоніи." Штакельбергъ долженъ былъ, по его выраженію, принять на себя въ этомъ дѣлѣ роль польскаго уполномоченнаго, уговаривая Бенуа быть снисходительнымъ. Но уговоры не помогали. Положеніе Штакельберга было затруднено тѣмъ, что русская армія возвращалась послѣ турецкой войны чрезъ польскія владѣнія, отъ чего поднялся страшный крикъ на сеймѣ, жалобы на разореніе, требованіе, чтобъ армія была немедленно выведена.

Дѣло о торговомъ договорѣ съ Пруссіею не двигалось. Бенуа требовалъ, чтобъ всѣ прусскія мануфактурныя произведенія входили въ Польшу безпошлинно, а польскія, входя въ Пруссію, оплачивались. Наконецъ Штакельбергу удалось уговорить Бенуа согласиться на взаимность относительно пошлинъ. 1-го апрѣля посолъ извѣстилъ Панина о спокойномъ окончаніи двухгодичнаго сейма,

который, какъ иногда казалось, долженъ былъ кончиться разрушеніемъ Польши. Дѣло опредѣленія границъ осталось на рѣшеніи Постояннаго Совѣта, согласно желанію Панина и Штакельберга. Трескучая рѣчь гетмана Браницкаго противъ раздѣла и противъ намѣренія Пруссіи и Австріи увеличить свои владѣнія вопреки договора о раздѣлѣ не произвела ожидаемаго имъ впечатлѣнія; Поляки не отозвались на его предложеніе идти съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои границы.

Въ январѣ Фридрихъ II писалъ Сольмсу: „Кажется гр. Панинъ подозрѣваетъ меня въ добромъ расположеніи къ вѣнскому двору; но многаго не достаетъ, чтобъ я почувствовалъ къ нему нѣжность. Я знаю его духъ, его образъ мыслей, я испыталъ отъ него много зла. Его послѣдній договоръ съ Портою и другія его дѣянія должны внушить мнѣ отвращеніе отъ двора, который не полагаетъ границъ своему двоедушію и который такъ легко дѣлается банкротомъ въ добросовѣстности, если это банкротство благопріятствуетъ его интересамъ. Я не одобрялъ его новыхъ пріобрѣтеній; я согласился на нихъ только для избѣжанія неблаговременныхъ дрязгъ и чтобъ не дать повода къ ссорѣ между тремя дворами. Но я очень хорошо видѣлъ, что Австрія беретъ вдвое противъ своей доли какъ землею, такъ и людьми; ея недавній захватъ въ Молдавіи и Валахіи исполняетъ мѣру ея ненасытности, и приращеніе силы, которой она этимъ достигаетъ, вовсе не шуточное. Несмотря на все это, европейскія отношенія и война, которую Россія только что кончила, заставляютъ меня думать, что теперь не время противиться Австріи. Между тѣмъ поведеніе Австріи требуетъ величайшаго вниманія и заслуживаетъ серіозныхъ размышленій относительно будущаго. Надобно подумать, какъ бы поставить оплотъ жадности австрійскаго дома, который, если дать ему волю, перейдетъ всякія границы. Я буду очень радъ узнать мысли графа Панина на этотъ счетъ. Я думаю, что когда придетъ время положить должныя границы его честолюбію и усиленію, надобно будетъ начать дѣло переговорами, чтобъ приготовить матеріалъ и не поступить опрометчиво въ проведеніи нужныхъ мѣръ. Положеніе австрійскаго дома можетъ сдѣлаться очень критическимъ. Предложеніе посредничества въ дѣлѣ Молдавіи и Валахіи, сдѣланное Франціею Портѣ, кажется очень способно поссорить Австрію съ этою державою. У ней также недоразумѣніе съ Англіею, такъ что безо всякаго чуда вѣнскій дворъ

можетъ очутиться одинокимъ, подверженнымъ ненависти цѣлой Европы. Между тѣмъ очень вѣрно, что онъ не уступитъ ни пяди земли, захваченной въ Польшѣ, что мой примѣръ перенесенія границы назадъ не произвелъ на него никакого дѣйствія, вслѣдствіе чего я опять продвинулъ ее впередъ, чтобъ не усиливать еще болѣе Австріи. Въ такомъ положеніи находятся дѣла теперь. Я вполнѣ согласенъ съ графомъ Панинымъ, что такъ какъ переговоры съ делегаціею и депутатами нескончаемы, то пусть каждый остается при томъ, что имѣетъ въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени, когда можно будетъ получить ратификацію польской республики, а между тѣмъ оканчивать успокоеніе этой страны независимо отъ дѣла установленія границъ. Мнѣ кажется, что мое внушеніе объ опасности, угрожающей польскому королю въ случаѣ выхода русскихъ войскъ изъ Польши, не произвело надлежащаго впечатлѣнія на графа Панина, хотя оно заслуживаетъ вниманія; ибо вѣрно, что польская нація согласна въ одномъ, въ общей и сильной ненависти къ этому государю.“

Въ маѣ мѣсяцѣ Фридрихъ II былъ встревоженъ депешею, полученною изъ Варшавы отъ Бенуа: „Гетманъ Браницкій отправляется въ Москву. Такъ какъ онъ внушаетъ Полякамъ, что у него особенныя связи при русскомъ дворѣ, могущія произвести со временемъ полную перемѣну системы въ отношеніяхъ трехъ державъ, сосѣднихъ Польшѣ, то легко заключить, съ какимъ намѣреніемъ графъ Браницкій предпринимаетъ это путешествіе. Его планъ состоитъ въ томъ, чтобъ разъединить три двора, для чего онъ не оставитъ употребить всякаго рода ложныя донесенія, посредствомъ которыхъ онъ надѣется увѣрить петербургскій дворъ, что все сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ никуда не годится и надобно установить другую правительственную форму. Онъ особенно хвастался тѣмъ, что генералъ Потемкинъ вполнѣ ему сочувствуетъ, и потому онъ знаетъ гораздо больше, чѣмъ русскій министръ въ Варшавѣ, который ходитъ ощупью. Онъ придаетъ огромную важность учтивостямъ, которыя ему будутъ оказаны въ Москвѣ. Поляки уже навострили уши и ждутъ съ нетерпѣніемъ послѣдствій этой новой поѣздки. Какой-то Монтрезоръ, котораго Браницкій отправилъ въ Москву и на котораго здѣшніе невѣжды смотрятъ какъ на повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ, недавно написалъ Браницкому, что въ Россіи расхваливаютъ его поведеніе въ делегаціи и

особенно восхищаются его прекрасною рѣчью, произнесенною въ концѣ сейма."

При русскомъ дворѣ и безъ Браницкаго знали, какое вліяніе произведено въ Польшѣ тѣмъ, что Фридрихъ II велѣлъ присягать себѣ на вѣрность жителямъ тѣхъ польскихъ мѣстностей, которыя не слѣдовали ему по договору. Панинъ, не смотря на все свое доброжелательство къ Пруссіи, долженъ былъ выразить Сольмсу неодобреніе своего двора такому поступку. Фридрихъ писалъ по этому случаю своему послу: „Вамъ было бы легко оправдать мой поступокъ, напомнивъ этому министру, что основаніемъ нашего раздѣльнаго договора было соблюденіе совершеннаго равенства между долями сораздѣляющихъ государствъ. Когда Россія нашла противнымъ смыслу договора, чтобъ Австрія распространила свои границы за Сбручъ, а я за Нетце, я сейчасъ же перенесъ мои пограничные столпы со спорнаго мѣста изъ уваженія къ представленіямъ Россіи, моей доброй и искренней союзницы; я сдѣлалъ это въ надеждѣ, что Австрія окажетъ такое же уваженіе къ русскимъ представленіямъ и, по моему примѣру, удержится отъ распространенія своихъ границъ. Но такъ какъ эта надежда не исполнилась, Австрія продолжаетъ удерживать свой захватъ, то я счелъ себя въ правѣ опять подвинуть впередъ свои пограничные столпы и потребовать присяги отъ жителей. Ни одинъ справедливый человѣкъ не можетъ требовать, чтобъ я одинъ принесъ требуемую жертву, и Россія можетъ желать одного: когда Австрія сократитъ свои границы, чтобъ и я сдѣлалъ то же самое. Если моя добрая союзница склонитъ къ этому вѣнскій дворъ, то не встрѣтитъ съ моей стороны ни малѣйшаго препятствія!"

А въ Вѣнѣ шелъ другой разговоръ. Кауницъ говорилъ кн. Голицыну: „Польская республика дурно соблюдаетъ свои интересы, выставляя столько препятствій для опредѣленія границъ: ибо, чѣмъ болѣе тянетъ она это дѣло, тѣмъ болѣе король прусскій пользуется имъ для распространенія своихъ границъ."—„Еслибъ Австрія, возразилъ Голицынъ, пожертвовала округомъ, о которомъ сначала шелъ весь споръ, то она отняла бы у короля предлогъ переступать съ своей стороны границы, предписанныя договоромъ."—„Все это такъ, отвѣчалъ Кауницъ, но такъ какъ мы взяли то, что намъ принадлежитъ, то противно было бы достоинству моего двора отступать со вредомъ для него, чтобъ только воспрепятствовать за-

хвату короля. И теперь нельзя моему двору подвергнуть себя такому посмѣшищу."—Голицынъ замѣтилъ на это, что вѣнскій дворъ требуетъ здѣсь посредничества Россіи; но положеніе послѣдней будетъ крайне затруднительно при рѣшеніи такого дѣла, гдѣ ни одна сторона не хочетъ уступить, не обращая никакого вниманія на обиду польскаго народа, обиду явную относительно захвата прусскаго короля, и довольно правдоподобную относительно австрійскихъ занятій. При всемъ желаніи уладить дѣло, Россія не можетъ тутъ ничего сдѣлать. Кауницъ отвѣчалъ, что его дворъ держится договора, гдѣ прямо сказано, что въ случаѣ спора относительно разграниченія дворы взаимно принимаютъ на себя посредничество.

Изъ Парижа кн. Борятинскій писалъ: „По многимъ отзывамъ и отвѣтамъ здѣшняго министерства, равно какъ и по распоряженіи внутреннихъ дѣлъ навѣрно почти полагаютъ, что здѣшній дворъ желаетъ надолго остаться въ покоѣ, если можно ни въ какія постороннія дѣла не вмѣшиваться; король и графъ Морепо все вниманіе обратили къ поправленію внутреннихъ дѣлъ, которыя въ немаломъ разстройствѣ, особенно финансы. Отъ графа Верженя, по тихости его нрава и по малому его при дворѣ кредиту, никакихъ широкихъ замысловъ ожидать нельзя." Когда Борятинскій, по поводу знаменитаго разрыва Англіи съ своими сѣверо-американскими колоніями, началъ говорить съ Верженомъ, что въ публикѣ толкуютъ о войнѣ Испаніи и Франціи противъ Англіи, то Вержень отвѣчалъ: „Осмѣливаюсь утверждать, что Испанія ни прямо, ни косвенно не станетъ покровительствовать англійскимъ колоніямъ, ибо этимъ подала бы поводъ своимъ и чужимъ колоніямъ оказывать такое же упорство и непослушаніе метрополіямъ; а мы съ своей стороны очень далеки отъ того, чтобъ тревожить Англію. Что касается меня лично, то главнѣйшее мое стараніе всегда будетъ о сохраненіи мира и тишины; да и король смотритъ на дѣло такимъ же образомъ. Хотя Англія и дѣлаетъ видъ, что ссору свою съ колоніями считаетъ дѣломъ маловажнымъ, а въ дѣйствительности очень этимъ озабочена; ибо, сколько намъ извѣстно, торговля съ Америкою приноситъ ей болѣе двухъ милліоновъ фунтовъ." А между тѣмъ въ публикѣ шелъ слухъ, что будетъ война съ Англіею.

Стахіевъ изъ Стокгольма въ началѣ года доносилъ, что король наединѣ жаловался на скупость французскаго двора и выражалъ

свое неудовольствіе противъ графа Верженя. „Мнѣ ужь начинаютъ наскучивать опекунскія поученія этого министра нашему посланнику графу Крейцу", говорилъ Густавъ. Разнесся слухъ, что хотятъ созвать чрезвычайный сеймъ вслѣдствіе убожества казны; а между тѣмъ отъ знатныхъ лицъ слышались жалобы, что король ни мало не заботится о порядочномъ производствѣ государственныхъ дѣлъ, заботится только объ удовлетвореніи своихъ и своей фамиліи прихотей и забавъ, не обращая вниманія, что онѣ наконецъ становятся несносными для государства; пренебрегаетъ представленіями, которыя ему дѣлаются противъ его роскошной жизни, все болѣе и болѣе слушается совѣтовъ молодыхъ людей, а пожилыхъ убѣгаетъ; а изъ провинцій приходили жалобы на несносную тягость податей, на строгость, съ какою онѣ сбираются. На маскарадѣ сенаторъ графъ Ферзенъ говорилъ датскому посланнику: „Прежній французскій посланникъ графъ Верженъ, какъ дѣльный человѣкъ, не могъ быть пріятенъ нашему двору. Гораздо ласковѣе обращаются съ настоящимъ посланникомъ, графомъ Дюсономъ, потому что онъ искусенъ въ задаваніи пировъ и въ другихъ пустякахъ, а дѣльными представленіями безпокоить не любитъ, а намъ то и надобно. Его величество гораздо охотнѣе бываетъ въ маскарадѣ, чѣмъ въ Сенатѣ, ибо въ Сенатѣ ему безпрестанно жалуются на скудость государственной казны, а въ маскарадѣ онъ видитъ удалыхъ и беззаботныхъ юношей съ ласковыми женщинами, которыя скорѣе представляютъ здѣшнее государство богатымъ, чѣмъ изнуреннымъ." Печать, не смѣя говорить явно, расхваливала короля Карла XI именно за тѣ качества, которыхъ не было у Густава III.

Стахіевъ переведенъ былъ въ Константинополь; на его мѣсто пріѣхалъ Симолинъ изъ Копенгагена въ концѣ мая и писалъ Панину: „Такъ какъ большинство живетъ по деревнямъ, то я видѣлъ только немногихъ изъ нашихъ старыхъ друзей или колпаковъ; я обошелся съ ними какъ можно радушнѣе, хотя мы не можемъ извлечь изъ нихъ никакой пользы для нашихъ видовъ и интересовъ въ этой странѣ." Король ѣздилъ въ Финляндію и былъ очень недоволенъ этою поѣздкою, потому что императрица писала ему передъ тѣмъ, что не можетъ съ нимъ видѣться по причинѣ поѣздки въ Москву. Пріѣхавши въ Финляндію, Густавъ отправилъ въ Москву графа Левенгаупта съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи въ сосѣдство Россіи. Чтобъ заплатить учтивостію за учтивость, Ека-

терина отправила въ Стокгольмъ графа Андрея Шувалова поздравить короля съ возвращеніемъ изъ путешествія. Король долго не принималъ Шувалова, наконецъ принялъ. „Во время аудіенціи, писалъ Шуваловъ, король былъ задумчивъ, нѣсколько смущенъ и холоденъ. Я его нашелъ одного сидящаго почти на столѣ посреди кабинета. Послѣ моей рѣчи и его отвѣта, вдругъ его величество соизволилъ перемѣнить осанку и голосъ, и съ нѣкоторою ласкою близь получаса изволилъ разговаривать о посторонних совсѣмъ матеріяхъ, о французскихъ писателяхъ, о новой философіи, о просвѣщеніи вѣка нашего и о прочемъ, подающемъ способы блистать остротою. Но при томъ мнѣ показалось, что король когда и обращалъ иногда разговоръ на Россію, то съ крайнею осторожностію выбиралъ рѣчи, которыя бы не могли подать повода къ малѣйшей похвалѣ Россіи въ разсужденіи славныхъ ея побѣдъ, заключеннаго знаменитаго мира или прошедшихъ по тому случаю торжествъ, также и о ихъ императорскихъ высочествахъ (великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ и супругѣ его) ни единаго слова не спросилъ и не молвилъ. Теперь увѣдомить не безнужно почитаю, что король и его друзья въ разсужденіи Россіи всю свою надежду полагаютъ на французскія интриги въ томъ мнѣніи, что они могутъ свести россійскій и шведскій дворы или, по крайней мѣрѣ, уменьшить справедливое раздраженіе нашего двора, которое тѣмъ для нихъ страшнѣе, что оное скрыто и въ границахъ наружной благопристойности обращается.“ 14-го августа Шуваловъ писалъ: „Ледяной пріемъ, испытанный мною по пріѣздѣ сюда, не измѣнился до сей минуты, когда я получилъ отпускную аудіенціи у короля. Вѣрю, что Левенгауптъ уговорилъ короля такимъ образомъ обойтись со мною, ибо извѣстно, что король не отказываетъ ни въ чемъ своимъ фаворитамъ. Но не менѣе вѣрно, что французскій посланникъ, самая не министерская голова, какая только есть въ распоряженіи версальскаго кабинета, сильно заподозрилъ мой пріѣздъ. Онъ испугался, что я присланъ сдѣлать королю нѣкоторыя внушенія, и чтобъ король также черезъ меня не сдѣлалъ какихъ-нибудь секретныхъ предложеній русскому двору. Первый страхъ былъ основанъ на общемъ здѣсь мнѣніи, что навѣрное подъ моимъ церемоніальнымъ порученіемъ скрывается что-нибудь болѣе существенное. Второй страхъ былъ основанъ на знаніи характера королевскаго, колеблющагося, чрезвычайно легкомысленнаго и жаднаго къ

новому, характера, который смущаетъ и волнуетъ постоянно всѣхъ Шведовъ, лакеевъ версальскаго, двора и распространяетъ лучъ радости и надежды въ душѣ ихъ противниковъ. Это объясняется смущеннымъ, задумчивымъ и безпокойнымъ видомъ французскаго посланника въ первые дни моего пріѣзда. Кромѣ того, двѣ вещи подтверждаютъ меня въ этомъ мнѣніи: первое—не задолго до моего пріѣзда была размолвка между королемъ и посланникомъ, который обнаружилъ недовѣріе къ королю относительно Россіи; второе, что меня считаютъ здѣсь человѣкомъ, ненавидящимъ Францію за ея политику. По этимъ причинамъ мы съ Симолинымъ заключили, что французскій посланникъ, для спокойствія и удовлетворенія своего двора, потребовалъ, чтобъ со мною обошлись болѣе чѣмъ равнодушно, особенно, чтобы привести въ отчаяніе Шведовъ, друзей Россіи, показать имъ, что король держится твердо съ помощію Франціи и не имѣетъ нужды заискивать у Россіи."

По словамъ Шувалова съ Симолинымъ обращались также холодно, какъ и съ нимъ. Одинаковое невниманіе испытывалъ и прусскій посланникъ, графъ Ностицъ, тогда какъ особенною любезностію пользовался австрійскій посланникъ молодой графъ Кауницъ, сынъ знаменитаго канцлера. Французскій посланникъ не пропускалъ случая внушать Симолину, какъ прусскій король опасенъ для спокойствія своихъ сосѣдей; какъ Россія и Франція должны быть въ тѣсномъ союзѣ для сдержанія честолюбія и хищничества этого государя; но Французъ не могъ удержаться, увлекся, пересолилъ: сталъ утверждать, что Фридрихъ II былъ единственнымъ виновникомъ послѣдней турецкой войны, польскихъ смутъ и всѣхъ затрудненій, испытанныхъ императрицею.

Панинъ въ разговорѣ съ Нолькеномъ, шведскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, обнаружилъ неудовольствіе на счетъ ледянаго пріема Шувалова въ Швеціи. Нолькенъ, разумѣется, далъ знать объ этомъ королю; какъ же тотъ объяснилъ дѣло передъ своими? За обѣдомъ онъ началъ говорить: „Графъ Шуваловъ очень недоволенъ своимъ пребываніемъ здѣсь, и я вовсе этому не удивляюсь. Человѣка слишкомъ великолѣпнаго и думающаго о себѣ, что онъ умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, императрица прислала ко мнѣ, человѣку простому во всемъ. Вы видѣли, что на прощальной аудіенціи, которую я ему давалъ, я былъ одѣтъ въ простомъ мундирѣ, а онъ расшитъ съ головы до ногъ и покрытъ бриллiантами. Императрица думала насъ

здѣсь ослѣпить остроуміемъ и великолѣпіемъ Шувалова. „Передавая Панину эти слова, Густавъ Симолинъ прибавилъ: „Правда, что его величество на послѣдней аудіенціи надѣлъ самый истасканный и грязный мундиръ, какой только можно было отыскать въ гардеробѣ, чтобъ показать придворнымъ контрастъ относительно графа Шувалова“.

Симолину дано было позволеніе удалиться изъ Стокгольма, если холодность къ нему двора будетъ продолжаться. 30-го октября онъ далъ знать, что когда онъ былъ на аудіенціи у герцогини Зюдерманландской, супруги королевскаго брата, то дежурный кавалеръ не встрѣтилъ и не проводилъ его, какъ того требовалъ обычай, строго соблюдавшійся и въ королевскомъ дворцѣ. Симолинъ писалъ по этому случаю къ Панину, что такое неуваженіе даетъ ему полное право воспользоваться позволеніемъ императрицы и уѣхать изъ Швеціи, и Екатерина написала на его письмѣ: „Скажите же ему, что онъ можетъ уѣхать.“ Симолинъ писалъ также, что шведскій дворъ занимается выдумками на его счетъ. Такъ выдумано, что существуетъ клубъ недовольныхъ, гдѣ онъ предсѣдателемъ; что онъ только притворяется больнымъ для избѣжанія позора, а между тѣмъ проводитъ ночи въ этомъ клубѣ; дирекція театровъ сдѣлала ему непріятность относительно абонемента.

Донесенія свои изъ Лондона Мусинъ-Пушкинъ началъ словами: „положеніе американскихъ дѣлъ почти дошло уже до созрѣлой кризисы.“ Это положеніе дѣлъ отнимало окончательно у Англіи возможность вмѣшиваться въ восточныя дѣла противъ русскихъ интересовъ и заставляло искать русской помощи въ предположеніи, что естественные враги Англіи, Испанія и Франція, должны будутъ вмѣшаться въ американскую борьбу. Поэтому, когда Порта потребовала посредничества англійскаго короля относительно смягченія Кучукъ-кайнарджійскихъ условій, то получила отказъ; лѣтомъ Мусинъ-Пушкинъ былъ отозванъ и уѣхалъ, сдавши дѣла совѣтнику посольства Лизакевичу. Въ Москвѣ, гдѣ такъ пышно торжествовали Кучукъ-кайнарджійскій миръ, радуясь такъ давно и страстно желанному успокоенію, Екатерина получила письмо короля Георга III отъ 1-го сентября: „Я принимаю помощь, которую вашъ министръ предложилъ кавалеру Гуннингу, принимаю отрядъ русскаго войска, который можетъ сдѣлаться для меня необходимымъ вслѣдствіе бунта моихъ подданныхъ въ американскихъ колоніяхъ.“ Екатерина

отвѣчала (23 сентября): „Громадныя военныя приготовленія Испаніи привлекали взоры всей Европы; всѣ думали что они будутъ направлены противъ владѣній в. в—ства, противъ британскаго народа, который самъ думалъ также и безпокоился. Въ это время, при такомъ положеніи политическихъ дѣлъ, министръ в. в—ства при моемъ дворѣ желалъ имѣть подтвержденіе моихъ чувствъ, всегда громко объявляемыхъ за васъ и за вашъ народъ. Я немедленно велѣла объявить ему чрезъ мое министерство, что в. величество можетъ разсчитывать на мое доброе расположеніе, на мою готовность быть вамъ полезною и оказать вамъ дѣйствительныя услуги, независимо отъ предварительныхъ между нами обязательствъ. Опасенія относительно Испаніи исчезли, и в. в—ство увѣдомляете меня своимъ письмомъ и чрезъ своего министра, что вы объяснили и опредѣлили результатъ этихъ моихъ увѣреній въ двадцатитысячный отрядъ моего войска, который долженъ быть будущею весною перевезенъ въ Канаду. Я не могу отъ васъ скрыть, что такое вспоможеніе съ такимъ назначеніемъ не только измѣняетъ сущность моихъ предложеній, но переходитъ границы моей возможности служить вамъ. Я только что начала наслаждаться миромъ, и в. величество знаете, какъ моя имперія нуждается въ спокойствіи. Вамъ также извѣстно, въ какомъ положеніи армія, хотя и побѣдоносная, выходитъ изъ войны долгой и упорной, ведшейся въ климатѣ убійственномъ. Признаюсь прежде всего, что весенній срокъ очень коротокъ для возстановленія моей арміи. Я не говорю о неудобствахъ, которыя встрѣтятъ такой значительный отрядъ въ другомъ полушаріи, оставаясь подъ властію, ему почти неизвѣстною, и почти лишенный всякихъ сообщеній съ своимъ правительствомъ. Для собственнаго удостовѣренія въ мирѣ, который мнѣ стоилъ такихъ усилій, я не могу такъ скоро лишить себя такой значительной части войска; и в. в—ство знаете, что столкновенія съ Швеціею только временно заснули и польскія дѣла еще окончательно не установлены. Не могу не подумать и о томъ, согласно ли съ нашимъ достоинствомъ, съ достоинствомъ двухъ монархій и двоихъ народовъ соединять свои силы для того только, чтобъ утушить бунтъ, не подкрѣпляемый никакою иностранною державою. Быть можетъ также я должна выставить на видъ, что ни одна изъ державъ, имѣющихъ владѣнія въ Новомъ Мірѣ, не будетъ смотрѣть равнодушно на эту перевозку столь значительнаго

иностраннаго войска. Тогда какъ теперь онѣ не принимаютъ никакого участія въ ссорѣ англійскихъ колоній съ метрополіею, онѣ вмѣшаются въ дѣло увидя, что имѣющій важное значеніе и новый для Америки народъ призванъ принять въ немъ участіе. Отсюда очень вѣроятна европейская война вмѣсто мира, въ которомъ Англія удостовѣрена съ этой стороны".

А между тѣмъ Лизакевичъ доносилъ отъ 20 октября, что всѣ англійскія газеты наполнены извѣстіями о посылкѣ русскаго войска въ Америку, что не только Англичане, но и многіе иностранные министры въ томъ увѣрены.

1776.

Полтора года прошло съ заключенія Кучукъ-кайнарджійскаго мира, и въ началѣ 1776 года въ Петербургѣ еще не были убѣждены, что война съ Портою не начнется опять въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ мартѣ Панинъ выражался такъ: „Ясно, чрезвычайное упорство Турціи заставитъ насъ отказаться отъ какого-нибудь изъ мирныхъ условій, особенно отъ независимости Татаръ, самаго тяжкаго для нихъ условія. Мы пойдемъ хладнокровно, шагъ за шагомъ, съ большою осторожностію, чтобъ разъяснить это положеніе Портѣ и примѣнить потомъ наши средства. Мы не предполагаемъ, чтобъ они уже рѣшились на самыя крайнія мѣры и мы, по возможности, будемъ стараться не доводить ихъ до этого." Тогда же императрица писала Панину: „Скажите Стахіеву и то, что неизвѣстно, ищетъ ли Порта вправду нарушить съ нами миръ чрезъ подобныя затрудненія въ выполненіи трактата или только что министерство ихъ желаетъ корысти: то обѣщаніе процентовъ съ суммъ платимыхъ (денегъ) будетъ способъ намъ узнать прямое ихъ намѣреніе и по тому брать мѣры. Прибавьте еще, что весьма нужно скорѣе о семъ имѣть извѣстіе." До пріѣзда Стахіева въ Константинополь Репнинъ писалъ Панину отъ 21 января: „Не могу довольно изъяснить, съ какимъ прискорбіемъ вижу себя въ томъ положеніи, что нѣтъ отъ меня отправленія, въ которомъ бы не доносилъ я какой новой непріятности. Нынѣшняя, т.-е. отказъ Порты платить должныя по трактату намъ деньги, и съ тѣми изъясненіями, которыя рейсъ-ефенди при семъ случаѣ моему переводчику сдѣлалъ, кажется ясно доказываетъ ихъ рѣшимость Тамани и татарскихъ дѣлъ не оставлять, тоже денегъ намъ должныхъ не платить, да по возможности и прочія предписанія трактата по частямъ уничтожать, нарушая та-

кимъ образомъ свои обязательства подъ коварными предлогами и не начиная сами войны, но отваживаясь и готовясь ко всемъ могущимъ быть слѣдствіямъ. Вижу я при томъ почти несомнѣнно, что рейсъ-ефенди и драгоманъ Порты совершенно преданы Австрійцамъ и Французамъ и что съ ними о всѣхъ нашихъ дѣлахъ совѣтуютъ". Репнинъ доносилъ, что Турки усиливаютъ флотъ. Впрочемъ передъ самымъ отъѣздомъ Репнина Порта объявила ему, что рѣшилась продолжать платежъ денегъ.

12-го февраля пріѣхалъ въ Константинополь Стахіевъ и въ апрѣлѣ далъ знать, что „кажется турецкое министерство не намѣрено отступить отъ своихъ безпутныхъ и невѣжливыхъ требованій относительно Татаръ". Не смотря на обѣщаніе, данное Репнину и повторенное Стахіеву, до конца мая заплачено было только 200.000 левковъ, а когда со стороны русскаго посольства было замѣчено, что въ такихъ ничтожныхъ уплатахъ высказывается пренебреженіе, то рейсъ-ефенди велѣлъ отвѣчать, что не великая будетъ бѣда, если уплата перейдетъ за срокъ: дѣло обыкновенное въ долговыхъ платежахъ. Донося объ этомъ, Стахіевъ писалъ что Турки ободряются слухами о несогласіяхъ Россіи съ Шведами и Польшею, что Шведы сильно вооружаются, а въ Польшѣ готовится новая конфедерація, и въ Константинополь скоро пріѣдетъ польскій министръ. Но Стахіевъ писалъ, что все это легко въ пыль превратится, если императрица немедленно пришлетъ рѣшительный отказъ въ отмѣнѣ условія о татарской независимости, ибо состояніе Порты таково, что она не можетъ воевать и противъ Рагузинской республики. Новой войны можно было не опасаться; но надобно было ускорить платежъ денегъ за старую, и Стахіевъ обратился къ двумъ знатнымъ и сильнымъ К а н а л а м ъ, обѣщая каждому до шести процентовъ съ получаемой каждый разъ суммы; каналы согласились, обѣщая употребить всевозможное стараніе не только установить порядочный платежъ денегъ, но и обуздать замашки рейсъ-ефенди, причемъ утверждали, что Порта не въ состояніи думать ни о какихъ новыхъ военныхъ предпріятіяхъ. Въ слѣдъ за тѣмъ въ Константинополѣ съ удивленіемъ узнали о низверженіи рейсъ-ефенди; каналы дали знать Стахіеву, что новый рейсъ-ефенди ихъ пріѣхалъ, и что уплата денегъ не замедлится: деньги сыщутся у низверженнаго рейсъ-ефенди. „Бурбонскимъ министрамъ, писалъ Стахіевъ, теперь только одна надежда на переводчика Порты, котораго мои каналы также готовы смѣнить, да

не знаютъ надежнаго человѣка на его мѣсто." Каналы эти были: султанскій фаворитъ Ахметъ-ефенди и Муратъ-молла „знатный, сильный и проворнѣйшій въ корпусѣ улемовъ человѣкъ".

На всѣ приведенныя донесенія Стахіевъ получилъ отъ 25-го іюня такой рескриптъ: „Можно кажется безъ ошибки сдѣлать заключеніе, что Порта начинаетъ уже позабывать претерпѣнныя ею во время войны пораженія и бѣдствія; что коварные происки и подстреканія завистниковъ мира и дружбы нашихъ съ нею стали отчасти производить вредное свое дѣйствіе; что министерство турецкое, движимое оными, невѣжествомъ духовенства своего и воплемъ константинопольской черни, зашло по татарскому дѣлу далѣе, нежели оно сперва само помышляло; что такимъ образомъ затруднясь оно въ поведеніи своемъ относительно нашего двора, не знаетъ уже теперь какъ и выдраться изъ лабиринта положенія своего, собственною неосмотрительностію состроеннаго, и для того мечется въ разныя стороны, ища себѣ отъ обстоятельствъ пособія; что сею своею неосторожною политикою довело оно себя теперь до той крайности, что нашлось принужденнымъ подать Татарамъ явное ободреніе въ ихъ колебленности чрезъ формальное къ Девлетъ-Гирей-хану отправленіе султанской инвеституры, да и поощрять ихъ безпрестанно уже отъ себя къ вящшему противъ насъ возмущенію; что ошибившись тутъ въ приличныхъ способахъ, не находитъ турецкое министерство никакого болѣе средства остановиться на пути, а посему и дозволило себѣ напослѣдокъ, мчась стремленіемъ духовнаго фанатизма и снявъ съ Татаръ узду, попустить имъ совершенно въ ихъ буйствѣ и смотрѣть, что изъ того выйдетъ для распоряженія своей политики, не размысливъ напередъ, что сей-то путь есть самый скользкій и опасный къ вовлеченію Порты въ новую войну. Долгъ стражи ввѣренной намъ отъ промысла Божія имперіи требуетъ отъ насъ употребить заблаговременно и доколѣ еще врачеванію время остается, вопреки симъ усмотрѣніямъ и замашкамъ Порты оттоманской, всѣ отъ насъ зависящія пособія какъ физическія, такъ и моральныя. Физическими называемъ мы собранныя въ нашихъ къ Крыму и Кубани прилегшихъ границахъ не беззнатныя военныя силы." Моральнымъ средствомъ были „дружескія, но серіозныя объясненія", которыя Стахіевъ долженъ былъ имѣть съ рейсъ-ефенди. „Мы охотно желаемъ, говорилось въ рескриптѣ, показать Портѣ въ желаніяхъ ея

всѣ тѣ угодности и снисхожденія, кои могутъ согласоваться съ достоинствомъ двора нашего, съ прочностію мира и съ интересами имперіи, коль скоро изыметъ она изъ среды положенныя ею самою въ татарскомъ дѣлѣ разныя занозы и претыканія нашей доброй волѣ. Инако всячески не допустимъ мы принудить себя худыми поступками Порты до того, чтобъ отступиться отъ правъ пріобрѣтенныхъ нами толикою кровію и толиками побѣдами, утвержденныхъ священнѣйшими договорами вѣчнаго мира и принятыхъ нами въ существѣ ихъ за коренное основаніе самой политической системы нашей.“

Въ слѣдъ за тѣмъ, отъ 5-го іюля, отправленъ былъ Стахіеву другой рескриптъ: „Для учиненія на дѣлѣ начала и опыта безпосредственной торговли въ Италію и турецкія области, приняли мы за нужно отправить туда нѣсколько судовъ съ товарами, изъ коихъ четыре пошли уже въ путь свой изъ Кронштадта, а два приказано отъ насъ снарядить и нагрузить въ Ливорнѣ изъ оставшихся тамъ судовъ отъ нашего флота. Не скроемъ мы отъ васъ, что всѣ сіи суда суть въ существѣ своемъ военные наши фрегаты, что они нагружены товарами на казенный счетъ, дабы тѣмъ открыть купцамъ нашимъ глаза къ собственной ихъ пользѣ и подать къ подражанію выгодный примѣръ, и что всѣ экипажи ихъ состоятъ изъ людей военной нашей морской службы. Въ числѣ сихъ фрегатовъ пять снаряжены въ видѣ прямо купеческихъ судовъ, а шестой оставленъ одинъ въ настоящей своей военной формѣ для прикрытія оныхъ на походѣ отъ африканскихъ морскихъ разбойниковъ. По прибытіи судовъ въ Константинополь приказано командирамъ оныхъ отдать отправленные товары находящимся тамъ коммиссіонерамъ и корреспондентамъ нашего придворнаго банкира барона Фридрихса; а по сдачѣ оныхъ и по пріемѣ въ обратный путь грузовъ своихъ ожидать отъ васъ приказа о возвратномъ въ отечество плаваніи. Вслѣдствіе чего мы вамъ повелѣваемъ отправить ихъ назадъ чрезъ Константинопольскій проливъ прямо въ Керченскую гавань. Если для прохода Константинопольскимъ проливомъ надобно будетъ специальное позволеніе Порты, въ такомъ случаѣ, основывая домогательство ваше на точныхъ постановленіяхъ мирнаго трактата, предполагаемъ мы полезнѣе будетъ потребовать онаго однимъ разомъ, дабы инако частыми повтореніями не навесть у недовѣрчивыхъ Турковъ напраснаго

подозрѣнія къ нашимъ видамъ. А за важную уже услугу отъ васъ сочтемъ мы, когда предуспѣете вы и прикрывающему военному фрегату исходатайствовать отъ Порты свободу пройти Константинопольскимъ каналомъ въ Черное море подъ равнымъ предлогомъ конвоирования пришедшихъ съ нимъ торговыхъ судовъ. Для одержанія ея согласія можете вы между прочимъ представить турецкому министерству, что такая угодность будетъ конечно принята нами за отмѣнный знакъ дружбы и добраго желанія Порты утвердить оную узломъ взаимныхъ снисхожденій, что съ нашей стороны мы никогда не откажемся равнымъ образомъ уважать и исполнять требованія Порты, поколику только оныя съ основаніями мирнаго трактата согласовать могутъ, и что напослѣдокъ одно военное судно въ Черномъ морѣ весьма недостаточно обезпокоивать и въ такое время, когда она собственныя свои морскія силы имѣетъ тамъ въ толь исправномъ положеніи и многочисленности. Если не смотря на сіи дружелюбныя представленія Порта не дозволитъ прохода въ Черное море военному фрегату подъ тѣмъ предлогомъ, что въ трактатѣ выговорена свобода одному торговому плаванію, въ такомъ случаѣ имѣете вы командующему онымъ офицеру приказать, чтобъ онъ возвратился сюда тѣмъ путемъ, которымъ пришелъ.“

Рѣшительныя объясненія Стахіева съ рейсъ-ефенди по поводу татарскихъ дѣлъ привели Порту, по словамъ русскаго министра, „въ отчаяніе предуспѣть въ своихъ прихотливыхъ требованіяхъ, а ея министерство въ крайнее недоумѣніе по причинѣ внутреннихъ государственныхъ замѣшательствъ и доскональнаго истощенія государственной казны, что̀, по признанію всей публики, кончиться должно бунтомъ и низверженіемъ министерства, а можетъ быть и самого государя. Мои извѣстные два канала, писалъ Стахіевъ, постоянно продолжаютъ увѣрять, что Порта не въ состояніи ни съ кѣмъ ссориться.“ Что касается пропуска русскихъ кораблей, то рейсъ-ефенди, прочтя объ этомъ меморіалъ Стахіева, сказалъ, что еслибы пропускъ кораблей зависѣлъ отъ него одного, то онъ скорѣе допустилъ бы себя изрубить въ куски, чѣмъ пропустить корабли. „Такой неподатливый и грубый вызовъ“ заставилъ Стахіева обратиться къ своимъ каналамъ, послать къ нимъ по десятку паръ соболей, при чемъ отправилъ десятокъ соболей и къ рейсъ-ефенди „для смягченія его свирѣпаго фанатизма“; переводчику Порты отосланы были золотые съ бриллiантами часы; другимъ нужнымъ лю-

дямъ подарено по лисьей шубѣ; всего истрачено было на подарки 4,200 рублей. Но подарки не помогли; купцы англійскіе, голландскіе, французскіе, венеціанскіе распространили слухъ, что идутъ вовсе не торговыя, а военныя суда, что̀ и дало Туркамъ основаніе противиться пропуску ихъ въ Черное море. Тогда Стахіевъ началъ совѣтовать своему правительству употребить сильныя мѣры, чтобы Порта не смѣла болѣе проволакивать время въ исполненіи мирнаго договора, сдѣлать видъ, что съ русской стороны готовы вооруженною рукою заставить исполнить договоръ и для этого дать приказаніе ему, Стахіеву, отплыть на ожидаемыхъ русскихъ корабляхъ въ отечество. Сильная мѣра была принята: русское войско двинулось къ Перекопи, и 23-го октября Екатерина писала Панину: „Не лучше ли декларацію о занятіи перекопской линіи учинить въ самыхъ краткихъ терминахъ, не вызывая Порту къ негоціаціи, дабы отъ сего единаго предложенія она не возмечталась больше надежды, чѣмъ ей преподаемъ. Кому больше какъ не вамъ извѣстно, что доказательства и снисхожденія Турковъ отнюдь не убѣждаютъ. Полезнѣе всегда было, когда говорили съ ними сильнымъ тономъ. Въ разсужденіи сего мнѣ кажется обойтися можно, вновь не повторяя обстоятельствъ, сто кратъ уже переговоренныхъ и ни мало не подѣйствовавшихъ въ желаемую пользу; и сказавъ о поступкахъ (турецкихъ) противъ трактата, указать одного фельдмаршала гр. Румянцева-Задунайскаго къ сношенію съ нимъ о выполненіи артикуловъ онаго по татарскимъ дѣламъ.“ Въ концѣ ноября Стахіевъ писалъ, что оставляетъ министерскій архивъ и деньги подъ охраною англійскаго посланника и своего пріятеля, англійскаго купца Аббота, опасаясь не столько лишенія свободы, сколько народнаго возмущенія, ибо никакъ не могъ думать, чтобъ Турція рѣшилась возобновить войну съ Россіею при своемъ страшномъ внутреннемъ разстройствѣ и войнѣ съ Персіею. 3-го декабря Стахіевъ имѣлъ съ рейсъ-ефенди конференцію, прошедшую во взаимныхъ пререканіяхъ по поводу русской деклараціи, составленной такъ, какъ желала императрица въ приведенной нами запискѣ къ Панину. Стахіевъ указывалъ на пребываніе турецкаго войска въ Тамани; Турки отвѣчали, что̀ тамъ не больше сорока человѣкъ Турокъ, которые уже хотѣли уйти, потому что Порта не даетъ имъ ни денегъ, ни провіанта, но Татары принудили ихъ остаться. Стахіевъ спросилъ, давала ли имъ Порта приказаніе уходить оттуда;

отвѣчали, что послѣ заключенія мира дано имъ это приказаніе, которое и до сихъ поръ остается въ силѣ, но Татары ихъ не отпускаютъ; впрочемъ это обстоятельство въ Тамани не можетъ никакимъ образомъ сравниться съ занятіемъ Перекопи, на которое нельзя смотрѣть иначе какъ на разрывъ мира; Порта готова уступить все, кромѣ татарской независимости, за которую будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока останется хотя одинъ Турокъ. Стахіевъ указывалъ, что кромѣ Тамани, турецкія войска находятся въ самомъ Крыму, что часть очаковскаго гарнизона уже перешла туда. Турки отвѣчали, что ничего объ этомъ не знаютъ, что находящіеся въ Крыму Турки могутъ быть купцы или бѣглые. Стахіевъ говорилъ, что Россія имѣетъ право занять Перекопь, потому что Турки занимаютъ Тамань. Ему отвѣчали, что сравненія тутъ быть не можетъ: въ Тамани всего 40 человѣкъ Турокъ, а Россія посылаетъ фельдмаршала съ войскомъ; что невозможность для Порты признать независимость Татаръ состоитъ въ томъ, что Татары сами не хотятъ этой зависимости и требуютъ въ силу закона помощи отъ Порты, говоря, что они со всѣхъ сторонъ заперты и когда-нибудь сдѣлаются невольниками. Стахіевъ, разумѣется, возражалъ, что о независимости Татаръ нельзя спорить, потому что она утверждена договорами; но Турки отвѣчали, что они согласились на независимость Крыма, думая, что Татары ея желаютъ; но потомъ Татары объявили, что вовсе ея не желаютъ, что въ 1772 году общество татарское, т. е. подлый народъ принялъ независимость для собственнаго спасенія, а изъ старшинъ, кромѣ семнадцати человѣкъ, никто ея не хотѣлъ. Наконецъ рейсъ-ефенди объявилъ, что Порта готова исполнить все, только бы Россія согласилась уступить все, касающееся закона (т. е. относительно татарской независимости); а если пошлются войска на Перекопь, то и Порта принуждена будетъ послать свои въ Крымъ и тогда будетъ очень трудно уклониться отъ войны, ибо Татары и начнутъ сопротивленіемъ занятію Перекопи. „Когда такъ, сказалъ Стахіевъ, то одинъ жребій рѣшитъ будущія происшествія.“ Этимъ и кончилась конференція. Стахіевъ остался при своемъ мнѣніи, что не смотря на угрозы, Турки войны не начнутъ, и въ послѣдній день 1776 года далъ знать своему двору о сверженіи визиря, и что новый стоитъ за миръ.

Въ началѣ года Штакельбергъ былъ вызванъ на короткое время въ Петербургъ, и при отъѣздѣ оттуда, въ концѣ февраля, полу-

чилъ инструкцію: дѣйствовать въ полномъ согласіи съ министрами австрійскимъ и прусскимъ; на сеймикахъ стараться, чтобъ въ послы были избраны люди доброжелательные. Сеймъ оставите дѣйствовать на свободѣ до тѣхъ поръ, пока, получивъ на свою сторону перевѣсъ, вы не сочтете себя въ состояніи давать направленіе сейму или не увидите нужды заставить его перемѣнить характеръ. Но если движенія злонамѣренныхъ возбудятъ въ васъ опасенія относительно установленной конституціи или ратификаціи договоровъ по раздѣлу, то вы имѣете право превратить сеймъ въ конфедерацію, если только будете увѣрены, что большинство на вашей сторонѣ; но такъ какъ конфедераціи представляютъ хотя законное, однако конвульсивное движеніе и подаютъ поводъ къ реконфедераціямъ, то прибѣгать къ нимъ можно только въ крайнемъ случаѣ. Что касается ратификаціи договоровъ по раздѣлу, то относительно русскихъ новыхъ границъ не было никакихъ затрудненій между нами и республикою. Относительно австрійскихъ границъ дѣло улажено; относительно прусскихъ мы употребляемъ еще представленіе, опираясь на примѣръ вѣнскаго двора, потому что прусскій король постоянно говорилъ, что будетъ сообразоваться съ поведеніемъ Австріи. Вы съ своей стороны должны уговаривать прусскаго министра въ Варшавѣ, представлять ему затрудненія, даже опасности, если дѣло не будетъ кончено до сейма.—Штакельбергъ разсказалъ въ Петербургѣ, что съ учрежденіемъ Постояннаго Совѣта возникли столкновенія между этою новою властію и старыми министерствомъ и другими, которыя не желали подчиняться Совѣту. Страсти разыгрались, старыя личныя вражды усилили волненія; стали бояться, что на будущемъ сеймѣ обнаружится движеніе противъ правительства; враждебные послѣднему люди начали разглашать, что русскій дворъ намѣренъ уничтожить Постоянный Совѣтъ и все, что было имъ самимъ сдѣлано въ Польшѣ. На этотъ счетъ Штакельбергъ получилъ инструкцію: по возвращеніи въ Варшаву прежде всего прекратить эти слухи.

По возвращеніи въ Варшаву, Штакельбергъ нашелъ дѣла въ очень неудовлетворительномъ видѣ. Противная партія начала снимать маску: она имѣла въ виду ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтожить на предстоящемъ сеймѣ и договоры, и правительство. Не ограничивались словами, но готовились всѣми средствами поддерживать на сеймикахъ выборы своихъ; князь Адамъ Чарторыйскій

велѣлъ двинуться своему полку въ брестское воеводство для дѣйствія на выборахъ. „Очевидно, писалъ Штакельбергъ, что всѣ эти мѣры основываются на секретныхъ заграничныхъ сношеніяхъ. Сношенія съ Портою, которыя я самъ замѣчалъ и о которыхъ мнѣ сообщено барономъ Ревицкимъ, продолжаются; нѣтъ сомнѣнія, что эти безумцы входятъ въ обязательства съ Турками; они ни какъ не могутъ переварить правленія, которое цѣлый годъ блюдетъ за порядкомъ, спокойствіемъ и исполненіемъ законовъ подъ систематическимъ и кроткимъ вліяніемъ Россіи, которой успѣхи уничтожаютъ мало-по-малу эту аристократическую тираннію, источникъ всѣхъ золъ для Польши. Слова: свобода и религія служатъ предлогомъ, а настоящее побужденіе есть вражда къ людямъ, которые служили императрицѣ и своему отечеству“. При этомъ донесеніи Штакельбергъ переслалъ письмо къ королю отъ гетмана польнаго коронняго Ржевускаго (отъ 28-го марта). „Государь! писалъ Ржевускій: уступая области республики иностраннымъ державамъ, братъ продалъ брата въ рабство и исполнилъ мѣру жестокости, ставши убійцею того, кого долженъ былъ защищать. Къ умноженію несчастія, жители областей, оставшихся за Польшею, приведены въ смущеніе множествомъ новыхъ законовъ, частію непонятныхъ, частію противорѣчивыхъ и почти всегда вредныхъ; явилась какая-то новая правительственная форма, Постоянный Совѣтъ, власть вмѣстѣ и совѣщательная, и исполнительная, и законодательная, и судебная,— непонятная для націи, а какъ скоро будетъ понята, то явится нестерпимою.“ Ржевускій, извѣстный Гацкій, члены барской конфедераціи, приверженцы Браницкаго въ церквахъ предъ алтарями давали торжественныя клятвы противодѣйствовать всѣмъ русскимъ планамъ. Для возбужденія бѣдной шляхты они распространяли между нею подложные турецкіе манифесты; а Браницкій и Потоцкій, для ободренія оппозиціи, писали въ Варшаву, что отъ русскаго министерства получено ими положительное увѣреніе, что Штакельбергу запрещенъ всякій сильный поступокъ и что скоро все перемѣнится въ Польшѣ и Штакельбергъ будетъ смѣненъ.

Но Штакельберга не смѣняли; а онъ требовалъ у своего правительства умноженія русскаго войска во время сеймиковъ для уравновѣшенія насилій противной партіи. Кромѣ войска нужны были деньги, и въ Петербургѣ было назначено 50,000 рублей; прусскій король согласился дать столько же. Среди приготовленій

къ бурнымъ сеймикамъ, вниманіе Штакельберга было отвлечено новымъ любопытнымъ явленіемъ. Графъ Артуа, второй братъ французскаго короля Людовика XVI, вздумалъ сдѣлаться королемъ польскимъ, и въ Варшаву явился французскій эмиссаръ, который сдѣлалъ Станиславу Августу предложеніе отказаться добровольно отъ польскаго престола и взамѣнъ взять Лотарингію, при чемъ обѣщалось выхлопотать согласіе на это русской императрицы. Эмиссаръ открылся Штакельбергу; но тотъ отвѣчалъ, что проектъ невозможенъ; что же касается Станислава Августа, то онъ не далъ яснаго отвѣта. Получивши объ этомъ донесеніе посла, Екатерина написала Панину: „Что касается до сумасбродныхъ замысловъ графа д'Артуа, то Штакельбергу дайте знать, что наши дѣла всегда будутъ отъ насъ и защищаемы.“

Рушились одни безразсудные замыслы, на ихъ мѣсто являлись другіе. Саксонскій резидентъ сообщалъ Штакельбергу, что къ нему пріѣзжалъ гетманъ Браницкій съ просьбою, чтобъ саксонскій дворъ далъ ему 10,000 дукатовъ для великаго предпріятія, задуманнаго имъ съ друзьями, вслѣдствіе котораго курфирстъ саксонскій можетъ получить польскій престолъ. Въ Литвѣ происходило совѣщаніе между княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, литовскимъ гетманомъ Огинскимъ и Браницкимъ, и послѣдній на одномъ пиру хвастался, что устроитъ сицилійскую вечерню для всѣхъ русскихъ въ Польшѣ; хвасталъ своими сношеніями съ Турками и Татарами. Донося объ этомъ своему двору, Штакельбергъ требовалъ увеличенія русскаго войска, присутствія его на сеймикахъ, но получилъ отъ Панина отвѣтъ, что употребленіе военной силы вредно, доказывалъ непрочность установляемаго порядка: когда же наконецъ русскія войска могутъ выйти изъ Польши, предоставивъ ее самой себѣ? Штакельбергъ возражалъ: „Что же мнѣ прикажете дѣлать? писалъ онъ Панину: Я долженъ имѣть большинство: это основаніе всему. Наши враги посылаютъ на сеймики деньги и сабли, чтобъ перерѣзать нашихъ друзей. Мнѣ надобно же защищаться. Прежде мы совершенно по пустому направляли пушки противъ церквей, а теперь вовсе не кстати обнаруживать трусость и слабость въ рѣшительную минуту, когда дѣло идетъ о постепенномъ удаленіи нашего вооруженнаго содѣйствія и утвержденіи здѣшняго правительства. Средины нѣтъ: или правительство, или иностранныя войска, слѣдовательно надобно заставить уважать это правительство. Ради Бога,

графъ, пришлите денегъ, иначе съ чѣмъ прикажете дѣла дѣлать? Вы сами были въ Швеціи, вы это знаете“.

Штакельбергъ досталъ инструкціи, данныя гетманомъ Браницкимъ своимъ приверженцамъ на сеймикахъ: кромѣ намѣренія уничтожить все, сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ, Браницкій хотѣлъ установить въ Польшѣ наслѣдственное правленіе. По мнѣнію Штакельберга, кандидатомъ на престолъ назначался князь Адамъ Чарторыйскій. Въ іюлѣ, на сеймикѣ въ Цѣхановѣ произошло кровавое столкновеніе: предъ начатіемъ сеймика между избирателями выдѣлились двѣ враждебныя партіи; русскій офицеръ построилъ свою команду между обѣими, чтобъ не допустить ихъ до драки; обѣ партіи выбрали своихъ пословъ. Дѣло казалось конченнымъ и русскій офицеръ сбирался уже выступить изъ Цѣханова, какъ посолъ, избранный королевскою, слѣдовательно и русскою стороною, Краевскій прислалъ ему сказать, что градскій писарь не хочетъ вносить въ книгу его имени, какъ законно избраннаго посла или депутата на сеймъ, хочетъ внести только имена избранныхъ противною стороною. Офицеръ, взявши команду, отправился къ писарю, но такъ какъ тотъ находился въ монастырѣ, куда нельзя было войти съ вооруженнымъ отрядомъ, то офицеръ, оставя за стѣнами монастыря 25 человѣкъ гренадеръ, съ однимъ унтеръ-офицеромъ и шестью гренадерами, имѣвшими одни тесаки, вошелъ въ монастырь, и, оставя унтеръ-офицера съ гренадерами въ сѣняхъ, самъ вошелъ въ комнату, гдѣ былъ писарь. Но не успѣлъ онъ выговорить ему первыхъ словъ, какъ услыхалъ въ сѣняхъ чрезвычайный шумъ, и выйдя туда, увидалъ, что набѣжало туда множество Поляковъ съ обнаженными саблями и рубятъ его гренадеръ. Офицеръ сталъ было уговаривать ихъ; но изъ толпы выбѣжалъ стольникъ Зѣлинскій, бывшій маршалъ барской конфедераціи, съ разъяреннымъ видомъ и обнаженною саблею бросился на офицера и ранилъ его по лѣвому уху; тогда офицеръ также обнажилъ шпагу и съ своими гренадерами началъ пробиваться къ калиткѣ, причемъ получилъ еще двѣ раны въ голову, унтеръ-офицеръ и гренадеры были также всѣ переранены. Поляки принялись уже стрѣлять изъ ружей и пистолетовъ; услыхавъ стрѣльбу, 25 гренадеръ, оставленныхъ за монастыремъ, бросились къ его воротамъ, и, найдя ихъ запертыми, перелѣзли черезъ заборъ и стали защищать своихъ. Слѣдствіемъ было то, что на мѣстѣ побоища осталось 36

польскихъ труповъ. Самъ Зѣлинскій былъ опасно раненъ и признался, что поступалъ по гетманскому приказанію. „Мы должны смотрѣть на это событіе какъ на образчикъ сицилійской вечерни, писалъ Штакельбергъ. Были сеймики, съ которыхъ наши офицеры, явившіеся безъ командъ для прочтенія деклараціи императрицы, были позорно прогнаны партіею гетманскою, и гдѣ не могли воспрепятствовать чтенію деклараціи, тамъ прежде читали письмо Браницкаго, обращенное ко всѣмъ сеймикамъ. Самъ Браницкій, въ присутствіи большаго числа шляхты, читалъ письмо изъ Петербурга, въ которомъ его увѣряли именемъ императрицы, что Штакельбергу запрещено употреблять силу. Послѣ этого онъ разослалъ всюду своей партіи приказанія презирать русскія войска, освобождать отечество отъ ига Россіи и спасать религію и свободу польскую. Религія служитъ побужденіемъ ко всѣмъ ужасамъ, какіе постигли въ Украйнѣ несчастное неуніатское духовенство, которое наконецъ я принужденъ защищать русскимъ войскомъ, ибо приказанія Постояннаго Совѣта не были уважены. Браницкій запрещаетъ всѣмъ признавать Совѣтъ. Высокомѣріе этого человѣка, его связи съ партіею Чарторыйскихъ, вооруженная шляхта и переряженные солдаты, которыхъ онъ употреблялъ, насилія, имъ себѣ позволяемыя, значительныя денежныя суммы, которыя онъ тратитъ, а съ моей стороны кротость, умѣренность и недостатокъ денегъ для перевѣшиванія подкуповъ, употребленныхъ противною стороною— все это произвело то, что неутомимыя заботы королевскія и мои не могли доставить намъ ни малѣйшей увѣренности, что у насъ большинство сеймовыхъ депутатовъ. Можете разчитывать, что мы проиграемъ дѣло, и тогда придется прибѣгнуть къ общей конфедераціи въ родѣ Радомской.“

Предписаніе Панина не употреблять открытой силы съ русской стороны повело, по мнѣнію Штакельберга, къ слѣдующимъ явленіямъ: въ Гнѣзнѣ Липскій нанесъ ударъ саблею судьѣ, который долженъ былъ предсѣдательствовать на выборахъ, прогналъ благонамѣренныхъ и, поставивши солдатъ при церковныхъ дверяхъ, заставилъ провозгласить посломъ себя и своихъ приверженцевъ. Въ Ломжѣ съ позоромъ прогнали русскаго офицера, который явился съ декларацiею императрицы. Въ Люблинѣ графъ Игнатій Потоцкій, распустивши по провинціямъ самые дурные слухи о русскомъ дворѣ и его вліяніи въ Польшѣ и возбудивши въ шляхтѣ ненависть къ Рус-

скимъ, ввелъ войско въ городъ. Такъ какъ отрядъ русскаго войска находился близко, Потоцкій послалъ письмо къ командующему офицеру съ вопросомъ: есть ли у него приказъ арестовать его, Потоцкаго? Офицеръ отвелъ свой отрядъ отъ города. Тогда Потоцкій, видя, что взялъ верхъ, отправился въ церковь Доминиканцевъ и заставилъ выбрать въ послы себя и еще пятерыхъ изъ своей партіи. Нашимъ, въ челѣ которыхъ находился другой Потоцкій, Викентій, не оставалось ничего болѣе какъ удалиться въ другую церковь, чтобъ выбрать своихъ. Такіе двойные выборы и во многихъ другихъ мѣстахъ оставались для благонамѣренныхъ единственнымъ средствомъ для избѣжанія сабельныхъ ударовъ отъ партизановъ Браницкаго, слѣдовательно судьба будущаго сейма зависѣла отъ предварительнаго разсмотрѣнія законности выборовъ. На сеймикѣ въ Слопимѣ 600 Поляковъ напало на русскій отрядъ, но тотъ, получивши запрещеніе стрѣлять, сдержалъ ихъ штыками, причемъ трое изъ нападающихъ лишились жизни. Дворъ перехватилъ письмо Браницкаго къ упомянутому генералу Липскому въ Гнѣзно: гетманъ требовалъ, чтобъ Липскій пріѣзжалъ съ самыми отважными изъ своихъ тѣлохранителей для исполненія ихъ плановъ. Это заставило Штакельберга потребовать отъ генерала Ширкова, стоявшаго на Волыни, чтобъ тотъ прислалъ ему гусарскій полкъ. Штакельбергъ не сомнѣвался, что гетманы затѣваютъ что-нибудь противъ короля. Такъ какъ Станиславъ Августъ дѣйствовалъ теперь въ полномъ согласіи съ посломъ, то Штакельбергъ ходатайствовалъ у своего двора объ улучшеніи финансоваго положенія короля. Станиславъ Августъ просилъ, чтобъ императрица поручилась за него предъ бреславскимъ банкомъ. По этому поводу Екатерина писала Панину: „Радуюсь, видя, что денежный кредитъ россійской императрицы до того простирается, что другимъ государямъ безъ ея гарантіи не вѣрятъ. Но какъ въ денежныхъ дѣлахъ, кои до кредита касаются, я самый голландскій купецъ, то требую прежде нежели гарантія будетъ дана, чтобъ точно означены были тѣ мѣстности и ихъ доходы, изъ которыхъ платежъ производиться имѣетъ и чтобъ освидѣтельствованы были ихъ вѣрные таковые доходы; сверхъ того, чтобъ республика напередъ обязалась, что во всякомъ случаѣ (ибо король умереть можетъ) тѣ доходы инако употреблены не будутъ, какъ на тотъ платежъ. Впрочемъ буде въ семъ дѣлѣ есть пре-

пятствія, кои я не усматриваю, то прошу гр. Ник. Ив. Панина мнѣ оныя открыть".

Министры австрійскій и прусскій соглашались съ Штакельбергомъ относительно замысловъ Браницкаго, опасныхъ какъ для короля, такъ и для интересовъ трехъ союзныхъ дворовъ. Трое министровъ рѣшили, что прежде открытія сейма особыя дѣла составятъ конфедерацію. Штакельбергъ былъ успокоенъ этимъ рѣшеніемъ, равно какъ и окончаніемъ дѣла объ опредѣленіи границъ съ Пруссіею. Фридрихъ II кой-что уступилъ, но когда Поляки стали утверждать, что уступка слишкомъ ничтожна, то Бенуа объявилъ имъ, что если до начала сейма республика не приметъ ультиматума его государя, то переговоры между Пруссіею и Польшею будутъ прерваны и первая удержитъ всѣ земли, занятыя ею. Ультиматумъ былъ принятъ. Понятно, что Штакельбергъ, имѣя предъ глазами примѣры такой сильной политики, тяготился мягкими мѣрами своего двора и требовалъ бо́льшей энергіи. 12-го августа образовалась конфедерація. Въ этотъ день въ Совѣтѣ первый сенаторъ епископъ куявскій открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой представилъ критическое положеніе государства. Онъ объявилъ, что единственное средство противъ волненій, интригъ, несогласій и ненавистей представляетъ общая конфедерація, которая одна можетъ отстранить столкновеніе столькихъ интересовъ, долженствующее повести къ разрыву сейма, а этотъ разрывъ поведетъ къ окончательному разрушенію Польши. Когда епископъ кончилъ, король объявилъ, что принимаетъ его мнѣніе и предложилъ созвать сенаторовъ и сеймовыхъ пословъ, находившихся во дворцѣ брата его, епископа плоцкаго, для образованія конфедераціи. Совѣтъ согласился; король сѣлъ на тронъ подъ балдахинъ и тотчасъ зала наполнилась 120 сенаторами и послами русской партіи, которые всѣ объявили свое согласіе на конфедерацію. Немедленно выбрали маршаловъ конфедераціи—генерала Макроновскаго для Польши и графа Огинскаго для Литвы, по предложенію королевскому. Штакельбергъ отзывался о Макроновскомъ, какъ человѣкѣ самомъ популярномъ и въ то же время сознававшемъ необходимость русскаго вліянія. Гетманы явились для принесенія присяги по поводу конфедераціи, при чемъ Браницкій сдѣлалъ смѣшную сцену. Сначала онъ не хотѣлъ стать предъ королемъ на колѣна, но потомъ сталъ. Ему читаютъ формулу присяги: „Обѣщаюсь Станиславу Августу королю:"

онъ говоритъ только: „королю.“ Ему повторяютъ; „Станиславу Августу“: онъ говоритъ „Августу;“ ему говорятъ въ третій разъ: „Станиславу Августу,“ а онъ жалкимъ голосомъ произноситъ; „Станиславу Августу королю.“ Далѣе ему говорятъ: „Я приступаю къ генеральной конфедераціи;“ онъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, я не приступаю.“ Ему говорятъ: „Конфедерація вамъ это приказываетъ.“— „Ахъ, Господи! восклицаетъ гетманъ: ну хорошо, я приступаю“ и т. д. Подъ страхомъ конфедераціи сеймъ спокойно кончилъ всѣ дѣла къ полному удовольствію трехъ союзныхъ дворовъ.

Въ апрѣлѣ 1776 года Сольмсъ передалъ Панину: „Взглядъ принца Генриха на улаженіе дѣла о прусскихъ границахъ съ Польшею“. Въ бумагѣ говорилось: „Король желаетъ дать всевозможныя доказательства своей дружбы къ ея и. в—ству, и такъ какъ она желаетъ прекращенія споровъ о границахъ, то онъ рѣшился въ этомъ случаѣ оказать существенные знаки своей искренности и желанія угодить императрицѣ. Онъ предупредилъ бы уже всѣ ея желанія на этотъ счетъ, еслибъ не долженъ былъ держаться въ нѣкотораго рода равновѣсіи съ вѣнскимъ дворомъ, къ чему обязываетъ его положеніе и государственный интересъ. Кромѣ того онъ убѣжденъ, что упреки, сдѣланные вѣнскимъ дворомъ Полякамъ, заключаютъ въ себѣ хитрость. У вѣнскаго двора въ Польшѣ вся французская партія, да еще старая саксонская партія, тогда какъ у короля одна только поддержка въ Польшѣ, поддержка, которую даетъ ему императрица. Австрійцы уступаютъ 50 квадратныхъ миль: на этомъ основаніи и король хотѣлъ бы уступить отъ 30 до 40 квадратныхъ миль.“ Отъ 3-го іюля Фридрихъ писалъ Сольмсу, что дворы вѣнскій и версальскій стараются отклонить Россію отъ его интересовъ и возбудить противъ нея Порту. „Такъ какъ ясно, писалъ Фридрихъ, что эти дворы желаютъ всего сильнѣе дѣлать намъ непріятности, то изъ этого истекаетъ новое побужденіе для меня и для Россіи держаться постоянно въ тѣсной связи и все болѣе и болѣе скрѣплять уже существующій союзъ, чтобъ сдѣлать его нерасторжимымъ.“ 6-го августа Фридрихъ писалъ: „Я теперь болѣе чѣмъ когда-либо имѣю право надѣяться, что могу уладиться съ Поляками на счетъ моихъ границъ. Я дѣлаю имъ значительныя пожертвованія; но не перестану повторять, что дѣлаю это исключительно изъ уваженія къ русской императрицѣ, и ничто другое не могло бы меня къ этому побудуть. Но при этомъ случаѣ я не

скрою, что сильно желалъ бы, чтобъ императрица въ вознагражденіе продлила до 1790 года нашъ союзный оборонительный договоръ, который оканчивается въ 1780 году. Въ виду моихъ преклонныхъ лѣтъ я не могу разсчитывать на продолжительность моей карьеры, и было бы конечно для меня величайшимъ утѣшеніемъ и самымъ богатымъ наслѣдствомъ для моего племянника продолженіе русскаго союза до 1790 года.“

Въ самомъ началѣ года кн. Борятинскій писалъ Панину: „Здѣсь почти всѣ, какъ въ публикѣ, такъ и въ дипломатическомъ корпусѣ предполагаютъ, что спокойствіе Европы неминуемо гдѣ-нибудь будетъ нарушено, судя по настоящимъ союзамъ и по дѣлаемымъ разными государствами приготовленіямъ. Газетные слухи о вооруженіи нашего флота и объ отправленіи матросовъ къ Архангельску обращаютъ вниманіе всѣхъ, и толкуютъ, что разрывъ начнется въ нашихъ краяхъ. По поводу поѣздки принца Генриха въ Россію говорятъ, что, быть можетъ, прусскій король, видя неукротимое волненіе и замѣшательство въ Польшѣ и ненависть народную къ королю Станиславу Августу, имѣетъ въ виду наслѣдство польской короны для какого-нибудь принца своего дома и для обезпеченія успѣха принцу Генриху поручено склонить къ тому ея и. в—ство. Толки эти возникли вслѣдствіе извѣстія, что принцъ брауншвейгскій учится польскому языку.“

Понятно, что извѣстія о морскихъ вооруженіяхъ Россіи всего болѣе должны были тревожить Швецію. Въ Стокгольмѣ увѣряли, что весною непремѣнно Россія объявитъ войну Швеціи, для чего строится великое число галеръ и военныхъ кораблей. Симолинъ съ своей стороны внушалъ, что русскій дворъ желаетъ одного—сохраненія спокойствія на сѣверѣ и добраго сосѣдства съ Швеціею; что изъ построенія галеръ и военныхъ кораблей ничего заключать нельзя, ибо извѣстно, что старый русскій галерный флотъ истребленъ пожаромъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а корабли, возвратившіеся послѣ шести кампаній изъ Архипелага, никуда не годятся и надобно замѣнить ихъ новыми. Въ самомъ началѣ года Симолинъ доносилъ своему двору, что идутъ большіе толки о путешествіи короля въ Петербургъ. Графъ Боркъ, шведскій посланникъ въ Вѣнѣ, сильно настаиваетъ на это, утверждая, что это путешествіе положитъ конецъ холодности и подозрительности, существующимъ между двумя дворами, что императрица не откажетъ королю въ согласіи на новую конституцію, если король лично будетъ ее просить

объ этомъ. Французскій посланникъ отговариваетъ отъ путешествія. По поводу этихъ извѣстій Панинъ писалъ Симолину: „Если отъ васъ будутъ вывѣдывать относительно того, какъ нашъ дворъ смотритъ на это путешествіе, то говорите, что вами получены частныя, но вѣрныя извѣстія о намѣреніи императрицы провести почти все будущее лѣто въ разныхъ путешествіяхъ, которыя удалятъ ее отъ Петербурга. Вы видите, что дѣло идетъ объ избѣжаніи, возможно приличнымъ образомъ, всѣхъ внушеній со стороны короля относительно этого путешествія.“

1777

Въ половинѣ января Стахіеву былъ отправленъ рескриптъ, въ которомъ императрица объявляла, что единовременно съ занятіемъ Перекопи, она сочла нужнымъ приняться и за непосредственное установленіе между Татарами благонамѣреннаго общества, которое могло бы представлять свѣту и Портѣ существованіе вольной и независимой татарской области. Для достиженія этой цѣли извѣстный Калга Шагинъ-Гирей подвинулся внутрь Кубанской области при отрядѣ русскихъ войскъ, находящихся подъ командою бригадира Бринка. Это движеніе произвело два дѣйствія: первое, что Калга султанъ съ радостію принятъ Едичкульскою ордою и нѣкоторыми другими родами и торжественно объявленъ самодержавнымъ и независимымъ ханомъ; въ этомъ качествѣ онъ признанъ Россіею и долженъ скоро вступить въ Крымъ, гдѣ много преданныхъ ему людей; для утвержденія тамъ своей власти и изгнанія, по возможности, прежняго хана Девлетъ-Гирея, чѣмъ вольность и независимость Татаръ сами собою могли бы установиться и утвердиться по силѣ и словамъ мирнаго договора. Другое слѣдствіе движенія Шагинъ-Гирея и Бринка состояло въ томъ, что командующій турецкими войсками въ Тамани и Темрюкѣ Орду-агаси отозвался къ нимъ письменно, спрашивая о причинѣ приближенія ихъ и объявляя прямо, что онъ въ этихъ крѣпостяхъ находится съ большимъ числомъ военныхъ людей по точнымъ и многократнымъ указамъ Порты. Это письмо, отправленное къ Стахіеву въ оригиналѣ, должно было служить уликою турецкому министерству, которое утверждало, что на Таманскомъ полуостровѣ находится только отъ 30 до 40 человѣкъ, которымъ Порта не даетъ ни жалованья, ни провіанта, и которые имѣютъ отъ нея повелѣніе уходить съ полуострова, только Татары ихъ не отпускаютъ. Стахіевъ долженъ былъ вну-

шать всѣмъ, и особенно корпусу улемовъ, что Россія среди войны оградила иновѣрный народъ отъ разоренія и истребленія; а теперь единовѣрная съ Татарами Порта изъ одного упрямства подвергаетъ ихъ гибели при новой войнѣ, въ которой она скорѣе и вѣрнѣе потеряетъ Татаръ, чѣмъ успѣетъ отмѣнить утвержденную договоромъ ихъ вольность. Панинъ въ своемъ письмѣ разъяснялъ Стахіеву, какъ онъ долженъ говорить сановникамъ Порты по поводу провозглашенія Шагинъ-Гирея ханомъ: это событіе не должно удивлять Порту, ибо есть не иное что какъ подражаніе собственному ея поведенію. Когда миръ былъ заключенъ, и русскія войска, въ надеждѣ на добросовѣстность Порты, выведены были изъ Крыма, то Девлетъ-Гирей, при помощи Турокъ, успѣлъ низвергнуть Сагибъ-Гирея, и, не довольствуясь этимъ, осмѣлился отправить на Кубань войско для нападенія на ногайскія орды, находившіяся подъ управленіемъ ими самими избраннаго начальника, Шагинъ-Гирея; это принуждаетъ Россію въ выборѣ Шагинъ-Гирея ограждать свободу ногайскихъ и крымскихъ Татаръ, которые подъ его правленіемъ желаютъ пользоваться дарованною имъ въ мирномъ трактатѣ вольностію."

Извѣстіе Стахіева, что Порта понизила тонъ, заставило Россію согласиться на ея желаніе договариваться о крымскихъ дѣлахъ въ Константинополѣ посредствомъ Стахіева, которому дана была инструкція провести уничтоженіе въ Крыму избирательнаго правленія и установленіе наслѣдственнаго отъ отца къ сыну, но съ тѣмъ, чтобъ наслѣдственнымъ ханомъ былъ Шагинъ-Гирей, а не Девлетъ-Гирей, „котораго какъ виновника всему происшедшему злу, никакъ и никогда не будемъ мы терпѣть въ Крымѣ."

25-го марта у Стахіева начались конференціи съ рейсъ-ефенди, при чемъ русскій министръ прежде всего потребовалъ пропуска въ Черное море зимовавшихъ въ Константинополѣ русскихъ судовъ— пяти торговыхъ въ силу трактата, а шестаго вооруженнаго въ знакъ дружбы. Но рейсъ-ефенди отвѣчалъ, что это дѣло надобно отложить до окончанія переговоровъ или, по крайней мѣрѣ, до того времени, какъ будетъ видно, какой оборотъ возьметъ главное дѣло, ибо фрегаты и офицеры на нихъ признаны бывшими въ послѣднюю войну въ Архипелагѣ, и кромѣ того ихъ появленіе на Черномъ морѣ при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ въ Крыму, увеличитъ ужасъ и тревогу какъ между Турками, такъ и

Татарами. Тогда Стахіевъ сказалъ, что не смѣетъ вступить въ переговоры, но принужденъ будетъ сперва списаться со своимъ дворомъ, чрезъ что еще три мѣсяца будутъ потеряны. Этотъ отвѣтъ заставилъ Турокъ принять дѣло на дальнѣйшее размышленіе.

Суда не были пропущены и 24-го іюля Стахіевъ донесъ, что Порта поставляетъ избраніе новаго крымскаго хана Шагинъ-Гирея противнымъ какъ магометанскому закону, такъ и мирному договору, именно потому, что оно произошло въ присутствіи русскихъ войскъ, и требуетъ вывода ихъ изъ Крыма, обѣщаясь послѣ того судить о законности этого ханскаго избранія. По письмамъ Стахіева только совершенное безсиліе и народная неподатливость удерживали Порту отъ разрыва съ Россіею; да и мирная партія не обѣщала прочнаго мира, если Россія не уступитъ Портѣ права по крайней мѣрѣ утверждать избраніе крымскихъ хановъ. Турецкія вооруженія не важны и ограничиваются оборонительными мѣрами и приготовленіемъ на случай татарскаго возмущенія противъ Шагинъ-Гирея. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ Стахіеву, выходило, что Порта ни подъ какимъ видомъ не намѣрена соглашаться на проходъ русскихъ судовъ изъ Средиземнаго моря въ Черное и считаетъ противнымъ мирному договору плаваніе по Черному морю военныхъ русскихъ кораблей, а фанаріотскіе Греки стараются, чтобъ Порта принудила Россію отказаться отъ всякаго покровительства и заступленія за Волоховъ и Молдаванъ, также отъ церковнаго строенія и починокъ, ибо все это фанаріоты считаютъ пагубнымъ для своихъ доходовъ и власти.

Въ концѣ сентября Порта нарушила условіе договора относительно дунайскихъ княжествъ, лишивъ жизни, безъ всякаго суда, молдавскаго господаря Гику. Екатерина велѣла Стахіеву п р о с т о и с у х о примѣтить турецкому министерству, что этотъ поступокъ она должна почесть „между многими прежними неустойками мирнаго трактата со стороны Порты новымъ нарушеніемъ его основаній.“ Кораблей не пропускали; не пропустили даже купеческое судно св. Николая, которое прежде не разъ проходило изъ Средиземнаго моря въ Черное. Въ конференціи, которой требовалъ Стахіевъ по этому поводу, рейсъ-ефенди ему отказалъ и когда вслѣдствіе этого переводчикъ Пизани вручилъ ему протестъ посланника и требованіе пропустить фрегаты обратно въ Мраморное море, то рейсъ-ефенди сказалъ: „Господинъ посланникъ ежедневно докучаетъ все

объ этихъ судахъ, и надобно думать, что дѣлаетъ это самъ собою: не могу я убѣдиться, чтобъ при русскомъ дворѣ не было такихъ благоразумныхъ людей, которые отдаютъ справедливость Портѣ въ этомъ пунктѣ. Еслибы всѣ дворы выслушали ея объясненія, то бы каждый изъ нихъ оправдалъ ее: объ этомъ посланникъ можетъ навѣдаться у французскаго и прусскаго повѣренныхъ въ дѣлахъ, у посла англійскаго и прочихъ находящихся здѣсь министровъ, и я увѣренъ, что каждый изъ нихъ оправдаетъ Порту. Порта и такъ уже очень оплошна и нерадива, что пропускаетъ корабли и въ Мраморное море въ такое время, когда въ границахъ самаго Крымскаго полуострова и въ Тамани находится большое число русскихъ войскъ и кораблей. Если изъ-за непропуска этихъ судовъ миръ долженъ разорваться, то да будетъ воля Божія. Россія, основываясь на мирномъ договорѣ, требуетъ пропуска этихъ судовъ, а Порта противится тому по всей справедливости: итакъ, кромѣ Всевышняго Творца, некому разрѣшить этого спора. Въ послѣднюю войну Богъ пособлялъ русскому оружію, а теперь, надобно надѣяться, Порта возьметъ верхъ". Когда Пизани напомнилъ о пропускѣ корабля св. Николай, то рейсъ-ефенди сказалъ: „Въ настоящіе рамазанные дни непристойно безпокоить Порту представленіемъ объ одномъ суднѣ, и если по этому поводу миръ долженъ разорваться, то полагаюсь на волю Божію, и я уже потерялъ терпѣніе, и еслибъ отъ меня зависѣло, то я бы ни одной вашей лодки въ Черное море не пропустилъ, когда ваше войско въ Крыму и почти въ здѣшнихъ границахъ". Пизани возразилъ, что нѣтъ никакого повода препятствовать проходу корабля св. Николай, когда его не разъ пропускали взадъ и впередъ, да и теперь уже выданъ фирманъ о пропускѣ.— „На этомъ кораблѣ, отвѣчалъ рейсъ-ефенди, нагружено значительное число пушекъ, и былъ онъ построенъ въ Парижѣ и въ послѣднюю войну находился въ Архипелагѣ для захватыванія призовъ".—„Никогда онъ военнымъ судномъ не бывалъ, возразилъ Пизани; послѣ заключенія мира принадлежалъ онъ разнымъ купцамъ и до сихъ поръ употреблялся для перевозки товаровъ въ Мраморное и Черное моря; что же касается пушекъ, то ничего не стоитъ осмотрѣть, сколько ихъ на немъ, и по осмотрѣ ложнаго доносчика надобно наказать".—„Положимъ все такъ, какъ вы разсказываете, сказалъ рейсъ-ефенди, положимъ, что Порта препятствуетъ проходу этого корабля въ противность мирному до-

говору: все же это нарушеніе договора никакъ нельзя сравнить съ нарушеніемъ сдѣланнымъ Россіею, которая держитъ свое войско въ Крыму и Тамани".—„Держаніемъ этого войска договоръ не нарушается, отвѣчалъ Пизани, потому что Порта этому причиною, занявши своимъ войскомъ Таманскій полуостровъ. Впрочемъ отъ нея же зависитъ и вывозъ русскаго войска оттуда, какъ скоро она согласится на справедливыя требованія императорскаго двора".

По полученіи этихъ извѣстій, 8-го ноября Екатерина подписала Стахіеву рескриптъ: „Составя изъ депешей вашихъ цѣлую картину, находимъ мы по разнымъ ея тѣнямъ, что дѣла наши съ Портою дошли уже весьма близко до степени непріятной ихъ развязки войною. Искренно и усердно желаніе наше сохранить миръ, яко верховное блаженство сожитія человѣческаго, но сіе желаніе, составляя по себѣ одно изъ первыхъ обязательствъ государя, званіе свое въ полной мѣрѣ исполняющаго, не исключаетъ однакожъ собою и не можетъ исключать другаго царямъ не меньше свойственнаго долга блюсти въ неприкосновенной цѣлости честь и достоинство вѣнцовъ ихъ, дабы миръ самый былъ плодомъ мудрости и важности правленія ихъ, а не цѣною посторонняго небреженія. Чрезъ все время царствованія нашего обыкнувъ учреждать всѣ наши дѣянія по симъ двумъ началамъ, хотимъ мы и теперь взаимствовать отъ оныхъ послѣднія наши чрезъ васъ Портѣ Оттоманской по упрежденіи войны чинимыя испытанія." Стахіевъ долженъ былъ объявить Портѣ, что всѣ ея жалобы несправедливы, что русское войско не дѣлало никакого насилія Татарамъ, которые добровольно провозгласили ханомъ Шагинъ-Гирея, прибытіе русскаго войска только способствовало благонамѣреннымъ Татарамъ освободиться отъ страха предъ Девлетъ-Гиреемъ; ни русскихъ войскъ, ни начальника ихъ князя Прозоровскаго не было въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходили совѣщанія Татаръ. Турецкая жалоба, будто кн. Прозоровскій не только угрожалъ татарскимъ мурзамъ и чиновникамъ огнемъ, мечемъ и рабствомъ, но и дѣйствительно изрубилъ изъ нихъ пять или шесть человѣкъ невинныхъ на страхъ другимъ—есть клевета: „нельзя, кажется, Портѣ не знать, что русскіе генералы не имѣютъ въ жизни и смерти такой власти, какую ея начальники и паши такъ часто употребляютъ во зло; кромѣ того личный характеръ князя Прозоровскаго, какъ человѣка знатной породы, благородно мыслящаго и благородно воспитаннаго, весьма удаленъ отъ

того, чтобъ оскорблять человѣчество". Относительно жалобы на отправленіе въ Крымъ русскихъ таможенныхъ служителей Стахіевъ долженъ былъ отвѣчать, что нѣкоторые русскіе купцы дѣйствительно получали отъ хана по договору всѣ пошлинные сборы на откупъ за извѣстную цѣну. Денегъ на пріобрѣтеніе доброжелателей Стахіевъ не долженъ жалѣть, лишь бы только жертва не была напрасная. Относительно требованія выхода русскихъ войскъ изъ Крыма Стахіевъ долженъ былъ говорить, что они выйдутъ какъ скоро Порта исполнитъ два русскихъ требованія: признаетъ ханомъ Шагинъ-Гирея и султанъ пришлетъ ему свое калифское благословеніе, котораго никакъ не должно принимать въ мысли инвеституры, ибо благословеніе это чисто духовное и никакого политическаго значенія имѣть не можетъ; что безъ признанія Шагинъ-Гирея никакіе дальнѣйшіе переговоры невозможны. При объявленіи войны надобно было ожидать, что съ Стахіевымъ будетъ поступлено такъ же какъ и съ Обрѣзковымъ въ 1768 году; эта мысль приводитъ Екатерину въ сильное раздраженіе, доказательствомъ котораго служитъ слѣдующая записка ея Панину: „Пришло мнѣ на мысль, не худо бы написать къ Стахіеву, чтобъ онъ Туркамъ сказалъ, будто бы дошло до разрыва, что если они вздумаютъ учинить надъ нашими подданными, въ Царьградѣ или индѣ у нихъ находящимися, какія бы то ни было суровости или жестокости, что у насъ положено у нихъ не оставить камени на каменѣ".

До сихъ поръ изъ Петербурга писалось Стахіеву, чтобъ онъ объявлялъ Портѣ о добровольномъ избраніи Татарами Шагинъ-Гирея; на 11 ноября императрица должна была подписать ему рескриптъ, что получена изъ Крыма непріятная вѣдомость о возмущеніи всей таманской черни противъ русскихъ войскъ. „Мы, говорилось въ рескриптѣ, оставляемъ времени рѣшить, отъ чего произошелъ этотъ бунтъ, отъ собственнаго ли движенія Татаръ или отъ тайныхъ происковъ Порты; но въ томъ и другомъ случаѣ можно кажется предполагать съ равною вѣроподобностію, что Турки не упустятъ возгордиться этою выгодою и потому ввѣренные вамъ полюбовные переговоры встрѣтятъ еще большія, и, можетъ быть, неодолимыя препятствія." Въ послѣднемъ случаѣ Стахіевъ долженъ былъ выѣхать изъ Константинополя забравши съ собою какъ можно болѣе находившихся тамъ Русскихъ.

Отъ 28 ноября Стахіевъ донесъ, что главный изъ его доброжелателей Муратъ-Молла письменно предложилъ султану, что дѣла между Россіею и Портою могутъ кончиться полюбовно, если ему угодно будетъ признать Шагинъ-Гирея законнымъ ханомъ и послать ему грамоту съ объявленіемъ, что такъ какъ Татары, въ силу договора, выбрали его независимымъ ханомъ, то султанъ признаетъ его въ этомъ качествѣ и, будучи верховнымъ калифомъ, имѣющимъ всю духовную власть, поручаетъ ему и духовное правленіе надъ Татарами, причемъ посылаетъ ему шубу и саблю; и какъ скоро это будетъ сдѣлано, русское войско должно выступить изъ Крыма, въ чемъ Стахіевъ долженъ письменно обнадежить. Султанъ согласился; по вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что одинъ изъ крымскихъ шейховъ, по имени Али-мулла, успѣлъ возмутить Татаръ, которые напали на Шагинъ-Гирея, и тотъ раненый ушелъ изъ Бакчисарая, и не знаютъ, живъ ли онъ или умеръ, и всѣ бывшіе при немъ мурзы побиты, причемъ у Русскихъ переранено до 500 человѣкъ, а Татаръ побито до 900. Это извѣстіе, разумѣется, разстроило дѣло, начатое Муратъ-Моллою; Порта стала ждать, чемъ кончатся крымскія дѣла.

Отъ 10-го ноября Румянцевъ получилъ рескриптъ: „Мы надѣемся, что нынѣшній ханъ очень помнитъ и признаетъ, что пріобрѣтенный имъ титулъ самодержавнаго хана есть самъ по себѣ сущая мечта безъ нашего пособія и покровительства, что такъ какъ онъ единственно Россіи обязанъ своимъ возвышеніемъ, то для сохраненія своего и для цѣлости новаго татарскаго владѣнія надобно ему и впредь повиноваться во всемъ благонамѣренному руководству двора нашего, слѣд. соглашать поступки свои съ его политическими интересами, а не начинать такихъ дѣлъ, которыя могли бы прямо вести его къ погибели. Но трудно вамъ потомъ будетъ сломить иногда его заносчивость и поставить его въ необходимость руководствоваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не собственнымъ воображеніемъ, а совѣтами и наставленіями вашими. Поручаемъ вамъ истолковать ему, что если, съ одной стороны, честь и слава имперіи нашей требуютъ поддерживать воздвигнутое нами зданіе вольнаго и независимаго владѣнія татарскаго подъ его управленіемъ въ неприкосновенной цѣлости, то, съ другой, интересы имперіи и сродное намъ человѣколюбіе не позволяютъ предпочесть сохраненіе драгоцѣннаго мира вынужденію для него хана отъ Порты

поздравительной грамоты силою оружія и пролитіемъ невинной крови, когда есть другая менѣе трудная дорога къ полученію отъ Порты формальнаго признанія его ханства; что дорога эта предначертана въ мирномъ договорѣ чрезъ охраненіе въ особѣ султанской правъ верховнаго калифства, и потому ни ему хану лично, ни всѣмъ Татарамъ вообще не можетъ быть зазорно и предосудительно отправить къ Портѣ на имя султана другія грамоты съ признаніемъ его въ качествѣ верховнаго начальника магометанской религіи и калифа и съ испрошеніемъ себѣ духовнаго его благословенія; что наконецъ мы, основательница и покровительница новаго бытія татарскихъ народовъ и личнаго возвышенія Шагинъ-Гирея въ ханское достоинство, всячески совѣтуемъ ему отправить новыя грамоты для предупрежденія войны и обезпеченія счастія татарскаго владѣнія, которое въ мирѣ и тишинѣ прочнѣе и надежнѣе можетъ укорениться, особенно если ханъ станетъ болѣе заботиться о пріобрѣтеніи любви и довѣренности подданныхъ ласкою и правосудіемъ, не оскорбляя ихъ несвойственными непріятными для нихъ новизнами". Въ томъ же рескриптѣ императрица объявляла свои намѣренія относительно Крыма въ случаѣ войны съ Портою: „Мы предписали посланнику Стахіеву внушить оттоманскимъ министрамъ, что въ случаѣ новой войны нашъ дворъ конечно не оставитъ соблюсти свой существенный интересъ истребленіемъ Татаръ, дабы этимъ освободить обѣ имперіи однажды навсегда отъ этого вреднаго гнѣзда взаимныхъ распрей. Въ самомъ дѣлѣ, если Турки не согласятся къ концу зимы на новыя наши предложенія, и рѣшатся на войну, то никто не можетъ сдѣлать намъ разумный упрекъ, зачѣмъ мы поступили строго съ Крымомъ при малѣйшемъ колебаніи тамошнихъ жителей, зачѣмъ предупредили опасность для войскъ нашихъ очутиться между двумя непріятелями--Турками и Татарами. Судя по прошлому, нельзя почти ожидать, чтобъ крымскіе Татары намъ не измѣнили, увидя приближеніе турецкихъ силъ: поэтому и надобно предоставить себѣ свободу поступить съ ними впредь какъ съ дѣйствительными врагами, или какъ съ гнилою частію, которая отсѣкается врачами для спасенія цѣлаго тѣла. А между тѣмъ для сохраненія на своей сторонѣ образа татарскаго владѣнія, думаемъ, что нужно приняться отнынѣ съ двойнымъ усердіемъ за Кубань и обитающія тамъ ногайскія орды и составить изъ нихъ какъ можно скорѣй особенное благонамѣренное общество. Съ этою цѣлію на-

добно вселить въ нихъ единомысліе и большую преданность къ особѣ и власти Шагинъ-Гирея; способы для этого: поведеніе самого хана, руководствуемаго вашими совѣтами, и употребленіе денегъ, къ чему мы васъ уполномочиваемъ безо всякаго ограниченія. При возстаніи Крыма можно будетъ перевести Шагинъ-Гирея на Кубань не свергнутымъ, а дѣйствительнымъ ханомъ и удержать тамъ подъ его начальствомъ значительную часть Татаръ въ видѣ независимой области, слѣдовательно достигнуть этимъ способомъ, хотя для одной части границъ имперіи, прежней нашей главной цѣли, состоявшей въ удаленіи непосредственныхъ границъ съ турецкими владѣніями. Сверхъ того будетъ еще на Кубани близкое убѣжище для тѣхъ Крымцевъ, которые перейдутъ туда или по привязанности къ Шагинъ-Гирею, или вслѣдствіе опустошенія ихъ жилищъ. Мы предполагаемъ дозволить всѣмъ жителямъ Крыма свободу перебираться съ имуществомъ своимъ на всѣ четыре стороны, ибо для нашихъ интересовъ довольно одного, чтобъ Туркамъ негдѣ было стать твердою ногою“.

Панинъ спрашивалъ мнѣнія Штакельберга на счетъ вывода русскихъ войскъ изъ Польши, и тотъ отвѣчалъ ему въ самомъ началѣ года: „Каково бы ни было спокойствіе, которымъ наслаждается республика, необходимо, чтобъ новое правительство утвердилось во время пребыванія нашихъ войскъ. Перемѣны въ турецкихъ дѣлахъ непремѣнно возбудятъ новыя волненія. Особа короля особенно подвергнется опасности. Прирожденный грѣхъ страны— это ненависть къ королю.“ Споры по размежеванію новыхъ границъ съ Пруссіею продолжались, и прусскій министръ подалъ Постоянному Совѣту грозную ноту, что если Поляки не уступятъ Пруссіи спорнаго мѣстечка Гуршно съ 27 деревнями, то король его отзоветъ своихъ коммиссаровъ и не отдастъ тѣхъ мѣстъ воеводства Плоцкаго, которыя прежде согласился отдать. Штакельбергъ вздумалъ было заступиться за Польшу, но прусскій резидентъ отвѣчалъ ему, что хотя король его государь выше этой мелочи, однако онъ не уступитъ, потому что польское правительство въ отношеніи къ нему позволило себѣ неприличный тонъ. Это неприличіе было найдено въ нотѣ Совѣта, который взывалъ къ справедливости и человѣколюбію короля, потому что прусскія войска, выходя изъ польскихъ областей, возвращенныхъ республикѣ, оставили въ нихъ одну только почву. Получивъ отъ Сольмса извѣще-

ніе, что въ Петербургѣ очень не понравилось это дѣло, Фридрихъ писалъ ему, что все затрудненіе происходитъ отъ невѣрности польскихъ географическихъ картъ. „Но, продолжалъ король, я знаю хорошо, чему должно приписать всѣ затрудненія, которыя польскій король дѣлаетъ дѣлу размежеванія: онъ постоянно ласкаетъ себя надеждою жениться на одной изъ сестеръ императора, и, получивши этимъ бракомъ сильную подпору, воображаетъ, что ему нѣтъ болѣе нужды щадить меня; пусть вѣнскій дворъ выставляетъ тѣсную связь между нимъ и мною. Эта связь существуетъ только въ его хитромъ и интригантскомъ духѣ, заставляющемъ его распространять такой слухъ. Я никогда ему не довѣрялся и никогда не довѣрюсь во всю мою жизнь; никогда я не сообщу ему своихъ намѣреній. Впрочемъ по настоящему положенію Польши я не предприму никогда ничего, не условившись первоначально съ Россіею.“ Желая успокоить петербургскій дворъ и выставить дѣло нестоющимъ вниманія, Фридрихъ писалъ Сольмсу: „Одинъ Швейцарецъ-католикъ ѣлъ яичницу постомъ. Вдругъ загремѣлъ громъ, и ему говорятъ: „Богъ приготовляется наказать тебя за нарушеніе церковныхъ правилъ.“ Швейцарецъ бросилъ яичницу за окно и сказалъ: „Великій Боже! сколько шуму изъ-за яичницы!“ Въ такомъ же положеніи и я. Вопросъ изъ-за нѣсколькихъ деревень не произведетъ пожара въ цѣлой Европѣ; я отъ этого не разбогатѣю, а Польша не обѣднѣетъ. Петербургскому двору стоитъ только приказать своему послу графу Штакельбергу порѣшить это дѣло, и все будетъ кончено.“ Но русская императрица приняла на себя посредничество, и дѣло было покончено въ Варшавѣ Штакельбергомъ: спорная земля была подѣлена.

Въ началѣ августа Штакельбергъ далъ знать Панину, что французскій дворъ вознамѣрился женить польскаго короля на принцессѣ Бурбонъ, дочери принца Конде. Первое предложеніе было сдѣлано княгинею Любомирскою, дочерью русскаго воеводы, и возобновлено однимъ Французомъ, находившимся въ польской службѣ. Получивши объ этомъ извѣстіе, Штакельбергъ молчалъ, желая испытать, искренность и довѣріе короля. Станиславъ Августъ выдержалъ испытаніе, первый началъ говорить послу объ этомъ дѣлѣ, и объявилъ, что такъ какъ у него рѣшено поступать единственно по волѣ императрицы, то онъ не вошелъ нисколько въ это дѣло. Въ то же время онъ выразилъ желаніе, чтобъ невѣста, назначаемая

ему, вышла за его племянника, и просилъ Штакельберга разведать мысли императрицы на счетъ Курляндіи, нельзя ли ее отдать князю Понятовскому; Штакельбергъ замѣтилъ, что курляндскій престолъ занятъ. „Таковы-то виды Франціи и нашихъ враговъ въ этой странѣ, писалъ Штакельбергъ: еслибы имъ удалось устроить этотъ бракъ, то обнаружились бы соединенныя движенія вѣнскаго и версальскаго дворовъ для отнятія у Россіи этого вліянія въ Польшѣ, котораго поддержка въ этомъ вѣкѣ произвела столько кровавыхъ сценъ, и которымъ императрица теперь овладѣла съ кротостію, господствующею въ ея политикѣ и сердцѣ, вслѣдствіе чего Польша сдѣлалась какъ бы русскою провинціею. Такое положеніе дѣлъ очень непріятно для враговъ имперіи какъ внутри, такъ и внѣ Польши. Прошу сообщить мнѣ въ открытомъ письмѣ рѣшеніе ея и. в—ства на счетъ королевскаго предложенія, равно какъ самую сильную причину для отстраненія плановъ на счетъ племянника. Нигдѣ здѣсь намъ не нужно Французовъ.“ Въ Петербургѣ дано было такое рѣшеніе, что король обѣщалъ Штакельбергу замять это дѣло. Но кн. Борятинскій далъ знать Штакельбергу изъ Парижа, что какой-то Глэръ продолжаетъ вести переговоры о бракѣ. Принцъ Конде былъ согласенъ на этотъ бракъ, но выражалъ безпокойство на счетъ участи имѣющихъ родиться у короля дѣтей, такъ какъ польская корона не была наслѣдственна. Глэръ отвѣчалъ, что если Франція возвратитъ свою дружбу коронѣ и королю польскому, то и дѣти королевскія могутъ быть счастливы, ибо Станиславъ Августъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи отъ трехъ до пяти милліоновъ ливровъ. Что же касается того, чтобъ сдѣлать польскую корону наслѣдственною, то это дѣло не легкое и, можетъ быть, и совершенно невозможное при настоящихъ обстоятельствахъ; но когда прусскій король умретъ, то надобно думать, что и политическая система на сѣверѣ перемѣнится. „Я не предполагаю, продолжалъ Глэръ, чтобъ и тогда польскую корону можно было сдѣлать наслѣдственною, по крайней мѣрѣ Франція можетъ дѣйствовать тогда съ большимъ успѣхомъ. Лишь бы Франція сдѣлала первый шагъ для вступленія въ союзъ съ Польшею, а то довольно видали на свѣтѣ такихъ дѣлъ, которыя съ перваго раза казались также невозможными, а потомъ приводились въ исполненіе.“ Переговоры шли посредствомъ дочери госпожи Жоффрэнъ, потому что знаменитая маменька была больна. Тогда посолъ имѣлъ съ

Станиславомъ Августомъ горячее объясненіе относительно всѣхъ политическихъ сообщеній въ Константинополѣ и Парижѣ; онъ ему объявилъ что, хотя нисколько не сомнѣвается въ добросовѣстности его величества относительно русскаго двора, однако не можетъ не замѣтить, что король предается своей прежней страсти къ политическому кокетству и ложной снисходительности ко врагамъ императрицы. Разговоръ имѣлъ слѣдствіемъ отозваніе Глэра. Та же участь постигла и польскаго интернунція въ Константинополѣ, Боскампа.

5-го апрѣля Фридрихъ писалъ Сольмсу: „Съ большимъ удовольствіемъ узналъ я, что графъ Панинъ былъ доволенъ внушеніями, которыя я велѣлъ сдѣлать Портѣ для уничтоженія зародышей новой войны съ Россіею. Но вы должны ему передать, что мои добрыя услуги не ограничились одними этими внушеніями. Чрезъ третьи руки и не возбуждая никакого подозрѣнія, что дѣло идетъ отъ меня, я далъ знать версальскому министерству о честолюбивыхъ видахъ вѣнскаго двора противъ Порты по поводу этихъ новыхъ смутъ, и дѣло очень удалось. Французское министерство было раздосадовано этимъ тѣмъ болѣе, что оно смотритъ чрезвычайно подозрительно на честолюбивые замыслы императора и питаетъ основательныя опасенія, что если вѣнскій дворъ успѣетъ еще захватить нѣсколько оттоманскихъ провинцій, Порта слишкомъ ослабѣетъ и не будетъ способна сдѣлать диверсію въ пользу Франціи, когда рано или поздно начнется война между нею и Австріею. Это опасеніе заставило французское правительство отправить наспѣхъ въ Константинополь барона Тотта для отвращенія Порты отъ новаго разрыва съ Россіею.“ Въ августѣ Фридрихъ писалъ: „Кажется довольно вѣрно, что кн. Кауницъ замышляетъ сдеулить еще кусокъ Валахіи у Порты, и что новая война между Россіею и Турціею является для него самымъ удобнымъ и вѣрнымъ для этого путемъ; онъ пламенно желаетъ этой войны и не пренебрегаетъ ничѣмъ для раздуванія огня, тлѣющаго подъ пепломъ. Въ этихъ видахъ онъ попытался отклонить Францію отъ намѣренія поддержать миръ между Россіею и Турціею. Если дѣйствительно военный пламень возгорится между ними, этотъ министръ не замедлитъ предложить Турціи договоръ, по которому его дворъ обѣщаетъ собрать войско въ окрестностяхъ Песта для сдержанія Россіи и за это выговорить себѣ часть Валахіи, а быть можетъ и денеж-

ную сумму для этой военной демонстраціи. Такъ какъ мнѣ кажется, что новая война съ Портою вовсе не соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Россіи, и война эта будетъ еще менѣе выгодна для послѣдней, если вѣнскій дворъ одинъ долженъ воспользоваться ею и наловить рыбы въ мутной водѣ: то я захотѣлъ услужить Россіи, выведя окольными путями Францію изъ заблужденія на счетъ внушеній кн. Кауница. И если Россія сочтетъ нужнымъ прибавить что-нибудь по этому дѣлу для версальскаго министерства и ввѣрить мнѣ свои идеи, я съ величайшимъ усердіемъ исполню порученіе какъ добрый и вѣрный союзникъ.“ По словамъ Фридриха Кауницъ отвращалъ французскій дворъ отъ стараній поддержать миръ между Россіею и Портою, внушая, что Франціи выгодно занять Россію турецкою войною: этимъ она воспрепятствуетъ ей принять участіе въ войнѣ между Франціею и Англіею; это участіе будетъ въ пользу послѣдней, ибо Россія обязана договоромъ помогать Англіи громаднымъ флотомъ и двадцатитысячнымъ сухопутнымъ войскомъ. Кауницъ дѣлаетъ Россіи мирныя заявленія, предлагаетъ свои услуги въ переговорахъ съ Портою; но все это обманъ. Рейсъ-ефенди совершенно преданъ Австріи, и еслибы даже Кауницъ довелъ свое двоедушіе до того, что сдѣлалъ бы Портѣ предложенія въ пользу мира, то это будетъ сдѣлано только для формы, и рейсъ-ефенди знаетъ, какъ извернуться въ этомъ случаѣ. Такимъ образомъ Кауницъ останется въ сторонѣ и будетъ приготовлять стрѣлы, которыя разсчитываетъ пустить французскими руками.

Въ ноябрѣ Фридрихъ писалъ: „Такъ какъ всѣ мои извѣстія, константинопольскія, польскія и вѣнскія, согласны въ одномъ что Порта почти вполнѣ рѣшилась на войну, то боюсь, чтобъ предложенія, которыя теперь могли бы быть ей сдѣланы, не опоздали. Они постоянно должны быть сопровождаемы хорошими подарками для подкупа сераля, безъ которыхъ нельзя себѣ обѣщать ни малѣйшаго успѣха. Вы можете сказать графу Панину что я знаю навѣрное, что Стахіевъ уже дѣлалъ употребленіе изъ этого смягчающаго средства, но я думаю, что онъ далъ своимъ подаркамъ не очень хорошее назначеніе: онъ роздалъ ихъ коммиссарамъ Порты, назначеннымъ вести съ нимъ переговоры, но эти люди второстепенные, не имѣющіе голоса въ диванѣ. Позолоченное оружіе надобно было употреблять въ борьбѣ съ рейсъ-ефенди и другими членами дивана. Возмущеніе противъ великаго визиря и капитана-паши могло

бы одинаково повести къ важнымъ послѣдствіямъ; во всякомъ случаѣ надобно было бы постараться произвести такое возмущеніе, чтобъ разстроить планъ Порты; посредствомъ подкуповъ дѣло не будетъ невозможнымъ. Что касается нашихъ соглашеній для сопротивленія австрійскимъ видамъ, то я думаю, что пока не возгорится война между Россіею и Портою, нечего бояться съ ихъ стороны; но какъ скоро война будетъ объявлена, то Россія не найдетъ ли нужнымъ чтобъ я сообщилъ Портѣ слѣдующее: я знаю навѣрное, что вѣнскій дворъ очень желаетъ схватить у нея еще кусокъ Валахіи и Молдавіи, подъ предлогомъ старыхъ претензій, и чтобъ заставить ее проглотить эту пилюлю, онъ выставитъ ей на видъ значительный корпусъ войскъ, готовый летѣть ей на помощь противъ Россіи, равно какъ и предполагаемый кредитъ свой при Петербургскомъ дворѣ, вслѣдствіе котораго, при посредничествѣ Австріи, Порта можетъ заключить выгодный миръ съ Россіею. Я не могу не дать Портѣ совѣта не позволить себя убаюкивать этими медоточивыми предложеніями двора, который старается только обмануть ее для удовлетворенія своего непомѣрнаго аппетита къ новымъ завоеваніямъ. Я могу прибавить къ этимъ внушеніямъ предложеніе гарантіи всѣхъ владѣній, которыя останутся за нею при заключеніи мира, увѣряя, что могу обѣщать такую же гарантію и отъ Россіи. Другое средство разстроить австрійскіе планы состоитъ въ томъ, что какъ скоро Австрія сосредоточитъ войска на границахъ, Россія и я сдѣлаемъ общій запросъ вѣнскому двору о назначеніи этого войска.“

Панинъ былъ очень радъ гарантировать вмѣстѣ съ Пруссіею владѣнія Порты и просилъ короля, чтобъ тотъ, для предотвращенія войны, сдѣлалъ немедленно внушенія Портѣ на счетъ австрійскихъ замысловъ. Фридрихъ отвѣчалъ, что согласенъ, но если это причинитъ ему какія-нибудь непріятности, то Россія не должна оставлять его одинокимъ, но должна немедленно повести дѣла сообща съ нимъ. Въ концѣ ноября Фридрихъ далъ знать, что внушенія его въ Константинополѣ не имѣютъ успѣха; что Россіи останется прибѣгнуть къ подкупамъ, истратить на нихъ 100,000 червонныхъ, и, на всякій случай, приготовиться къ войнѣ.

А кн. Дмитр. Мих. Голицынъ въ самомъ началѣ года писалъ Панину слѣдующее: баронъ фанъ-Свитенъ долженъ былъ узнать мнѣніе прусскаго короля на счетъ занятія Русскими Перекопи. „Я

нахожу, что это событіе можетъ перемѣшать карты между Россіею и Портою, отвѣчалъ король и продолжалъ: въ этомъ случаѣ я не вижу, что мѣшаетъ вашему двору воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами для распространенія своихъ владѣній со стороны Турціи; бояться нечего отъ сосѣда, который еще не имѣлъ времени поправиться послѣ недавней войны и который находится въ затрудненіи со стороны Персіи." Фанъ-Свитенъ безъ церемоніи спросилъ, какъ же его прусское величество намѣренъ въ такомъ случаѣ увеличить собственныя владѣнія, и Фридрихъ отвѣчалъ, что у него есть также планъ округленія своихъ владѣній на счетъ Данцига, герцогства Мекленбургскаго и Помераніи. Голицынъ оканчивалъ свое донесеніе словами: „Такая почти невѣроятная откровенность вполнѣ заподозрила бы это извѣстіе въ моихъ глазахъ, еслибъ я не могъ поручиться за совершенную достовѣрность источника." Въ концѣ мая кн. Голицынъ сообщилъ другое любопытное извѣстіе, что французскій посланникъ въ Вѣнѣ, извѣстный намъ Бретёйль подалъ Кауницу мемуаръ, въ которомъ французское правительство энергически доказывало необходимость для дружественныхъ Турціи дворовъ отвращать послѣднюю отъ возобновленія войны съ Россіею, ибо эта война нанесетъ Портѣ новые удары и нарушитъ чрезъ это равновѣсіе Европы. По мнѣнію Голицына, такое мирное настроеніе французскаго двора происходило, съ одной стороны, отъ убѣжденія, что Турція теперь не въ состояніи бороться съ Россіею, а съ другой—изъ опасенія, чтобъ вѣнскій дворъ не воспользовался благопріятными обстоятельствами, чтобъ поживиться на счетъ Порты въ свою очередь.

Кн. Борятинскій изъ Парижа писалъ 6-го января, что въ Версали голландскій посолъ показывалъ ему выписку изъ константинопольскаго письма, гдѣ сказано, что тамъ много толкуютъ о войнѣ съ Россіею и догадываются, что Порту побуждаетъ къ разрыву съ Россіею вѣнскій дворъ, обѣщая склонить бурбонскіе дворы къ тому, чтобъ русскій флотъ не пропускать болѣе въ Архипелагъ, за что требуетъ для себя часть Молдавіи и Валахіи. Вѣсть эта быстро разнеслась по дипломатическому корпусу, и одинъ изъ членовъ его передавалъ свой разговоръ съ графомъ Верженемъ, который сказалъ ему именно такими словами: „Я не могу надивиться и не понимаю, какъ Порта могла такъ скоро позабыть свой стыдъ и несчастіе, и какъ она не предвидитъ, что вовлекаетъ себя въ погибель.

Если она не намѣрена была исполнять трактатъ, то, по крайней мѣрѣ, должна была бы тотчасъ по заключеніи мира дѣлать приготовленія къ войнѣ; но она все это время ничего не дѣлала.“ По мнѣнію кн. Борятинскаго Верженъ не могъ подущать Порту къ новой войнѣ, вопервыхъ, потому что онъ миролюбивъ, вовторыхъ, всѣмъ извѣстно, что и послѣдняя война воспослѣдовала противъ его желанія и что онъ предсказалъ все то, что случилось съ Турками; втретьихъ, политическія причины должны отводить отъ этого Францію: если Порта, какъ предполагается, опять будетъ побѣждена Россіею, то австрійскій домъ чрезъ это очень усилится, а это противно интересамъ Франціи. На случай войны въ Версалѣ и Парижѣ уже ходили слухи, будто императоръ Іосифъ предлагалъ матери соединиться съ Россіею противъ Порты; но Марія Терезія и Кауницъ на это не согласны. Толковали, что если вѣнскій дворъ соединится съ Россіею, то въ двѣ кампаніи Турки будутъ побѣждены; вѣнскій дворъ возьметъ Бѣлградъ и Валахію и получитъ свободный ходъ по Дунаю въ Черное море; Россія возьметъ Очаковъ, Бендеры и Крымъ; прусскому королю за то, что не будетъ дѣлать препятствій, Россія уступитъ (?) Курляндію, а вѣнскій дворъ дастъ часть Силезіи.

Въ мартѣ Борятинскій видѣлся съ Морепа, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, и просилъ его сказать искренне, по дружбѣ, извѣстно ли ему, въ какихъ расположеніяхъ находится теперь Порта? Морепа отвѣчалъ: „Я думаю, что Турки сдѣлаютъ дурачество и опять начнутъ съ вами войну; но я скажу вамъ по совѣсти, что Франція не приводитъ Порту къ войнѣ; мы не думаемъ, чтобы истребленіе Порты было для насъ полезно, ибо мы предполагаемъ, что въ настоящемъ состояніи Порты ей съ вами воевать невыгодно; будьте въ томъ увѣрены, что мы не стараемся удаляться отъ васъ, и думаемъ, что въ сближеніи была бы обоюдная польза, особенно въ отношеніи къ торговлѣ.“ Въ апрѣлѣ надежный человѣкъ увѣдомилъ Борятинскаго, что въ королевскомъ совѣтѣ недавно читанъ былъ меморіалъ такого содержанія: критическое положеніе Порты таково, что какъ бы ни стали дѣйствовать Россія и Австрія, согласно или нѣтъ, новая война можетъ только приготовить паденіе Турціи въ Европѣ. Если вѣнскій дворъ внушитъ или Россіи, или Портѣ твердо держаться своихъ требованій, то онъ достигнетъ цѣли своего честолюбія: имѣя свободныя руки дѣйствовать смотря по

обстоятельствамъ, онъ воспользуется истощеніемъ Турціи для полученія отъ нея извѣстныхъ провинцій, или въ случаѣ отказа завоюетъ ихъ. Польша предана Франціи и стала бы дѣйствовать непремѣнно согласно съ ея видами; но это государство истощено внутреннею анархіею и не можетъ свободно располагать своими силами. Морскія державы, Англія и Голландія, имѣютъ наравнѣ съ Франціею сильныя побужденія препятствовать паденію Оттоманской имперіи въ Европѣ; но теперь не время входить съ ними въ сношенія по этому предмету. Франція имѣетъ обязательство съ Австріею по версальскому договору; но было бы странно обращать вниманіе на эти обязательства въ виду такого важнаго для Франціи интереса, какъ сохраненіе Турціи въ Европѣ. По моему мнѣнію, надобно, войти въ прямыя сношенія съ вѣнскимъ дворомъ, объявить ему, что король желаетъ сохраненія мира между Россіею и Турціею и сохраненія цѣлости послѣдней. Борятинскій узналъ, что меморіалъ поданъ былъ Верженемъ, ибо изъ Константинополя получено донесеніе, что австрійскій интернунцій старается привести Порту къ разрыву съ Россіею, внушая, что его дворъ объявитъ себя въ пользу Порты, почему и собрано большое войско въ Венгріи. Потомъ Борятинскому сообщили новыя подробности меморіала Верженя: въ немъ говорилось, что какія бы пріобрѣтенія ни сдѣлалъ вѣнскій дворъ въ войнѣ съ Портою, они не могутъ идти въ сравненіе съ выгодами, какія можетъ получить Россія, ибо, страны, которыми она овладѣетъ, обитаемы большею частію Греками (т.-е. православными) и по единовѣрію естественно будутъ ей преданы. Борятинскаго извѣстили также, что къ французскому повѣренному въ дѣлахъ при Портѣ отправленъ курьеръ съ приказаніемъ стараться удерживать Турцію отъ войны; Англіи и Голландіи предложено, чтобъ и онѣ съ своей стороны старались о томъ же, ибо это нужно и для ихъ левантской торговли.

Управлявшій посольскими дѣлами въ Стокгольмѣ (въ отсутствіе Симолина) Рикманъ далъ знать въ февралѣ, что весною король поѣдетъ въ Финляндію и оттуда въ Петербургъ. Сенаторъ графъ Белке спрашивалъ Рикмана, проведетъ ли императрица лѣто въ Петербургѣ. Узнавъ объ этомъ, Екатерина написала собственноручно вице-консулу Остерману: „Напишите Рикману, что я проведу весну и лѣто въ Смоленскѣ.“ Несмотря на то, что Рикманъ распустилъ вездѣ слухи о смоленскомъ путешествіи императрицы, сказалъ объ

этомъ и самому королю, который былъ очень смущенъ такимъ непріятнымъ извѣстіемъ, 12-го мая Рикманъ снова донесъ, что поѣздка короля въ Петербургъ дѣло рѣшенное; когда королю напоминали о поѣздкѣ Екатерины въ Смоленскъ, то онъ отвѣчалъ, что это слухъ ложный, потому что шведскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ ничего объ этомъ не пишетъ, да и Рикманъ сказалъ ему, что знаетъ о поѣздкѣ только изъ частныхъ писемъ. Рикману передали и причину, заставлявшую Густава ѣхать въ Петербургъ: недовольный Франціею, онъ хотѣлъ заручиться другими средствами; и 19-го мая Рикманъ писалъ къ Панину, что управляющій иностранными дѣлами сенаторъ графъ Шеферъ объявилъ ему оффиціально, что шведскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Нолкенъ увѣдомилъ о намѣреніи императрицы оставаться все лѣто въ Петербургѣ, и что король, не предвидя никакихъ затрудненій въ удовлетвореніи неугасаемой жажды видѣться и познакомиться лично съ ея и. в—ствомъ, рѣшился ѣхать въ Петербургъ въ началѣ будущаго іюня, остановится онъ въ домѣ шведскаго посланника и будетъ соблюдать строжайшее инкогнито. Рикманъ поблагодарилъ графа Шефера за такую дружескую откровенность и увѣрилъ его, что королевское посѣщеніе будетъ пріятно и драгоцѣнно ея и. в—ству. Возвратившійся въ концѣ мая Симолинъ доносилъ, что на счетъ королевскаго путешествія въ Петербургъ мнѣнія различны, но всѣ согласны относительно охлажденія между Швеціею и Франціею, которая отказывается возобновить субсидный договоръ и оплачивать издержки, которыя угодно дѣлать шведскому королю. Густавъ прямо говорилъ, что онъ хочетъ лично переговорить съ императрицею и надѣется дойти до соглашенія съ нею, чтобъ заручиться ея дружбою и утвердить спокойствіе на сѣверѣ. Шляпы и колпаки желаютъ одинаково, чтобъ намѣренія королевскія не удались въ Петербургѣ; они боятся, что удача поѣздки дастъ ему духъ перейти границы и осуществить свой планъ полнаго захвата власти, причемъ народу не будетъ пощады въ налогахъ для удовлетворенія пустыхъ издержекъ королевскихъ.

Отъ 21-го іюля Симолинъ писалъ, что заявленія Густава III объ успѣхѣ своего путешествія въ Россію не позволяютъ Шведамъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ уладилъ дѣло съ императрицею и взаимное довѣріе между обоими дворами возстановлено навсегда. Въ самый день возвращенія вечеромъ король сказалъ сенатору графу Сверину, что ему удалось войти въ полное соглашеніе съ

императрицею, что они будутъ поддерживать другъ друга, что бы ни случилось. Сенатору графу Гёпкену король между прочимъ сказалъ, какъ ему стыдно, что прежде имѣлъ объ императрицѣ и петербургскомъ дворѣ совершенно другое представленіе, чѣмъ теперь, когда познакомился съ ними на мѣстѣ; что онъ чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ и что онъ будетъ оказывать императрицѣ всѣ зависящія отъ него услуги. Другой особѣ онъ сказалъ: „Теперь у меня есть кой-какой кредитъ въ Петербургѣ.“ Сенаторъ баронъ Спарре сказалъ Симолину: „вы сдѣлали короля совершенно русскимъ; вы его избаловали, и мы вамъ его отошлемъ назадъ.“ Вице-канцлеръ сообщилъ Симолину всѣ разговоры, которые имѣлъ Густавъ съ Екатериною. Императрица, писалъ Остерманъ, увѣрила его, какъ всегда было ей желательно благосостояніе его дома, какъ она теперь довольна, что увидалась съ государемъ, столь близкимъ ей по крови; императрица прибавила, что она не менѣе его желаетъ мира и тѣсной дружбы между обоими народами. Король, повторяя тѣ же увѣренія и желая коснуться шведской революціи 1772 г., сказалъ, что каковы бы ни были добрыя намѣренія государя или государства, бываютъ такія обстоятельства и случаи, когда они видятъ себя принужденными рѣшаться на поступки могущіе не быть пріятными; но онъ увѣряетъ ея в—ство, что онъ не имѣлъ никогда дурнаго намѣренія противъ нея и ея имперіи и желалъ, напротивъ, поддерживать не только доброе согласіе между обоими государствами, но еще укрѣпить связь между ними, и что у него нѣтъ никакого обязательства, которое бы воспрепятствовало этому единенію. Императрица отвѣчала, что не скроетъ, какъ она была озадачена событіемъ, на которое онъ указываетъ; она желаетъ, чтобъ его в—ство былъ имъ удовлетворенъ, чтобъ его подданные были счастливы и довольны. Что же касается до нея, то пятнадцатилѣтнее правленіе показало, какъ она любитъ миръ и спокойствіе: но въ то же время обнаружилось не менѣе ясно, что она умѣетъ защищаться, когда на нее нападутъ; относительно же болѣе тѣсной связи между Россіею и Швеціею, то, по ея мнѣнію, объ этомъ должны вести переговоры министры.“ Хотя король, писалъ Остерманъ, нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету, однако онъ не получилъ отъ императрицы никакого дальнѣйшаго изъясненія, изъ чего вы можете заключить, что нѣтъ ничего рѣшеннаго относительно тѣснаго союза; еще менѣе король можетъ

думать, что получилъ какое-нибудь одобреніе произведенной имъ перемѣнѣ. Поэтому вамъ будетъ легко разсѣять на этотъ счетъ опасенія благонамѣренныхъ и уничтожить всѣ слухи, причиненные путешествіемъ короля. Вы имѣете право сказать вашимъ друзьямъ, что ея и. в—ство такъ постоянна въ своихъ принципахъ и такъ умѣетъ различать взаимные комплименты государей отъ интересовъ государства, что не позволитъ себя обмануть на счетъ справедливости и значенія своихъ обязательствъ, исполненія которыхъ она будетъ постоянно желать."

Но Симолинъ писалъ, что какъ слова императрицы ни были неопредѣленны, король объясняетъ ихъ рѣшительно въ свою пользу. Онъ съ своими приверженцами только и толкуетъ о пріемѣ, какой былъ ему сдѣланъ, объ изъявленіяхъ дружбы, вниманія, довѣрія, о подаркахъ, которые оцѣниваютъ въ 370,000 рублей; выставляются также торжественныя обѣщанія императрицы, что она не желаетъ ничего болѣе какъ быть въ мирѣ и тѣсной дружбѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, и если бы обнаружились внутреннія волненія въ Швеціи, она конечно въ нихъ не вмѣшается; даютъ знать, что король пріобрѣлъ личное вліяніе на императрицу и на многихъ другихъ самыхъ значительныхъ людей. Заключаютъ изъ этого, что цѣль путешествія вполнѣ достигнута, что Швеція можетъ быть спокойна, ей бояться нечего, если только она сама не начнетъ войны, что переговоры о болѣе тѣсномъ союзѣ будутъ происходить между министрами съ большимъ успѣхомъ, какъ только король признаетъ для себя выгоднымъ начать ихъ.

Въ концѣ сентября, когда возвратился въ Стокгольмъ вліятельный сенаторъ баронъ Функъ, Симолинъ объявилъ ему о неизмѣнности взгляда императрицы на шведскія дѣла, на который посѣщеніе королемъ Петербурга не произвело ни малѣйшаго вліянія. Симолинъ просилъ Функа сказать ему, какъ, по его мнѣнію, можно было поправить сдѣланное на сеймѣ 1772 года и возвратить народу его прежнюю вольность, отнятую самымъ оскорбительнымъ насиліемъ. Симолинъ хотѣлъ бы узнать отъ него мнѣнія и расположенія колпаковъ и шляпъ относительно этого предмета, какія мѣры они думаютъ приготовить и принять для облегченія успѣха предпріятія и какія средства русскій дворъ и его союзники дожны употребить для содѣйствія общему стремленію шведскаго народа. Функъ обѣщалъ подумать объ этомъ и посовѣтоваться съ друзьями,

а тутъ сказалъ, что для успѣха предпріятія необходимо, чтобъ приняли въ немъ участіе не одни колпаки, но и шляпы; что неудовольствіе народа и желаніе перемѣны въ настоящей конституціи всеобщее, но что шведскій народъ отличается непослѣдовательностію, легкомысліемъ и робостью, легко увлекается и легко падаетъ духомъ. Но, промедливши полтора мѣсяца, Функъ отказался входить въ объясненіе по этому предмету; а сенаторъ Ферзенъ рѣшительно объявилъ датскому посланнику, что конституція 1720 года никуда не годилась, что во время ея господства все рѣшалось по корыстнымъ побужденіямъ или по капризу отдѣльныхъ лицъ, почему переворотъ, произведенный въ 1772 году и не встрѣтилъ сопротивленія въ народѣ; что если говорить о деспотизмѣ, то все равно, терпимъ ли мы отъ деспотизма одного человѣка, или отъ деспотизма нѣсколькихъ лицъ, или отъ деспотизма толпы, что все же деспотизмъ одного человѣка предпочтительнѣе деспотизма многихъ; что въ цѣломъ шведскомъ народѣ нѣтъ никого, кто бы собственно желалъ возвратиться къ конституціи 1720 года и сталъ бы этому содѣйствовать. Но одинъ изъ видныхъ благонамѣренныхъ, майоръ Пайкуль увѣрялъ, что народное неудовольствіе очень велико и увеличивается со дня на день, и что его деревенскіе друзья по прежнему готовы содѣйствовать перевороту при первомъ благопріятномъ случаѣ; но необходимо привлечь на свою сторону Ферзена и шляпы; если Ферзенъ выразилъ отвращеніе отъ конституціи 1720 года и хвалилъ англійскую конституцію, то его легко удовлетворить въ этомъ отношеніи, приблизивъ новую форму правленія къ англійской конституціи. Но Пайкуль затруднялся тѣмъ, что послѣ отказа Функа некого выбрать вождемъ въ партіи колпаковъ.

1778.

Въ началѣ года (н. с.) Фридрихъ II говорилъ кн. Долгорукому, что смерть курфюрста баварскаго можетъ имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія. „Я, говорилъ король, желаю, чтобъ все уладилось мирно; но дѣла еще страшно запутаны, это настоящій хаосъ, и нельзя опредѣлить, что̀ отсюда выйдетъ. Курфирстъ палатинъ въ своей прокламаціи говоритъ о договорѣ съ покойнымъ курфирстомъ 1774 года; но содержаніе этого договора никому неизвѣстно. Франція не можетъ сильно вмѣшиваться во все это, потому что у нея

несомнѣнно будетъ война съ Англіею; я убѣжденъ, что существуетъ договоръ между версальскимъ дворомъ и Америкою. Саксонія потребовала моей помощи для пріобрѣтенія того, что вдовствующая курфирстина уступила своему сыну, и я отвѣчалъ, что она можетъ положиться на меня, только бы не спѣшила. Вѣрно, что вѣнскій дворъ старается возбудить новую войну между Россіею и Портою."

Въ депешѣ къ Сольмсу отъ 4-го января король писалъ о страшныхъ вооруженіяхъ Порты и настоятельно совѣтовалъ Россіи поскорѣе собрать на Украйнѣ со стороны Бендеръ силы достаточныя для отраженія Турокъ. „Смерть баварскаго курфирста, продолжалъ король, особенно затруднитъ вѣнскій дворъ и, пожалуй, остановитъ его виды на увеличеніе своихъ владѣній со стороны Венгріи (т. е. на счетъ Турціи), виды, которые до сихъ поръ совершенно поглощали его вниманіе. Вы знаете, какъ всегда баварское наслѣдство возбуждало его аппетитъ и какіе проекты онъ составлялъ для его полученія. Такимъ образомъ теперь онъ очень затрудненъ, какое изъ двухъ пріобрѣтеній предпочесть. Этотъ дворъ распространитъ слишкомъ далеко свои завоеванія, если другіе не построятъ противъ нихъ достаточно крѣпкихъ плотинъ. Даже Франція, его союзница, не будетъ знать, какую взять сторону, и я знаю, что она не будетъ смотрѣть благосклонно, если Австрія захватитъ много изъ баварскаго наслѣдства." Въ слѣдующей депешѣ обнаружилось, почему прусскій король такъ настаивалъ на сильныя мѣры противъ Турціи со стороны Россіи: если миръ будетъ разорванъ и Россія ограничится оборонительною войною, то Порта безъ сомнѣнія захочетъ пройти чрезъ Польшу со 150,000 войска для нападенія на Кіевъ, а этимъ воспользуются недовольные Поляки и снова поднимутся, что̀, разумѣется, будетъ очень непріятно прусскому королю при настоящихъ обстоятельствахъ. Поэтому Фридрихъ уговаривалъ русскій дворъ склонитъ Польшу къ союзу съ Россіею противъ Турокъ.

Увѣдомляя (26-го января) о занятіи Австрійцами баварскихъ земель гораздо далѣе предѣла, обозначеннаго въ договорѣ съ курфирстомъ, Фридрихъ писалъ: „Вѣнскій дворъ этимъ не ограничится: онъ отдалъ фьефы курфирсту палатину лично, безъ передачи правъ герцогу цвейбрикенскому. Итакъ, если князья имперіи будутъ такъ слабы, что прейдутъ молчаніемъ этотъ поступокъ вѣн-

скаго двора, то вотъ какія будутъ послѣдствія. Прежде всего этотъ дворъ присвоитъ себѣ право дѣлить по своему капризу всѣ наслѣдства князей; онъ станетъ захватывать одну область за другою; онъ присвоитъ себѣ деспотическую власть и кончитъ тѣмъ, что подчинитъ себѣ германскій корпусъ. Но невозможно содѣйствовать такимъ насильственнымъ и непомѣрнымъ претензіямъ и не остается другаго средства, какъ остановить зло въ самомъ источникѣ. При этомъ кризисѣ германскихъ дѣлъ я бы пламенно желалъ, чтобъ Россія уладилась съ Портою и я могъ бы требовать ея помощи, поставить ее посредницею въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ спасеніе всего германскаго корпуса. Дѣйствительно, эта самая блестящая роль для русской императрицы, и думаю, что ея величество не будетъ къ ней нечувствительна, а будетъ мнѣ немножко благодарна за поданный ей случай.“

Отъ 22-го марта Фридрихъ писалъ, что война кажется ему теперь неизбѣжною и онъ употребитъ всѣ усилія собрать вòвремя войска для отраженія наступающаго непріятеля. Но въ этой войнѣ Фридриху была нужна русская помощь, и король писалъ 10-го апрѣля: „Пока вѣнскій дворъ будетъ видѣть, что Россія занята турецкими дѣлами, до тѣхъ поръ онъ не обратитъ большаго вниманія на ея представленія въ пользу князей германскихъ, не понизитъ своего высокомѣрія, не покинетъ видовъ на увеличеніе своихъ владѣній. Вся австрійская армія собрана теперь въ Богеміи и Моравіи. Я собираю свою, которая, не смотря на всю быстроту, мною употребляемую, не будетъ собрана ранѣе 1-го или 2-го мая. Австрійцы не могутъ рѣшиться на удовлетвореніе нѣмецкимъ государствамъ, оскорбленнымъ ихъ хищничествомъ, а моя честь не позволитъ мнѣ терпѣть подобныхъ насилій; такимъ образомъ дѣла не могутъ быть рѣшены путемъ переговоровъ и должны необходимо рѣшиться оружіемъ. Въ этомъ кризисѣ я могу разсчитывать на помощь Верхней и Нижней Саксоніи, Гессенъ-Касселя, Байрейта и Аншпаха; но духовные курфюрсты и другіе епископы вмѣстѣ съ курфирстомъ палатиномъ возьмутъ сторону императора. Баварскіе чины единодушно протестовали противъ Австріи. Но чтобъ заставить благонамѣренные чины сдѣлать формальную декларацію, нужно выиграть сраженіе. Вы видите, что обстоятельства приближаются къ тѣмъ, какія были передъ Тридцатилѣтнею войною, и государства, которыя вошли въ соглашеніе съ Франціею, тѣ же самыя, которыя могутъ теперь соединиться съ Россіею. Но я долженъ повторить

прежде сказанное: выигранное сраженіе должно заставить ихъ рѣшиться на это. Между тѣмъ я принялъ мѣры, чтобъ не бояться въ настоящую минуту попытокъ моихъ враговъ. Недостатокъ въ фуражѣ воспрепятствуетъ имъ, равно какъ и мнѣ, предпринять что-нибудь до начала іюня. Если въ Россіи думаютъ ограничиться одними представленіями Австрійцамъ, то это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Хотя мнѣ кажется, что я могу приложить случай, въ какомъ теперь нахожусь, къ указанному въ союзномъ договорѣ относительно требованія помощи у союзника, однако я оставляю русскому двору полную свободу рѣшить, выгодно ли ему позволить притѣснять нѣмецкихъ князей и отвернуться отъ столь важной войны, какъ эта, не принявши въ ней ни малѣйшаго участія."

Сольмсъ далъ знать королю о требованіи Панина, чтобъ имперскіе чины сообща обратились къ Россіи и Франціи съ просьбою о помощи. Фридрихъ отвѣчалъ (20-го апрѣля), что это невозможно, ибо на сторонѣ Австріи духовные курфирсты, епископы и капитулы; извѣстно изъ исторіи, что при всякомъ важномъ рѣшеніи Германія дѣлилась; такъ дѣлилась она и въ Тридцатилѣтнюю войну на союзниковъ императора и шведскихъ.—Средства, которыя можно ожидать отъ имперіи, только формальныя; они не принесутъ никакой существенной пользы, ибо у князей нѣтъ ни мужества, ни достаточныхъ силъ, чтобъ дать значеніе своимъ голосамъ и своимъ объявленіямъ. Главная тяжесть падетъ всегда на одного меня. Если я покину это дѣло, если я пожертвую имъ неправедному честолюбію вѣнскаго двора и деспотизму императора, то равновѣсіе Германіи и всей Европы потеряно, никакая сила послѣ не будетъ въ состояніи остановить потока. И потому я всегда надѣюсь, что русская императрица, по дружбѣ ко мнѣ и по своей мудрости, не покинетъ меня въ этомъ критическомъ положеніи. Она не будетъ имѣть нужды въ большихъ усиліяхъ для поданія мнѣ помощи: декларація нѣсколько сильная и серіозная демонстрація со стороны Галиціи могли бы, въ началѣ, оказать мнѣ большія услуги."

Въ самомъ концѣ іюля къ Фридриху явился извѣстный Тугутъ подъ именемъ совѣтника русскаго посольства съ паспортомъ, подписаннымъ кн. Голицынымъ. Тугутъ привезъ обѣщаніе вѣнскаго двора отказаться отъ своихъ претензій на Баварію, если прусскій король откажется отъ своихъ претензій на маркграфства Байрейтъ и Аншпахъ. Фридрихъ отвергъ предложеніе, говоря, что претензіи

австрійскія ни на чемъ не основаны, тогда какъ его права на маркграфства неоспоримы. Онъ немедленно отправилъ депешу въ Петербургъ съ обычными внушеніями, что если не поспѣшить отраженіемъ австрійскаго удара, вѣнскій дворъ возгордится такъ, что не будетъ уже полагать границъ своему хищничеству, что дворъ этотъ имѣетъ непремѣнное намѣреніе овладѣть Босніею, венеціанскою частію веронской области, наконецъ Молдавіею и Валахіею. „Я употреблю всѣ мои усилія, писалъ король, чтобъ заставить германскихъ князей обратиться къ Россіи съ просьбою о помощи, надѣюсь склонить къ этому округа верхне- и нижне-саксонскій, вестфальскій, также князей, главнымъ образомъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, по образцу смалькальденскаго союза во время Тридцатилѣтней войны. Но если бы между тѣмъ русская императрица захотѣла сдѣлать что-нибудь посущественнѣе, пополезнѣе для насъ, то она бы приказала напасть на австрійскія владѣнія въ Польшѣ. Она можетъ быть увѣрена, что жители этихъ областей примутъ ея сторону; тамъ только три тысячи австрійскаго войска и Россіи сто́итъ только сказать слово, чтобъ возбудить мятежъ и овладѣть Галиціею и Лодомиріею, потерявши много-много 200 человѣкъ; отсюда сто́итъ только послать маленькій отрядъ легкихъ войскъ въ Венгрію, къ рудному городу Кремницу, какъ Венгерцы поднимутъ страшный вопль. Кромѣ того въ Венгріи много Грековъ (православныхъ Славянъ), которые примутъ сторону Россіи. Если бы Россія могла рѣшиться двинуть свои войска по крайней мѣрѣ къ концу сентября или въ началѣ октября, то ея дѣйствія будутъ имѣть важныя послѣдствія; но она встрѣтитъ гораздо больше затрудненій, если станетъ медлить.“

Въ концѣ августа Сольмсъ писалъ Панину: „Если мѣстныя условія принудятъ короля къ бездѣйствію, то враги его будутъ торжествовать: такъ какъ на нихъ нельзя будетъ напасть, то имъ нечего будетъ бояться пораженія и они удержатъ то, что̀ захватили. У нихъ впереди еще возможность пріобрѣсти большія выгоды и увеличить свои завоеванія, если короля постигнетъ болѣзнь, на которую они всегда надѣялись, и онъ будетъ не въ состояніи самъ распоряжаться военными дѣйствіями, наводя страхъ своимъ именемъ. Въ этомъ критическомъ положеніи существенная помощь Россіи становится ему необходима, и такъ какъ императрица выразила свое благопріятное рѣшеніе на этотъ счетъ, то она не можетъ

оскорбиться сильно настойчивостію короля въ полученіи этой помощи какъ можно скорѣе. Есть латинская пословица: „кто дастъ скоро, тотъ дважды дастъ“ *. Умоляю в. с—ство дать силу этимъ соображеніямъ.“

Въ Вѣнѣ, въ началѣ года, были очень любезны къ Россіи въ виду вопроса о баварскомъ наслѣдствѣ. Получивъ изъ Петербурга конфиденціальное изложеніе настоящихъ отношеній между Россіею и Портою и русскій ультиматумъ, отправленный въ Константинополь, вѣнскій дворъ отправилъ своему повѣренному въ дѣлахъ при Портѣ приказаніе внушать Портѣ отъ имени императора и императрицы королевы о ихъ желаніи, чтобъ между Россіею и Турціею сохраненъ былъ миръ; копія съ ноты, которую повѣренный въ дѣлахъ долженъ былъ подать Портѣ по этому случаю, была переслана въ Петербургъ. Кауницъ сказалъ при этомъ Голицыну, что никто болѣе его не отдаетъ справедливости русскимъ требованіямъ и не обвиняетъ Порту въ недобросовѣстности, что ихъ величества смотрятъ на дѣло точно также, и потому петербургскій дворъ долженъ ожидать съ ихъ стороны самаго дружескаго содѣйствія, какъ только откроется случай облегчить удовлетворительное для Россіи улаженіе спора ея съ Турціею. Нѣсколько дней спустя Кауницъ сказалъ Голицыну: „Я надѣюсь, что у васъ будутъ довольны отвѣтомъ ихъ величествъ на конфиденціальное объясненіе. Вообще я радъ случаю сказать и повторить вамъ, что мы добрые люди и наши дѣла не противорѣчатъ никогда нашимъ словамъ.“—„Я свидѣтель, вполнѣ убѣжденный въ этой истинѣ“, сказалъ Голицынъ.—„Вы, князь, да, отвѣчалъ Кауницъ; но можете ли вы мнѣ отвѣчать, что люди злонамѣренные и завистливые не стараются убѣдить вашъ дворъ въ противномъ?“ Голицынъ замѣтилъ, что его дворъ не легко подается на всякія убѣжденія и умѣетъ отличать дружескіе поступки отъ враждебныхъ. На другой день послѣ этого разговора Голицынъ встрѣтилъ самого императора, который подошелъ къ нему и поздравилъ съ рожденіемъ великаго князя Александра Павловича. Послѣ этого, перейдя къ турецкому дѣлу, сказалъ: „что вы хотите съ этими животными Турками, до сихъ поръ не было никакой возможности уговорить ихъ! Религіозный энтузіазмъ вмѣстѣ съ обычнымъ ихъ высокомѣріемъ безпрестанно увели-

* Bis dat qui cito dat; nil dat qui munere tardat.

чиваютъ ихъ упрямство. Ультиматумъ вашего двора написанъ такъ справедливо и такъ умѣренно, что если они его не примутъ, то навлекутъ на себя порицаніе всѣхъ державъ, и я думаю, что они не захотятъ этимъ рискнуть. Я вамъ скажу еще одно слово о моей собственной политикѣ: я не могу отказаться отъ принципа, что постоянные и взаимные интересы, соединяющіе двѣ имперіи и коренящіеся большею частію на мѣстныхъ условіяхъ, не должны долго подвергаться временному нарушенію. Таковы интересы, существующіе между Россіею и Австріею; на различныя случайныя обстоятельства, которыя, повидимому, ослабили на нѣкоторое время связь между ними, надобно смотрѣть какъ на скоро преходящія бури, за которыми должна послѣдовать прежняя тишина."

— „Справедливость этого взгляда бросается въ глаза, государь, отвѣчалъ Голицынъ, и я убѣжденъ, что мой дворъ смотритъ на дѣло точно также; но, съ позволенія в. в—ства, я дамъ ему знать о той энергіи, съ какою вамъ угодно было изъясниться на этотъ счетъ."—„Вы меня обяжете, сказалъ Іосифъ, если при всякомъ случаѣ будете извѣщать объ искренней дружбѣ, которую я питаю къ вашей великой императрицѣ, и какъ я желаю имѣть случай доказать ее лучше, чѣмъ можно было прежде."—Іосифу, Маріи Терезіи, Кауницу, при ихъ разговорахъ съ русскимъ посломъ, постоянно видѣлся прусскій король. Императрица королева, увѣряя Голицына, по поводу рожденія великаго князя, въ своемъ добромъ расположеніи къ Екатеринѣ, не могла не прибавить: „Вы можете быть увѣрены, что тѣ, которые предполагаютъ во мнѣ другія чувства, говорятъ неправду." Кауницъ продолжалъ рѣчь императора: „Мы, говорилъ онъ въ другой разъ Голицыну, мы не такіе люди, которые идутъ на встрѣчу другимъ; это, быть можетъ, нашъ недостатокъ; но мы понимаемъ свои интересы; и мы были бы люди очень ограниченные, еслибъ не видали, что интересы, существующіе между нашими монархіями, не должны никогда измѣняться. Я знаю, что хотѣли предположить въ насъ виды гораздо менѣе возвышенные, ограничить нашу политику мелкими завоевательными планами съ цѣлію увеличенія владѣній; но государство, подобное нашему, которое достаточно велико само по себѣ и которому позволительно чувствовать свои силы, не можетъ никогда имѣть мелочныхъ видовъ. Ничтожныя пріобрѣтенія, какія мы недавно сдѣлали отъ Порты, и какія мы теперь дѣлаемъ отъ Баваріи, проистекаютъ, съ одной

стороны, изъ нашихъ правъ, а съ другой, составляютъ предметъ чистаго удобства безъ всякой примѣси честолюбія и страсти къ пріобрѣтенію." Голицынъ замѣтилъ, что тонъ Кауница при этихъ разговорахъ совершенно рознился отъ прежняго, все это было сказано съ искренностію и добродушіемъ, чего прежде вовсе не замѣчалось въ сообщеніяхъ австрійскаго канцлера. Но при вѣнскомъ дворѣ не могли не придти къ мысли, что такую перемѣну тона въ Петербургѣ припишутъ баварскому вопросу, и потому императоръ Іосифъ счелъ нужнымъ замѣтить Голицыну: „Мнѣ досадно, сказалъ онъ, что вашъ дворъ не обратился прежде къ намъ по турецкимъ дѣламъ: наши добрыя услуги могли бы быть дѣйствительнѣе. Впрочемъ баварская перемѣна вѣроятно внушитъ кому-нибудь мысль, что благодаря ей мы такъ усердно предлагаемъ вамъ свои услуги. Но я вамъ говорю, что Баварія тутъ не при чемъ. Мы улаживаемся съ курфирстомъ палатиномъ на счетъ всего по-дружески; онъ признаетъ наши права; мы разсуждаемъ объ нихъ только между собою, и Европа увидитъ, что мы не переступаемъ границу своихъ правъ."

Въ февралѣ Кауницъ сообщилъ Голицыну разныя бумаги, которыми обмѣнялись дворы вѣнскій и берлинскій по поводу баварскаго наслѣдства. При этомъ Кауницъ спросилъ, прусскій посланникъ баронъ Ридезель сдѣлалъ ли Голицыну такое же сообщеніе, и когда тотъ отвѣчалъ что нѣтъ (это была правда), то Кауницъ началъ говорить: „Нашъ дворъ хочетъ показать вашему неограниченное довѣріе. Я не сомнѣваюсь, что вашъ дворъ увидитъ изъ поступковъ нашего рѣшительное желаніе не нарушать ни чьихъ правъ; но мы точно также не уступимъ предъ угрожающими демонстраціями сосѣда, который завистливымъ взоромъ слѣдитъ за малѣйшимъ движеніемъ австрійскаго дома. Нашъ дворъ старался, какъ только могъ, убѣдить прусскаго короля въ своемъ правѣ на часть баварскаго наслѣдства, которая нами и взята, и мы будемъ спокойно ожидать, произведутъ ли наши доказательства благопріятное впечатлѣніе на его умъ; впрочемъ приготовленія и движенія прусскихъ войскъ заставили и насъ обратиться къ необходимымъ предосторожностямъ, хотя императоръ и императрица ничего такъ не желаютъ какъ сохраненія мира съ королемъ, если только не нужно будетъ покупать этотъ миръ въ ущербъ очевиднымъ интересамъ и правамъ монархіи." Когда Голицынъ склонилъ рѣчь на Турцію,

то Кауницъ сталъ его увѣрять, что его дворъ не окажетъ Россіи добрыхъ услугъ только на половину, но употребитъ всевозможныя усилія.

Въ началѣ апрѣля отношеніе петербургскаго двора къ баварскому вопросу, склонность его на сторону Пруссіи заставила Кауница перемѣнить тонъ относительно дѣлъ турецкихъ. Онъ началъ употреблять тотъ лаконизмъ, который, по словамъ Голицына, характеризуетъ несоотвѣтствіе мыслей выраженіямъ и показываетъ, что сердце не руководитъ болѣе словами. „Будьте увѣрены, сказалъ Кауницъ, что мы будемъ очень рады оказать услугу русской императрицѣ и сообразоваться съ ея желаніями, по скольку обстоятельства это позволятъ.“ Голицынъ писалъ Панину, что онъ счелъ благоразумнымъ удовольствоваться этимъ.

Послѣ объявленія войны со стороны Пруссіи, 1-го іюля вечеромъ кн. Голицыну доложили, что баронъ Тугутъ желаетъ имѣть съ нимъ тайное свиданіе. Посолъ былъ изумленъ со стороны неожиданнаго гостя слѣдующимъ предложеніемъ: „Императрица королева, не будучи въ состояніи примириться съ мыслію объ ужасахъ войны, отважилась на послѣднюю попытку къ примиренію съ прусскимъ королемъ; вслѣдствіе этого я получилъ приказаніе ея в—ства нынче же ночью отправиться въ главную прусскую квартиру и предложить ему соглашеніе; но для бо́льшаго прикрытія этого дѣла императрица приказала мнѣ просить у васъ паспорта на имя кого-нибудь изъ русскихъ чиновниковъ и письма къ королю.“ Кн. Голицынъ отвѣчалъ, что съ радостію исполнитъ желаніе императрицы и тутъ же написалъ письмо къ Фридриху II и паспортъ Тугуту на имя Росдорфа, совѣтника русскаго посольства.

Когда посольство Тугута не повело ни къ какимъ результатамъ, въ половинѣ августа Кауницъ обратился къ Голицыну съ внушеніемъ, не согласится ли русская императрица по своему великодушію и дружбѣ, которую императоръ и императрица королева всегда старались заслужить, повліять на прусскаго короля, сломить его упорство при настоящемъ столкновеніи интересовъ обоихъ дворовъ и уничтожить въ самомъ началѣ пагубную войну, угрожающую Германіи. Передавая объ этомъ Панину, Голицынъ писалъ, что всѣ образованные люди въ Вѣнѣ указываютъ на русскую императрицу, какъ рѣшительницу настоящей войны и спасительницу австрійской монархіи.

10-го октября кн. Голицынъ сообщилъ Кауницу представленіе своего двора, заключавшее приглашеніе императрицѣ королевѣ прекратить несправедливую войну, которой никто не останется равнодушнымъ зрителемъ. Кауницъ былъ пораженъ этимъ представленіемъ, что выразилось въ его наружности и въ необыкновенномъ волненіи духа. Онъ началъ говорить, что не понимаетъ, какимъ образомъ послѣдніе, столь умѣренные поступки его двора могли подвергнуться такой участи. „Я бы, продолжалъ канцлеръ, ничего не возразилъ, еслибъ русская императрица громко объявила себя въ пользу прусскаго короля своего союзника въ томъ случаѣ, когда бы австрійскій домъ объявилъ ему войну; но въ то время, когда императрица королева не перестаетъ искать примиренія, когда она добровольно лишаетъ себя всѣхъ пріобрѣтенныхъ выгодъ, когда она конфиденціально сообщаетъ русской императрицѣ о своемъ нетерпѣніи видѣть возстановленіе мира—въ это время никогда не могла она ожидать, что получитъ приговоръ своего униженія, подписанный тою самою государынею, которая постоянно отличалась справедливостію и великодушіемъ, равно какъ и дружбою къ ихъ императорскимъ величествамъ.“—„Еслибы вы, отвѣчалъ Голицынъ, хладнокровно пораздумали объ обстоятельствахъ дѣла, то нашли бы его вполнѣ естественнымъ и послѣдовательнымъ. Мы раздѣляемъ общее мнѣніе о неосновательности претензій вѣнскаго двора на баварское наслѣдство. Принявъ во вниманіе это мнѣніе и наши союзническія обязательства къ королю прусскому, никакъ нельзя удивляться принятому нами рѣшенію; при томъ же нашъ дворъ предлагаетъ добрыя услуги для полюбовнаго улаженія дѣла“.—„Ихъ и. в—ства, возразилъ Кауницъ, обѣщали себѣ успѣхъ отъ вмѣшательства русской императрицы въ настоящій споръ и потому формально просили ея посредничества; но теперь они должны бояться совершенно противнаго: увѣренность въ такой сильной помощи, какъ помощь Россіи, непремѣнно увеличитъ претензіи прусскаго короля, сдѣлаетъ его еще болѣе непреклоннымъ; такимъ образомъ нашему двору остается выбирать между двумя крайностями: или совершенно пожертвовать своимъ достоинствомъ, или отважиться на кровопролитную и быть можетъ всеобщую войну.“—„По моему мнѣнію, сказалъ Голицынъ, достоинство двора не потерпитъ, если онъ откажется отъ несправедливыхъ требованій; императрица королева пріобрѣла бы безконечную

славу, еслибъ даже отказалась отъ неоспоримыхъ правъ для предотвращенія кровопролитія."—„Я васъ понимаю, князь, отвѣчалъ Кауницъ, но вы меня не понимаете: мы согласны отдать Баварію и заключить миръ, но только бы къ намъ не приступали съ ножемъ къ горлу и чтобъ не старались, съ сердечною радостію, усиливать государя, который рано или поздно воспользуется увеличеніемъ своихъ силъ ко вреду вашей собственной имперіи."—„Я увѣренъ, сказалъ на это Голицынъ, что мой дворъ не требуетъ отъ вашего ничего такого, что̀ бы могло повредить ему въ глазахъ Европы; а съ другой стороны я предполагаю въ прусскомъ королѣ столько проницательности и осторожности, что онъ не захочетъ воспользоваться помощію моего двора для истребованія отъ ихъ и. в—ствъ мирныхъ условій унизительныхъ и неудобопріемлемыхъ."—„События это покажутъ, сказалъ Кауницъ, предполагаю что вашъ дворъ приметъ наше предложеніе посредничества, на счетъ чего нѣтъ еще отвѣта изъ Петербурга." Кн. Голицынъ попросилъ его надѣяться добраго успѣха отъ этого предложенія, и разговоръ кончился.

Отъ 29-го апрѣля кн. Борятинскій писалъ о приказаніяхъ, отправленныхъ французскимъ правительствомъ къ барону Бретейлю въ Вѣну: Бретейль долженъ былъ внушить австрійскому министерству, что поступки и предложенія турецкаго короля разумны и справедливы; его христіанальное величество искренно желаетъ, чтобъ императоръ и императрица королева уладили дѣло полюбовно, ибо война можетъ быть бѣдственна, и нельзя отвѣчать, чтобъ она не произвела перемѣны и въ настоящей политической системѣ. Борятинскій писалъ, что королева уже нѣсколько разъ заговаривала Людовику XVI о посылкѣ вспомогательныхъ войскъ вѣнскому двору, что графъ Мерси ведетъ интригу и пользуется особенно случаемъ беременности Маріи Антуанеты: придворные медики толкуютъ какъ нужно, чтобъ королева была теперь спокойна и весела, а больше всего, чтобъ ей не противорѣчили и не препятствовали въ ея желаніяхъ. Наконецъ королева сама объяснилась съ министрами, жаловалась имъ, что они не хотятъ помочь Австріи по поводу баварскихъ дѣлъ; министры отвѣчали, что еслибы она не была ихъ королевою, то давно послано было бы 60.000 человѣкъ на Рейнъ противъ Австрійцевъ. Борятинскій писалъ также: „императоръ въ здѣшней публикѣ теперь весьма нелюбимъ, и генералы

всѣ желаютъ ему неудачи въ сей войнѣ; напротивъ же того, прусскаго короля боготворятъ и союза съ нимъ всѣ единогласно желаютъ."

22-го сентября пошли изъ Петербурга предложенія французскому двору принять съ Россіею совмѣстно участіе въ мирномъ улаженіи дѣлъ по баварскому наслѣдству. Когда, 20-го октября, кн. Борятинскій объявилъ объ этомъ Верженю, тотъ отвѣчалъ: „Я увѣренъ, что король мой государь приметъ съ величайшимъ удовольствіемъ такую дружескую откровенность ея и. в—ства, тѣмъ болѣе, что сегодня минула недѣля, какъ отправленъ курьеръ въ Петербургъ съ подобными предложеніями короля императрицѣ." Верженъ замѣтилъ только, что репрезентація петербургскаго двора вѣнскому написана рѣзко; то же замѣтилъ и король, изъявляя впрочемъ свое величайшее удовольствіе вслѣдствіе предложенія русскаго двора. Кн. Борятинскій писалъ Панину: „Я уповаю, совершенно что здѣшнее министерство будетъ искренно стараться о примиреніи ихъ дома, ибо война съ Англіею, американскія дѣла, разстроенные финансы и худое состояніе сухопутныхъ войскъ довольно па занятіе всей ихъ атенціи."

Дѣло стало теперь за планомъ примиренія, который должны были выработать посредствующія державы: Россія предлагала составленіе его Франціи, а Франція Россіи.

19 Октября 1778 г. императрица подписала слѣдующій рескриптъ кн. Репнину: „Изъ публичныхъ бумагъ и актовъ извѣстно, какія слѣдствія произвело донынѣ открывшееся по смерти курфирста Максимиліана баварское наслѣдство. Австрійскій домъ, основываясь на правостяхъ, глубокимъ забвеніемъ и сущею прескрипціею покровенныхъ, присвоилъ себѣ и захватилъ знатную часть онаго наслѣдства; а курфирстъ пфальцскій, коему по точной силѣ и словамъ вестфальскаго мира, единымъ наслѣдникомъ всѣхъ баварскихъ земель быть надлежало, устрашась приставленнаго ему ножа, предпочелъ лучше быть сонаслѣдникомъ австрійской хищности, нежели подвергнуть себя исполненію тѣхъ насильственныхъ мѣръ, кои со стороны вѣнскаго двора дѣйствительно заготовлены были, не одумавшись и не разсудя, что оныя не могли однакожъ въ самомъ своемъ исполненіи быть для его чести и интересовъ поноснѣе и предосудительнѣе договоровъ заключенной имъ въ Вѣнѣ конвенціи. Сія конвенція и безпосредственно за нею послѣдовавшее обло-

женіе австрійскими войсками знатной и лучшей части баварскихъ земель учинились скоро и естественно сигналами тревоги и безпокойства всего корпуса имперіи германской, и особливо тѣхъ княжескихъ домовъ, кои сами по себѣ однимъ или другимъ образомъ интересованы были въ наслѣдствѣ баварскомъ. Обиженные княжескіе домы прибѣгли одновременно почти и къ намъ, и къ королю прусскому съ просьбою о защищеніи и предстательствѣ въ пользу ихъ у вѣнскаго двора. Его прусское величество не токмо не отрекся подать имъ руку помочи, но паче самъ собою, какъ членъ имперіи, безпосредственно интересованный въ сохраненіи цѣлости ея конституціи, поступилъ на учиненіе сильнѣйшихъ представленій австрійскому дому вопреки его начинанія. Мы съ своей стороны, не входя въ юристическое разбирательство ни правъ австрійскаго дома, ниже оспариваній прусскаго двора, довольствовались только обѣимъ сторонамъ объявить, колико желаемъ, дабы возставшій между ими вопросъ дружелюбнымъ соглашеніемъ разрѣшенъ быть могъ безъ нарушенія общаго покоя, и чтобы для того разныя изъ наслѣдства баварскаго родившіяся требованія по справедливости разобраны и удовлетворены были. Доколѣ продолжалась извѣстная берлинская негоціація, слѣдовательно же и надежда полюбовной развязки, до тѣхъ поръ не переставали мы съ своей стороны способствовать по возможности нашими совѣтами и представленіями сближенію обоихъ негоціирующихъ дворовъ для того, чтобъ въ случаѣ неудачи не найтись намъ самимъ въ непріятной необходимости взять въ ихъ войнѣ дѣйствительное участіе по уваженіямъ собственной имперіи нашей главнаго интереса, когда Россіи не меньше всякой другой европейской державы нужно, дабы посреди Германіи ненарушимо сохранялось и раздѣлялось навсегда между дворами вѣнскимъ и берлинскимъ настоящее равновѣсіе силъ, важности и инфлюенціи ихъ“.

„Съ прискорбіемъ увидѣли мы посему, что въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ начались въ Силезіи, Богеміи и Саксоніи дѣйствительныя непріятельства. Нельзя не отдать королю прусскому справедливости, что онъ предъ поднятіемъ оружія истощалъ втунѣ всѣ средства умѣренности и миролюбія, и что не онъ, а хищность и упрямство вѣнскаго двора причинствовали войну. Правда, министръ австрійскій князь Кауницъ, коего честолюбіе есть всему злу виною, старался дать вещамъ другой видъ, воспользовавшись

хитро человѣколюбивыми расположеніями императрицы королевы и склоня ее открыть подъ звукомъ оружія новую негоціацію съ предвзятымъ намѣреніемъ тщетность и неудачу ея поставить на счетъ его прусскаго величества: но сія интрига его, сколь она впрочемъ ни тонка, нашлась однакожъ недостаточною къ преобразованію вещей и къ поселенію въ безпристрастной публикѣ другихъ мыслей о истинномъ виновникѣ народныхъ бѣдствій, потому что учиненныя чрезъ г. Тугута предложенія признаны оною весьма неспособными изъять изъ среды камней преткновенія, или заключая въ себѣ пустой только блескъ, или же малоразнствуя отъ того пункта, на которомъ прежде разорвалась негоціація графа Кобенцеля. Такимъ образомъ не удивительно, что король прусскій не далъ себя уловить мнимою безкорыстливостію австрійскаго долга въ уничтоженіи его конвенціи съ курфирстомъ пфальцскимъ, слѣдовательно же и въ испражненіи имъ захваченной части баварскихъ земель, когда цѣною его уступки поставлено было съ другой стороны жертвованіе неоспоримой бранденбургскаго дома собственности въ Франконіи, о которой прежде случая ваканціи всѣми принцами того дома заключенъ былъ полюбовный фамильный пактъ, и которая вслѣдствіе того отъ насъ самихъ его прусскому величеству въ союзномъ нашемъ трактатѣ неоднократно уже гарантирована была, тѣмъ болѣе, что предоставленіемъ свободы отыскивать послѣ каждому судомъ свои правости по баварскому наслѣдству, обнажилъ вѣнскій дворъ въ то же время коварный умыселъ явиться вновь при первомъ удобномъ случаѣ съ своими недѣльными притязаніями и одержать тогда въ судѣ, гдѣ бы императоръ самъ былъ и истецъ и судія, все то за что нынѣ должно ему понесть жестокую и опасную войну".

„Сею картиною хотѣли мы вамъ показать, что дѣло короля прусскаго почитаемъ правымъ, ибо войну началъ онъ единственно въ охраненіе германской конституціи, а какъ тутъ съ интересами его величества встрѣчается и собственный имперіи нашей выше сего образованный (означенный) интересъ, то по симъ двумъ началамъ, по рекламаціи нашего покровительства и защиты отъ обиженныхъ княжескихъ домовъ и по уваженіямъ счастливо пребывающей между нами и его прусскимъ величествомъ союзнической дружбы, которую онъ намъ съ своей стороны дѣятельно уже доказалъ, не можемъ и не хотимъ мы обойтиться безъ поданія и ему дѣйствитель-

ной отъ насъ помочи въ такомъ случаѣ, гдѣ вся ненависть кровопролитія не на него, а на вѣнскій дворъ упадать долженствуетъ, дабы общими силами скорѣе принудить сей гордостію и честолюбіемъ надменный дворъ къ возвращенію похищенной имъ части баварскихъ земель законному наслѣднику и къ справедливому въ прочемъ удовлетворенію за насильственный его поступокъ, коимъ общій миръ толь нагло потрясенъ и нарушенъ. Одновременно съ сею резолюціею не оставили мы помыслить какъ о способахъ предварить оную въ исполненіи чрезъ отвращеніе самой побудительной причины, такъ и о мѣрахъ прямаго исполненія ея тогда, когдабъ уже тѣ способы не произвели желаемаго плода. Въ первомъ видѣ препоручили мы нашему министру кн. Голицыну учинить въ Вѣнѣ дружеское, но тѣмъ не меньше сильное на письмѣ представленіе. Приглашая императрицу королеву внять гласу собственнаго ея человѣколюбія и прекратить неправедную войну, не скрыли мы тутъ отъ проницанія ея, что инако не можемъ остаться равнодушными зрителями оной по тѣмъ самымъ политическимъ правиламъ, которыя предъ симъ употребилъ вѣнскій дворъ противу насъ въ теченіе нашей войны съ Портою оттоманскою; а дабы такому представленію придать болѣе лица и доказать австрійскому дому, что мнѣніе наше о его неправности есть мнѣніе общее, признали мы за нужно отозваться ко дворамъ версальскому, лондонскому, датскому и шведскому, также и къ имперскому въ Регенсбургѣ сейму съ требованіемъ, дабы оные учинили и съ своей стороны таковыя же внушенія и представленія, и особливо Франція въ качествѣ ручательницы вестфальскихъ трактатовъ, слѣдовательно же и баварскаго наслѣдства въ пользу пфальцской линіи“.

„Если Франція и не согласится на сообразованіе отзывовъ своихъ нашему представленію, такъ по крайней мѣрѣ оказанною ей отъ насъ откровенностію будетъ она обязана изъявить во оборотъ намъ и всей публикѣ истинныя свои о войнѣ мнѣнія, коихъ познаніе съ другой стороны нужно для развязанія рукъ королю аглинскому въ разсужденіи германскихъ его областей, ибо доколѣ она не отречется формальнымъ образомъ отъ употребленія въ пользу австрійскаго дома гарантіи своей, до тѣхъ поръ нельзя королю курфирсту взять дѣятельную сторону дворовъ берлинскаго и дрезденскаго, дабы инако не вовлечь непріятеля въ тѣ области. Въ равномъ сему положеніи находится много другихъ княжескихъ домовъ,

кои съ нетерпѣливостію ожидаютъ рѣшенія Франціи, чтобъ дать свободное теченіе своимъ склонностямъ противу австрійскаго насильства. Мы будемъ такимъ образомъ имѣть предъ всею Германіею честь сей нужной развязки, а можетъ быть и соединенія по ней въ одну систему разныхъ принцевъ, изъ чего далѣе можетъ для Россіи произрасти давно желаемое преимущество—учиниться ей на будущее время ручательницею германской конституціи, качество, которому Франція обязана своею превосходною въ дѣлахъ инфлюенціею.“

Въ Петербургѣ не имѣли большой надежды, чтобъ русская декларація принята была въ Вѣнѣ съ должнымъ вниманіемъ, и потому готовились къ войнѣ. Отношенія къ Турціи безъ войны задерживали значительную часть войскъ, и потому хотѣли избрать такой планъ, по которому дѣйствующія въ разныхъ сторонахъ арміи и корпуса могли служить другъ другу взаимнымъ подкрѣпленіемъ и обезпечивать свободу сообщенія какъ между собою, такъ и съ Россіею. Для этого велѣно было образовать въ окрестностяхъ Полоннаго значительный корпусъ войскъ; а на зиму расположить войско близь Люблина, къ сторонѣ Галиціи. Первый корпусъ назначался въ помощь прусскому королю, а другой для заготовленія магазиновъ. Но такъ какъ вѣнскій дворъ предложилъ версальскому и петербургскому двору быть посредниками, что и было принято, то Репнинъ отправлялся къ прусскому королю въ двойномъ качествѣ негоціатора и военачальника. Онъ долженъ былъ ѣхать въ главную квартиру Фридриха II и вручить ему собственноручное письмо Екатерины, при чемъ сдѣлать на словахъ сильнѣйшія увѣренія въ ея дружбѣ и желаніи доказать ему эту дружбу на дѣлѣ, даже не въ силу обязательствъ союзныхъ, но въ соотвѣтствіе той вѣрности, съ какою онъ принималъ до сихъ поръ къ сердцу русскія дѣла и интересы. Репнинъ долженъ былъ объявить королю, что императрица, принявъ австрійское приглашеніе къ посредничеству, легко усматриваетъ, что вся цѣль Кауница состоитъ въ отвлеченіи общаго вниманія отъ перваго вопроса, который произвелъ войну, въ приведеніи дѣлъ въ большую неясность, въ пріобрѣтеніи для двора своего въ публикѣ характера умѣренности и въ обращеніи всей ненависти за кровопролитіе на одного короля прусскаго. Слѣдовательно честь, слава и достоинство этого государя требуютъ отъ него обнажать снова передъ свѣтомъ это острое на-

мѣреніе князя Кауница и сохранить за собою до конца, во всей чистотѣ, характеръ оберегателя и мстителя германской конституціи и поручаемыхъ правъ своихъ сочленовъ; держась твердо за первый (баварскій) вопросъ, избѣгая возбуждать и малѣйшее подозрѣніе, будто въ настоящей войнѣ баварское наслѣдство служитъ только предлогомъ, а въ основаніи лежитъ всегдашнее соперничество Пруссіи съ австрійскимъ домомъ. Репнинъ долженъ былъ объявить королю, что всѣ извороты кн. Кауница въ маломъ исканіи мира надлежитъ относить къ искреннему, но слабому желанію императрицы королевы; наружно угождая этому желанію, Кауницъ старается въ то же время на самомъ дѣлѣ содѣйствовать страсти императора къ войнѣ, и такимъ образомъ на обѣ стороны утверждать свой личный кредитъ. Поэтому императрица, мало ожидая плода отъ своего и французскаго посредничества, рѣшила на случай продолженія войны подать прусскому королю скорую и дѣйствительную помощь корпусомъ войскъ, которымъ Репнинъ будетъ предводительствовать. Россія помогаетъ Пруссіи не вслѣдствіе союзнаго договора, потому что она ведетъ хотя безгласную, но тяжелую по пространству военнаго театра борьбу съ Турками, что и освобождаетъ ее, по договору, отъ паданія помощи, и потому императрица требуетъ, чтобы, сверхъ пропитанія вспомогательному корпусу, прусскій король платилъ опредѣленныя въ договорѣ для турецкой войны субсидныя деньги по 400,000 рублей въ годъ до тѣхъ поръ, пока русскій вспомогательный корпусъ будетъ употребляемъ въ его пользу и пока чудное положеніе Россіи относительно Турокъ не кончится новымъ рѣшительнымъ договоромъ.

Ночью съ 6-го на 7-е декабря Репнинъ пріѣхалъ въ Бреславль, гдѣ находился тогда Фридрихъ II, который принялъ его на другой день послѣ обѣда. Репнинъ нашелъ короля сидящимъ, руки и ноги его были обернуты вслѣдствіе подагрическаго припадка. Не давъ договорить Репнину короткаго комплимента, Фридрихъ посадилъ его возлѣ себя и началъ говорить о своей благодарности къ императрицѣ за такія важныя доказательства ея дружбы: „Зная ея хлопоты съ Турками, продолжалъ король, я не осмѣливался просить ее о помощи, по своему образу мыслей, имѣя правиломъ быть всегда полезнымъ союзнику, а не въ тягость ему. Настоящій поступокъ ея и. в—ства тѣмъ болѣе возбуждаетъ мою благодарность, чѣмъ менѣе я могъ его ожидать.“ Потомъ Фридрихъ вы-

сказалъ свое искреннее желаніе помириться, хотя бы и съ уступкою вѣнскому двору нѣкоторой части Баваріи, только не такой большой, какъ онъ требуетъ и съ исключеніемъ рейхенгальскихъ соляныхъ варницъ. Что же касается предложенія взаимно отступиться—Австрійцамъ отъ Баваріи, а Пруссіи отъ маркграфствъ франконскихъ,—то онъ никакъ не можетъ его принять, и еще менѣе передать на рѣшеніе имперскихъ штатовъ, не имѣющихъ на то никакого права, и притомъ такая передача была бы противна его достоинству; даже не можетъ этого пункта оставить въ молчаніи при будущемъ примиреніи, чтобъ не было изъ-за этого другой войны. Король просилъ Репнина немедленно приступить къ условіямъ, на которыхъ должно произойти соединеніе русскихъ войскъ съ прусскими, ибо опасается, что вѣнскій дворъ искренняго желанія къ миру не имѣетъ, а намѣренъ только, какъ прошлую кампанію, время выиграть и протянуть дѣло, чтобъ какъ можно больше изнурить Пруссію.

Въ другое свиданіе съ Репнинымъ Фридрихъ началъ разговоръ увѣреніями въ своемъ желаніи мира. „Мнѣ кажется говорилъ король, гр. Панинъ желаетъ, чтобъ мы были очень осторожны и скупы въ своихъ мирныхъ предложеніяхъ вѣнскому двору; этого и я бы желалъ, но, не имѣя въ войнѣ никакой значительной поверхности надъ Вѣнцами, нельзя имъ предписывать законы.“

— „Гр. Панинъ, отвѣчалъ Репнинъ, усердствуя интересамъ в. в—ства и всѣхъ обиженныхъ домовъ, желаетъ чтобъ они, по возможности, получили справедливость при будущемъ примиреніи, и чтобъ самовластіе вѣнскаго двора не усилилось въ германской имперіи. Вообще же нашъ дворъ желаетъ мира и в. в—ству его совѣтуетъ.“ Потомъ король началъ говорить о Польшѣ: „Если есть злоупотребленія по моимъ таможнямъ, то я ихъ прекращу.“ Но Репнинъ далъ знать своему двору, что по этой части онъ мало надежды имѣетъ. Фридрихъ кончилъ разговоръ тѣмъ, что не можетъ платить Россіи субсидій, ибо уже издержалъ больше 17 милліоновъ. „Надѣюсь на дружбу ея в—ства, что она на этомъ настаивать не будетъ, говорилъ король: для нея это пустяки, а для меня очень тяжело.“

Репнинъ имѣлъ возможность убѣдиться, что старый король искренно говорилъ о своемъ желаніи мира: прусскій министръ Герцбергъ жаловался ему въ секретномъ разговорѣ на поспѣшность

Фридриха съ какою онъ соглашается на предлагаемыя ему мирныя условія, насилу онъ, Герцбергъ, можетъ его остановить. Франція прислала свой планъ примиренія, по которому Австрія должна была получить нѣкоторую часть Баваріи; Герцбергъ составилъ другой планъ, по которому Австрія получила часть верхняго Палатината. Но Репнинъ доносилъ, что Фридрихъ хотя и предпочитаетъ послѣдній планъ, однако приметъ и французскій, такимъ образомъ дѣло ближе къ миру, чѣмъ къ войнѣ.

Франція предложила мѣстомъ мирныхъ переговоровъ Вѣну; но Россія на это не согласилась и предложила Аугсбургъ или Нюренбергъ или какое-нибудь другое нейтральное мѣсто въ Германіи по выбору Франціи. Россія обѣщала такъ же вѣнскому двору уговорить прусскаго короля заключить перемиріе. Репнинъ далъ знать объ этомъ прусскимъ министрамъ, при чемъ сдѣлалъ внушеніе, что необходимо включить въ будущее примиреніе всю германскую имперію, которая чрезъ это получитъ гарантію государствъ-посредниковъ, и слѣдовательно будетъ ограждена отъ непомѣрнаго честолюбія и деспотизма вѣнскаго двора, вредныхъ для всей Германіи, но особенно для берлинскаго двора, обязаннаго прежде другихъ бороться противъ австрійскихъ замысловъ. Репнинъ внушалъ, что эта предосторожность необходима въ виду характера императора Іосифа, который сдерживается единственно миролюбіемъ императрицы королевы, но послѣдней не долго жить.—На другой же день министры Финкенштейнъ и Герцбергъ принесли Репнину отвѣтъ королевскій: по мнѣнію Фридриха, дѣло сдѣлалось бы скорѣе посредствомъ переписки между министрами воюющихъ державъ, чѣмъ на конгрессѣ, а для окончательнаго рѣшенія можно выбрать какое-нибудь нейтральное мѣсто или объявить для этого нейтральнымъ какой-нибудь городъ поближе къ воюющимъ державамъ; впрочемъ король будетъ согласенъ на распоряженія державъ-посредницъ. Что касается перемирія, то король считаетъ его не только безполезнымъ, но и вреднымъ для своихъ интересовъ. Если предположить, что вѣнскій дворъ питаетъ дѣйствительно искреннее желаніе заключить миръ, то переговоры могутъ окончиться въ зимніе мѣсяцы, естественно прекращающіе военныя дѣйствія; перемиріе же, которое продлится за этотъ срокъ, отниметъ у короля драгоцѣнное время и поставитъ его въ положеніе прошлаго года, когда его проводили пять мѣсяцевъ сряду безплодными переговорами. Наконецъ, что

касается приступленія германской имперіи къ будущему миру и гарантіи, то король вполнѣ раздѣляетъ виды русскаго двора.

Отъ 6-го января 1778 г. Стахіевъ далъ знать въ Петербургъ, что въ генеральномъ совѣтѣ Порты, держанномъ 23-го декабря прошлаго года, противная Россіи партія успѣла вынудить согласіе улемовъ на поданіе помощи Татарамъ, возставшимъ противъ Шагинъ-Гирея, а у муфтія фетфу. Корабли уже отправились въ Черное море, въ народѣ слухъ, что Селимъ-Гирей уже переѣхалъ изъ Очакова въ Крымъ вмѣстѣ съ Магметъ-Гиреемъ и сыновьями хана Керимъ-Гирея; но муфтій передъ однимъ изъ пріятелей Стахіева отзывался, что Крымцы требуютъ себѣ въ ханы Девлетъ-Гирея; къ марту велѣно собрать сухопутное войско. Противная партія своими клеветами успѣла возбудить такую неутолимую къ нему ненависть не только въ народѣ, но и въ самомъ султанѣ, что и благонамѣренный Муратъ-молла не смѣетъ больше говорить въ его пользу; русскому переводчику давали знать, что полюбовному окончанію всѣхъ распрей препятствуетъ единственно особа Шагинъ-Гирея и совѣтовали согласиться на его смѣну, подавая надежду снова возстановить его на ханство со временемъ, а теперь необходимо утишить страшное на него озлобленіе Татаръ. Въ это время, когда Стахіевъ потерялъ уже всякую надежду на мирное рѣшеніе вопроса, австрійскій повѣренный въ дѣлахъ Тассара передалъ рейсъ-ефенди меморіалъ своего двора съ отсовѣтываніями начинать войну. Рейсъ-ефенди былъ сильно пораженъ такою неожиданностію, три раза прочелъ меморіалъ и не сказалъ ни слова; драгоманъ Порты также молчалъ, только гладилъ свою бороду; французскій повѣренный въ дѣлахъ сдѣлалъ Портѣ подобныя же внушенія. Турецкое министерство хвалилось, что за пять дней до прибытія послѣдней турецкой почты, оно уже получило отъ волошскаго господаря извѣстіе о кончинѣ баварскаго курфирста, вслѣдствіе чего вѣнскій дворъ немедленно отправилъ въ Баварію 25.000 войска, а въ Константинополь миролюбивый меморіалъ. Не смотря на это, Порта оставалась при прежнихъ своихъ рѣшеніяхъ; рейсъ-ефенди сказалъ русскому переводчику, что признать ханомъ Шагинъ-Гирея невозможно: это все равно, что велѣть одному человѣку вылить цѣлый океанъ въ чашку и выпить его; и хотя вслѣдъ за тѣмъ Стахіевъ получилъ отъ Муратъ-моллы извѣстіе, что Селимъ-Гирей потерпѣлъ въ Крыму неудачу и сбирается оттуда бѣжать, но и это

не произвело желанной перемѣны: французскій повѣренный въ дѣлахъ Леба, пріѣхавши къ Стахіеву, намекалъ, что, по его примѣтамъ, Порта скорѣе рѣшится на всѣ крайности, чѣмъ согласится на признаніе Шагинъ-Гирея. Турецкое министерство явно хвалилось, что русскій дворъ наконецъ принужденъ будетъ отступиться отъ него, при чемъ утверждало свое мнѣніе на обѣщаніи данномъ дружескими дворами. Муратъ-молла былъ сосланъ, послѣ чего въ совѣтѣ не осталось ни одного человѣка, который бы рѣшился быть предводителемъ миролюбивой партіи; противная же партія поддерживалась извѣстіями о жестокостяхъ Шагинъ-Гирея относительно преданныхъ Портѣ Татаръ, изъ которыхъ одни были умерщвлены, а другіе отосланы въ Россію.

Фельдмаршалъ Румянцевъ далъ знать Стахіеву, что Селимъ-Гирей, не смотря на всѣ препятствія, явился къ Крыму и бунтующая партія признала его ханомъ. „Турки, писалъ Румянцевъ, отстронясь отъ пламени непосредственно ихъ пожирающаго, умѣли составить изъ суевѣрія искру неугасимаго огня и положить ее между нами и Татарами; они станутъ поддувать ее всевозможными способами на чувствительное наше изнуреніе.“ Императрицѣ Румянцевъ писалъ: „в. и. в—ство лучше знать изволите положеніе Чернаго моря, слѣд. и то, что всѣ берега его обложены силами Порты, которая, имѣя въ немъ большой флотъ и много транспортныхъ судовъ, имѣетъ въ войнѣ всѣ выгоды. А напротивъ какимъ затрудненіемъ подвержено сообщеніе и взаимное пособіе войскамъ в. и. в—ства въ той сторонѣ, и при крайнемъ безсиліи на Черномъ морѣ нашего флота какъ трудно соразмѣрить ихъ на будущее лѣто въ Крыму, чтобъ съ одной стороны не подвергнуть ихъ гибели, а съ другой не ослабить силъ на сторонѣ Буга и Днѣстра, не обнажить Донъ и нововозводимыя линіи,—рѣшительное опредѣленіе о Крымѣ становится тѣмъ нужнѣе чѣмъ ближе наступаетъ удобное время къ мореплаванію. Турки, не взирая и на неблагопріятное время, отправляютъ уже свои войска на ободреніе бунтовщиковъ, и два первые появившіеся морскіе капитаны однимъ отзывомъ, сверхъ всякаго моего чаянія, пріостановили поискъ кн. Прозоровскаго на Селимъ-Гирея хана, а поискъ этотъ долженъ былъ бы окончить тамошній мятежъ. Я видя послѣднюю минуту, могущую намъ способствовать, рѣшился предписать кн. Прозоровскому, чтобъ онъ употребилъ всѣ свои старанія къ приведенію всѣхъ неблаго-

дарныхъ и зломыслящихъ Татаръ, особенно жителей горъ, въ нищету и такое состоянiе, которое не позволяло бы имъ думать болѣе о враждѣ съ нами, а Турки потеряли бы охоту и удобство на общее съ ними противъ насъ дѣйствiе. Но по мнѣнiю кн. Прозоровскаго ханъ Шагинъ-Гирей не можетъ остаться въ Крыму безъ помощи нашихъ войскъ и на самое короткое время, а такъ какъ пребыванiе нашихъ войскъ въ Крыму не согласно было бы съ мирнымъ договоромъ, то ожидаю высочайшаго опредѣленiя."

Прозоровскiй писалъ Румянцеву: „Уже и горы отъ Кафы до Алушты и Енисала совсѣмъ очищены. Хотя, кажется Татары довольно притѣснены и всѣ почти въ одинъ уголъ загнаны: однако до сихъ поръ нельзя никакъ отнять владычества у злонамѣренныхъ начальниковъ возмущенiя, которые, поддерживаясь прiѣздомъ Селимъ-Гирея, не приходятъ никакъ въ чувство, разоряютъ сами свою землю истребленiемъ скота, сожженiемъ деревень, собранiемъ всѣхъ родовъ изъ горъ и степи въ уголъ за Бакчисарай. Что касается благонамѣренныхъ, то не могу увѣрить, чтобъ такiя были между ними; даже и находящiеся при Шагинъ-Гireѣ чиновники подвержены сомнѣнiю. Народъ безъ сомнѣнiя покорился бы хану Шагинъ-Гирею, ибо недоволенъ Селимъ-Гиреемъ, прiѣхавшимъ безъ помощи, но удерживается начальниками, которые толкуютъ, что всѣ будутъ казнены, хотя бы и повинную принесли."

Въ февралѣ, мятежники, окруженные со всѣхъ сторонъ русскими войсками прислали къ хану Шагинъ-Гирею и къ кн. Прозоровскому двоихъ депутатовъ, одного отъ мурзъ, а другаго отъ черни, принося повинную; а между тѣмъ главные начальники мятежа, тайно отъ черни посадя еще прежде свои семейства на турецкiя транспортныя и купеческiя суда, сами вслѣдъ за Селимъ-Гиреемъ и султанами спѣшили на военныя фрегаты, и начали бросаться въ высланныя къ нимъ лодки. Народъ, примѣтя это бѣгство, сталъ ихъ удерживать, ругая какъ виновниковъ всего зла и общаго разоренiя. Началась драка: Татары стрѣляли по мурзамъ садившимся въ лодки, тѣ, вмѣстѣ съ находившимися на лодкахъ Турками отвѣчали также выстрѣлами; наконецъ Турки сдѣлали два пушечныхъ выстрѣла съ фрегатовъ и этимъ разогнали толпу. Присланные къ Прозоровскому и хану депутаты согласились, что Татары отдадутъ русскому войску все оружiе и разойдутся съ семействами по деревнямъ. Оказалось, что мятежники были приведены въ ужасное

состояніе; кромѣ того, что отъ русскаго войска въ разныхъ стычкахъ погибло ихъ до 12.000 человѣкъ, множество стариковъ, женщинъ и дѣтей погибло отъ стужи и голоду; сюда присоединилось междоусобіе: нужда заставила другъ друга грабить и убивать изъ за куска хлѣба. „Время доносилъ Прозоровскій, помогло мнѣ привесть ихъ въ совершенное изнуреніе и полунебытіе безъ потери людей и довольнаго отягощенія войскъ. Наказанія сего тяжесть будетъ имъ долго чувствительна, и за всю свою продерзость получа достойное возмездіе, не помыслятъ они больше, а можетъ и никогда, брать презрѣніе къ побѣдоноснымъ войскамъ, и забудутъ навсегда то стремительное отчаяніе, съ которымъ единожды при салгирскомъ ретраншементѣ бросясь на войска, мною предводимыя, тогдажь ощутили всю тяжесть наказанія, потерявъ убитыми до 1.000 человѣкъ.“ Прозоровскій оканчивалъ свое донесеніе словами, что крымскій полуостровъ приведенъ въ совершенное спокойствіе и повиновеніе хану Шагинъ-Гирею.

Въ началѣ апрѣля Стахіевъ далъ знать Портѣ, что по полученнымъ имъ изъ Крыма отъ кн. Прозоровскаго и резидента Константинова письмамъ, всѣ мятежники принесли искреннее раскаяніе и повинную законному хану Шагинъ-Гирею, спокойно возвратились въ свое жилище и на полуостровѣ царствуетъ тишина, и всѣ турецкіе фрегаты оттуда уѣхали. Рейсъ-ефенди отвѣтилъ переводчику, принесшему это объявленіе: „Думать надобно, что посланникъ или почитаетъ министровъ Порты дураками, или насмѣхаться хочетъ, объявляя такія непристойности. Говорить Портѣ, что въ Крыму все спокойно и тихо послѣ того, какъ присланныя туда 40.000 человѣкъ русскаго войска бѣдный и безсильный народъ частію побили, частію въ ссылку сослали и обратили въ неволю столько невинныхъ мусульманъ съ ихъ семьями—можетъ почитаться только насмѣшкою; да и хвалиться тѣмъ не слѣдуетъ, потому что немного надобно для угнетенія такого бѣднаго народа; и фрегаты наши благополучно стоятъ у Крымскаго берега, гдѣ и Селимъ-Гирей ханъ находится; а съ Шагинъ-Гиреемъ Порта не имѣетъ и не хочетъ имѣть, никакого сношенія.“ Не смотря однако на этотъ отвѣтъ, Стахіевъ давалъ знать, что у Порты положено не доводить дѣло до разрыва съ Россіею, и признать Шагинъ-Гирея ханомъ. На 25-е апрѣля на большомъ совѣтѣ у муфтія Порта опредѣлила весь свой флотъ подъ начальствомъ Капитанъ-па-

ши, послать въ Крымъ для высаженія и подкрѣпленія отправляемаго изъ Синопа войска. Если войску удастся высадиться безъ сопротивленія съ русской стороны, то оно должно объявить, что пришло для приведенія себя въ равенство съ русскими и притомъ стараться рѣшить тамошнія дѣла полюбовно; если же съ русской стороны будетъ сдѣлано нападеніе, то, объявляя что Россія нарушила миръ, начать и продолжать военныя дѣйствія безъ всякой пощады и уваженія. Стахіевъ объяснялъ такое рѣшеніе тѣмъ, что неудовольствія между дворами французскимъ и англійскимъ, особенно же между вѣнскимъ и берлинскимъ, ослѣпляютъ Порту надеждою, что и Россія будетъ вовлечена въ европейскую войну; Турки надѣялись также и на новыя безпокойства въ Польшѣ. Стахіевъ началъ уже приготовляться къ отъѣзду. Къ Румянцеву визирь отправилъ письмо, въ которомъ говорилъ, что Порта отправляетъ въ Крымъ флотъ подъ начальствомъ Капитанъ-паши и сухопутное войско подъ начальствомъ Хаджи-Али-паши, что оба полководца снабжены полномочіемъ утвердить постановленный между обѣими имперіями миръ, если только Россія выведетъ свои войска изъ Крыма и не будетъ ни подъ какимъ предлогомъ неволить Татаръ; визирь совѣтовалъ воспользоваться подаваемымъ отъ Порты способомъ и уполномочить кн. Прозоровскаго начать переговоры съ означенными турецкими полководцами; въ противномъ случаѣ вина будетъ на сторонѣ русскаго двора. Главные предметы переговоровъ означены слѣдующіе: 1) подать Портѣ и Татарамъ способъ для утвержденія ихъ довѣрія къ русскому двору; 2) кромѣ торговыхъ судовъ, никакія военныя не должны плавать по Черному морю, и такъ какъ извѣстно, что нѣсколько русскихъ военныхъ кораблей крейсируютъ около Кафы, то визирь совѣтовалъ, чтобы поскорѣе приказано было имъ удалиться.

Въ началѣ іюня резидентъ Константиновъ писалъ Румянцеву: „ханъ, слѣдуя моимъ отъ имени в. с—ства предложеніямъ и совѣтамъ Александра Васильевича (Суворова) принимаетъ мѣры: всѣхъ значительныхъ лицъ, подверженныхъ сомнѣнію прибираетъ къ рукамъ и обличенныхъ предаетъ строгости суда.“

27-го іюня Стахіевъ подалъ Портѣ меморіалъ о своемъ отъѣздѣ изъ Турціи со всѣми въ ней находящимися русскими подданными. Послѣ долгаго молчанія ему отвѣчали, что его требованіе паспортовъ для выѣзда заключаетъ въ себѣ объявленіе войны, и въ слу-

чаѣ, еслибы такой отъѣздъ ему былъ позволенъ, то безъ сомнѣнія введена будетъ клевета на Порту, что она, выславъ министра, объявила войну. Поэтому, изящнѣйшіе улемы и министры блистательной имперіи не могутъ никоимъ образомъ на то согласиться, и пока Россійская имперія мира не нарушитъ начатіемъ непріятельскихъ дѣйствій, посланникъ будетъ почитаемъ наравнѣ со всѣми другими министрами наидружественнѣйшихъ державъ; а если случится иначе и Россійская имперія, нарушивъ миръ, явно прерветъ теченіе дружбы, то блистательная Порта и тогда несомнѣнно поступитъ съ посланникомъ человѣколюбиво, какъ требуютъ ея достоинство и великодушіе.

Но отъ русскаго двора дано было знать, что онъ не допуститъ переговоровъ въ Крыму; Капитанъ-паша прислалъ извѣстіе, что крымскіе берега вооружены и ему высадить войско мирнымъ образомъ не позволятъ: такъ что ему дѣлать? Румянцевъ еще Прозоровскому предписалъ: „вступленіе внутрь Крыма Туркамъ всѣми средствами возбранять, и слѣд. всякую выгрузку военныхъ припасовъ и людей съ кораблей на берегъ не допускать; важность нашихъ интересовъ состоитъ не въ отогнаніи Турокъ отъ крымскихъ береговъ (чего по обширности и сдѣлать нельзя), но въ отнятіи у нихъ способовъ ко вступленію внутрь Крыма, и для того всѣ мѣста удобныя для высадки вы должны заградить.“ Теперь, имѣя въ Крыму Суворова, Румянцевъ считалъ себя вправѣ писать императрицѣ: „Не предуспѣютъ Турки въ своихъ замыслахъ, на опроверженіе коихъ предвзяты надлежащія мѣры, и путь имъ къ вступленію въ Крымъ совсѣмъ прегражденъ занятіемъ и укрѣпленіемъ проходовъ.“ Вслѣдствіе этого произошла обычная въ августѣ перемѣна великаго визиря. Капитанъ-паша возвратился, потерявъ семь судовъ и болѣе семи тысячъ человѣкъ войска, что привело народъ въ страшное раздраженіе. Тогда начали думать, какъ бы выйти изъ затруднительнаго положенія съ соблюденіемъ по возможности приличій, и обратились къ французскому послу С. При, который передъ тѣмъ возвратился въ Константинополь. Посолъ отвѣчалъ, что онъ видитъ гораздо болѣе наклонности къ миру у россійскаго двора, нежели у Порты: если Турція искренно желаетъ сохраненія мира, то должна, предавъ забвенію все прошедшее, постараться кончить дѣло полюбовно, признать прежде всего Шагинъ-Гирея, возвратить изъ заточенія его посланцевъ, принять всѣ русскія требованія,

пропустить на Черное море задержанныя русскія суда. Рейсъ-ефенди давалъ свою бороду въ закладъ, что такое соглашеніе невозможно, а если и сдѣлается, то не долѣе полгода будетъ продолжаться. При дальнѣйшихъ переговорахъ съ французскимъ посломъ Порта выставила требованія, чтобъ земля, лежащая между Днѣстромъ и Бугомъ отобрана была у Татаръ и присоединена къ очаковскому уѣзду; чтобъ между русскими купеческими кораблями, плавающими по Черному морю, не было большихъ судовъ, способныхъ къ военной службѣ, чтобъ величина кораблей была точно опредѣлена; чтобъ Россія не требовала возвращенія морейскимъ жителямъ конфискованныхъ у нихъ земель, ибо они уже отданы мечетямъ (сдѣланы вакуфами); чтобъ Россія отказалась отъ постройки своей церкви въ Константинополѣ, ибо это противно религіозному и государственному закону, чернь взволнуется и не допуститъ строенія. Пусть церковь будетъ построена въ домѣ посланника.

Отъ 25-го іюля Румянцевъ писалъ Суворову: „Христіанъ, пожелавшихъ на переселеніе въ Азовскую губерію отправляйте сходственно предписанію князя Григ. Алекс. Потемкина; а правительству истолковано быть можетъ, что сіе переселеніе дѣлается отъ страха мщенія, коимъ угрожаютъ имъ Турки своимъ на Крымъ нападеніемъ. Но что до взятыхъ въ плѣнъ при послѣднемъ возмущеніи обоего пола Татаръ, то благопристойность требуетъ, чтобъ всѣ желающіе и сильно крещеные возвращены были.“ Но 26-го іюля Суворовъ долженъ былъ написать Румянцеву: „Въ опасности жизни и имущества здѣшніе христіане частію еще нынѣ. Всѣ противъ того должныя осторожности взяты и войскамъ въ томъ строгія по приличеству приказы даны. Татары дѣйствуютъ грозою, подущеніями, обѣщаніями и обыкновеннымъ ихъ вѣроломнымъ лукавствомъ. Свѣтлѣйшій ханъ, изнуряемый гнѣвливостью, выѣхалъ изъ Бакчисарая и расположился лагеремъ въ трехъ верстахъ отъ города. Г. резидента во все сіе время къ себѣ онъ не допускалъ. Денно и нощно къ нему непрестанно всемѣстные его чиновники съѣзжались. Правительство представляло мнѣ о принесеніи ихъ всенижайшей просьбы въ С.-Петербургъ въ отмѣнѣ сего вывода. Воспретить имъ того не можно, а въ обожданіи выводомъ 25 дней для очевидныхъ интригъ отказано по изготовленію уже самими собою къ выходу многихъ христіанъ.“ Ханъ сильно разсердился на Суворова за то, что тотъ не отвѣчалъ ему на его представленія

о выводѣ христіанъ и употребилъ какія-то угрозы. Ханъ писалъ ему: „Сказанными угрозами вашими я весьма доволенъ и обрадованъ потому, что никогда еще отъ русскихъ магнатовъ такого поведенія я не видывалъ и не ожидалъ. По внутренней моей къ вамъ, пріятелю моему, доброй склонности откровенно объявляю, что хотя такого вашего поведенія ни чѣмъ и никогда я не заслужилъ: однако почитая то вашею ко мнѣ милостію, недостатокъ въ моей за то благодарности извинить прошу.“

Самъ ханъ просилъ у Суворова дружескаго наставленія, какъ ему вести себя въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; Суворовъ отвѣчалъ, что „лучше и наиполезнѣе всего въ такое время присутствовать въ своей столицѣ, управляя народами, врученными отъ Бога власти вашей, соблюдая ихъ тишину и благоденствіе, ибо чрезъ чужденія в. свѣтлости отъ дѣлъ народныхъ заключатъ невѣжды между нами холодность, слѣдовательно и натурально станутъ искать случаевъ къ разврату.“ На это ханъ написалъ: „Всѣмъ Татарамъ ясно извѣсно, что отчужденіе мое отъ дѣлъ не по причинѣ взаимной моей съ вами остуды, но единственно во избѣжаніе взнесенія на меня какимъ-либо образомъ противоборствія воли императорской и желаніямъ моихъ пріятелей!“ Суворовъ понялъ такъ, что ханъ въ возможности этого взнесенія подозрѣваетъ его самого и отвѣчалъ: „Я не говорю о причинахъ, для коихъ вы отчуждаетесь отъ управленія общественными дѣлами, и не моя должность ихъ испытывать, а предвоображая только малосмысленность простолюдинъ, не безъ причины совѣтовалъ и совѣтую для благоденствія и тишины вашихъ подданныхъ присутствовать въ престольномъ своемъ городѣ; слѣд. нѣтъ тутъ ни малѣйшаго поводу къ заключенію, чтобъ на случай непріятныхъ отъ Татаръ поползновеній, приписывать безъ правды оныхъ вину в. свѣтлости. Такой подлый поступокъ не соотвѣтственъ ни чину, ни сентименту моему. Я недоумѣваю, какую и когда в. свѣтлость примѣтить изволили мою несправедливость, кого я когда оклеветалъ? Я знаю себя и знаю твердо, что никто меня не докажетъ въ такомъ презрѣнномъ порокѣ. И такъ, буде выраженіе употреблено не для того, чтобъ безвинно меня обидѣть и отразить усердные и полезные для васъ совѣты, то прилежно прошу, внемля моей искренности возвратиться къ своему трону, гдѣ сохраняя всю цѣлость области вашей, удобнѣе и въ непредвидимыхъ случаяхъ охранить отъ всякихъ навѣ-

товъ особу и здоровье в. свѣтлости." Суворовъ далъ знать Румянцеву, что Шагинъ-Гирей отправилъ къ императрицѣ двоихъ депутатовъ, какъ слышно, съ возраженіемъ противъ вывода христіанъ. Послѣднихъ къ концу августа было выведено въ Азовскую губернію 17,575 душъ обоего пола. Суворовъ доносилъ также, что между крымскими Татарами все болѣе и болѣе обнаруживается желаніе принимать христіанство. Въ горахъ до 20 семей крестилось отъ греческихъ священниковъ и выселились вмѣстѣ съ христіанами такъ скрытно, что и послѣдніе не могли объ этомъ узнать. Множество Татаръ приходятъ къ начальникамъ войскъ съ просьбою о крещеніи, но на это имъ отвѣчаютъ молчаніемъ. Константиновъ писалъ Румянцеву: „Ханъ не только всѣ дома, но и самого себя отъ насъ всячески таитъ, показывая ежеминутно недоброжелательные виды; привязывается ко всякому слову, принимая самыя искренніе внушенія въ худую сторону; вербуетъ тайно всякую сволочь подъ именемъ сейменовъ, раздаетъ ружья и сабли, которыя при истребленіи отобранныхъ у Татаръ послѣ мятежа оставилъ въ своемъ сералѣ; тогда онъ объявилъ кн. Прозоровскому чрезъ меня, что ихъ не болѣе двухъ сотъ, а теперь оказывается гораздо больше, да и всѣ оружейники заняты починкою переданныхъ имъ отъ хана сабель и ружей. Затрудненія безмѣрныя, и еслибъ ханъ былъ въ силахъ, то понятно не отрекся бы обнаружить всей злости въ отношеніи къ намъ. Я никогда не ожидалъ отъ него такого памятозлобія; правда, что и дѣло (выселеніе христіанъ) для него оскорбительно; но такая долгая вражда и несклонность къ исполненію монаршей воли отнимаютъ надежду и на будущую приверженность его къ высочайшимъ интересамъ."

Румянцевъ написалъ Суворову (5-го августа): „Въ такихъ особенно обстоятельствахъ, какія теперь, вы не должны отнюдь не подавать и малѣйшей причины хану къ огорченію, но обходиться съ нимъ ласково и почтительно, имѣть къ нему крайнее уваженіе для содержанія его у Татаръ въ высокопочитаніи, и потому стараться всячески успокоить его и правительство до времени, пока исчезнетъ возможность для Турокъ получить помощь отъ Татаръ. Соглашайте пользу, могущую быть отъ переселенія христіанъ, съ слѣдствіями, какія могутъ отъ того произойти, особенно во время приближенія Турокъ къ берегамъ крымскимъ, чтобъ не подать имъ

больше повода къ возмущенію Татаръ и къ низверженію или совращенію хана.

— „Характеръ хана, отвѣчалъ Румянцевъ, вамъ долженъ быть лучше чѣмъ другимъ извѣстенъ: онъ собенность свою всему предпочитаетъ; онъ оставлялъ отечество, имѣніе, ближнихъ для осуществленія своихъ намѣреній, и сколько я могу о немъ судить, то хотя онъ не ученъ, но уменъ и старается всегда по настоящимъ событіямъ проникать въ будущее; при томъ же онъ и Татаринъ, а потому вы, особенно въ настоящихъ обстоятельствахъ, отнюдь не должны вести свои счеты по наружному его поведенію, но поступать по общимъ правиламъ своей должности и всячески стараться держать его и правительство на такой дорогѣ, чтобъ они отнюдь не могли имѣть поползновенія внимать лестнымъ обѣщаніямъ Турокъ.“

Относительно вывода христіанъ Шагинъ-Гирей писалъ гр. Панину: „Не только въ такой малости, какъ выводъ христіанскихъ моихъ подданныхъ, но и въ выводѣ всѣхъ Татаръ и самого себя не постою; однако признаюсь, что удивительно начатіе этого дѣла; для чего оно предпринято—мнѣ совершенно неизвѣстно и чувствительно меня трогаетъ. Я ручался, что это дѣло будетъ совершено пристойнѣйшимъ образомъ, и не смотря на то, для его исполненія употреблено насильство. Прошу употребить ваше стараніе, чтобъ тѣ бѣдные подданные были оставлены по прежнему въ своихъ жилищахъ, и тѣмъ крымскую область обрадовать, а меня отъ завистныхъ и коварныхъ языковъ освободить.“

7-го сентября Румянцевъ писалъ Шагинъ-Гирею: „Приведенъ я въ удивленіе и сожалѣніе, что ваша свѣтлость такъ много безпокоитесь о преселеніи христіанъ, и что оное могло возбудить въ васъ такую остуду къ генералъ-поручику Суворову и къ резиденту Константинову, что вы удаляетесь отъ всякаго съ ними сношенія. Совмѣстно ли быть можетъ, чтобъ толь великая монархиня, которая даруетъ вольность, позволила когда-либо на отнятіе оной? но ея и. в—ство, снисходя на просьбу и добровольное желаніе христіанъ, угрожаемыхъ непрестанно отъ самихъ Татаръ впаденіемъ Турковъ и конечнымъ ихъ разореніемъ, по единовѣрію не могла отказать имъ убѣжища въ своихъ предѣлахъ. В. свѣтлость сами судите, коль сія малость въ разсужденіи небольшаго ихъ числа неважна, а со стороны могущаго оказаться отъ того малѣйшаго ущер-

ба можете ли сумниться, чтобъ оный не былъ вамъ награжденъ сугубо отъ всещедрой вашей благодѣтельницы; но какъ в. свѣтлость между прочимъ упоминаете и о употребляемомъ насиліи, то въ отвращеніе сего сдѣлалъ я весьма строжайшее запрещеніе. Впрочемъ позвольте мнѣ въ дружеской откровенности подать вамъ искренній совѣтъ, чтобъ вы особливо на сіе время, когда устраивается и утверждается благосостояніе ваше, оставили безпокоиться о такомъ дѣлѣ, которое ни съ которой стороны не можетъ вамъ нанесть и малѣйшаго ущерба, а возобновили по прежнему пріятельское сношеніе съ генераломъ Суворовымъ и возвратили г. Константинову вашу довѣренность."

20-го сентября Румянцевъ донесъ императрицѣ, что турецкій флотъ явился у крымскихъ береговъ въ немаломъ числѣ разнообразныхъ судовъ и предъявилъ разныя требованія; но во всемъ дружескимъ образомъ получилъ отказъ на основаніи моровой язвы и вдругъ отплылъ въ открытое море. При этомъ между Татарами не примѣчено ни малѣйшаго движенія и ханъ издалъ строжайшія запрещенія собираться между собою и сноситься съ Турками. Но Константиновъ продолжая жаловаться Румянцеву на интриги Шагинъ-Гирея, писалъ: „Почитая меня главнымъ орудіемъ въ выводѣ христіанъ, ханъ взводилъ на меня разныя клеветы, мечтая, что по удаленіи меня отсюда успѣетъ въ своихъ интригахъ; вооружилъ противъ меня членовъ правительства, которые по его наущенію просили генерала Суворова объ отрѣшеніи меня отъ дѣлъ. Эдичкульскій Арсланъ-мурза пишетъ ко мнѣ, будто на дняхъ получилъ отъ меня письмо, въ которомъ называю я ихъ рабами ея в—ства и совѣтую служить высочайшему двору наравнѣ съ Русскими; я написалъ къ мурзѣ, чтобъ доставилъ мнѣ письмо въ оригиналѣ или копіи, и не вѣрилъ такимъ выраженіямъ, какія съ нашей стороны никогда употребляемы не были, ибо мы ихъ почитаемъ вольными и ни отъ кого независимыми, подъ высочайшимъ покровительствомъ ея в—ства состоящими союзниками." Между тѣмъ къ 18-му сентября выводъ христіанъ изъ Крыма былъ оконченъ: всего выведено 31,098 душъ; греческій митрополитъ, армянскій архимандритъ и католическій патеръ выѣхали вслѣдъ за христіанами; денегъ на этотъ выводъ потрачено было до 130,000 рублей. Румянцевъ неохотно вѣрилъ донесеніямъ Константинова и, посылая ихъ къ императрицѣ, писалъ ей отъ 22-го октября: „Вы лучше о ханѣ

судить изволите; а я осмѣливаюсь сказать только мое примѣчаніе, что когда сей ханъ, который толь неисчетными вашими щедротами облагодѣтельствованъ, принявшій вкусъ въ нашихъ обрядахъ (обычаяхъ) и явно оные употребляющій, казавшійся всегда по дѣламъ благоразумнымъ и особливо при дѣланіи Турками дессанта явившій свою непоколебимость, предпочтетъ извѣстной своей пользѣ неизвѣстность, то развѣ преоборется его разумъ суевѣріемъ, ибо весьма удаленъ я отъ того мнѣнія, чтобы одинъ выводъ христіанъ могъ воспричинствовать столь неожидаемой его перемѣнѣ, поелику оставленныя ими мѣста, если уже не заселены другими подобными имъ пришельцами, то однакожъ не могутъ оныя быть впустѣ; и чего уже лучшаго ожидать отъ другаго въ такомъ родѣ, который по вѣрѣ, сходству нравовъ и натуральной наклонности конечно будетъ съ Турками единодушенъ.“ Послѣ этого Румянцевъ получилъ письмо отъ хана (отъ 11-го октября): „Признаться долженъ, что какъ я въ разсужденіи всевысочайшаго ея и. в—ства ко мнѣ, всему крымскому и ногайскому татарскому народу монаршаго милосердія въ ханы взведенъ, и вся область независимою мнѣ подвластною сдѣлана, то я безъ чувствительности на такую новость (выводъ христіанъ), а народъ безъ удивленія смотрѣть не могли, ибо по всемилостивѣйше признанномъ мнѣ самодержствѣ, еслибъ я предваренъ былъ, тобъ неотмѣнно съ лучшимъ порядкомъ безъ огорченія и съ меньшимъ иждивеніемъ сей выводъ по моему искреннему усердію сходно съ высочайшею волею воспослѣдовалъ. Я благонадеженъ, что в. с—ство по своему просвѣщенію разсудить можете, сколько меня тронуло, что мнѣ не поданъ способъ въ семъ случаѣ доказать готовность мою къ исполненію монаршаго соизволенія, въ знакъ моей искренней благодарности за толь многія мнѣ явленныя высочайшія благодѣянія и милости. В. с—ство всепочтеннѣйшимъ письмомъ меня увѣрить соизволили, что ея и. в—ства всевысочайшая воля гласитъ выводить однихъ только тѣхъ христіанъ, кои добровольно на то согласятся, о чемъ я почтенному господину генералу Суворову и г. резиденту сообщилъ, но они, и на сіе не взирая многихъ къ тому угрозами принуждали, отзываясь, что они знаютъ, что дѣлаютъ, почему я и не хотѣлъ въ то болѣе вмѣшаться.“ Въ тоже время Румянцевъ получилъ отъ членовъ крымскаго правительства жалобу на русскихъ солдатъ, которые разоряютъ Татаръ и называютъ ихъ измѣнниками. Главно-

командующій немедленно отправилъ ордеръ Суворову, чтобъ этого ни подъ какимъ видомъ болѣе не было: „ибо по обстоятельствамъ должны мы имъ всячески менажировать, а тѣмъ больше удалять отъ нихъ всякое озлобленіе и притѣсненіе, потому они отъ нѣкотораго времени поступаютъ въ точность нашихъ предположеній и при самомъ явленіи на возмущеніе ихъ страшнаго турецкаго флота пребыли они тверды и непреклонны."

Вражда между ханомъ, Суворовымъ и Константиновымъ продолжалась; резидентъ доносилъ, что ханъ сбирается бѣжать на Кубань и даже въ Персію. Румянцевъ бралъ прямо сторону Шагинъ-Гирея: „Я ни хана, ни резидента лично не знаю, писалъ онъ императрицѣ (2-го декабря), а по собственному вашему о первомъ описанію и по его поведенію долженъ онъ быть качествъ Татарамъ не свойственныхъ, по дѣламъ же поставится въ родѣ людей и весьма отличныхъ. Не въ защищеніе хана, но судя по обстоятельствамъ, осмѣливаюсь сказать мое мнѣніе, что сама благопристойность не позволяла ему при выводѣ не только христіанъ желающихъ, но и невольниковъ татарскихъ изъ Крыма, и при лишеніи его доходовъ по отданнымъ отъ него россійскимъ купцамъ разныхъ статей откупамъ, за провозомъ въ Крымъ не только нужныхъ для войскъ, но и всякихъ служащихъ на одни роскоши припасовъ и товаровъ безъ платежа пошлины и безъ всякаго съ нимъ соглашенія, оказывать себя равнодушнымъ предъ правительствомъ и народомъ, но паче надлежало ему употребить всю свою предосторожность, чтобъ вмѣнившіе одинъ наборъ имъ нѣсколькихъ изъ своихъ подданныхъ за нарушеніе тамошнихъ установленій, не подвигнули симъ и скорѣе всѣхъ на поднятіе противу его мятежа; а подозрѣніе, наводимое на него, что онъ хотѣлъ удалиться на Кубань и даже въ Персію не открываетъ отнюдь никакой вопреки намъ связи его съ Турками. Командующій и резидентъ не только не говорятъ, чтобъ онъ въ томъ былъ примѣченъ, но свидѣтельствовали, что онъ, при явленіи турецкаго флота (гдѣ имѣлъ бы всю удобность обнажить себя), пребылъ въ непоколебимости. Я не вижу тутъ иной причины къ заключенію резидента о колеблемости хана и о податливости къ намъ правительства и народа, какъ одно дѣйствіе приватной остуды, ибо по толь многимъ опытамъ легкомыслія и непостоянства послѣднихъ, нельзя имъ въ томъ отнюдь вѣрить, а вѣроятнѣе то, что они, держась подъ пятою нашею, и увидѣвъ

хана въ смутномъ положенiи и въ остудѣ съ командующимъ и резидентомъ, вздумали, можетъ быть, употребить сей случай въ свою пользу, и умышленно притворяются намъ податливыми, чтобъ, низвергнувъ хана, удобнѣе поспѣшествовать совершенiю своего съ Турками плана."

По поводу вывода христiанъ въ Петербургъ явилась депутацiя отъ всѣхъ крымскихъ Татаръ съ слѣдующими просьбами: чтобъ выданъ былъ указъ никому въ собственныя ихъ дѣла, владѣнiя и земли не вмѣшиваться; чтобъ при случаѣ отвода квартиръ и другихъ распоряженiй по русскимъ войскамъ, крымскiе жители не были утѣсняемы властiю нынѣшнихъ командировъ; чтобъ дозволено было крымскому обществу содержать въ Петербургѣ резидента, также и при другихъ державахъ, равно какъ у себя имѣть ихъ резидентовъ, чтобъ извѣстно было, какiя дѣла отъ кого происходятъ, отъ крымцевъ или отъ командировъ, чтобъ первые имѣли возможность оправдаться; чтобъ не было никому препятствiя выходить къ нимъ на поселенiе; чтобъ никто не вмѣшивался въ принадлежащихъ имъ людей и купленныхъ невольниковъ. Панинъ отвѣчалъ, чтобъ Татары успокоились: императрица никогда не захочетъ уничтожить собственное созданiе, пока сами Татары не подадутъ справедливой къ тому причины. Просьба о резидентахъ немедленно будетъ исполнена, какъ только турецкiя дѣла приведены будутъ къ окончанiю; нельзя разомъ двухъ дѣлъ дѣлать: пусть прежде минуется нужда надзоровъ и мѣръ воинскихъ, и тогда наступитъ досугъ для мирныхъ дѣлъ.

Отъ 15-го февраля, увѣдомляя императрицу о полученiи ея рескрипта отъ 29-го ноября прошлаго года по поводу гоненiя на православныхъ, Штакельбергъ писалъ, что еще по полученiи перваго ея рескрипта о томъ же предметѣ отъ 7-го мая 1776 года, онъ описалъ польскому правительству „самымъ чувствительнымъ образомъ" всѣ бѣдствiя, которымъ подвержено въ Польшѣ греко-унитское духовенство, и домогался сильнѣйшимъ образомъ, чтобъ свирѣпость гонителей была обуздана и жребiй гонимыхъ былъ облегченъ; но и тогда, и теперь ему одинъ отвѣтъ, что безъ коммиссiи, послѣднимъ трактатомъ обѣщанной для разбора взаимныхъ жалобъ лицъ обоихъ исповѣданiй, всѣ предпринимаемые для ихъ примиренiя труды и всѣ поты, какiя бы онъ ни подавалъ, останутся всегда безплодными: слѣдовательно, заключилъ посолъ, и

не остается другаго средства вывести гонимыхъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія, какъ назначить упомянутую коммиссію.

Опасенія на счетъ разрыва съ Турціею должны были заставить обратить особенное вниманіе на Польшу. Опять явилась мысль, что кромѣ отрицательной пользы, какую можно получить отъ Польши, когда она останется покойною во время новой турецкой войны, нѣтъ ли средствъ извлечь изъ нея и пользу положительную, привлекши ее въ союзъ и заставивши ее набрать войско, которое бы дѣйствовало вмѣстѣ съ русскимъ, тѣмъ болѣе, что эта положительная польза была главнымъ средствомъ удержанія Польши въ покоѣ. Панинъ написалъ Штакельбергу, чтобъ онъ сообщилъ свои соображенія по этому предмету. Посолъ отвѣчалъ (1-го февраля), что мысль образованія польскаго войска ему очень понравилась не по той пользѣ, какую оно можетъ принести для русскихъ военныхъ дѣйствій, а потому, что дастъ возможность очистить страну отъ праздной толпы, готовой на возмущеніе при первомъ набатѣ. Но правительственный польскій организмъ не представляетъ ни малѣйшаго удобства для заключенія союзнаго и субсиднаго договора. Для этого понадобился бы бурный сеймъ, руководствовать которымъ было бы чрезвычайно затруднительно въ виду волненія умовъ, которое мы до сихъ поръ сдерживали и направляли къ нашей цѣли сильными средствами, какъ сеймы конфедераціонные. Въ этихъ бурныхъ обстоятельствахъ, когда Поляки еще больны, надобно избѣгать столкновенія мнѣній на сеймѣ. Что касается войска, то подъ вспомогательнымъ войскомъ разумѣется регулярное; но Россія, по важнымъ причинамъ, не допустила, чтобъ у Польши было его болѣе, чѣмъ сколько нужно противъ гайдамаковъ, что касается финансовъ Польши, то они совершенно истощены. Надобно употребить огромныя издержки, чтобъ дать ей возможность образовать войско. Уже если употреблять издержки, не лучше ли Россіи самой набрать войско въ Польшѣ; эта кавалерія не будетъ стоить дороже чѣмъ русская легкая кавалерія, а между тѣмъ мы не взволнуемъ, не потрясемъ этой машины, еще слабой, а послѣ войны мы можемъ употребить это войско для цѣлей чисто гражданскихъ. Не надобно заранѣе объявлять объ этомъ наборѣ, не надобно дѣлать его съ помощію правительства; надобно прислать сюда Михальскаго и нѣкоторыхъ другихъ способныхъ для набора кавалеріи офицеровъ, знающихъ Польшу, которые выберутъ прежде всего

вождей и уговорятся съ ними. Въ главные предводители этого польскаго войска Штакельбергъ предлагалъ князя Сульковскаго, почему-то недовольнаго польскимъ правительствомъ и потому готоваго перейти въ русскую службу. Но если необходимость заставитъ искать союза республики, то Штакельбергъ просилъ снабдить его полномочіемъ для заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза, съ обѣщаніемъ Польшѣ завоеванія Молдавіи и Валахіи.

Въ началѣ апрѣля польское правительство было сильно встревожено требованіемъ прусскаго короля пропустить его войско чрезъ владѣнія республики. Сейчасъ же разумѣется обратилось къ Штакельбергу, который нашелся въ большомъ затрудненіи: рѣшительный отказъ навлечетъ на Польшу тысячу непріятностей со стороны Пруссіи, а прямое согласіе раздражитъ вѣнскій дворъ и дастъ ему право требовать того же самаго. Рѣшено отвѣчать, что не во власти короля и Постояннаго Совѣта дозволить проходъ иностраннымъ войскамъ; но не дожидаясь отвѣта, прусскія войска вступили во владѣнія республики. Кромѣ того Прусаки начали набирать рекрутъ въ данцигскомъ округѣ. Штакельбергъ опасался, что при столкновеніи Австріи съ Пруссіею въ Польшѣ образуются партіи австрійская и прусская: за прусскаго короля будетъ Великая Польша, за Австрію множество магнатовъ, владѣющихъ землями въ Галиціи. Если война Россіи съ Портою сдѣлается неизбѣжною, старинный духъ барской конфедераціи навѣрное заявитъ себя. Уже существуетъ множество проектовъ, переговоровъ, идетъ сильная переписка между старинными членами этого союза, въ челѣ котораго кажется хочетъ стать гетманъ польный Ржевусскій; сюда же присоединяются интересы Браницкаго и гетмановъ, недовольныхъ лишеніемъ прежней чрезмѣрной власти. „Хотя правительство и войско въ нашихъ рукахъ, писалъ Штакельбергъ, однако я боюсь толпы праздныхъ и отчаянныхъ людей. Вотъ почему я возвращаюсь къ моему прежнему предложенію набрать въ Польшѣ корпусъ легкой кавалеріи. Дѣло не въ томъ, чтобъ имѣть войско, хотя эти люди, хорошо управляемые, будутъ отлично служить; дѣло въ томъ, чтобъ направить къ извѣстной цѣли, занять толпу шляхты, которая иначе бросится въ объятія перваго, кто попадется, и надѣлаетъ такихъ вещей, уничтоженіе которыхъ будетъ намъ стоить гораздо дороже, чѣмъ наборъ этого войска.“

Видя, что его планъ набора польскаго легіона не принимается

въ Петербургѣ, Штакельбергъ предлагалъ привязать къ себѣ отдѣльныхъ вельможъ—Огинскаго и Радзивилла, которые обѣщали свою вѣрную службу, если имъ возвратятъ имѣнія ихъ въ Бѣлоруссіи; Любомирскаго, у котораго уже сформированъ отрядъ войска, Коссаковскаго, который въ войнѣ съ русскими выказалъ замѣчательный военный талантъ и много храбрости, и другихъ старыхъ вождей барской конфедераціи! Штакельбергъ совѣтовалъ это тѣмъ болѣе, что Австрія уже начала переманивать къ себѣ значительныхъ людей. Затрудненія Штакельберга увеличивались еще громкими жалобами Поляковъ на притѣсненія ихъ торговли со стороны Пруссіи. „Ихъ положеніе, писалъ Штакельбергъ, дѣйствительно самое печальное и не представляетъ имъ въ будущемъ ничего кромѣ совершеннаго разоренія. Въ странѣ нѣтъ почти звонкой монеты и чрезъ нѣсколько лѣтъ государство очутится совершенно безъ денегъ и легко понять, какъ подобное положеніе Польши опасно и для русской торговли. Представленія, которыя императрица сдѣлаетъ прусскому королю, будутъ тѣмъ болѣе основательны, что Поляки требуютъ только строгаго соблюденія послѣдняго торговаго договора.

Въ половинѣ года Штакельбергъ такимъ образомъ описывалъ внутреннее состояніе Польши: „До сихъ поръ полное согласіе между Россіею, Австріею и Пруссіею давало возможность проводить самыя рѣшительныя мѣры. Это время прошло; война между Австріею и Пруссіею, раздѣляя интересы сосѣднихъ государствъ, откроетъ обширное поле движеніямъ, которыя останавливались страхомъ. Война Россіи съ Турціею усилитъ ихъ. Приближеніе грозы чувствуется здѣсь и тамъ. Барская конфедерація была приведена въ бездѣйствіе, но не уничтожена. Раздѣлъ Польши поразилъ Поляковъ, но не смягчилъ ихъ. Моя обязанность состояла въ убѣжденіи націи относительно добраго расположенія императрицы къ Польшѣ, въ согласіи интересовъ обоихъ государствъ, въ благодѣтельности ея в—ства относительно Поляковъ, почувствовавшихъ эту истину, въ крѣпости относительно тѣхъ, которые стали ея подданными: „Я успѣлъ обратить многихъ злонамѣренныхъ; другихъ обезоружилъ на время. Но часть недоброжелательныхъ существуетъ въ странѣ, а другая странствуетъ по свѣту и даже въ Турціи, подозрѣвая, что мы, несмотря на амнистію, питаемъ мщеніе, ибо Радзивилы и Огинскіе не получили прощенія. Какъ бы ни былъ малъ этотъ

остатокъ недоброжелательныхъ, его достаточно для распространенія заблужденія между тысячами шляхты невѣжественной, фанатической, бѣдностію доведенной до отчаянія. Въ столицѣ я сблизился съ вождями оппозиціи, съ кн. Любомирскимъ и великимъ гетманомъ Браницкимъ, дѣлая видъ, что совѣтуюсь съ ними, и обѣщая имъ участіе въ дѣлахъ, какъ скоро обстоятельства позволятъ Польшѣ выйти изъ бездѣйствія. Это обѣщаніе даже можетъ быть исполнено въ виду соединенія всѣхъ партій. Что касается областей, то я велѣлъ распустить тамъ слухъ, что, не желая стѣснять выбора депутатовъ, русскія войска оставятъ мѣстности, гдѣ будутъ происходить сеймики. Я велѣлъ прибавить, что императрица, усиливъ правительство для поддержанія порядка и выполненія договоровъ, намѣрена серьезно покровительствовать свободѣ націи и поэтому желаетъ свободного сейма. Это произвело очень хорошее впечатлѣніе; если все останется въ томъ же положеніи, какъ теперь, то надобно исполнить это обѣщаніе, ибо оно, съ одной стороны, поведетъ къ общему успокоенію, а съ другой, воспрепятствуетъ королю употребитъ во зло власть, какую даютъ ему конфедераціи."

Въ половинѣ августа Штакельбергъ увѣдомилъ, что сеймики происходили безъ присутствія русскихъ войскъ. Духъ свободы господствовалъ до такой степени, что на многихъ изъ нихъ обнажены были сабли; но это очень понравилось шляхтѣ, она осталась довольна русскими, которые не мѣшали ей, и при этомъ расположеніи умовъ долженъ былъ открыться сеймъ. Не трудно было предвидѣть, по мнѣнію посла, что сеймъ будетъ шуменъ, быть можетъ и разорвется; но Россія достигнетъ главной цѣли—съ одной стороны давъ выходъ націи, а съ другой утишивъ головокруженіе и смуту.

Оставалось немного дней до сейма, назначеннаго на 24 сентября, а объ королѣ, объ его отношеніяхъ къ сейму, не было слышно, хотя послу было извѣстно, что Станиславъ Августъ, обрадованный превосходствомъ своей партіи, хочетъ, чтобъ этотъ сеймъ былъ похожъ на сеймъ 1766 года. Король скрывалъ свои намѣренія отъ великаго канцлера и маршала Ржевускаго, которыхъ Штакельбергъ прямо называлъ своими представителями при королѣ; послѣдній даже жилъ при дворѣ для наблюденія за маленькою политикою передней. Станиславъ Августъ не говорилъ ничего Штакельбергу о ходѣ дѣлъ вообще, даже о выборѣ сеймоваго маршала,

и посолъ молчалъ, чтобъ вмѣшательствомъ въ дѣлѣ не давать чувствовать русской опеки. Но многіе вожди прежней оппозиціи явилась къ Штакельбергу съ просьбою о помощи противъ выбора сеймоваго маршала, которымъ въ публикѣ назначаютъ Вольмера, депутата изъ Литвы, низкую креатуру государственнаго казначея Тизенгаузена, органа королевскаго, а притѣсненія и злоупотребленія послѣдняго въ великомъ княжествѣ очень хорошо извѣстны, Штакельбергъ отвѣчалъ, что въ извѣстныхъ чувствахъ императрицы они найдутъ твердую опору противъ притѣсненій и деспотизма; посолъ прибавилъ, что выборы въ маршалы еще не произведены и онъ надѣется на возможность избѣжать Вольмера. Сейчасъ же послѣ того при дворѣ разнесся слухъ, что русскій посолъ принимаетъ роль посредника между королемъ и націею; тонъ рѣчей многихъ депутатовъ вслѣдствіе этого перемѣнился, и король пригласилъ къ себѣ Штакельберга. Посолъ началъ доказывать Станиславу Августу всю недостаточность плана установить неограниченную власть въ провинціяхъ съ помощію духа партій, отличающагося нетерпимостію, преслѣдованіемъ, судебными злоупотребленіями, тираніею чиновниковъ, чему, между прочимъ, поразительнымъ, примѣромъ служитъ г. Тизенгаузенъ. Посолъ указывалъ другую систему правосудія и справедливости. Тогда не будетъ больше партій, съ которыми королю приходилось бы бороться; исключительно занятый великими интересами Россіи и Польши, король освободился отъ всѣхъ этихъ провинціальныхъ дрязгъ, которыя дѣлаютъ ему столько непріятелей. Посолъ окончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что императрица, въ обширномъ управленіи своею имперіею поставивъ самымъ дорогимъ предметомъ покровительство правосудію и собственности, будетъ наконецъ припуждена объявить въ Польшѣ, что ея участіе въ дѣлахъ этой страны ни мало не содѣйствовало злоупотребленіямъ, вкравшимся въ судебныя отправленія провинцій. Король обѣщалъ торжественно слѣдовать совѣтамъ посла и между ними заключенъ былъ маленькій договоръ въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) исключеніе Вольмера изъ кандидатовъ въ маршалы; 2) назначеніе въ эту должность Тышкевича, честнаго человѣка; 3) принятіе новой системы, состоящей въ поддержкѣ самаго строгаго правосудія.

Тышкевичъ былъ выбранъ въ маршалы, и свободный сеймъ началъ свои работы совершенно согласно съ желаніями посла. Но внѣшнія отношенія явились помѣхою. На сеймѣ раздались громкіе

вопли противъ торговыхъ притѣсненій на Вислѣ, противъ несоблюденія Пруссіею послѣдняго торговаго договора. Въ первомъ движеніи негодованія хотѣли запереть королевство для прусской торговли; но Штакельбергъ постарался не допустить до этого рѣшенія представленіями, что между Россіею и Пруссіею дружба, союзъ. Тогда рѣшили передать прусскому резиденту ноту съ требованіемъ соблюденія договора и въ то же время просить посредничества русской императрицы. „Эта страна, писалъ Штакельбергъ, лишенная денегъ, подъ тяжестію монополіи, которая ее постепенно уничтожаетъ, представляетъ самую ужасную картину; торговый балансъ на милліонъ червонныхъ противъ Польши. Несчастная страна умоляетъ о помощи свою благодѣтельницу. Въ русскомъ интересѣ уменьшить затрудненія, испытываемыя Польшею, потому что если дѣла останутся въ прежнемъ положеніи, наша торговля также пострадаетъ: нѣтъ никакой выгоды въ торговлѣ со страною доведенною до такой крайности. Представленія ея и. в—ства тѣмъ болѣе будутъ имѣть вѣса у ея союзника, что обстоятельства политическія имъ благопріятны. Я имѣлъ основаніе внушить прусскому резиденту, что въ настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ я не могу отвѣчать, чтобъ нація не высказалась въ пользу Австріи, если Пруссія будетъ продолжать доводить ее до отчаянія.“

Но этимъ дѣло не кончилось. Вѣнскій дворъ сталъ поднимать конфедерацію въ польскихъ областяхъ, сосѣднихъ съ Галиціею. Гетманъ польный Ржевускій, объѣхавъ краковское, сендомирское и волынское воеводства съ призывомъ къ возстанію, поѣхалъ въ Вѣну для переговоровъ. Подговоры начались и въ Варшавѣ. Какой-то господинъ, по виду Французъ, ночью на 25-е октября явился къ Пулавскому, племяннику знаменитаго конфедерата, съ предложеніями вступить въ новую конфедерацію. Штакельбергъ не могъ узнать имени этого эмиссара, Ревицкій еще не дѣйствовалъ открыто, но въ разговорѣ съ графомъ Мѣнчинскимъ, старымъ барскимъ конфедератомъ, выразилъ свое удивленіе на счетъ власти, какую имѣетъ Россія въ Польшѣ, и спрашивалъ неужели не найдется людей, которые бы приняли сторону Австріи? Австрійцы выслали въ Польшу людей для набора рекрутъ; Штакельбергъ велѣлъ захватить одного изъ нихъ въ самой Варшавѣ.

1-го ноября Штакельбергъ извѣщалъ съ восторгомъ о правильномъ окончаніи свободнаго сейма, который не стоилъ ни гроша

казнѣ ея в—ства; посолъ поздравлялъ Панина съ этимъ окончаніемъ, которое служило пробнымъ камнемъ системы, введенной въ Польшѣ имъ, Панинымъ, системы, соединяющей республиканскую форму съ вліяніемъ Россіи. 27 ноября пріѣхалъ въ Варшаву кн. Репнинъ проѣздомъ къ прусскому королю, и писалъ Панину, что нашелъ въ польской столицѣ большую перемѣну: люди, которыхъ онъ зналъ первыми богачами и первыми вельможами страны, принуждены сдѣлать значительныя перемѣны въ образѣ жизни; это такъ бросается въ глаза, что видишь себя не въ столицѣ, а въ бѣдной провинціи, и все это происходитъ отъ чрезвычайнаго уменьшенія денегъ въ странѣ. Репнинъ нашелъ умы въ сильномъ волненіи по поводу прусско-австрійской войны. Многіе вельможи думали, что они должны принять участіе въ войнѣ въ надеждѣ улучшить этимъ свое положеніе, и Репнину показалось, что король былъ того же мнѣнія; но большая часть главныхъ вельможъ имѣютъ обширныя владѣнія въ Галиціи и это связываетъ имъ руки. Съ другой стороны шляхта, буйная и бѣдная какъ всегда, конечно воспользуется первымъ предложеніемъ и вступитъ въ службу какого бы то ни было государства, чтобъ удовлетворить своей охотѣ повоевать, пограбить, покормиться на чужой счетъ.

Изъ Швеціи Симолинъ далъ знать отъ 8 іюня, что майоръ Пайкуль, самый ревностный изъ членовъ русской партіи, пріѣзжалъ къ нему изъ деревни въ Стокгольмъ съ извѣстіемъ, что въ провинціяхъ распространяются слухи, будто петербургскій дворъ находится въ такомъ согласіи съ королемъ Густавомъ и относительно шведскихъ дѣлъ совершенно перемѣнилъ систему. Симолинъ увѣрилъ его, что слухи эти не имѣютъ никакого основанія, что русскій дворъ можетъ казаться равнодушнымъ къ шведскимъ дѣламъ, пока не увѣренъ въ сохраненіи мира съ Портою, но когда съ этой стороны дѣла уладятся и отношенія получатъ твердость, то наши шведскіе друзья испытаютъ, что мы неспособны жертвовать своими истинными интересами, равно какъ интересами своихъ друзей какимъ-нибудь личнымъ видамъ; они найдутъ насъ всегда готовыми содѣйствовать всѣмъ мѣрамъ, какія они сочтутъ самыми приличными для возстановленія шведской свободы и для приведенія дѣлъ въ возможно лучшее состояніе. Пайкуль былъ доволенъ этимъ объясненіемъ и на другой день отправился въ деревню, давши обѣщаніе поддерживать надежды друзей свободы и неудовольствіе на-

родное, которое возрастаетъ день ото дня вслѣдствіе тяжести налоговъ. Осенью собрался сеймъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ Рикманъ, замѣнившій Симолина, доносилъ своему двору, что выборы избирателей были не въ пользу русской партіи: исключая пяти или шести лицъ въ дворянскомъ сословіи и одного, много двухъ въ духовномъ, всѣ остальные были люди, отличавшіеся полною приверженностію къ королю. Но колпаки были довольны тѣмъ, что старый національный духъ, благодаря графу Ферзену, сталъ пробуждаться. Ферзенъ велъ себя съ величайшею осторожностію относительно короля, испытывалъ почву, старался пріобрѣсть какъ можно больше друзей, направлялъ самого короля согласно съ своими идеями посредствомъ представленій почтительныхъ и законныхъ. Ферзенъ пріобрѣлъ величайшее уваженіе; въ дворянской палатѣ слушали его какъ оракула, отъ котораго всѣ ждали своего спасенія. Король, видя такое могущество, боялся Ферзена и уступалъ ему. Но борьба между ними разгорѣлась по самому существенному пункту, когда Ферзенъ началъ стараться отнять у короля распоряженіе банкомъ. Всѣ поняли, въ чемъ дѣло, и всѣ приверженцы конституціоннаго порядка собрались около Ферзена безъ различія шляпъ и колпаковъ. Тогда король объявилъ прямо сейму свою волю относительно управленія банкомъ и велѣлъ распустить слухъ, что рѣшился схватить всѣхъ тѣхъ, которые будутъ противиться его волѣ, не исключая и Ферзена. Цѣль была достигнута: сопротивленія не оказалось, и депутаты начали толпами покидать сеймъ; колпаковъ уѣхало столько, что Рикманъ опасался потерять всѣ каналы, чрезъ которые получалъ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ: Пайкуль, Гилленсванъ, Лагерсвердъ уѣхали; другіе заболѣли или объявили себя больными или до того перепугались, что перестали подходить къ русскому министру; а которые не порвали съ нимъ связей, тѣ цѣнили свои услуги на вѣсъ золота. Самъ Ферзенъ заперся въ своей комнатѣ, не пуская къ себѣ никого, кто могъ быть подозрителенъ королю, и объявляя, что не хочетъ болѣе мѣшаться ни во что, а между тѣмъ сносился съ королевскими друзьями и самимъ королемъ, который сталъ принимать его очень благосклонно. Рикманъ не могъ переговорить съ нимъ лично, ни черезъ другихъ.

На счетъ Даніи въ Петербургѣ могли быть покойны вслѣдствіе донесеній новаго русскаго министра при копенгагенскомъ дворѣ, Сакена. Послѣдній писалъ, что интриги и столкновенія, неизбѣж-

ныя въ настоящемъ датскомъ правительствѣ, касаются только людей, управляющихъ внутренними дѣлами страны и нисколько не затрогиваютъ политической системы, которая остается всегда одна и та же, какъ самая естественная и полезная для Даніи. Таковъ принципъ, установленный въ совѣтѣ и при дворѣ, и надобно думать, что онъ останется непоколебимъ. Поэтому Сакенъ принялъ для себя правиломъ стараться знать все, но прямо не вмѣшиваться въ эти споры.—Когда получено было извѣстіе о шведскомъ сеймѣ, то датскому министру въ Стокгольмѣ послано было приказаніе объявить русскому министру при шведскомъ дворѣ, что датскій дворъ будетъ во всемъ сообразоваться съ желаніемъ русскаго.

Для заключенія союза пріѣхалъ въ Петербургъ новый экстраординарный посланникъ и полномочный министръ Гаррисъ. Онъ передалъ гр. Панину ноту, въ которой говорилось, что великобританскій король рѣшилъ вооружиться всѣми своими силами противъ оскорбленія, нанесеннаго его достоинству со стороны Франціи. Въ такихъ обстоятельствахъ королю естественно искать союза государствъ, которыя, по сходству своего положенія, должны имѣть тѣ же самыя чувства. Россія часто испытывала слѣдствія зависти и честолюбія версальскаго кабинета. Несмотря на то, что Россія всегда брала верхъ надъ ея предпріятіями, по великодушію своей государыни и обилію своихъ средствъ, неутомимая злоба Франціи продолжаетъ стоять твердо въ своихъ гибельныхъ намѣреніяхъ; стараясь лишить Англію союзника самаго страшнаго и самаго естественнаго, она употребляетъ всѣ средства, внушаемыя самою злостною политикою, для ободренія Турокъ къ разрыву мира съ Россіею. Наступило время, когда всѣ побужденія частнаго и взаимнаго интереса заставляютъ дворы петербургскій и лондонскій тѣсно соединиться для противодѣйствія честолюбивымъ видамъ бурбонскаго дома. Касательно дѣлъ германскихъ король намѣренъ держаться законовъ и конституцій имперіи. Впрочемъ рѣшеніе вопроса о средствахъ, которыя должны быть употреблены для этой цѣли, зависитъ отъ обстоятельствъ и особенно отъ обнаруженія настоящихъ намѣреній Франціи, останется ли она при своемъ старомъ союзникѣ, или соединится съ королемъ прусскимъ, или останется нейтральною. Въ первомъ случаѣ и если Франція попытается еще разъ употребить свои силы въ Германіи, то система, приличная для Сѣвера, обозначится ясно и очевидно; эта система, проведен-

ная энергически и согласно, образуетъ союзъ, могущій держать въ почтеніи остальную Европу. Россія будетъ имѣть первое мѣсто въ этомъ союзѣ, будетъ играть великую роль, на которую имѣетъ право по своему могуществу, по своимъ обширнымъ средствамъ и по совершенству своего настоящаго правительства. Основаніемъ системы долженъ служить непосредственный союзъ между Англіею и Россіею.

Въ проектѣ этого союза, который сообщилъ Гаррисъ, по прежнему Турція „исключалась изъ случая союза" по торговымъ интересамъ Англіи; при этомъ высказывалось желаніе, чтобъ Россія помогала Англіи флотомъ, такъ какъ съ восшествія на престолъ Екатерины II Россія сдѣлалась морскимъ государствомъ очень почтеннымъ и соединеніе ея флота съ великобританскимъ произведетъ сильное впечатлѣніе.

Екатерина велѣла отвѣчать: изъ всѣхъ государствъ, которыя могутъ имѣть прямое столкновеніе съ Россіею, одна Порта можетъ обращать на себя все ея вниманіе, слѣдовательно противъ нея важно было заручиться союзами. За этимъ главнымъ предметомъ слѣдуетъ спокойствіе Сѣвера; но этотъ вопросъ имѣетъ большую или меньшую важность смотря по тому, является ли онъ одинъ или въ соединеніи съ безпокойствами со стороны Турціи. Всѣ другія отношенія суть второстепенныя. Какимъ же образомъ императрица откажется отъ союзнической помощи противъ единственнаго сильнаго и опаснаго непріятеля въ то самое время, когда предвидитъ немедленное начатіе съ нимъ войны, когда сама обяжется помогать Англіи противъ главнаго ея врага? Россія вела войну съ Портою и можетъ вести еще безо всякихъ послѣдствій для другихъ державъ европейскихъ; тогда какъ малѣйшее столкновеніе въ Америкѣ влечетъ необходимо европейскую войну, которая потребуетъ приложенія всѣхъ договорныхъ обязательствъ. Что касается Германіи, то императрица не можетъ быть равнодушна къ событіямъ, которыя могутъ нарушить спокойствіе этой страны или ея конституцію. Близость Германіи къ Россіи, отношенія послѣдней ко многимъ членамъ имперіи, ея обязательства или союзы съ главными германскими дворами предписываютъ императрицѣ политику твердую и постоянную относительно германской имперіи и не позволяютъ ей подчинять свое поведеніе, поведенію какого-нибудь посторонняго государства, какъ Франція. Такимъ образомъ императ-

рица съ крайнимъ огорченіемъ видитъ не возможность заключить союзъ на предлагаемыхъ условіяхъ.

Вмѣсто переговоровъ о союзѣ русскій дворъ долженъ былъ передать Гаррису ноту совершенно другаго рода. Вслѣдствіе жалобъ русскихъ судохозяевъ, потерпѣвшихъ притѣсненія отъ англійскихъ кораблей, сдѣланы были представленія лондонскому кабинету и король строго предписалъ своимъ арматорамъ и другимъ начальникамъ кораблей уважать русскій флагъ. Несмотря однако на это строгое предписаніе пришла новая жалоба. Брандтъ, капитанъ русскаго корабля св. Петръ, намѣревался плыть изъ Бордо на островъ С. Доминго въ Портъ-о-Прэнсъ, и хотя всѣ бумаги его были въ порядкѣ и товары на его кораблѣ были самаго невиннаго свойства, онъ былъ остановленъ на дорогѣ англійскимъ арматоромъ, который захватилъ 14 человѣкъ экипажа, перевелъ ихъ на свой корабль, а остальное отправилъ въ Жерзей. Владѣлецъ корабля св. Петръ, бригадиръ Соймоновъ, подалъ императрицѣ жалобу, и русскій министръ въ Лондонѣ получилъ приказаніе вытребовать освобожденіе корабля, возвращеніе товаровъ и вознагражденіе Соймонову за потерю.

1779.

2-го января Репнинъ обѣдалъ у короля, который, отведя его въ сторону, началъ говорить о разглашеніяхъ, дѣлаемыхъ вѣнскимъ дворомъ въ Германіи, будто великій герцогъ тосканскій даетъ взаймы императору семнадцать милліоновъ гульденовъ на продолженіе войны, будто испанскій король обѣщалъ десять милліоновъ піастровъ; что министры майнцскій и кельнскій внушали въ Регенсбургѣ ганноверскому министру сдѣлать отъ имени имперіи представленіе, чтобъ король прусскій, для общаго мира, оставилъ намѣреніе присоединить маркграфства аншпахское и байрейтское ко владѣніямъ старшей линіи бранденбургскаго дома. На основаніи этихъ разглашеній Фридрихъ выражалъ сомнѣніе въ искренности миролюбивыхъ желаній вѣнскаго двора, т. е. императора и кн. Кауница, хотя относительно миролюбія императрицы королевы сомнѣваться нельзя; но въ Вѣнѣ двѣ партіи, и потому нельзя считать мира вѣрнымъ, не зная которая изъ нихъ возьметъ верхъ, материнская или сыновняя. Король упоминалъ и объ отзывахъ императора, который

будто часто говоритъ, что не противится миру единственно изъ почтенія къ матери, а собственно съ ея мыслями не согласенъ. Репнинъ отвѣчалъ, что Франція, представляя планъ примиренія, не могла этого сдѣлать безъ согласія вѣнскаго двора; что же касается разныхъ разглашеній, то ихъ должно приписать двойной политикѣ кн. Кауница, который, быть можетъ, хочетъ этимъ средствомъ запугать и поскорѣе склонить Пруссію къ миру.

Пруссія была согласна принять мирный проектъ, представленный Франціею, и дѣло останавливалось только за Саксоніею. Въ пользу этой страны отъ Австріи требовалось, чтобъ она заплатила саксонскому курфирсту милліонъ талеровъ и отказалась отъ ленныхъ правъ на нѣкоторыя части Саксоніи. Репнинъ высказалъ прусскимъ министрамъ свое мнѣніе, что изъ-за этихъ двухъ пунктовъ не стоитъ продолжать войну. Но прусскіе министры отвѣчали, что отъ денегъ отступиться легче; но трудно позволить вѣнскому двору оставить за собою ленныя права на Саксонію, ибо только заставивъ его отказаться отъ нихъ, Саксонія избѣжитъ его мщенія: эти ленныя права постоянно даютъ поводъ ко всевозможнымъ придиркамъ. „Если отъ этихъ ленныхъ правъ Австрія не отступится, то трудно будетъ заключить миръ“, писалъ Репнинъ Панину 12-го января.

Въ послѣдній день января Репнинъ далъ знать, что прусскій король согласился на всѣ представленія французскія и австрійскія, и если еще идетъ рѣчь о ленныхъ правахъ въ Саксоніи, то отреченіе отъ нихъ со стороны Австріи не ставится уже непремѣннымъ условіемъ, но единственно желаніемъ, въ надеждѣ, что въ исполненіи его отказа не будетъ.

18-го февраля извѣстный намъ баронъ Бретёйль, находящійся теперь французскимъ посломъ въ Вѣнѣ, писалъ Репнину, что Марія Терезія согласна на всѣ существенныя условія мира; но онъ никакъ не могъ убѣдить вѣнскій дворъ уступить саксонскому курфирсту извѣстныя феодальныя права въ его странѣ, ибо это отняло бы у королевства богемскаго чрезвычайно важный почетъ. Въ томъ же письмѣ Бретёйль предложилъ мѣстомъ съѣзда для окончательнаго подписанія мирнаго договора три города—Троппау, Егерндорфъ или Тешенъ на выборъ Репнина, прося русскаго уполномоченнаго назначить день съѣзда. Репнинъ отвѣчалъ, что по соглашенію съ прусскимъ дворомъ, онъ выбираетъ Тешенъ, и срокомъ

для съѣзда назначаетъ 10-е марта н. с., и этотъ день долженъ считаться началомъ срока перемирія. Но прежде этого срока Австрійцы сожгли Нейштадтъ. Это сильно разсердило Фридриха, и отпуская Репнина въ Тешенъ, онъ сказалъ ему, что единственно изъ уваженія къ русской императрицѣ онъ не разорвалъ мирныхъ переговоровъ. „Какъ я искренно и совершенно мира ни желаю, сказалъ король, однако войны не боюсь и не имѣю причины бояться.“— „Конечно всѣ дѣла в. в—ства, отвѣчалъ Репнинъ, которыми вы пріобрѣли неоспоримую и безсмертную славу, несомнѣнно доказываютъ справедливость этихъ вашихъ словъ. Но, съ другой стороны, я увѣренъ, что в. в—ство считаете для себя столь же славнымъ дать миръ Германіи и своимъ человѣколюбіемъ утвердить спокойствіе почти всей Европы. Я имѣю извѣстіе отъ фельдмаршала графа Румянцева, что вся турецкая армія идетъ отъ Дуная къ Днѣстру, и большею частію именно къ Хотину; Австрійцы усиливаются въ Галиціи, а это предвѣщаетъ не только войну Порты съ нами, если миръ въ Германіи заключенъ не будетъ, но, можетъ быть, и согласное дѣйствіе Австрійцевъ съ Турками для возмущенія Польши. Эти обстоятельства конечно требуютъ большаго вниманія, и я прилежно прошу в. в—ство прилежно объ этомъ размыслить.“ Фридрихъ ничего не отвѣчалъ на это.

10-го марта уполномоченные съѣхались на конгрессъ въ Тешенъ; французскій уполномоченный баронъ Бретейль сообщилъ Репнину проекты трактатовъ вѣнскаго двора и получилъ отъ Репнина проекты прусскіе, при чемъ русскій уполномоченный увидалъ, что проекты вѣнскіе не въ примѣръ больше отдаляются отъ французскаго плана, чѣмъ прусскіе, и Репнинъ писалъ Панину, что еще нельзя съ вѣрностію сказать, будетъ ли миръ или война. Отъ 22-го марта Репнинъ писалъ: „Дѣла директныя между вѣнскимъ дворомъ и королемъ прусскимъ сближаются: саксонскіе съ пфальцскимъ дворомъ по сихъ поръ не соглашаются, и опасно крайне, чтобъ на оныхъ все примиреніе не разорвалось. Король прусскій съ великимъ жаромъ на семъ пунктѣ настоитъ, а вѣнскій дворъ, хотя и началъ уже домогаться у пфальцскаго, чтобъ саксонскія претензіи имъ удовольствованы были, однако тѣ домогательства не столько знать сильны и рѣшительны были, чтобъ произвесть могли желаемый и окончательный успѣхъ. Съ другой же стороны вѣнскій здѣсь министръ подкрѣпляетъ пфальцскихъ и требуетъ умѣренности

въ саксонскихъ претензіяхъ, чѣмъ болѣе въ недовѣренность и раздраженіе прусская сторона приводится. Г. Бретейль пфальцскому двору писалъ довольно сильно; впрочемъ считаетъ онъ, что вѣнскій дворъ всю непріятность и все усиліе противъ пфальцкаго двора хочетъ взбросить на версальскій, и потому съ нѣкоторою осторожностію въ семъ дѣлѣ идетъ; я жъ всякими домогательствами и резонами, извлеченными изъ интереса и славы нашихъ обоихъ дворовъ скорѣе съ успѣхомъ окончить примиреніе, пихаю его сколь возможно къ рѣшительнымъ поступкамъ. Съ другой стороны король прусскій теряетъ терпѣніе и, опасаясь, чтобъ вѣнскій дворъ не имѣлъ въ видѣ довести его до мира, исключа изъ онаго удовлетвореніе Саксоніи, чуть было не отозвалъ своего отсель полномочнаго; но по счастію министерство его прусскаго в—ства предуспѣло отклонить сіе намѣреніе: однако таковое положеніе дѣлъ понудило меня директно къ его в—ству писать съ просьбою, чтобъ продолжено было еще перемиріе. Равнымъ образомъ почелъ я нужнымъ прямо въ Дрезденъ къ г. Лизакевичу писать съ тѣмъ, чтобъ онъ мое письмо показалъ министерству саксонскому, въ которомъ я просилъ соглашенія его курфирстской свѣтлости принять во удовлетвореніе четыре милліона талеровъ, все деньгами, а не землями, зная я совершенно, что на сіе пфальцскій дворъ скорѣе согласится, нежели на часть деньгами и на часть землями, и слѣдственно хотѣлъ я имѣть еще одинъ способъ болѣе готовымъ къ доведенію дѣлъ къ желаемому пункту. Саксонскій дворъ на сіе не согласился съ нѣкоторыми объясненіями, какъ то обыкновенно дѣлаютъ всѣ тѣ, которые желаютъ какъ бы нибудь и чѣмъ бы ни есть болѣе выиграть. Теперь зависитъ все по большей части отъ отвѣта пфальцскаго двора, къ которому отправлены уже отъ г. Бретейля рѣшительныя требованія прусскія и саксонскія. Сей отвѣтъ не можетъ здѣсь и быть прежде 2-го или 3-го апрѣля, и тогда только можно будетъ увидѣть и сказать, миръ ли будетъ или война. Когда мы всѣ, начиная съ короля прусскаго, льстились, что здѣшній съѣздъ болѣе почти дѣла имѣть не будетъ, какъ только подписать трактаты, тогда по несчастію крайне всѣ ошиблись. Хлопоты, заботы и затрудненія здѣсь ежедневно и, такъ сказать, почти на всякомъ словѣ встрѣчаются. Виды знать скрытные вѣнскаго двора и развратность курфирста пфальцскаго, произведеннаго кажется на

возмущеніе Германіи, съ презрѣніемъ всѣхъ и вредомъ собственнымъ, препятствія безконечныя раждаютъ."

Фридрихъ II отвѣчалъ Репнину, что не согласенъ продлить перемирія долѣе 15-го апрѣля, если не окажется, что въ Вѣнѣ серіозно желаютъ мира. Фридрихъ приписалъ собственноручно: „Вы уполномоченный моей вѣрной союзницы, и потому я отъ васъ не скрываю своихъ мнѣній. Вотъ какъ я смотрю на поведеніе вѣнскаго двора: курфирстъ палатинъ есть маріонетка, Кауницъ заставляетъ его играть, и я имѣю въ виду актера, а не маріонетку. Если эти господа хотятъ мира, то пусть его заключаютъ, а если хотятъ насъ обмануть, складывая вину разрыва на курфирста палатина, то я вамъ прямо объявляю, что не желаю быть обманутымъ. Ожидаю отвѣта изъ Вѣны и на его основаніи рѣшусь продолжить перемиріе. Прошлый годъ я былъ слишкомъ снисходителенъ и былъ проведенъ этими господами; можно было обмануть разъ, это можетъ случиться со всякимъ, когда имѣешь дѣло съ мошенниками, но если кто два раза обманутъ, то это такой титулъ, котораго я не домогаюсь."

5-го апрѣля Репнинъ писалъ, что наконецъ полученъ отвѣтъ отъ мюнхенскаго двора, который согласился заплатить Саксоніи шесть милліоновъ гульденовъ или четыре милліона талеровъ. Но тутъ же Репнинъ писалъ, что „игрушка" вѣнскаго двора, который принудилъ курфирста пфальцскаго сопротивляться непосредственному участію въ конвенціи герцога цвейбрикенскаго и гарантіи ихъ договоровъ, чуть было не разорвалъ конгрессъ: „Король прусскій приказалъ было своему министру здѣсь объявить, что онъ ни на одинъ годъ перемирія не продолжитъ, если саксонскія и герцога цвейбрикенскаго дѣла до того срока кончены не будутъ. Сколько я ни склонялъ г. Ридезеля, чтобъ отмѣнить совсѣмъ сіе объявленіе, но не могъ на оное его уговорить, какъ только чтобы онъ, по малой мѣрѣ, таковой формальной деклараціи не дѣлалъ, а сказалъ бы просто въ разговорѣ, что всѣ минуты дороги и что нужно спѣшить сими двумя дѣлами, по причинѣ скораго приближенія срока перемирія. Еслибы г. Ридезель не столь скромный былъ человѣкъ, то бы конечно, по запальчивости его двора, все здѣсь уже разорвано было, особливо по предписаніямъ ихъ министерства, въ которыхъ главнѣйше участвуетъ г. Герцбергъ." Репнинъ писалъ къ кн. Голицыну въ Вѣну, чтобъ тотъ отговаривалъ тамошній

дворъ отъ подобныхъ игрушекъ, а Голицынъ сообщилъ ему отвѣтъ Кауница, что прусскія требованія противны достоинству австрійскаго дома, что съ особеннымъ жаромъ указываетъ императоръ Іосифъ. Репнинъ въ письмахъ къ Голицыну защищалъ прусскія требованія, указывая, что самъ вѣнскій дворъ прежде согласился на непосредственное участіе герцога цвейбрикенскаго въ конвенціи и на то, чтобъ права всѣхъ линій палатинскаго дома на Баварію были поставлены внѣ всякаго спора. Но баронъ Бретейль и австрійскій уполномоченный графъ Кобенцль получили изъ Вѣны депеши, что прусскія предложенія были приняты императоромъ Іосифомъ съ „чрезвычайнымъ жаромъ и запальчивостію; онъ не соглашался, чтобъ австрійское министерство дало на нихъ письменный отвѣтъ. Императрица королева три дня его уговаривала и успокоивала, но ничего не могла сдѣлать. Съ другой стороны, не разъ присылалъ онъ кн. Кауницу собственноручные проекты отвѣтовъ прусскому королю; но они были такъ неумѣренны и горячи, что кн. Кауницъ отказался послать ихъ въ Тешенъ, видя, что они должны вести къ возобновленію войны. Тогда Іосифъ послалъ Кобенцлю приказаніе объявить, что вѣнскій дворъ никакихъ уступокъ больше не сдѣлаетъ, и въ волѣ прусскаго короля заключить на этомъ основаніи миръ или нѣтъ. Однако при этомъ Бретейль и Кобенцль были уполномочены объявить, что императрица королева соглашается гарантировать фамильные договоры пфальцскаго дома, но болѣе ничего не уступитъ. — „Горячѣе всего, писалъ Репнинъ Панину, принимаетъ вѣнскій дворъ требованіе короля прусскаго гарантировать конвенціи, включаемыя въ трактатъ, а потомъ съ досадою объясняется по поводу разныхъ мелочей, требованныхъ прусскимъ министерствомъ, или, лучше сказать, горячею головою г. Герцберга, какъ то, чтобъ сказано было: „императрица королева отказывается отъ своихъ правъ на Миндельгеймъ“, а не „уступаетъ Миндельгеймъ“ и проч. Я не могу себѣ представить, чтобы для такихъ мелочей, принадлежащихъ къ юриспруденціи германской, король прусскій захотѣлъ разорвать миръ, но признаюсь однакожъ, что теперь мы находимся въ самомъ послѣднемъ кризисѣ. Между тѣмъ, зная скромность г. Ридезеля, его искреннее и жаркое усердіе къ миру, тожъ его привычку конфидентно объясняться съ королемъ, давъ ему выразумѣть всѣ обстоятельства и всю важность настоящаго кризиса и положенія дѣлъ, оставилъ я ему о семъ подроб-

ное донесеніе сдѣлать его прусскому величеству, понеже всякія отъ него, какъ отъ собственнаго министра, разсужденія и представленія меньше колки покажутся сему государю, нежелибъ я ихъ дѣлалъ, а пунктъ запальчивости и персональности здѣсь по несчастію весьма великъ и, такъ сказать, почти главнѣйшій съ обѣихъ сторонъ."

Донесеніе свое отъ 8-го апрѣля Репнинъ начинаетъ словами: „Еще новое игрище здѣсь было представлено, которое насъ всѣхъ чрезвычайно потревожило." Игрище состояло въ томъ, что 7-го числа Бретейль получилъ письмо отъ курфюрста пфальцскаго, гдѣ тотъ объявлялъ свое несогласіе на ручательство четырьмя державами его фамильныхъ договоровъ, и писалъ что скорѣе согласится на прямое участіе герцога цвейбрикенскаго въ его конвенціи съ императрицею королевою. Репнинъ и Ридезель сказали откровенно Бретейлю, что безъ гарантіи фамильныхъ договоровъ пфальцскаго дома миръ заключенъ быть не можетъ. Тутъ является графъ Кобенцль и слыша, какъ рѣшительно отзываются уполномоченные Россіи и Пруссіи, отзываетъ Бретейля въ другую комнату и сообщаетъ ему подъ секретомъ, что пфальцскій уполномоченный получилъ вторичное повелѣніе въ самой крайности согласиться на гарантію. Бретейль сейчасъ же разсказалъ объ этомъ Репнину, а тотъ Ридезелю, и всѣ успокоились.—„Но при томъ, писалъ Репнинъ, нельзя было намъ безъ крайней чувствительности видѣть всю двоякость вѣнскаго двора, который играетъ, какъ куклою, курфирстомъ пфальцскимъ, и насъ въ сію шутку вводитъ. Однако для успѣха дѣлъ согласились мы дать время пфальцскому министру его комедію вчерась играть, а нынѣ сказали ему, что война опять начнется, если они не согласятся на гарантію ихъ фамильныхъ пактовъ. Послѣ чего, по многимъ и различнымъ арликинствамъ, наконецъ согласился пфальцскій полномочный именемъ своего государя на помянутую гарантію пактовъ." Относительно Саксоніи Репнинъ писалъ: „Сей дворъ еще борется, желая всякимъ образомъ какъ-нибудь поболѣе схватить. Я полагая, что нашъ главнѣйшій интересъ, наша слава и наше достоинство теперь требуютъ, чтобы скорѣе дѣла кончить, дабы желаемымъ рѣшеніемъ утвердилась притомъ инфлюенція нашего двора въ Германіи, рѣшительные отвѣты Саксоніи дѣлаю, вѣренъ бывъ, что ихъ торговля не кончится, ежели мы ее не пресѣчемъ: и тако заключилъ я

лучшимъ персональное противъ себя неудовольствіе дать саксонскому двору, нежели протянуть дѣла, и чрезъ то рѣшеніе ихъ сдѣлать невѣрнымъ. Впрочемъ г. Бретейль во всемъ ономъ со мною согласно дѣйствуетъ."

21-го апрѣля опять донесеніе отъ Репнина о новомъ „позорищѣ", разыгранномъ пфальцскимъ и вѣнскимъ министрами. Первый предложилъ, что его государь, согласясь на гарантію своихъ фамильныхъ договоровъ и соглашаясь утвердить ихъ особымъ актомъ между собою и герцогомъ цвейбрикенскимъ, не соглашается однако, чтобъ въ статьѣ мирнаго договора, которою гарантія дается, было сказано: „поколику тѣ пакты не противны вестфальскимъ трактатамъ", считая такое выраженіе противнымъ своему достоинству. Австрійскій уполномоченный объявилъ, что его дворъ самъ по себѣ смотритъ на это равнодушно, но изъ уваженія къ курфюрсту пфальцскому приказалъ его желаніе подкрѣплять. Остальные уполномоченные поняли дѣло такъ, что вѣнскій дворъ прячется за мюнхенскій и имъ играетъ, желая избѣжать гарантіи договоровъ или повести къ тому, чтобъ германская имперія не приступала къ миру, потому что выраженіе о непротивности новыхъ договоровъ вестфальскому всегда вставляется для утвержденія правъ имперіи, утвержденныхъ вестфальскимъ договоромъ.

Наконецъ пришло донесеніе отъ 2-го мая, начинавшееся словами: „Слава Богу! насилу кончилось здѣшнее хлопотное дѣло подписаніемъ мира". 5-го мая Репнинъ былъ уже въ Бреславлѣ, гдѣ на прощальной аудіенціи Фридрихъ II сказалъ ему, что онъ успѣхомъ мирныхъ переговоровъ обязанъ русской императрицѣ, и германская имперія обязана ей не только настоящимъ покоемъ, но и сохраненіемъ своихъ правъ. Репнинъ получилъ отъ него портретъ, украшенный бриллiантами и 10.000 талеровъ.

10-го марта Стахіевъ заключилъ съ Портою конвенцію. Россія согласилась, чтобъ татарскіе ханы, по избраніи и возведеніи ихъ на ханство цѣлымъ народомъ, присылали къ Портѣ депутатовъ съ магзарами въ приличныхъ терминахъ, по установленной однажды навсегда примѣрной формѣ съ торжественнымъ признаніемъ въ особѣ султанской верховнаго калифства, съ испрошеніемъ поэтому его духовнаго благословенія чрезъ присылку къ нимъ такихъ благословительныхъ грамотъ, какія приличны быть могутъ области вольной, независимой и съ Турками единовѣрной. Россія обѣщаетъ

не прекословить и не противиться ничему, что необходимо нужно или свойственно быть можетъ ихъ единовѣрію, а Порта, съ своей стороны, обязуется ни въ чемъ не касаться гражданской и политической власти татарскихъ хановъ подъ предлогомъ духовной связи и вліянія, давать благословительную грамоту новому хану безъ малѣйшаго затрудненія и отговорки, не измѣнять въ этихъ грамотахъ ни одного слова. Обѣ имперіи взаимно обязуются не принимать никакихъ мѣръ безъ предварительнаго и полюбовнаго между собою соглашенія въ случаѣ какого-нибудь внезапнаго и внѣ конвенціи не предусмотрѣннаго приключенія относительно Татаръ. Русскій дворъ обѣщаетъ вывесть всѣ свои войска изъ Крыма и Тамани въ три мѣсяца, а изъ Кубани въ три мѣсяца и 20 дней со дня подписанія конвенціи, и не вводить ихъ туда ни подъ какимъ видомъ; тоже обѣщаетъ и Порта. Какъ скоро въ Константинополѣ получится вѣрное извѣстіе о переходѣ русскаго войска за Орскую линію, и какъ скоро явятся изъ Крыма новые депутаты съ новыми магзарами по условленной формѣ, тогда султанъ признаетъ ханомъ Шагинъ-Гирея и снабдитъ его благословенными грамотами. Русскій дворъ обѣщаетъ употребить всѣ способы склонить хана и правительство крымское на добровольную уступку Турціи земли между Днѣстромъ, Бугомъ, польскою границею и Чернымъ моремъ; Порта обязуется, отдѣлять отъ этихъ земель достаточную часть для составленія Очаковскаго уѣзда, прочія оставить впустѣ, исключая деревни и селенія, которыя теперь тамъ находятся, которыхъ именную роспись съ обозначеніемъ числа и рода ихъ жителей Порта сообщитъ русскому двору съ обѣщаніемъ не дозволять тамъ никакихъ новыхъ заведеній, тоже допускать безмѣстныхъ бродягъ имѣть тамъ убѣжище. Порта обязуется выдать русскому двору перебѣжавшихъ въ ея области запорожскихъ казаковъ, если они захотятъ воспользоваться амнистіею, жалуемою имъ императрицею; а въ противномъ случаѣ Порта обязуется перевести ихъ на правую сторону Дуная и поселить внутри турецкихъ областей какъ можно дальше отъ Чернаго моря. Порта дозволяетъ свободный проходъ изъ Чернаго моря въ Бѣлое (Мраморное) такимъ точно торговымъ русскимъ судамъ, какія употребляются на турецкихъ водахъ другими народами, особенно Французами и Англичанами, какъ наиболѣе покровительствуемыми, именно суда не должны имѣть грузу болѣе 16.000 киловъ или 8.000 кантарей, что на русскій вѣсъ

составляетъ 26.400 пудовъ; число пушекъ и корабельныхъ служителей должно быть такое какое находится на судахъ французскихъ и англійскихъ; употребленіе корабельныхъ служителей изъ турецкихъ подданныхъ дозволяется не иначе, какъ въ случаѣ нужды и съ вѣдома Порты. Порта обязуется не препятствовать никакимъ образомъ въ Молдавіи и Валахіи исповѣданію христіанскаго закона, постройкѣ новыхъ церквей и поправленію старыхъ; обязуется возвратить монастырямъ и частнымъ людямъ земли и владѣнія, прежде имъ принадлежавшія около Браилова, Хотина, Бендеръ и прочихъ мѣстъ, полагая срокъ съ бѣлградскаго договора 1739 года; обязуется оставить въ неприкосновенномъ владѣніи имѣніями тѣхъ жителей обоихъ княжествъ, которые во время русскаго управленія были возстановлены въ своихъ правахъ; обязуется признавать и почитать духовенство съ должнымъ этому чину отличіемъ; наблюдать всякое человѣколюбіе и великодушіе въ наложеніи на нихъ денежной подати, которая должна собираться природными тамошними депутатами; возобновить и хранить свято первые хатишерифы, данные обоимъ княжествамъ по заключеніи Кучукъ-кайнарджійскаго мира; каждое княжество имѣетъ право держать въ Константинополѣ своего повѣреннаго въ дѣлахъ изъ христіанъ греческаго закона; этотъ повѣренный будетъ принимаемъ Портою благосклонно, какъ состоящій подъ покровительствомъ народнаго права; выговоренное Кучукъ-кайнарджійскимъ договоромъ заступничество россійскаго министра при Портѣ за Молдавію и Валахію относится только къ этимъ условіямъ. Вмѣсто возвращенія морейскимъ жителямъ по трактату прежнихъ ихъ имѣній и земель, которыя послѣ конфискаціи причислены были къ мечетямъ, вакуфамъ и другимъ духовнымъ учрежденіямъ, Порта обѣщаетъ дать имъ удовлетвореніе другими землями и выгодами, потери ихъ соразмѣрными.

Эта конвенція была не совсѣмъ согласна съ проектомъ ея, присланнымъ изъ Петербурга, относительно чего Стахіевъ писалъ императрицѣ: „На двоякое условіе относительно запорожскихъ казаковъ съ обнадеживаніемъ великодушнаго вашего къ нимъ милосердія, не меньше какъ и на всѣ другія отмѣны и прибавки я дерзнулъ поступить послѣ сильныхъ споровъ съ французскимъ посломъ, и не предусматривая уже возможности къ преодолѣнію турецкаго упрямства, онымъ посломъ до самаго конца негоціаціи

всюду подкрѣпляемаго; по тому же самому принужденъ я былъ согласиться какъ на короткій срокъ къ испражненію татарскихъ областей отъ побѣдоносныхъ в. и. в—ства войскъ, такъ и на установленіе слога и терминовъ въ магзарѣ и калифской грамотѣ, изъ коихъ въ первомъ съ превеликимъ трудомъ предуспѣлъ вычернить присвояемое въ турецкомъ проектѣ названіе султана турецкимъ государемъ." Стахіевъ долженъ былъ обѣщать стараться, чтобъ русскій дворъ не настаивалъ на построеніи въ Перѣ особенной публичной греческой церкви за домомъ русскаго министра. Договаривавшійся съ нимъ Абдулъ-Резакъ клялся, что Порта представляетъ объ этомъ единственно для отнятія повода къ новымъ непріятностямъ между Россіею и Турціею, а не отъ прихоти, не для уничтоженія статьи объ этомъ въ Кучукъ-кайнарджійскомъ договорѣ, о которой ни слова не сказано въ заключаемой конвенціи, чѣмъ Порта и признаетъ неприкосновеннымъ право Россіи на постройку церкви; Порта проситъ объ одномъ, чтобъ Россія не пользовалась этимъ правомъ или, по крайней мѣрѣ, соединила постройку особой греческой церкви съ постройкою домовой внутри посольскаго дома. Стахіевъ писалъ, что можно купить сосѣдній домъ одного Армянина и обѣ церкви помѣстить вмѣстѣ такимъ образомъ, что публичная церковь можетъ имѣть особенный входъ съ улицы, и обѣ будутъ примкнуты къ одному изъ католическихъ монастырей. „Въ Перѣ, писалъ Стахіевъ, нѣтъ ни одной церкви греческаго исповѣданія, а католическихъ пять монастырей, которые всѣ закрыты стѣнами, домовыми и лавочными строеніями на подобіе магазиновъ безъ всякаго наружнаго церковнаго вида."

Въ отвѣтъ на свое донесеніе о заключенной конвенціи Стахіевъ получилъ отъ императрицы самый милостивый рескриптъ съ полнымъ одобреніемъ всего сдѣланнаго. Стахіевъ получилъ 1.000 душъ въ Бѣлоруссіи. Французскому послу С.-При онъ долженъ былъ объявить отъ собственнаго лица императрицы благоволеніе за его ревностные, полезные труды и помощь въ переговорахъ; русскій министръ при версальскомъ дворѣ долженъ былъ изъявить Людовику XVI-му „въ дружественнѣйшихъ израженіяхъ", какъ императрица обязана его христіаннѣйшему величеству за тщательное и полезное содѣйствіе С.-При въ полюбовномъ окончаніи турецкаго дѣла.

Естественнымъ слѣдствіемъ этого полюбовнаго окончанія дѣла было сверженіе враждебнаго Россіи Рейсъ-ефенди Омеръ-ефенди и

возведеніе на его мѣсто Абдулъ-Резака ведшаго переговоры о конвенціи. Съ вѣдома и согласія Порты, Стахіевъ поѣхалъ въ патріаршую церковь, гдѣ былъ принятъ съ радостію и уваженіемъ; это онъ сдѣлалъ для удостовѣренія единовѣрнаго народа въ непоколебимомъ покровительствѣ, какое оказываетъ императрица православной церкви, ибо тотчасъ по заключеніи конвенціи католики начали пугать Грековъ слухами, что въ конвенціи Россія отказалась отъ покровительства своимъ единовѣрцамъ.

Но Стахіевъ ненадолго успокоился. Пріѣхали крымскіе депутаты, и онъ долженъ былъ отправить своему двору жалобу на поведеніе новаго Рейсъ-ефенди, на его „узловатые“ отвѣты и вызовы. Рейсъ-ефенди не могъ переносить тѣсной связи Стахіева съ депутатами, всячески скрывалъ отъ него свои сношенія съ ними, препятствовалъ свиданіямъ русскаго министра съ депутатами подъ обычнымъ предлогомъ, что это тревожитъ константинопольскую публику и подаетъ поводъ къ превратнымъ и непріятнымъ толкованіямъ. Но это было только начало. Отъ 9-го октября русскій резидентъ въ Крыму Константиновъ увѣдомилъ Стахіева, что султанская грамота, присланная къ хану, написана вовсе не такъ какъ улажено при конвенціи, что привезшій эту грамоту султанскій оберъ-шталмейстеръ требуетъ отъ хана, чтобъ тотъ принялъ грамоту съ прежнею церемоніею, въ которой выражалось подданство. Стахіевъ послалъ русскаго переводчика высказать Портѣ свое изумленіе; Рейсъ-ефенди сложилъ всю вину на шталмейстера и обѣщалъ послать ему выговоръ; такое же объясненіе дано было и французскому послу съ прибавкою, что не виноватъ ли во всемъ дѣлѣ самъ Шагинъ-Гирей, который нарочно скрылъ полученную имъ калифскую грамоту султана, чтобъ снова поссорить двѣ имперіи. Отъ императрицы по этому поводу Стахіевъ получилъ рескриптъ: „Справедливое негодованіе возбуждаетъ такое Порты шильничество и вѣроломство. Мы надѣемся, что и сей послѣдній камень претыканія реченіемъ вашимъ изъятъ будетъ изъ среды и тѣмъ дальнѣйшія непріятныя слѣдствія предупредятся.“ Камень былъ изъятъ, шталмейстеру послано было приказаніе подать настоящую грамоту хану и не требовать соблюденія стараго церемоніала.

Когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пришли въ Крымъ условія константинопольской конвенціи, ханъ Шагинъ-Гирей былъ боленъ и, не будучи въ состояніи принять резидента Константинова, просилъ его

изложить все дѣло на письмѣ. Константиновъ отправилъ къ нему списки со всѣхъ бумагъ, присланныхъ Стахіевымъ, исключая предложенія Порты уступить ей очаковскія земли, чтобъ этою непріятною бумагою не усилить ханской болѣзни. Шагинъ-Гирей, прочтя бумаги, замѣтилъ хитрость Порты, которая нигдѣ не упомянула ни слова о народахъ черкескихъ и абазинскихъ и о крѣпостяхъ, лежащихъ между ними на берегу Чернаго моря, Суджакѣ, Сухумѣ и прочихъ, имѣя постоянно въ виду овладать этими народами и крѣпостями; равно и буджакская орда хотя и помѣщена въ титулѣ ханскомъ, но не упомянуто, будетъ ли она переселена въ крымскія владѣнія, или удержитъ ее Порта за собою. Константиновъ отвѣчалъ, что тѣмъ лучше, что о закубанскихъ предѣлахъ умолчено; Черкесы и Абазинцы, не бывши никогда подъ игомъ турецкимъ, теперь еще больше станутъ имъ гнушаться; время открываетъ хану всѣ способы къ привлеченію ихъ на свою сторону. Но необходимость отвѣчать о буджацкихъ Татарахъ заставила Константинова открыть присланному ханомъ приближенному чиновнику о турецкомъ требованіи очаковскихъ земель. Резидентъ изложилъ дѣло такъ, что уступка этого лоскутка земли ничего не значитъ въ сравненіи съ утвержденіемъ хана на престолѣ. Это объявленіе дѣйствительно усилило болѣзнь Шагинъ-Гирея; но Константиновъ торопилъ хана исполненіемъ всего, условленнаго въ конвенціи относительно Крыма, причемъ совѣтовалъ Шагинъ-Гирею послать султану въ подарокъ черкескую красавицу, что произведетъ особенно благопріятное впечатлѣніе.

Шагинъ-Гирей не долго дожидался исполненія своихъ опасеній. Въ Суджукъ-Кале пріѣхалъ турецкій ага Сулейманъ, объявляя, что цѣль его прибытія —починка крѣпости Суджукъ и постройка вновь трехъ крѣпостей на Кубани; къ абазинскимъ племенамъ разослалъ письма: „вы невольные, принадлежите Портѣ и должны помогать мнѣ въ починкѣ крѣпости Суджукъ.“ Абазинцы не тронулись, и Сулейманъ началъ работы одними своими средствами. Константиновъ написалъ Стахіеву: „нельзя ли благомудрію вашему сей камень претыканія изъять изъ среды, ибо не только этою крѣпостцою, но если въ рукахъ Порты останется Сухумъ-Келенджикъ и Аланджикъ, то она будетъ владѣть всѣмъ Кавказомъ, и чѣмъ долѣе будетъ тянуться дѣло, тѣмъ больше надобно ожидать замѣшательствъ въ томъ краю, а потомъ и здѣсь по неразрывной связи этихъ народовъ.

Между тѣмъ ханъ, недовольный утвержденіемъ духовной власти султана, писалъ Константинову: „Я, усердственникъ вашъ, по скудости разумѣнія, принужденнымъ себя нашелъ спросить у васъ: татарскихъ народовъ прежняго рабства съ нынѣ утвержденнымъ вольнымъ состояніемъ какая разница?“ Большаго труда стоило резиденту заставить хана отправить депутатовъ въ Константинополь, и, отправивши ихъ, онъ остался въ убѣжденіи, что порядокъ вещей, утвержденный конвенціею, долго не простоитъ. По поводу хана Константиновъ писалъ Панину, что образъ дѣйствій его происходитъ отъ досады на судьбу, непокоряющуюся его желаніямъ; духъ его не хочетъ ограничиться тѣсными предѣлами Крыма; онъ имѣлъ постоянно въ виду Кавказъ, изъ жителей котораго надѣялся имѣть храбрыхъ воиновъ, а изъ нѣдръ его неисчерпаемое богатство, ибо увѣренъ въ существованіи множества металловъ въ кавказскихъ горахъ; теперь же, видя Порту, стремящуюся захватить Кавказъ, страшно тоскуетъ. По поводу этихъ донесеній, представленныхъ императрицѣ, бригадиръ Безбородко писалъ Панину: „Читая крымскія депеши, государыня изволила отзываться, что выражаемое въ нихъ подущеніе горскихъ народовъ, да и всѣ поступки относительно намѣренія турецкаго строить и починять крѣпости могутъ послужить къ новымъ непріятностямъ: и для того г. резидентъ старался бы приличнымъ образомъ отвращать всѣ подобныя со стороны ханской крайности, тѣмъ болѣе, что ни на какія тамошнія извѣстія полагаться не можно, да и кому принадлежатъ земли подъ крѣпости занятыя неизвѣстно; слѣдственно по мнѣнію ея в—ства лучше дѣла сіи предоставлять дружественнымъ объясненіямъ г. Стахіева съ министерствомъ оттоманскимъ. Ея в—ство не сомнѣвается, что в. с—ство тг. Стахіева и Константинова поставите въ сихъ обстоятельствахъ сообразно нашему съ сими державами настоящему положенію.“

Панинъ исполнилъ приказаніе относительно Стахіева и Константинова; кромѣ того сочтено нужнымъ наставить и самого Шагинъ-Гирея; Панинъ отправилъ ему письмо (отъ 1-го октября): „Я за нужно нахожу сдѣлать вашей свѣтлости нѣкоторыя изъясненія; но какъ я еще въ бытность вашу здѣсь при высочайшемъ дворѣ, изъ истиннаго моего къ вамъ и достоинствамъ вашимъ почтенія, обращался съ вами дружескимъ и откровеннымъ образомъ: то я и теперь, возобновляя и подтверждая прежнюю мою къ вамъ, свѣ-

тлѣйшій ханъ, дружбу, и удовлетворяя долгу и законамъ оной, буду съ вами продолжать бесѣду мою, не въ лицѣ однакожь министра, но по доброжелательству моему къ вамъ, съ полнымъ чистосердечіемъ и довѣренностію. Нѣтъ и не было еще почти никогда ни одной области и державы при своемъ началѣ вдругъ на степени того величія и могущества себя зрѣвшихъ, въ какой потомъ многія изъ нихъ чрезъ продолженіе времени нашлись дѣйствительно, и не меньше правда и то, какъ нерѣдко и самыя знаменитѣйшія въ свѣтѣ имперіи и государства долженствуютъ имѣть политическія уваженія, коимъ соображаясь, сколько по нуждѣ, столькожь и по дальнѣйшему предусмотрѣнію, жертвуютъ иногда нѣкоторыми выгодами и преимуществами, для пріобрѣтенія лучшихъ и прочнѣйшихъ, или же, по крайней мѣрѣ, для сохраненія и утвержденія своего и въ настоящемъ положеніи. Сіе неоспоримое и примѣрами всѣхъ вѣковъ доказанное правило по моему мнѣнію есть достаточно уменьшить заботу съ стороны вашей свѣтлости въ разсужденіи касательства турецкаго до города Суджука, лежащаго на супротивномъ берегу отъ Крыма и отдѣленнаго не малымъ и моря пространствомъ, и убѣдить васъ напротивъ того взирать на то съ меньшимъ духа безпокойствомъ". Указавъ на то, что при всѣхъ переговорахъ никогда не было и помина, чтобъ Суджукъ или Абазинцы принадлежали къ татарскому владѣнію, Панинъ продолжаетъ: „При окончаніи сихъ обѣихъ статей, касающихся до города Суджука и Абазинцевъ, маловажныхъ въ сравненіи пріобрѣтенныхъ выгодъ существенныхъ, я съ удовольствіемъ вновь себѣ представляю превосходную разность настоящаго татарскаго состоянія предъ ихъ прежнимъ. Тогда они были рабы посторонняго народа, служили ему животомъ и кровію, имѣли то, что имъ оставить хотѣли ихъ господа, были невольныя стражи ихъ границы и первою жертвою непріятеля; теперь сами господа, сами собственнаго своего покоя и безопасности содѣтели и сами пользующимися и трудами своими, утверждены будучи въ независимомъ настоящемъ положеніи священными двухъ имперій обязательствами и залогами, и имѣя полную и ласкательную надежду видѣть участь свою отъ часу лучшею собственнымъ своимъ поведеніемъ, свойственнымъ народу вольному. Сіе краткое начертаніе довольно разрѣшаетъ учиненный вашею свѣтлостію вопросъ резиденту Константинову о разности одного состоянія предъ другимъ при участвованіи и нынѣ Портою Отто-

манскою въ Крымѣ въ дѣлахъ до закона магометанскаго только принадлежащихъ."

Генералы, командовавшіе русскими войсками въ Польшѣ, доносили, что въ этой странѣ все спокойно; то же самое доносилъ и Штакельбергъ; но онъ указывалъ на образованіе австрійской партіи, съ которой не слѣдуетъ спускать глазъ. Партія французская, которая постоянно существовала въ Польшѣ, теперь соединилась съ русскою, и вождь ея, Мокрановскій, доказалъ свое усердіе къ Россіи, будучи маршаломъ на сеймѣ 1776 года. Въ декабрѣ 1779 года этотъ самый Мокрановскій сообщилъ Штакельбергу, что гр. Верженъ совѣтуетъ ему предупредить всѣхъ друзей Франціи, какъ они должны быть осторожны относительно прельщеній составить партію противъ Россіи, ибо это единственное государство, заинтересованное въ сохраненіи Польши. Мокрановскій увѣрялъ, что это внушеніе со стороны французскаго министра основано на извѣстіи о проектѣ императора Іосифа перемѣшать карты въ Польшѣ. Штакельбергъ, извѣщая Панина о проѣздѣ австрійскаго посла, графа Кобенцля, отправлявшагося въ Петербургъ, пишетъ, что несмотря на всю сдержанность Кобенцля, онъ, Штакельбергъ, проникъ цѣль его пребыванія въ Варшавѣ. По вечерамъ Кобенцль принималъ къ себѣ людей, наиболѣе враждебныхъ русскимъ интересамъ; самъ тайкомъ посѣщалъ мелкихъ придворныхъ, которые хотя сколько-нибудь пользовались довѣріемъ короля, далъ пенсію аббату Гиджіотти, который, завѣдывая италіянскимъ департаментомъ, имѣлъ случай часто видѣть короля. Въ послѣднемъ Штакельбергъ былъ увѣренъ, что не поколеблется отъ австрійскихъ внушеній: Станиславъ Августъ такъ отдался Россіи, что не можетъ безопасно вернуться назадъ; кромѣ того графъ Ржевускій не теряетъ его ни на минуту изъ виду. Лѣтомъ 1779 года австрійскій повѣренный въ дѣлахъ при польскомъ дворѣ поднялъ тревогу относительно пограничныхъ споровъ между Россіею и Польшею въ приднѣпровской степной украйнѣ. Штакельбергу удалось достать донесеніе этого повѣреннаго въ дѣлахъ своему двору: донесеніе выяснило виды австрійскаго правительства.

Что же касается видовъ прусскаго правительства, то Фридрихъ II въ августѣ писалъ своему послу при петербургскомъ дворѣ: „Выводъ русскихъ войскъ изъ Польши—такое дѣло, которое заслуживаетъ величайшаго вниманія. Если они будутъ выведены, то это

совершенно сниметъ узду съ австрійскихъ интригъ. Новая война, безконечно важная для нашихъ обоихъ дворовъ, будетъ слѣдствіемъ, и существованіе польскаго короля станетъ такъ непрочно, что нельзя будетъ отвѣчать за него ни на одну минуту. Всѣ эти соображенія такъ важны, что не могутъ избѣжать отъ проницательности русскаго министерства, и я надѣюсь, что ея и. в—ство найдетъ въ нихъ могущественное побужденіе для оставленія достаточнаго корпуса войскъ въ этомъ государствѣ.“ Въ то же время Фридрихъ въ своихъ депешахъ, которыя показывались русскому министерству, говорилъ о движеніи австрійскихъ полковъ въ Нидерланды, о намѣреніи вѣнскаго двора вмѣшаться въ войну между Франціею и Англіею, и приводилъ съ этимъ въ связь отправленіе посланникомъ въ Россію графа Кобенцля, человѣка, по словамъ короля, хитраго, интригана. „Очень можетъ статься, писалъ Фридрихъ, что Кобенцля выбрали нарочно для возбужденія русскаго двора противъ меня. Одно вѣрно, что вездѣ я замѣчаю распоряженія, выражающія закоренѣлую вражду вѣнскаго двора ко мнѣ. Укрѣпляются въ Богеміи, на границахъ силезскихъ и саксонскихъ.“ Въ сентябрѣ новыя внушенія со стороны Фридриха: „Я утверждаюсь все болѣе и болѣе въ мысли, писалъ онъ, что одна изъ главнѣйшихъ цѣлей австрійскихъ интригъ состоитъ въ сближеніи съ русскимъ дворомъ и здѣсь вѣнскій дворъ имѣетъ прямые интересные виды. Думаютъ, что онъ мѣтитъ на польскій престолъ для одного изъ своихъ принцевъ, когда поднимется вопросъ о новыхъ выборахъ, и для этого старается издалека привлечь на свою сторону Россію. Я предполагаю, что это возбудитъ и въ послѣдней такое же негодованіе, какое я чувствую: едва только Австрія успѣла потерпѣть пораженіе въ своихъ гибельныхъ намѣреніяхъ относительно Баваріи, какъ уже затѣваетъ новые планы противъ Польши, старается со временемъ присоединить ее къ владѣніямъ своего дома. Столько примѣровъ алчности доказываютъ только, какъ опасно прислушиваться къ ея внушеніямъ, и я надѣюсь, что, по признанной мудрости русскаго двора, онъ отправитъ Австрію съ ея химерическими идеями, діаметрально противоположными какъ общимъ интересамъ Пруссіи и Россіи, такъ и поддержанію польской свободы и конституціи. Этотъ новый замыселъ дастъ Россіи почувствовать, какъ я былъ правъ, совѣтуя ей не выводить своихъ войскъ изъ Польши. Этимъ она очистила бы для Австріи совер-

шенно свободное поле для сплоченія своей партіи, для подчиненія безпокойныхъ польскихъ головъ всему тому, что она сочла бы нужнымъ предложить имъ.“ Подобныя внушенія изъ Берлина продолжались до конца года. Фридрихъ писалъ, что онъ съ удовольствіемъ приметъ участіе въ мѣрахъ, которыя высокая мудрость императрицы признаетъ нужными для удержанія стремленій Іосифа II. Для убѣжденія Екатерины въ томъ, какую безпредѣльную цѣну придаетъ онъ ея дружбѣ, Фридрихъ послалъ орденъ Чернаго орла двухлѣтнему внуку ея, великому князю Александру Павловичу. Грозя честолюбивыми замыслами Іосифа, Фридрихъ внушалъ, что въ Польшѣ уже существуетъ сильная австрійская партія, составленная изъ самыхъ значительныхъ лицъ подъ предводительствомъ князей Адама Чарторыйскаго и Любомирскаго; что Іосифъ разсчитываетъ на два событія, которыя развяжутъ ему руки для начатія войны, именно смерть Маріи Терезіи, смерть его, Фридриха, и смерть курфирста пфальцскаго. У Іосифа 260,000 войска, съ которымъ онъ надѣется вести успѣшно борьбу противъ цѣлой Европы. Такія громадныя средства и непомѣрное честолюбіе императора заставляютъ Фридриха, пока есть досугъ, принять вмѣстѣ съ своими союзниками мѣры, чтобъ Пруссія не стала добычею алчности и ненависти двора, который не преминетъ распространить свои чувства и на позднѣйшее потомство его, Фридриха. Поэтому (въ депешѣ отъ 2-го ноября н. с.) король предписываетъ своему послу предложить русскому министерству войти въ соглашеніе съ Пруссіею для предупрежденія взрыва австрійскихъ махинацій.

15-го мая (н. с.) Марія Терезія писала своей сестрѣ и кузинѣ (soeur et cousine) императрицѣ всероссійской: „Я знаю, что обязана заботамъ в. и. в—ства столько же, сколько и стараніямъ христіаннѣйшаго короля моего союзника, пріятнымъ событіемъ возстановленія мира, подписаннаго въ Тешенѣ 13-го числа этого мѣсяца, и поэтому я считаю своею обязанностію извѣстить в. и. в—ство прямо объ этомъ какъ можно скорѣе, равно какъ засвидѣтельствовать живую признательность за новый знакъ дружбы, который вамъ благоугодно было оказать въ этомъ случаѣ. Это меня очень тронуло, я приношу вамъ искреннѣйшую благодарность и сильно желаю получить возможность взаимно выразить всѣ мои чувства къ вамъ.“

Еще въ самомъ началѣ года, когда только являлась увѣренность въ мирномъ окончаніи баварскаго дѣла, Вержень говорилъ кн. Борятинскому: „Я вамъ откроюсь, какъ министру посредствующей державы, и прошу, чтобъ сказанное мною осталось между нами: еслибъ я былъ на мѣстѣ кн. Кауница, то ни подъ какимъ видомъ и ни для чего на свѣтѣ не отступилъ бы отъ права Австріи на Лузацію; правда, что это наслѣдство очень отдаленно, но вѣнскому двору всего ждать можно. Прусскій король настаиваетъ на это для своихъ интересовъ; ибо какъ скоро Саксонія получитъ право распоряжаться этою провинціею, то прусскій король непремѣнно вынудитъ промѣнъ на французскія маркграфства, а чрезъ это владѣнія его получатъ самое выгодное округленіе; Саксонія будетъ обезсилена и стѣснена, Богемія станетъ открыто, такъ что прусскій король вступитъ въ нее съ войскомъ прежде, чѣмъ въ Вѣнѣ объ этомъ узнаютъ. Я думаю это должно быть важно и для всей Европы, чтобъ прусскій король не такъ усиливался; пусть каждый приведетъ себѣ на память состояніе Пруссіи въ 1740 году и сравнитъ его съ нынѣшнимъ, какъ оно выросло по кускамъ“. Опасность отъ усиленія Пруссіи, которая заставила Францію перемѣнить свою политику послѣ силезскихъ войнъ, оставалась главнымъ предметомъ французской политики и теперь, а слѣдовательно во всей силѣ оставалось желаніе сблизиться съ Россіею. Доказательствомъ этого сближенія служило поведеніе французскаго посланника въ Константинополѣ; но двойное посредничество въ баварскомъ дѣлѣ въ Версалѣ имѣли полное право смотрѣть какъ на благодѣтельный результатъ сближенія, ибо Россія сдерживая Австрію сдерживала также и Пруссію, которая должна была согласиться на извѣстныя уступки въ пользу вѣнскаго двора. Гр. Морепа говорилъ кн. Борятинскому: „Христіаннѣйшее величество почитаетъ за особливое себѣ удовольствіе быть въ согласіи съ такою великою и премудрою монархинею, не только изъ взаимныхъ интересовъ, но такъ же изъ личнаго почтенія къ ея и. в—ству. Франція и Россія со временъ Петра Великаго нѣсколько разъ были готовы заключить дружескіе и торговые договоры, но всегда встрѣчались препятствія; ея и. в—ство достойная и истинная наслѣдница всѣхъ великихъ дѣлъ и замысловъ Петра: ей и предоставлено довершить недоконченное. Здѣсь можно сказать нашу пословицу: что отложено, то еще не потеряно.“—„Императрица, сколько

я знаю, отвѣчалъ Борятинскій, питаетъ къ королю дружественные сентименты; а что Россія и Франція не всегда были въ добромъ согласіи, то причиною Франція: сколько она противъ насъ во всѣ времена интриговала—это всѣмъ извѣстно."—„Я съ вами согласенъ, сказалъ Морепа, и не понимаю какъ наше министерство не видало настоящихъ своихъ интересовъ. По моему, нѣтъ еще двухъ другихъ державъ, которыя бы имѣли столько побужденій быть въ согласіи, какъ Россія и Франція. Надѣюсь, что теперь прежнее мнѣніе о насъ въ Россіи уничтожится: поведеніе нашего посла въ Царѣградѣ можетъ служить императрицѣ удостовѣреніемъ, какъ чистосердечны чувства его христіаннѣйшаго в—ства къ ней." Тутъ Морепа улыбнулся и продолжалъ: „мы Французы находимся въ странномъ положеніи: чужія дѣла приводимъ къ желаемому концу, а своего собственнаго окончить не умѣемъ".

Въ это самое время Верженъ былъ обезпокоенъ планами прусскаго короля. Посланникъ Фридриха II, баронъ Гольцъ заговаривалъ съ нимъ, нельзя ли на предстоящемъ соглашеніи по поводу баварскихъ дѣлъ уступить прусскому королю право промѣнять такъ называемыя франконскія маркграфства (Аншпахъ и Байрейтъ), имѣвшія достаться Пруссіи, на какія-нибудь другія владѣнія. Наконецъ Гольцъ открылся и кн. Борятинскому: объявивши прямо, что его государь хочетъ промѣнять маркграфство на Лузацію (Славянскіе Лужичи), принадлежавшую Саксоніи, для лучшаго округленія своей государственной области, Гольцъ просилъ Борятинскаго поговорить съ Верженемъ, который не соглашается, предъявляя претензіи Австріи на ту же Лузацію. Но Верженъ отвѣчалъ Борятинскому: „Чѣмъ больше я объ этомъ дѣлѣ думаю, тѣмъ больше предвижу невозможности его исполнить, и вѣнскій дворъ отъ своего права никакъ отступить не можетъ. Вашему двору своего союзника, прусскаго короля, можно будетъ отъ этого воздержать или, по крайней мѣрѣ, постараться отклонить."

Въ мартѣ мѣсяцѣ кн. Борятинскій сообщилъ Верженю знаменитую декларацію русскаго двора о защитѣ торговли русской, датской и шведской; Борятинскій ждалъ заявленіе благодарности, но вмѣсто того услыхалъ отъ французскаго министра горькіе упреки. „Я нахожу эту декларацію, говорилъ Верженъ, не ясно выраженною и почитаю несоотвѣтствующею прежнимъ дружескимъ увѣреніямъ, даннымъ Россіею французскому двору. Въ деклараціи ока-

зывается больше пристрастія къ Англіи: еслибы Россія вела торговлю активную и назначила эскадру для обереганія своихъ купеческихъ судовъ, то мы не только не сдѣлали бы на это никакого возраженія, но еще были бы очень довольны, ибо желаемъ, чтобъ всѣ торгующія державы свою торговлю защищали. Но ваша торговля пассивная и ее въ Нѣмецкомъ морѣ производитъ почти одна Англія, слѣдовательно и эскадра ваша будетъ для защиты ея торговли. Если вашъ дворъ дѣлаетъ эту декларацію съ единственною цѣлію показать себя совершенно нейтральнымъ между нами и Англичанами и желаетъ только, чтобъ при русскихъ берегахъ, портахъ и паражахъ суда всѣхъ націй имѣли защиту, то на это скажу, что прежде вашей деклараціи даны уже отъ насъ самыя строгія приказанія всѣмъ французскимъ судамъ наблюдать всевозможную осторожность у береговъ нейтральныхъ державъ. Но въ вашей деклараціи сказано, что вы будете защищать торговлю отъ Сѣвернаго мыса: въ такомъ случаѣ мы вамъ дѣлаемъ возраженіе. Моря элементъ вольный и границъ на нихъ никто не предписываетъ. Мы это доказали относительно васъ въ послѣднюю турецкую войну: вы въ Океанѣ и Средиземномъ морѣ вездѣ съ своими судами не только ходили, но и брали всякіе призы, даже забирали и наши суда, о чемъ дѣла еще до сихъ поръ не совсѣмъ рѣшены. Мы могли бы тогда, по этому вашему объявленію, почитать часть названныхъ морей намъ принадлежащими; Средиземное море удобнѣе раздѣлить между окружающими его державами, чѣмъ Нѣмецкое, которое не имѣетъ придѣловъ. Неоспоримо, что всѣ приморскія державы присвоиваютъ себѣ воды, но на самое малое разстояніе, и защищаютъ суда отъ корсаровъ только тогда, когда послѣдніе гонятся за ними подъ пушки береговыхъ крѣпостей и батарей. Если французскіе корсары приблизятся къ вашимъ берегамъ или подъ пушки вашихъ крѣпостей, то имѣете право по нимъ стрѣлять, и мы же ихъ еще обвинимъ. Если же случится, что французскій корсаръ будетъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ русскихъ гаваней въ Балтійскомъ морѣ, или будетъ въ Нѣмецкомъ морѣ и станетъ гнаться за непріятельскимъ кораблемъ, ваши военныя суда не имѣютъ права ему препятствовать, ни дать непріятельскому кораблю за собою защититься, и французскій корабль, взявъ призъ, можетъ безпрепятственно входить съ нимъ въ ваши гавани. Я не знаю, какая цѣль вашей деклараціи. Вы сами знаете, что нашихъ корсаровъ въ

Нѣмецкое море ходитъ очень мало, слѣдовательно съ нашей стороны ваша торговля не потревожится; если жь бы ихъ ходило и много, то, мнѣ кажется, вамъ было бы это еще прибыльнѣе, потому что Англія въ настоящемъ ея положеніи всѣ нужныя вещи для вооруженія кораблей должна брать изъ вашихъ гаваней: такъ чѣмъ бы больше мы ихъ побрали, тѣмъ больше былъ бы расходъ на ваши произведенія." Министръ закончилъ свои слова повтореніемъ, что не очень понимаетъ смыслъ деклараціи и проситъ ея истолкованія. Борятинскій отвѣчалъ, что смыслъ деклараціи довольно ясенъ: Россія объявляетъ себя нейтральною, но желаетъ, чтобъ ея собственная и непосредственная съ нею торговля могла производиться спокойно. Что же касается до пользы той или другой воюющей стороны, то русская декларація скорѣе въ пользу Франціи, чѣмъ Англіи, потому что французская торговля больше терпитъ отъ множества англійскихъ корсаровъ. Но Верженъ настаивалъ на своемъ, что декларація выгоднѣе Англичанамъ, потому что они почти одни производятъ торговлю съ Россіею; настаивалъ, что декларація должна быть разъяснена, чтобъ между Россіею и Франціею не было никакихъ недоразумѣній и подозрѣній.

Въ сентябрѣ Верженъ говорилъ Борятинскому: „Ваше свободное мореплаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное можетъ быть полезно и для непосредственной торговли между Россіею и Франціею. Вы не можете себѣ представить, какъ бы много мы взаимно выиграли при непосредственной торговлѣ отъ одного только перевоза, за который мы переплачиваемъ Англичанамъ и Голландцамъ. Первые годы мы нѣсколько бы и потеряли, потому что не имѣемъ у васъ такого твердаго фундамента въ конторахъ; но еслибы мы были увѣрены, что вы съ нами заключите торговый договоръ на равныхъ условіяхъ съ англійскимъ, то надѣюсь и даже могу отвѣчать, что многіе здѣшніе самые знатные капиталисты заведутъ у васъ конторы и въ то же время возстановятъ прямой курсъ деньгамъ между Парижемъ, Петербургомъ и другими торговыми городами обоихъ государствъ. Россія въ торговлѣ должна держаться одного изъ двухъ плановъ: или производить ее съ тѣми державами, съ которыми заключены торговые договоры, или со всею вселенною безъ малѣйшихъ политическихъ обязательствъ. Въ первомъ случаѣ надобно имѣть обязательства не съ одною державою исключительно, но со многими или, по крайней мѣрѣ, съ такими

двумя, которыя между собою въ соперничествѣ по интересамъ и географическому положенію, и которыя имѣютъ равную нужду въ однихъ товарахъ, отъ чего вы будете продавать ихъ несравненно дороже, ибо одна держава у другой будетъ перекупать, особливо въ военное время. Во второмъ же случаѣ надобно, чтобъ ваши гавани были отворены во всякое время для всѣхъ народовъ въ мірѣ, и чтобъ законы, права и пошлины были безъ исключенія для всѣхъ равны."

Извѣстный Димсдаль написалъ императрицѣ, что назначенная ему пенсія доставляется ему очень безпорядочно, деньги, ему присланныя, русское посольство въ Лондонѣ издерживаетъ на свои нужды, священникъ посольства, отецъ Самборскій занялъ у него же Димсдаля 250 фунтовъ для русскихъ студентовъ въ Англіи, терпящихъ крайнюю нужду. Вслѣдствіе этого письма гр. Мусинъ-Пушкинъ получилъ рескриптъ: „Съ крайнимъ неудовольствіемъ извѣстились мы отъ нашего лейбъ-медика барона Димсдаля, что онъ за два года не получалъ опредѣленной ему отъ насъ пенсіи, хотя она къ вамъ за всѣ минувшіе годы давно уже съ излишествомъ доставлена была. Таковое удержаніе или обращеніе въ собственную пользу денегъ, имѣющихъ свое особливое и точное назначеніе, возбуждаетъ въ насъ справедливое удивленіе." Слѣдствіемъ этого удивленія было перемѣщеніе Мусина-Пушкина изъ Лондона въ Стокгольмъ, а Симолина обратно изъ Стокгольма въ Лондонъ (въ половинѣ іюля). Въ инструкціи Симолина, прямо говорилось, что теперь при заботливомъ состояніи Англіи, находящейся въ войнѣ съ американскими колоніями, Франціею и Испаніею, не можетъ и существовать вопроса о союзѣ съ нею. „Вамъ извѣстно, говорилось въ инструкціи, что мы съ нѣкотораго времени обязаны благодарностію Франціи за добрыя услуги при оттоманской Портѣ для окончательнаго уничтоженія распрей, продолжавшихся отъ самаго почти заключенія Кучукъ-кайнарджійскаго мира: не менѣе обязаны мы Франціи за готовность и довѣріе, съ какими она посредничала вмѣстѣ съ нами при разбирательствѣ распрей по поводу баварскаго наслѣдства. Такимъ политическимъ сближеніемъ съ нами Франція отворила дверь къ дружескимъ сношеніямъ съ Россіею и возстановленію добраго согласія, продолженіе которыхъ будетъ для насъ конечно очень пріятно и для дѣлъ нашихъ полезно." Поэтому Симолину предписывалось, не нарушая нисколько дружественныхъ

отношеній въ Англіи, которой интересы существенно сходны съ русскими относительно сохраненія покоя на сѣверѣ и выгодныхъ торговыхъ связей,—не показывать однако ни малѣйшаго пристрастія къ Англіи въ предосужденіе Франціи, а изъявлять при всякомъ случаѣ желаніе видѣть какъ можно скорѣе окончаніе настоящей войны между Англіею, Франціею и Испаніею.

Въ Петербургѣ думали, что теперь вопросъ о союзѣ съ Англіей не можетъ существовать; но въ Лондонѣ думали иначе; и новый англійскій посланникъ Гаррисъ предложилъ Панину заключеніе оборонительнаго союза безо всякаго ограниченія, т.-е. со включеніемъ и Турціи въ случаѣ союза. Въ запискѣ, пересланной 26-го ноября, Гаррисъ говорилъ: „Изъ поведенія нашихъ враговъ мы съ безконечнымъ прискорбіемъ видимъ, что нѣтъ ни какой надежды къ достиженію столь желаннаго нами мира: обширность ихъ вооруженій, смѣлость предпріятій, особенно коварныя средства, употребляемыя ими, чтобъ повредить намъ во мнѣніи различныхъ дворовъ, обнаруживаютъ рѣшительное намѣреніе осуществить свои обширные планы, обнаруживаютъ честолюбіе безмѣрное, которое должно обратить на себя вниманіе каждаго государя, желающаго сохранить свою независимость. Мы уже употребили невѣроятныя усилія; быть можетъ мы въ состояніи употребить еще болѣе чрезвычайныя; но сомнительно, чтобъ въ одиночествѣ, безъ подпоры, безъ союзника мы могли бы сопротивляться страшной силѣ, соединенной противъ насъ. Одна императрица можетъ предписать ей законъ: великое имя, которымъ она пользуется въ Европѣ; могущество ея имперіи, перевѣсъ въ общей системѣ, который она пріобрѣла и который такъ умѣетъ поддержать, доставляютъ ей силу, принадлежащую ей исключительно. Если бы она въ своей мудрости нашла средства доставить намъ миръ, то мы поспѣшили бы отдать ей въ руки наши интересы. Но еслибы наши враги отказались отъ всякихъ благоразумныхъ предложеній, то мы смѣемъ надѣяться, что ея и. в—ство приметъ тонъ болѣе рѣшительный, употребитъ данную ей Богомъ силу, что посредствомъ представленій твердыхъ и рѣшительныхъ не остановитъ войну, грозящую разрушеніемъ европейской свободѣ. Я предлагаю новый проектъ союзнаго договора, заключить который имѣю полномочіе. Правда, что Великобританія получитъ первая выгоды отъ этого договора, но Россія получитъ не меньшія въ послѣдствіи.“

„Императрица очень огорчена, отвѣчалъ Панинъ, что не можетъ согласить образъ своихъ мыслей и желанія ускорить миръ предложеніями лондонскаго двора. Императрица убѣждена, что мѣры, предлагаемыя ей лондонскимъ дворомъ, вмѣсто ускоренія мира произведутъ дѣйствіе совершенно противоположное. Что касается союзнаго договора, то императрица убѣждена, что отъ справедливости короля не скроется, что и заключеніе оборонительнаго договора вовсе не идетъ ко времени дѣйствительной войны, и особенно настоящей войны, причина которой всегда исключалась изъ союзовъ между Россіею и Англіею, не касаясь ихъ европейскихъ владѣній."

Для Россіи очень важно было предотвратить войну между Англіею и Нидерландами, почему петербургскій дворъ и предложилъ лондонскому свое посредничество; но предложеніе не было принято. По этому случаю Симолинъ получилъ рескриптъ: „Чѣмъ бо́льшее доброжелательство старались мы постоянно оказывать къ дѣламъ и истиннымъ интересамъ короля и народа великобританскаго, тѣмъ прискорбнѣе было намъ узнать изъ вашихъ донесеній о рѣшительномъ отказѣ королевскомъ въ принятіи особеннаго нашего посредства въ новой войнѣ Англіи съ республикою Соединенныхъ Нидерландовъ. Междоусобную войну обѣихъ морскихъ державъ считаемъ мы крайне вредною для всей Европы вообще и для Россіи и для нихъ самихъ въ особенности, потому что война ихъ можетъ въ конецъ и навсегда разрушить существовавшую между ними политическую связь, которая одна обуздывала превосходныя на твердой землѣ силы бурбонскаго дома; республика Голландская можетъ потерями своими и ненавистію за нихъ къ Англіи быть поставлена въ необходимость предать себя въ руки версальскому двору и привязаться надолго къ его системѣ. Русская торговля, до сихъ поръ большею частію на чужихъ судахъ происходящая, подвергается неизвѣстности и стѣсненію." Въ виду такихъ вредныхъ послѣдствій отъ войны Англіи съ Голландіею, Симолину было предписано продолжать свои представленія о необходимости мира. Въ этихъ представленіяхъ должны были его поддерживать посланники шведскій и датскій.

Въ началѣ года шведскій посланникъ въ Петербургѣ Нолькенъ получилъ отъ русскаго министерства ноту: ея и. в—ство, усматривая, что плаваніе по сѣверному морю, въ краяхъ, ограниченныхъ русскими, датскими и шведскими берегами, требуетъ непо-

средственнаго покровительства съ ея стороны, равно какъ со стороны Даніи и Швеціи, тѣмъ болѣе, что прошлаго года американскій корсаръ взялъ или уничтожилъ много кораблей, плывшихъ въ Архангельскъ или изъ этого города, тревожа такимъ образомъ торговлю, для которой эта часть моря исключительно назначена природою,—рѣшилась слѣдующею весною приказать выслать въ эти моря къ Сѣверному мысу эскадру своихъ линейныхъ кораблей и фрегатовъ, которые должны защищать торговлю и мореплаваніе, удаляя всякаго корсара, какой бы націи онъ ни былъ. Нолькенъ отвѣчалъ, что король его желалъ бы, чтобъ императрица дала этому покровительству болѣе широкіе размѣры, тѣмъ болѣе, что самыя сильныя притѣсненія шведскій флагъ терпитъ не столько у береговъ своего королевства, сколько на другихъ различныхъ морямъ европейскихъ, гдѣ шведскіе купцы торгуютъ подъ покровительствомъ договоровъ и народнаго права. Нолькенъ имѣлъ порученіе отъ своего двора согласиться съ русскимъ министерствомъ на счетъ деклараціи, которую Россія и Швеція должны подать воюющимъ державамъ, чтобъ этимъ подтвердить полное согласіе, царствующее между государями Россіи и Швеціи. Довѣріе короля къ императрицѣ такъ велико, что онъ не можетъ скрыть своихъ справедливыхъ жалобъ на лондонскій дворъ и на англійскихъ арматоровъ, стѣсняющихъ торговлю нейтральныхъ державъ вопреки договорамъ. Король надѣется, что императрица поддержитъ шведскія представленія при лондонскомъ дворѣ.

Густавъ III предлагалъ по этому поводу заключить договоръ между Россіею и Швеціею; но Екатерина уклонилась отъ договора, выставляя на видъ, что его заключеніе непремѣнно возбудитъ сильное вниманіе какъ въ Англіи, такъ и во Франціи; она пригласила шведскаго короля охранять свои берега эскадрою, равною по числу судовъ съ русскою, такъ чтобъ обѣ эскадры составляли цѣпь, содѣйствуя, въ случаѣ нужды, другъ другу въ охраненіи всѣхъ иностранныхъ судовъ безъ исключенія. Король велѣлъ назначить для этой цѣли десять линейныхъ кораблей и четыре фрегата.

Датскій дворъ отнесся къ русскому въ самомъ началѣ года, что шведскій дворъ настаиваетъ на заключеніи съ нимъ конвенціи относительно взаимнаго вооруженія морскихъ силъ. Въ Копенгагенѣ рѣшили дождаться мнѣнія петербургскаго двора; но гр. Бернсторфъ, въ разговорѣ съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Чекалевскимъ,

высказывался, что такая конвенція между Россіею, Даніею и Швеціею въ настоящихъ обстоятельствахъ можетъ принести большую пользу, заставитъ еще больше уважать ихъ флагъ и дастъ полную безопасность ихъ торговлѣ. И датскому двору изъ Петербурга былъ такой же отвѣтъ, какъ и шведскому относительно конвенціи, и такое же предложеніе вооружить эскадру для провожанія торговыхъ судовъ на сѣверныхъ моряхъ; приглашеніе было принято.

1780.

Въ самомъ началѣ 1780 года во французской вѣнской газетѣ напечатано было извѣстіе, что греческіе купцы, пріѣхавшіе изъ Татаріи (Крыма) разсказываютъ о построеніи въ Херсонѣ пяти новыхъ большихъ кораблей; русскіе говорятъ, что это купеческіе корабли, но знатоки утверждаютъ, что для обращенія ихъ въ военные стоитъ только ихъ вооружить и посадить на нихъ войско. Рейсъ-ефенди, при свиданіи съ секретаремъ русскаго посольства Пизани, въ мартѣ мѣсяцѣ прочелъ ему это газетное извѣстіе и спросилъ, правда ли это. „По силѣ трактата, продолжалъ Рейсъ-ефенди, не позволено русскимъ кораблямъ такой величины плавать по Черному морю, которое принадлежитъ Портѣ.“ Когда Пизани передалъ эти слова Стахіеву, тотъ на другой же день отправилъ его къ Рейсъ-ефенди съ отвѣтомъ, что ни отъ двора, ни изъ Херсона онъ не получалъ никакихъ извѣстій о строеніи кораблей; но онъ думаетъ, что это тѣ самыя суда, которыя нужда заставила строить вслѣдствіе минувшихъ сомнительныхъ обстоятельствъ между Россіею и Портою, надобно же ихъ достроить! Величина торговыхъ кораблей однажды навсегда опредѣлена въ послѣдней конвенціи, и потому Порта можетъ быть покойна, что условіе точно будетъ наблюдаемо, и можетъ жаловаться только въ случаѣ дѣйствительной неустойки. Злое внушеніе, что для превращенія этихъ кораблей въ военные недостаетъ только пушекъ и войска, напрасно тревожитъ Порту, ибо на этомъ основаніи можно всякую лодку считать военнымъ кораблемъ. Наконецъ, хотя бы строящіеся корабли и дѣйствительно были военные, то они, какъ и турецкіе, сгніютъ безъ употребленія въ своей гавани, если Порта постоянно будетъ сохранять миръ; а Россія, съ своей стороны, конечно никогда не подастъ повода къ его нарушенію. Рейсъ-ефенди, казалось, доволенъ

былъ отвѣтомъ. Получивъ донесеніе Стахіева объ этихъ разговорахъ Екатерина написала собственноручно: „Отвѣтъ на сіе не труденъ: миролюбіе россійской императрицы всему свѣту извѣстно, строить же въ своихъ предѣлахъ никому запретить не можно, что къ Стахіеву написать для поставленія единожды навсегда въ заградѣ отъ всякихъ нынѣшнихъ и будущихъ интригъ. Въ началѣ прошедшей войны Россія не имѣла ни единой лодки на Черномъ морѣ, а при заключеніи мира слишкомъ шестидесять разныхъ судовъ на той водѣ имѣла, чрезъ что доказывается, что строеніе или построеніе морскихъ судовъ во время мира есть дѣло равнодушію принадлежащее, ибо въ мирѣ опасности нѣту, а въ военный случай большая держава всегда способы сыщетъ. На новизны же Рейсъ-ефендію отвѣтъ готовый, намъ тоже и объ нихъ сказываютъ, но мы любя миръ и зная такое же расположеніе и въ Портѣ, нимало тому вѣры не даемъ. О моемъ свиданіи съ императоромъ написать истину и изъяснить всю невинность того свиданія.“

Но прежде русскаго министерства объ этомъ свиданіи дали знать Портѣ другіе, выставляя его вовсе не невиннымъ. Отъ 6-го мая Стахіевъ писалъ, что англійскій посолъ Енсли сообщилъ Портѣ, что главная цѣль свиданія согласиться на счетъ установленія въ Польшѣ наслѣдственнаго правленія, и прусскій повѣренный въ дѣлахъ Гафронъ по указу своего государя далъ знать, что слѣдствіемъ свиданія будетъ союзный договоръ, почему Фридрихъ II-й считаетъ своею обязанностію предостеречь Порту. Стахіевъ чрезъ свои каналы развѣдалъ объ этихъ, по его словамъ, „ядовитыхъ откровеніяхъ“, развѣдалъ, что на объявленіе англійскаго посла Рейсъ-ефенди не обратилъ никакого вниманія, но напротивъ прусское возбудило его безпокойство и заставило спросить французскаго посла, что къ нему пишутъ объ этомъ свиданіи; тотъ отвѣчалъ, что оно представляется невиннымъ и не должно наносить нималѣйшаго безпокойства Портѣ. Но Турки не вполнѣ успокоились: они были увѣрены въ миролюбивыхъ расположеніяхъ Россіи, но боялись императора, думали, что онъ ищетъ тѣснаго союза съ Россіею только для того, чтобъ начать придираться къ Портѣ.

Вмѣсто резидента Константинова назначенъ былъ въ Крымъ извѣстный намъ Веселицкій въ качествѣ чрезвычайнаго посланника. Шагинъ-Гирей встрѣтилъ новаго посланника просьбами: давно

уже онъ, ханъ задумалъ для собственной безопасности и приведенія Татаръ въ лучшій порядокъ учредить у себя одинъ или два регулярныхъ полка изъ иностранцевъ, по образцу войска европейскихъ государей; но безъ позволенія императрицы, великой и надежной своей покровительницы приступить къ этому не хотѣлъ. А теперь представился къ тому удобный случай: графъ Викентій Потоцкій прислалъ къ нему майора Траяновскаго, рекомендуя какъ искуснаго и честнаго офицера, который обязывается набрать изъ Поляковъ и Нѣмцевъ регулярный полкъ. Относительно этого предпріятія ханъ будетъ ожидать совѣта и позволенія императрицы. Вторая просьба состояла въ слѣдующемъ: ханъ принялъ въ службу подполковника Деринга, который строитъ новый монетный дворъ, и уже всѣ машины и инструменты привезены, для битья монеты; для этого на первый случай нужно 50 пудъ серебра и 300 пудъ свинца, такъ не угодно ли будетъ императрицѣ разрѣшить вывозъ этого количества означенныхъ металловъ изъ Россіи, что общимъ постановленіемъ запрещено. Обѣ просьбы были исполнены, причемъ Веселицкій объяснилъ, что конечно ханъ воленъ въ области своей предпринимать все то, что найдетъ нужнымъ къ лучшему устройству своего владѣнія. Ханъ былъ въ восторгѣ и открылъ Веселицкому „движенія своего сердца“ какъ тотъ выражался. Эти движенія сердца состояли вопервыхъ въ томъ, что ханъ просилъ помѣстить его въ Петербургскій полкъ, хотя бы на первый случай капраломъ, а потомъ удостоивать дальнѣйшимъ производствомъ. Вовторыхъ ханъ намѣревался выписать изъ Румеліи двоихъ родныхъ племянниковъ своихъ и, если признаетъ въ нихъ правительственныя способности, отправить для воспитанія въ Петербургъ. Втретьихъ многіе крымскіе чиновники, вѣрные хану, поручаютъ ему въ покровительство дѣтей своихъ съ тѣмъ, чтобъ онъ воспиталъ ихъ какъ ему угодно; такихъ молодыхъ людей наберется отъ 30 до 40 человѣкъ, и ханъ намѣренъ отправить ихъ всѣхъ въ Петербургъ для помѣщенія въ гвардейскіе полки. Наконецъ ханъ просилъ императрицу пожаловать ему русскій орденъ. Посреди этихъ движеній сердца въ началѣ октября ханскій чиновникъ на Кубани прислалъ донесеніе, что турецкій комендантъ Сулейманъ-ага, пріѣхавши въ крѣпость Суджукъ, безпрестанными подсылками старается всѣ ногайскія орды отторгнуть отъ власти Шагинъ-Гирея; Сулейманъ увѣрялъ ихъ, что они, равно какъ и Черкесы, не

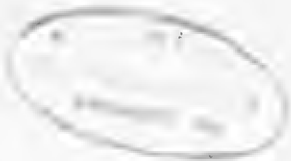
имѣютъ ничего общаго съ Крымомъ, который слыветъ теперь вольнымъ и принадлежитъ попрежнему султану, и потому въ скоромъ времени къ нимъ присланъ будетъ особый ханъ изъ Константинополя, а если до того времени кто-нибудь пожелаетъ, для большаго спокойствія и выгодъ, переселиться въ Анатолію или Румелію, то будетъ отправленъ до желаемаго мѣста на султанскихъ судахъ и султанскомъ иждивеніи, и по пріѣздѣ выгодно помѣщенъ и снабженъ всѣмъ нужнымъ. Касайской ногайской орды мурза Салманъ-шахъ-оглу прельстился этими предложеніями и, подговоря весь свой аулъ, состоящій изъ 130 семей, явился у Сулейманъ-аги съ просьбою отправить его въ Румелію, что дѣйствительно и послѣдовало. Ханъ немедленно объявилъ Веселицкому, что прибѣгаетъ къ императрицѣ прося защитить его отъ этихъ оттоманскихъ интригъ, имѣющихъ цѣлію разрушить созданное Россіею въ Крыму положеніе дѣлъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ, у себя на вечерѣ, Кауницъ подошелъ къ кн. Голицыну и, послѣ краткаго разговора о разныхъ предметахъ, спросилъ, извѣстно ли ему о внушеніяхъ, которыя прусскій король дѣлаетъ не только при русскомъ, но и при другихъ дворахъ, особенно при французскомъ и испанскомъ, будто Австрія старается въ Польшѣ возбудить смуту и разрушить установленную тамъ политическую систему, поднимая Поляковъ противъ намѣреній императрицы и увеличивая свою партію всѣми средствами, т.-е. не только представленіями и совѣтами, но и деньгами. Когда Голицынъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ, то Кауницъ началъ говорить съ большимъ одушевленіемъ: „Нашему двору удивительно и прискорбно слышать о такихъ на себя нареканіяхъ съ прусской стороны, нареканіяхъ совершенно неосновательныхъ; все это имѣетъ одну цѣль—произвести холодность и недовѣріе между обоими императорскими дворами. Нашъ дворъ ни мало не вмѣшивается и не намѣренъ вмѣшиваться въ польскія дѣла, потому что отъ этого не видитъ для себя никакой пользы; увѣряю васъ въ этомъ не какъ министръ, но какъ князь Кауницъ, какъ простой честный человѣкъ и прошу донести о моихъ словахъ ея и. в—ству. Русскому послу въ Варшавѣ всего лучше должно быть извѣстно, производится ли тамъ съ нашей стороны какое-нибудь движеніе.“ Но Штакельбергъ именно доносилъ, что движеніе производится, и Го-

лицынъ не вслѣдствіе словъ Кауница, а по своимъ наблюденіямъ и соображеніямъ, старался успокоить его.

Въ одно время съ донесеніемъ о разговорѣ Кауница Голицынъ писалъ о своемъ свиданіи съ императоромъ Іосифомъ, который посѣтилъ его на дачѣ въ Пратерѣ. Между прочимъ Іосифъ спросилъ его, не имѣетъ ли онъ отъ своего двора извѣстій о путешествіи императрицы въ Бѣлоруссію и Малороссію, о которомъ объявляется въ разныхъ газетахъ. Когда Голицынъ отвѣтилъ, что знаетъ объ этомъ также только изъ газетъ, императоръ сказалъ: „я бы желалъ черезъ васъ увѣриться въ этомъ, и въ такомъ случаѣ желалъ бы найти такое мѣсто, гдѣ бы могъ имѣть честь и удовольствіе лично познакомиться съ ея и. в—ствомъ и выразить передъ нею чувства высокаго уваженія, какимъ я издавна преисполненъ къ монархинѣ, которой превосходныя душевныя качества становятся все извѣстнѣе и славнѣе во всѣхъ частяхъ свѣта. Отъ ея в—ства зависитъ назначить мѣсто и время для свиданія; слѣдующею весною я намѣренъ побывать въ Галиціи и Лодомеріи, и не пощажу ни труда, ни времени пріѣхать оттуда въ то мѣсто, которое укажетъ императрица. Я при этомъ не имѣю никакихъ политическихъ видовъ и ни малѣйшаго намѣренія вступить съ ея в—ствомъ въ переговоры о какомъ-либо государственномъ дѣлѣ.“

Верженъ предъ Борятинскимъ постоянно разсыпался въ похвалахъ вооруженному нейтралитету. „Этотъ поступокъ императрицы увѣнчиваетъ ея славное царствованіе, говорилъ онъ; дай Боже одного, чтобъ вся Европа поняла прямой видъ человѣколюбивой и прозорливой вашей монархини; должно признаться, что во всѣхъ премудрыхъ дѣлахъ ея величества, первымъ правиломъ полагается наблюденіе достоинства, правосудія и твердости. Мы, съ своей стороны, всегда почитали, что добрая дружба съ Россіею для взаимныхъ интересовъ очень полезна, но настоящія дружескія теперь съ вами сношенія почитаемъ еще болѣе пріятными въ царствованіе великой вашей монархини, и какъ бы вы часто ни повторяли объ истинной дружбѣ моего государя къ императрицѣ, вы не выскажете всего; я вамъ скажу и болѣе: вся нація чрезвычайно довольна настоящею дружбою нашею съ вами. Я не знаю, какъ думаютъ другія державы и правящіе дѣлами ихъ министры; но я могу отвѣчать за короля и за всѣхъ насъ, что наше первое желаніе видѣть прекращеніе военныхъ бѣдствій. Я желаю, чтобъ мы

заключили миръ согласный съ достоинствомъ Франціи; но еслибъ король пожелалъ получить отъ этого мира такія выгоды, которыя бы повели въ политикѣ къ чувствительному перевѣсу въ нашу сторону, то я первый буду просить его величество опредѣлить другого на мое мѣсто, ибо думаю, что въ интересѣ Франціи не искать новыхъ пріобрѣтеній, а держаться въ своихъ предѣлахъ, и стараться объ одномъ, чтобъ установить настоящее въ политикѣ равновѣсіе, доставить всѣмъ и самимъ себѣ свободное мореплаваніе и торговлю. Весь свѣтъ, надѣюсь, въ томъ согласится, что Англія тиранствуетъ на морѣ и считаетъ себя владычицею этого вольнаго и общественнаго элемента; всѣ народы въ томъ интересованы, чтобъ низложить это иго; если же мы возьмемъ поверхность, то свѣтъ только перемѣнитъ тирановъ, т.-е. вмѣсто Англичанъ будутъ Французы. Но виды наши далеки отъ этого; мы въ этомъ случаѣ держимся одинаковыхъ мнѣній и правилъ съ русскою императрицею: мы желаемъ правосудія, чтобъ каждый народъ свободно пользовался прибылью отъ своихъ произведеній. Ея и. в—ство послѣднею декларацією всему свѣту открываетъ глаза относительно этой неоспоримой истины.“ Словами не ограничивались: съ русскими судами приказано поступать съ отмѣнною осторожностію и давать въ нужныхъ случаяхъ всякое вспомоществованіе. Это распоряженіе возбудило большіе толки въ публикѣ: люди, враждебные министерству, говорили, что не слѣдовало дѣлать такого отличія для Россіи, потому что это будетъ досадно прочимъ нейтральнымъ государствамъ, особенно участвующимъ въ защитѣ торговли. Но всѣ другіе единогласно отзывались, что такой знакъ уваженія короля къ императрицѣ не только умѣстенъ, но и вся вселенная должна бы слѣдовать этому примѣру въ вознагражденіе за вооруженный морской авторитетъ.“ Однимъ словомъ, писалъ Борятинскій Панину, имя ея величества произносится всѣми съ восторгомъ, ее почитаютъ владычицею міра, отъ нея ожидаютъ возстановленія спокойствія и блаженства роду человѣческому.“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр. 60 и въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто: фонъ Свитенъ, слѣдуетъ читать: фанъ Свитенъ.

Стр. 118 строки 16, 17 и 23, вмѣсто: Волошенниковъ, слѣдуетъ: Волошениновъ.

Стр. 193 строка 13 вмѣсто: пріятель послѣдняго, должно быть: пріятель его.

